

**Вестник Пермского
университета**

2014. Выпуск 3(25)

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Юридические науки

Рассматриваются фундаментальные и прикладные проблемы юридической науки. Исследуются современное состояние российского законодательства, правоприменительная практика, формулируются предложения по развитию и совершенствованию различных отраслей права. Анализируются теоретические и исторические аспекты государственно-правовых явлений, международное и зарубежное законодательство, проводится сравнительное изучение правовых институтов в России и других странах.

**Vestnik Permskogo
universiteta**

2014. Vypusk 3(25)

Nauchnyj zhurnal

Vyhodit 4 raza v god

Uchreditel': Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet»

Juridicheskie nauki

Rassmatrivajutsja fundamental'nye i prikladnye problemy juridicheskoy nauki. Issledujutsja sovremennoe sostojanie rossijskogo zakonodatel'stva, pravoprimeritel'naja praktika, formulirujutsja predlozhenija po razvitiyu i sovershenstvovaniju razlichnyh otraslej prava. Analizirujutsja teoreticheskie i istoricheskie aspekty gosudarstvenno-pravovyh javlenij, mezhdunarodnoe i zarubezhnoe zakonodatel'stvo, provoditsja sravnitel'noe izuchenie pravovyh institutov v Rossii i drugih stranah.

Perm University Herald

2014. Number №3(25)

Quarterly scientific journal

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education "Perm State National Research University"

Yuridical sciences

Fundamental and applied problems of juridical science are being considered. Under investigation is modern state of Russian legislature, law enforcement practice, suggestions of development and improvement in different branches of law are being formulated. Theoretical and historical aspects of state-law phenomena, international and foreign legislature are being analysed and legal institutions of Russia and other countries are being relatively investigated.

Ответственный ученый секретарь редакционного совета:

Голубцов Валерий Геннадьевич,

д.ю.н., заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета

Главный редактор журнала:

Кузнецова Ольга Анатольевна,

д.ю.н., профессор кафедры гражданского права,
заместитель декана по науке юридического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

© Редакционная коллегия, 2014

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Подписной индекс в каталоге ОАО «Роспечать»: 66011
Тел.: + 7(342)2396275, + 79638776699
Эл. почта: vesturn@yandex.ru
Сайт: <http://www.jurvestnik.psu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свид. о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-53179 от 14 марта 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андреева Татьяна Константиновна,

к.ю.н., заместитель Председателя Высшего арбитражного суда РФ, заслуженный юрист РФ;

Витрянский Василий Владимирович,

д.ю.н., профессор, заместитель Председателя Высшего арбитражного суда РФ в отставке,
заслуженный юрист РФ;

Красавчикова Лариса Октябрьевна,

д.ю.н., профессор, судья Конституционного суда РФ, заслуженный юрист РФ;

ЛаФордж Уильям Н.,

профессор кафедры стратегического менеджмента и общественной политики Школы бизнеса
Университета Джорджа Вашингтона;

Лушников Марина Владимировна,

д.ю.н., профессор, заместитель декана по научной работе юридического факультета
Ярославского государственного университета;

Маланин Владимир Владимирович,

д.ф.-м. н., президент Пермского государственного национального исследовательского университета,
заслуженный деятель науки РФ;

Марченко Михаил Николаевич,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного
университета, президент Ассоциации юридических вузов, заслуженный деятель науки РФ;

Мозолин Виктор Павлович,

д.ю.н., профессор;

Нешатаева Татьяна Николаевна,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой международного права Российской академии правосудия,
судья Суда Евразийского экономического сообщества от Российской Федерации;

Николюк Вячеслав Владимирович,

д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД РФ, заслуженный деятель науки РФ;

Новоселова Людмила Александровна,

д.ю.н., профессор, председатель Суда по интеллектуальным правам, заслуженный юрист РФ;

Оганян Оганес Арменакович,

д.т.н., председатель Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по экономической политике,
предпринимательству и собственности;

Рассел Вивер,

профессор Права Университета Луисвилла, Школа Права им. Льюиса Д. Брендиеса;

Свистунов Алексей Александрович,

к.ю.н., доцент, советник ректора Московской государственной юридической академии им. О.Е.Кутафина,
заместитель председателя учебно-методического объединения по юридическому образованию ВУЗов России,
председатель правления ассоциации юридического образования;

Средкова Красимира,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой трудового права и соцобеспечения Софийского университета;

Голубцов Валерий Геннадьевич,

д.ю.н., зав. кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета
(ответственный ученый секретарь совета)

EDITORIAL BOARD

Andreeva Tatiana Konstantinovna,

Ph. D of Law, Deputy of Chairman of the Highest Arbitration Court of the Russian Federation,
Honoured Lawyer of the Russian Federation;

Vitrianskij Vasilij Vladimirovich,

Ph. D of Law, Professor, Deputy of Chairman of the Highest Arbitration Court of the Russian Federation,
Honoured Lawyer of the Russian Federation;

Krasavchikova Larisa Oktiabrievna,

Ph. D of Law, Professor, Judge of Constitutional Court of the Russian Federation,
Honoured Lawyer of the Russian Federation;

William N. LaForge,

Professor of the Department of strategic management and social politics of Business School
of the University of George Washington;

Lushnikova Marina Vladimirovna,

Ph. D of Law, Professor, Deputy of Dean on scientific work of Law faculty
of the Yaroslavl State University;

Malanin Vladimir Vladimirovich,

Ph. D of sciences, President of the Perm State National Research University,
Honoured Scientist of the Russian Federation;

Marchenko Mikhail Nikolaevich,

Ph. D of Law, Professor, Head of the Department of theory of State and Law and political science
of the Moscow State University, President of the Association of juridical higher educational institutions,
Honoured Scientist of the Russian Federation;

Mozolin Victor Pavlovich,

Ph. D of Law, Professor;

Neshataeva Tatiana Nikolaevna,

Ph. D of Law, Head of the Department of international law of the Russian Academy
of Justice, Judge of the Highest Arbitration Court;

Nikoliuk Viacheslav Vladimirovich,

Ph. D of Law, Professor, the main member of staff of All-Russian scientific-research institute
of the Interior Ministry of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation;

Novoselova Liudmila Aleksandrovna,

Ph. D of Law, Professor, Judge of the Highest Arbitration Court of the Russian Federation,
Honoured Lawyer of the Russian Federation;

Oganes Armenakovich Oganyan,

Doctor of Technical Sciences, Chairman of the Russian Federation Federal Meeting Committee
for Economic Policy, Enterprise and Property;

Rassel Viver,

Professor of Law and Outstanding Scientist, University of Louisville, Louis D. Brandeis School of Law;

Svistunov Alexye Aleksandrovich,

Candidate of Juridical Sciences, Councillor of Head of the Moscow State University of Law
by the name O.E. Kutafin, Deputy Chairman of the Learning and Teaching Association for Legal Education of Russian
Higher Educational Establishments, Head of the Legal Education Association Board;

Sredkova Krasimira,

Ph. D of Law, Professor, Head of the Department of labour law and social security of the Sofia University;

Golubtsov Valerij Gennad'evich,

Ph. D of Law, Head of the Business Law, Civil and Arbitration Procedure
Chair (executive secretary of academic council);

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Борисевич Галина Яковлевна,

к.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Боровых Любовь Витальевна,

к.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовного права и прокурорского надзора
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Васильева Юлия Валерьевна,

д.ю.н., профессор кафедры трудового права и международного права
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Замараева Зинаида Петровна,

д.соц.н., профессор, зав. кафедрой социальной работы
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кодан Сергей Владимирович,

д.ю.н., профессор кафедры теории государства и права
Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург;

Кочев Владимир Александрович,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой конституционного и финансового права
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кузнецова Ольга Анатольевна,

д.ю.н., профессор кафедры гражданского права, заместитель декана по науке
юридического факультета Пермского государственного
национального исследовательского университета, г. Пермь – главный редактор; (перенести строку в такой вид).

Майфат Аркадий Викторович,

д.ю.н., профессор кафедры гражданского права
Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург; (перенести строку в такой вид).

Михайлов Сергей Георгиевич,

к.ю.н., профессор, декан юридического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Москалев Александр Васильевич,

д.ю.н., профессор кафедры конституционного и финансового права
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Прошляков Алексей Дмитриевич,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой уголовного процесса
Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург;

Реутов Валерий Павлович,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Тужилова-Орданская Елена Марковна,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Института права
Башкирского государственного университета, г. Уфа;

Щенникова Лариса Владимировна,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой гражданского права
Кубанского государственного университета, г. Краснодар

EDITORIAL STAFF

Galina Yakovlevna Borisevich,

Candidate of Juridical Sciences Head of the Criminal Law and Procedure Chair
Perm State National Research University, Perm;

Lubov Vitalyevna Borovykh,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Criminal Law and Prosecutor Supervision Chair
Perm State National Research University, Perm;

Yulia Valeryevna Vasilyeva,

Doctor of Juridical Sciences, Professor Labor Law and International Law Chair
Perm State National Research University, Perm;

Zinaida Petrovna Zamaraeva,

Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Social Work Chair
Perm State National Research University, Perm;

Argira Veleryanovna Ignatenko,

Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Theory and History of the State and Law Chair
The Urals State Law Academy, Yekaterinburg;

Sergey Vladimirovich Kodan,

Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Theory of the State and Law Chair
The Urals State Law Academy, Yekaterinburg;

Vladimir Aleksandrovich Kochev,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Constitutional and Finance Law Chair
Perm State National Research University, Perm;

Olga Anatolyevna Kuznetsova,

Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Civil Law Chair, Deputy Dean for Scientific
Affairs of the Law Faculty Perm State National Research University, Perm – Editor in Chief;

Arkadiy Viktorovich Maifat,

Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Civil Law Chair
The Urals State Law Academy, Yekaterinburg;

Sergey Georgievich Mikhailov,

Candidate of Juridical Sciences, Professor, Dean of the Law Faculty
Perm State National Research University, Perm;

Aleksandr Vasilyevich Moskalev,

Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Constitutional and Finance Law Chair
Perm State National Research University, Perm;

Aleksey Dmitrievich Proshlyakov,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Criminal Procedure Chair
The Urals State Law Academy, Yekaterinburg;

Valery Pavlovich Reutov,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Theory and History of the State and Law Chair
Perm State National Research University, Perm;

Heyno Aleksandrovich Siygur,

Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Tartu University, Estonia;

Elena Markovna Tuzhilova-Ordanskaya,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Civil Law Chair
The Institute of Law, Bashkir State University, Ufa;

Larisa Vladimirovna Shchennikova,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Civil Law Chair, Kuban State University, Krasnodar

Содержание

I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	10
Гонцов Н.И., Реутов В.П. (г. Пермь). О юридической природе и видах предписаний, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации	10
Тимошенко В.И. (г. Киев). Социально-психологические факторы противоправного поведения	23
Фетюков Ф.В. (г. Екатеринбург). Эволюция представлений о сущности и содержании понятия «функции государства»	33
II. КОНСТИТУЦИОННОЕ, МУНИЦИПАЛЬНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	44
Василенко А.И. (г. Пермь). Принятие закона «Об иностранных агентах» как первый этап на пути к правовому регулированию лоббистской деятельности в России	44
Иванова О.А., Телегин А.С. (г. Пермь). Единовременная социальная выплата для приобретения жилого помещения государственным служащим: анализ практики применения законодательства	59
Загоруйко И.Ю., Колесень Е.В. (г. Пермь). Актуальные вопросы таможенного права как прикладной юридической науки	73
Дешко Л.Н. (г. Донецк). Национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека, в системе организационно-правовых гарантий прав и свобод человека и гражданина	83
III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС	92
Васильев В.В. (г. Тверь). Стабильность частноправового регулирования как общепризнанный принцип международного права и принцип гражданского права Российской Федерации	92
Виниченко Ю.В. (г. Иркутск). Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота	98
Гладковская Е.И. (г. Краснодар). Семейный договор как основание изменения законного режима имущества супругов	116
Матвеев А.Г. (г. Пермь). Создание правовых основ так называемых свободных лицензий в Гражданском кодексе Российской Федерации	125
Морозов С.Ю. (г. Ульяновск). Рецензия на монографию Гришиной Я.С. на тему: «Механизм взаимодействия частных и публичных средств обеспечения социально-имущественных потребностей в условиях моделирования юридической конструкции социального предпринимательства»	136
Ягунова Е.Е. (г. Нижний Новгород). К вопросу о структуре единого недвижимого комплекса	141
IV. ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	149
Манджиева С.В. (г. Москва). Становление и развитие универсальных международных стандартов социального обеспечения	149
Шуралева С.В. (г. Пермь). Регулирование дистанционной работы с иностранным элементом в эпоху глобализации: взгляд с позиций трудового права России	156
V. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС, КРИМИНОЛОГИЯ	164
Васкэ Е.В., Куракина О.И. (г. Нижний Новгород). Политический экстремизм: миф или особый путь, ведущий к катастрофе?	164

<i>Воронин В.Н.</i> (г. Москва). Разграничение принципов справедливости и индивидуализации при назначении наказания и их влияние на качество уголовного закона	169
<i>Махов В.Н.</i> (г. Москва). Стадию возбуждения уголовного дела целесообразно поэтапно преобразовать в стадию полицейского дознания.....	180
<i>Степанов В.В.</i> (г. Пермь). Правовая природа обстоятельств, исключающих юридическую ответственность.....	186
VI. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	196
<i>Семешко А.И., Куранов В.Г.</i> (г. Пермь). Регламентация отношений в сфере здравоохранения нормами профессиональных медицинских организаций на региональном международном уровне.....	196

Contents

I. THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW	10
<i>Gontsov N.I., Reutov V.P.</i> (Perm City). About the Legal Nature and Types of Orders Contained in the Regulations of the Russian Federation Supreme Court Plenary Session.....	10
<i>Tymoshenko V.I.</i> (Kiev City). Psychological Factors of Unlawful Conduct.....	23
<i>Fetyukov F.V.</i> (Yekaterinburg City). Evolution of Ideas about the Substance and Contain of the Concept of «State Functions»	33
II. CONSTITUTIONAL, MUNICIPAL AND FINANCIAL LAW.....	44
<i>Vasilenko A.I.</i> (Perm City). Adopting of the «Foreign Agents Act» as a First Stage Towards Legal Regulation of Lobbying in Russia	44
<i>Ivanova O.A., Telegin A.S.</i> (Perm City). Lump-Sum Social Payment for the Acquisition of Living Quarters by State Officer: the Analysis of the Practice of the Use of Legislation.....	59
<i>Zagoruiko I.Yu., Kolesen E.V.</i> (Perm City). Topical Issues of the Customs Law as Applied Yuridical Science.....	73
<i>Deshko L.N.</i> (Donetsk City). National Institutions for the Promotion and Protection of Human Rights in the System of the Organizational and Legal Guarantees of Rights and Freedoms of a Person and a Citizen	83
III. CIVIL LAW AND PROCEEDINGS.....	92
<i>Vasilyev V.V.</i> (Tver City). The Stability of Private Law Regulation as a Generally Accepted Principle of International Law and the Principle of Civil Law Russian Federation.....	92
<i>Vinichenko Yu.V.</i> (Irkutsk City). Reasonableness and Justice as a Principles of the Civil Law and the Beginning of Functioning of the System of Civil Circulation.....	98
<i>Gladkovskaya E.I.</i> (Krasnodar City). Family Contract as a Ground to Change Spouses' Property Legal Regime.....	116
<i>Matveev A.G.</i> (Perm City). Construction of the Legal Basis of So-called Free Licenses in the Civil Code of the Russian Federation.....	125
<i>Morozov S.Yu.</i> (Ulyanovsk City). Review of Grishina Ya.S. Monograph. On the Subject: «Mechanism of Interaction of Private and Public Tools of Ensuring of Social and Property Requirements for Conditions of Modelling of the Legal Construction of Social Business».....	136
<i>Yagunova E.E.</i> (Nizhniy Novgorod City). Structure of the Single Real Estate Complex System as an Issue for Debate	141
IV. LABOR LAW AND THE LAW OF SOCIAL PROVISION	149
<i>Mandzhieva S.V.</i> (Moscow City). Development of Universal International Social Security Standards	149
<i>Shuraleva S.V.</i> (Perm City). The Regulation of Distant Work with a Foreign Element in the Age of Globalization: from the Point of View of the Russian Labor Law.....	156
V. CRIMINAL LAW AND PROCEDURE, CRIMINOLOGY.....	164
<i>Vaske E.V., Kurakina O.I.</i> (Nizhniy Novgorod City). Political Extremism: Myth or Custom Path Leading to Disaster?.....	164
<i>Voronin V.N.</i> (Moscow City). Distinction Principles of Justice and Individualization in Sentencing and Their Impact on the Quality of Criminal Law.....	169
<i>Makhov V.N.</i> (Moscow City). It is Practicable to Gradually Transform the Phase of Initiating a Criminal Case Into the Phase of the Police Inquiry Phase	180
<i>Stepanov V.V.</i> (Perm City). The Nature of the Liability-Excluding Circumstances.....	186

VI. FOREIGN LAW	196
<i>Semeshko A.I., Kuranov V.G. (Perm City). Regulation of the Relationships in Healthcare by the Norms of Professional Medical Organizations on the International Regional Level.....</i>	196

I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 349.21

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ И ВИДАХ ПРЕДПИСАНИЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н.И. Гонцов

Кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и социального обеспечения
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: ktpiso@live.ru

В.П. Реутов

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: tgp@psu.ru

Аннотация: **Введение:** Статья посвящена юридической природе предписаний, содержащихся в постановлениях пленумов высших судебных инстанций Российской Федерации. **Результаты:** Анализируется, в частности, природа актов Верховного Суда Российской Федерации. Отмечается, что существует единство мнений по поводу того, что в актах Верховного Суда зачастую формулируются модели будущих норм права, выявляются пробелы и недостатки существующих нормативных актов. Однако вырабатываемые Верховным Судом правила носят далеко не одинаковый характер. С учетом суждений ряда известных авторов (Н.Н. Вопленко, П.А. Гук) авторы статьи анализируют на примере положений, содержащихся в двух постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятых 28 января 2014 г., юридическую природу, виды и место их в правовой системе. Утверждается, что часть положений представляет собой по содержанию аналог преамбул нормативных актов. Следующей группой предписаний, сформулированных в анализируемых актах, являются положения, представляющие собой итог официального нормативного толкования. Они могут лишь содержать констатацию воли законодателя и не содержать элементов новизны. Но в постановлениях Пленума Верховного Суда, принятых 28 января 2014 г. содержится значительное количество положений, выходящих за рамки толкования и содержащих по существу новые правовые нормы. Согласиться с признанием возможности создания Верховным Судом таких положений трудно. Не может быть использовано в качестве аргумента для признания обязательности таких положений понятие «правовая позиция суда». Это понятие отличается, нечеткостью содержания. Использование его приведет к подрыву принципа законности. **Выводы:** Грань между положениями, представляющими собой итог официального толкования, и положениями, являющимися, по существу, новыми нормами, зачастую размыта, установить ее не всегда просто. Но она существует и ее следует соблюдать.

Ключевые слова: постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации; акты судебного толкования; нормы, создаваемые Верховным Судом РФ; правовые позиции судов; грань между толкованием и созданием новых норм Верховным Судом РФ

Теоретические аспекты исследуемой проблемы

Вопрос о юридической природе предписаний, содержащихся в постановлениях

пленумов высших судебных инстанций, давно находится в центре внимания юридической науки. Этому посвящены многочисленные монографии, статьи, диссертации и т.д. Разброс мнений и оценок, однако, настолько значителен, что затрудняет даже

выделить сколько-нибудь существенные «точки согласия». Пожалуй, согласие имеется, прежде всего, по вопросу о том, что акты высших судебных инстанций (здесь речь пойдет об актах Верховного Суда Российской Федерации, ибо статус Конституционного Суда отличается серьезной спецификой) играют существенную роль в правотворчестве. Содержащиеся в них правовоположения выступают в качестве прообразов будущих норм, закрепляются впоследствии законодателем в нормативных актах.

Сформулированные высшими судебными органами модели будущих норм играют роль промежуточного этапа, звена в процессе формирования правовой нормы. Одновременно они свидетельствуют о необходимости изменений в законодательстве и предлагают почти готовый вариант, «черновой набросок» будущей нормы [13, с. 86]. Выявляя пробелы и недостатки в законодательстве, они должны служить побудительным мотивом и основой использования высшими судебными органами принадлежащего им права официальной законодательной инициативы.

Исследуя эту проблему, И.В. Колесник допускает возможность самостоятельного существования положений, сформулированных высшими судебными инстанциями, но справедливо пишет о том, что более оптимальным было бы развитие связи правотворчества и правоприменения без совмещения этих функций в одном лице. Нынешняя система правового мониторинга позволяет, по мнению авторов, оперативно инициировать в необходимых случаях правотворческий процесс [8, с. 29].

Другой «точкой согласия» при изучении проблем судебной практики является признание различий в юридической природе содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ предписаний. Так, описывая возможные направления дальнейшего изучения проблем судебной практики, П.А. Гук насчитал десять разновидностей таких предписаний. В числе их им, например, названы напоминания о необходимости правильного применения закона, толкование, разъяснение действующих норм, конкретизирующие нормы правопо-

ложения, прецеденты Европейского Суда по правам человека и другие [7, с. 93–95].

Выводы П.А. Гука заслуживают внимательного изучения. Но вряд ли можно с ним согласиться, в частности, когда он почти в каждом случае заканчивает анализ напоминанием о том, что данный вид предписаний обязателен для судов. В принципе, это действительно так. Ибо п. 3 ст. 5 закона «О Верховном Суде Российской Федерации» требует от Пленума Верховного Суда обеспечить единство судебной практики [10]. А сделать это иначе, чем снабдить предписания атрибутом обязательности невозможно. Однако степень обязательности и характер предписаний, видимо, не могут быть одинаковы.

Именно на это обращает внимание Н.Н. Вопленко. Со ссылками на результаты многочисленных исследований проблем судебной практики автор отмечает наличие множества нормативных явлений, порождаемых правоприменительной практикой высших судебных органов. При этом Н.Н. Вопленко справедливо сетует на то, что разные авторы вкладывают в содержание понятий, обозначающих нормативные элементы практики, свой специфический смысл.

С учетом проведенного Н.Н. Вопленко анализа можно согласиться, по существу, с предлагаемым им подходом к характеристике основных видов нормативных и близких им по смыслу предписаний, содержащихся в актах высших судебных инстанций, в частности, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Так, Н.Н. Вопленко пишет о прецеденте толкования, прецеденте применения, правовоположении, деловом обыкновении [5, с. 315]. По поводу использования терминов прецеденты толкования и прецеденты применения остаются серьезные сомнения. Их можно использовать, да и то достаточно условно, когда речь идет о ссылке на конкретный случай. Но и тут полной аналогии с прецедентом, присущим англосаксонскому праву, быть не может. Но если вести речь о природе предписаний, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, то речи о прецедентах здесь вообще быть не может. Вызывает сомнение и необходи-

мость выделения такого элемента как деловые обыкновения (организационные обычаи). Скорее всего они вполне укладываются в другие разновидности предписаний, ибо выделены по иному основанию.

Подчеркнем еще раз, что термин «прецедент» совершенно не годится для характеристики предписаний, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда, ни в его классическом понимании, характерном для англосаксонского права, ни для обозначения положений, создаваемых судебной практикой в процессе толкования и конкретизации правовых норм.

Прецедент возник в других условиях, приспособлен к иным подходам и методам регулирования и не может выступать в качестве формы выражения и закрепления содержания правовых норм в условиях Российской правовой системы. Прецедент не лучше и не хуже нормативных актов, он просто «не стыкуется» в полной мере с нормативными актами, создаваемыми в странах с континентальными правовыми системами, ибо последние отличаются большей степенью формальной определенности. Даже в случае судебных решений, принимаемых международными судебными органами, в частности, Европейским судом по правам человека, и решений, принимаемых Конституционным судом РФ, их оценка как имеющих прецедентный характер не бесспорна и разделяется не всеми [14, с. 67–68].

Для дальнейшего анализа необходимо сделать еще одно замечание. П.А. Гук перечисляет в упомянутой работе разновидности предписаний, исходящих от Пленума Верховного Суда, не связывая их между собой в определенной последовательности. Вопленко Н.Н., напротив, настаивает на постепенном возрастании значимости от низшего («прецедента толкования») к высшему («деловым обыкновениям»).

Дело, видимо, в том, что анализ Н.Н. Вопленко во многом связан с обоснованием предлагаемого им правотворческого толкования [5, с. 337]. Действительно, для описания и обоснования перехода положений, сформированных практикой, в закон это необходимо. У П.А. Гука этого нет, ибо цели его анализа иные – показать различ-

ную природу правовых предписаний, содержащихся в актах высших судебных инстанций и, в частности, в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Анализ актов Пленума Верховного Суда РФ

Следует подчеркнуть, что перед авторами данной публикации стоит достаточно скромная задача – попытаться определить природу и классифицировать отмеченные предписания. Очевидно, их можно классифицировать по самым различным основаниям. В частности, по относимости к одной из отраслей права или одновременно к нескольким отраслям, по адресатам, которым направлены предписания и т.д.

Но важнее классификация, в основание которой положены особенности юридической природы, степень обязательности и место предписания в правовой системе. (Скорее всего все три признака тесно связаны между собой и являются проявлением единой сущности анализируемого явления). В качестве объекта исследования ограничимся двумя недавно принятыми актами: постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. №1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» и постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. №2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» [15]. (В дальнейшем – постановление №1 и №2).

Обращает на себя внимание тот факт, что оба постановления открываются пунктами, в которых содержится напоминание о целях правового регулирования в областях, ставших предметом внимания высшей судебной инстанции. В постановлении №1 говорится, в частности, о том, что целью правового регулирования в данной области является создание благоприятных и безопасных условий труда (п. 1). В постановлении №2 в п. 1 говорится о важности регулирования производства в суде кассационной инстанции как гарантии законности судебных решений по уголовным делам и реализации

конституционного права граждан на судебную защиту.

Для специалистов в указанных областях сразу становится очевидно, что в отмеченных пунктах дословно воспроизведены соответствующие положения Трудового и Уголовно-процессуального кодексов и эти пункты не несут на себе непосредственно регулирующей функции.

Нет оснований считать, что названные и другие подобные пункты постановлений излишни, не имеют смысла и т.д. Скорее всего они необходимы, ибо напоминают судьям и иным правоприменителям важные и принципиальные положения правового регулирования. Они не содержат ни уточняющих, конкретизирующих положений, ни разъяснений смысла используемых терминов или содержания правовых норм. Их влияние на процесс правового регулирования может осуществляться лишь косвенно, опосредованно, через воздействия на правосознание участников данного процесса. Соответственно определяется и их место в правовой системе – среди идейно-нравственных факторов, влияющих на принимаемые правоприменительные решения.

Они во многом напоминают по своей юридической природе и назначению преамбулы нормативных актов. В специальных исследованиях, посвященных роли и значению преамбул нормативных правовых актов, отмечается, что преамбулы выполняют функции программирования, информационно-познавательную, координирующую и ряд других. В конечном счете преамбула выступает особым регулятором общественных отношений [2, с. 130–140].

Следующей группой предписаний, сформулированных в анализируемых актах, являются положения, представляющие собой итог легального нормативного судебного толкования. Необходимо заметить, что и в анализируемых постановлениях, и других подобных актах данные предписания занимают по приблизительным подсчетам не менее двух третьих общего количества пунктов.

Однако предписания, представляющие собой результат толкования норм права, по природе своей носят далеко не одинаковый характер. Начнем с тех, которые можно

назвать классическими. Они не содержат элементов новизны, представляют собой констатацию воли законодателя, выявленную традиционными (грамматическим, логическим, специально-юридическим) методами толкования. Указанные положения по объему могут быть буквальными, ограничительными или расширительными. Но все они, как уже отмечено, не содержат элементов нового, попыток вторжения в сферу законодателя, находятся полностью в сфере правоприменения.

Примером такого рода предписаний может быть п.3 постановления №1, в котором определяется дискриминация в сфере труда со ссылкой на Конвенцию Международной организации труда 1958 г. №111 и статью 3 ТК РФ и затем делается вывод о том, что в отношении женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних не допускается различия при приеме на работу, установлении оплаты труда, продвижения по службе и т.д., не основанные на деловых качествах работников, характеристиках условий труда.

Такой же характер носят предписания, содержащиеся в п. 3 постановления №2. В нем указано, что производство в суде кассационной инстанции осуществляется с соблюдением установленным УПК РФ требованием инстанционности, в соответствии с которым кассационная жалоба и представление рассматриваются в нижестоящем, а затем в вышестоящем суде кассационной инстанции. Поэтому жалоба может быть рассмотрена в коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ при условии, что она была предметом рассмотрения президиумом нижестоящего суда. Это правило, считает Пленум Верховного Суда РФ, распространяется и на другие судебные акты. Данный вывод не содержит ничего нового. Он прямо вытекает из содержания соответствующих статей УПК.

Что касается заключительного абзаца п. 3 постановления №2, то сформулированное здесь правило не столь очевидно вытекает непосредственно из норм УПК. В нем говорится, что кассационная жалоба или представление, в которых одновременно обжалуется приговор и постановление судьи, вынесенное в порядке исполнения

приговора, подлежат рассмотрению судом кассационной инстанции, правомочным пересматривать приговор, независимо от того, судьей какого районного суда (этого же или другого субъекта Российской Федерации) выносилось решение в порядке исполнения приговора.

На первый взгляд это положение носит характер нового правила, ибо прямое указание такого рода в УПК отсутствует. Но представляется, что оно все-таки является результатом официального судебного толкования опять же с элементами расширительного характера. Используя принцип процессуальной экономии, исходя из цели максимальной защиты прав осужденных (телеологический способ толкования), суд пришел к выводу, что данный порядок соответствует содержанию норм УПК о подсудности. Здесь, как и в первом случае, нет вторжения суда в сферу правотворчества. Суд вправе формулировать такого рода положения, являющиеся итогом легального толкования.

В связи с анализом данных положений необходимо выяснить еще два момента, связанных с их природой. Во-первых, решить, следует ли считать их создание конкретизацией правовых норм? Здесь все зависит от понимания самого термина конкретизация. Если конкретизацию понимать широко, включая правотворческую конкретизацию, конкретизацию принципов права в процессе правоприменения, то, в известном смысле, эта деятельность может рассматриваться и как конкретизация, в данном случае, принципа гуманизма.

Но если рассматривать конкретизацию в более узком значении, как конкретизацию законодательства в процессе правоприменения, то здесь нет конкретизации. Или можно согласиться с существованием предлагаемого в специальных исследованиях особого вида конкретизации – праворазъяснительной [1, с. 21].

Во-вторых, необходимо сопоставить создаваемые в результате толкования положения с часто используемым в работах понятием правоположения как итога, результата единообразного решения практикой, прежде всего, судебной, определенных вопросов. В литературе, в которой затрагива-

ется данная проблема, превалирует точка зрения, в соответствии с которой правоположения формируются судебной или иной правоприменительной практикой в результате конкретизации в собственном (узком) смысле слова правовых норм. В частности, когда суд или иной правоприменительный орган наполняет конкретным содержанием термины, оценочные понятия, устраняет языковые погрешности нормативных актов и т.д. [9, с. 10].

Справедливости ради следует заметить, что в литературе отмечается и наличие других подходов к понятию правоположения. В частности, правоположения отождествляются с итогом любой конкретизации, с понятием нормы права и способа решения коллизий и т.д. [16, с. 329–331]. Но с учетом изложенного можно сделать вывод о том, что создаваемые в результате толкования выводы не являются правоположениями, конкретизирующими правовые нормы. Может быть, точнее сказать, как уже отмечалось, что здесь имеет место особый вид конкретизации – конкретизация в процессе толкования.

Именно такой подход один из авторов настоящей статьи отстаивал еще много лет тому назад [12, с. 116–117]. Термин правоположение, скорее всего, необходимо использовать, прежде всего, в тех случаях, когда высшие судебные инстанции в результате обобщения практики нижестоящих судов по конкретным делам или по собственной инициативе принимают решение с применением аналогии закона или аналогии права. Учитывая реально существующую на сегодняшний день ситуацию, связанную с тем, что высшие судебные органы, как будет показано далее, зачастую вторгаются в сферу законодателя, данный термин допустим, прежде всего, для обозначения тех правил, которые сформулированы судом, «готовы» и нуждаются в перенесении их в соответствующие нормативные акты.

Кроме проанализированных, в актах Пленума Верховного Суда немало и иных положений, содержание которых выходит за рамки смысла, вложенного в нормы, ставшие предметом внимания Верховного Суда, законодателем. Примеров такого рода достаточно, в частности, в постановлении №1.

Так, ч. 4 п. 2 указанного акта гласит, что к лицам, воспитывающим детей без матери, кроме отца, опекунов и попечителей, могут быть отнесены и иные лица. Но ст. 264 ТК РФ дает строго исчерпывающий перечень лиц, имеющих право на гарантии и льготы в связи с воспитанием детей без матери. Об иных лица там не упоминается. Как известно, исчерпывающие перечни расширительному толкованию не подлежат.

Часть 3 пункта 6 постановления №1 содержит указание, что если один из родителей возражает против заключения трудового договора с лицом в возрасте от 14 до 15 лет, необходимо учитывать мнение самого несовершеннолетнего и органа опеки и попечительства. В ст. 63 ТК РФ, посвященной регулированию данных вопросов, такого положения нет. Суд явно вышел за пределы своих полномочий и вторгся в сферу законодателя. Тем более что это положение не согласуется со ст. 65 Семейного кодекса РФ, в которой говорится о том, что все вопросы воспитания и образования рассматриваются по взаимному согласию родителей, а в случае его отсутствия спор решается судом. Учет мнения ребенка в СК РФ предусмотрен только в отношении определения судом места жительства детей. Устанавливая данное правило, суд, по существу использовал аналогию закона, применив нормы, относящиеся к воспитанию и образованию, к регулированию трудовых отношений. Строго говоря, и необходимости в этом никакой нет. Субъектом в данных отношениях является подросток от 14 до 15 лет, подавший заявление о приеме на работу. О чем еще его мнение надлежит выслушать?

Практически такой же характер носит и еще ряд пунктов анализируемого постановления. Так, ч. 3 п. 13, посвященного регулированию проблем рабочего времени, говорит о том, что неполный рабочий день должны иметь не только лица, указанные в ст. 93 ТК РФ, но и другие лица, воспитывающие детей в возрасте до четырнадцати лет. Но опять же это не дело суда – расширять исчерпывающий перечень, установленный законодателем.

Серьезные вопросы возникают и при анализе ч. 1 и ч. 2 п. 13 постановления №1.

Пленум Верховного Суда сформировал правило, согласно которому для женщин, работающих в сельской местности, в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, установлена 36-часовая рабочая неделя, если меньшая продолжительность рабочей недели не установлена трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором. При этом заработная плата выплачивается в том же размере, что и при полной рабочей неделе. В обосновании этого Верховный Суд ссылается на ст. 320 ТК РФ и Постановление Верховного Совета РСФСР от 1 ноября 1990 г. №298/3-1 «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, семьи, охраны материнства и детства на селе».

С подобной трактовкой Верховным Судом указанных положений трудно согласиться, так как женщины, работающие в сельской местности и женщины, работающие в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям – это разные категории работников, труд которых регулируется по-разному в различных нормативных актах. Согласно ст. 320 ТК РФ сокращенная 36-часовая рабочая неделя для женщин, которые трудятся в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям устанавливается коллективным договором или трудовым договором, если меньшая продолжительность рабочей недели не предусмотрена для них федеральными законами. Поэтому обязанности установления 36-часовой рабочей недели для этой категории женщин Трудовой кодекс не содержит, тогда как Верховный Суд формулирует данное правило как императивное, что противоречит указанной статье кодекса. Из содержания ст. 320 ТК РФ следует вывод о том, что если в договорном порядке для данной категории женщин не установлено сокращенное рабочее время, то в отношении них будет действовать общее правило, согласно которому рабочая неделя не должна превышать 40 часов. Но в соответствии с этим и работа в течение 40 часов в неделю не будет расцениваться как сверхурочная (превышающая 36-часовую норму), а зна-

чит, не должна оплачиваться в повышенном размере, как того требует ч. 2. п. 13 постановления №1. Все сказанное свидетельствует о том, что в данном случае Верховный Суд вторгся в сферу законодателя и внес существенные изменения в ст. 320 ТК РФ, на что полномочий у высшего судебного органа нет.

Применительно к рассматриваемой ситуации может быть уместно вспомнить закон РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям» от 19 февраля 1993 г. №45-20-1. Согласно ст. 22 этого акта для женщин, работающих в районах крайнего севера и приравненных к ним местностям, устанавливается 36-часовая рабочая неделя, если меньшая продолжительность рабочей недели не предусмотрена для отдельных категорий женщин иными законодательными актами Российской Федерации. Данный закон сформулировал это правило как императивное и Верховный Суд в анализируемом постановлении трактует его таким же образом, но соответствующая норма определена в кодексе, который, во-первых, имеет большую юридическую силу и, во-вторых, является актом более поздним по времени принятия, что означает отмену ранее действовавших аналогичных правил. Поэтому руководствоваться следует нормами Трудового кодекса.

В поддержку названных правил, установленных Верховным Судом, можно указать на то, что они улучшили условия труда женщин в районах Крайнего Севера, так как обязывают работодателей устанавливать для них сокращенную рабочую неделю с сохранением полной оплаты труда, хотя такой обязанности у них по закону нет. В этом случае также нужно констатировать, что подобных полномочий Верховный Суд не имеет, это сфера действия законодателя.

Иная ситуация с другой категорией женщин — тех, кто работает в сельской местности. В соответствии с указанными выше постановлением Верховного Совета РСФСР от 1 ноября 1990 г. для них устанавливается 36-часовая рабочая неделя, если меньшая продолжительность рабочей недели не предусмотрена иными законодатель-

ными актами. При этом заработная плата выплачивается в том же размере, что и при полной продолжительности еженедельной работы. Иначе говоря, данная норма сформулирована императивно, чем принципиально отличается от ст. 320 ТК РФ, поэтому толкование Верховным Судом этого правила адекватно содержанию анализируемого нормативного акта.

Подводя итог приведенным рассуждениям в отношении п. 13 постановления №1 Пленума Верховного Суда, следует подчеркнуть, что в данном случае высший судебный орган необоснованно объединил в одну группу работников с одинаковым режимом работы две разные категории женщин, для которых по-разному устанавливается рабочее время. Тем самым Верховный Суд создал новую норму права, на что он не уполномочен.

Анализируя практику, складывающуюся в связи с рассмотрением исков женщин, уволенных во время беременности, Верховный Суд в указанном постановлении по существу сформулировал ряд новых норм, дополняющих ст. 261 ТК. В частности, определил, как нужно формулировать основание увольнения, когда ко времени рассмотрения спора организация ликвидирована, какую дату при этом следует считать датой увольнения и др. (ч. 3 п. 24). Совершенно очевидно, что это не прерогатива суда. Данные правила должны устанавливаться соответствующими органами в процессе правотворчества.

Оценка ряда пунктов постановления №1 как включающих положения, выходящие за рамки толкования и содержащих по существу новые нормы, конкретизирующие и дополняющие действующие, в известной мере относятся и к отдельным правилам, сформулированным в постановлении №2. Так, ч. 1 п. 9 постановления предусматривает, что пропущенный при подаче кассационной жалобы, предусмотренный ст. 401.6 УПК РФ годичный срок, в течение которого допускается поворот к худшему при пересмотре судебного решения в кассационном порядке, восстановлению не подлежит вне зависимости от уважительности причины его пропуска. Более того, в постановлении указано, что даже если постановление о пе-

редаче жалобы в кассационную инстанцию было вынесено до истечения годичного срока, ходатайство не рассматривается.

Нетрудно догадаться, что этими правилами Верховный Суд защищает интересы осужденных. Но законность данной новеллы далеко не бесспорна. Пункт 3 статьи 401.2 УПК РФ совершенно четко и однозначно предусматривает возможность восстановления пропущенного по уважительной причине годичного срока обжалования судебных актов в кассационную инстанцию. Устанавливая исключение из этой нормы, суд вышел за пределы своей компетенции, подменив законодателя, установил новые нормы. Интересно, что и ст. 389.5, на которую ссылается законодатель в ст. 401.2 УПК, также не содержит никаких ограничений.

При анализе этого вопроса необходимо учитывать, что ст. 401.1 УПК о предмете судебного разбирательства в кассационном порядке предусматривает проверку законности судебных актов. Статья 401.16 УПК о пределах прав суда кассационной инстанции предусматривает право суда на проверку производства по уголовному делу в полном объеме. Да и п. 22 анализируемого постановления со ссылкой на ст. 401.16 УПК также требует устранять выявленные в процессе заседания существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона. Как можно реализовать эти требования, если участник процесса, пропустивший по уважительной причине срок на подачу кассационной жалобы, лишен права на ее рассмотрение?

В данном случае налицо столкновение интересов участников процесса. Он решен судом в пользу осужденных. Но при этом возникает явная угроза законности и обоснованности вступивших в законную силу судебных актов. Вопрос этот принципиальный, его должен решать законодатель с учетом всех возможных последствий, как социально-нравственных, так и юридических. А у суда сохраняется право на отстаивание своей позиции, воспользовавшись правом официальной законодательной инициативы, предусмотренной Конституцией Российской Федерации.

Итак, на основе анализа двух Постановлений Верховного Суда можно сделать вывод о том, что содержащиеся в них предписания фактически носят характер официального толкования (разъяснения) правовых норм, зачастую расширительного или ограничительного характера, либо толкования с элементами правотворчества (правотворческое толкование Н.Н. Вопленко). Оба эти вида предписаний могут рассматриваться как конкретизация правовых норм. Но природа предписаний, как и природа конкретизации далеко не одинакова. Если создание первого вида предписаний со стороны Верховного Суда не может вызывать возражений, то с признанием возможности создания предписаний второго вида согласиться трудно.

Не колеблет данный вывод существование особой разновидности конкретизации – конкретизации высшими судебными инстанциями так называемых оценочных понятий. В специальной литературе отмечается, что оценочные понятия используются прежде всего в случаях, когда содержанию того или иного термина сложно подобрать адекватное определение. Тогда правоприменители прибегают к иному приему, сходному с формулированием определения. Это разъяснение слов или словосочетаний путем непосредственного указания предметов действий или ситуаций, обозначенных этими словами или словосочетаниями.

Примером из постановления №1 может служить ч. 2 п. 28, где описывается понятие «одинокая мать» как мать, воспитывающая детей без отца, если отец умер, лишен родительских прав, ограничен в родительских правах, признан безвестно отсутствующим, недееспособным (ограничено дееспособным), не может воспитывать и содержать детей по состоянию здоровья, отбывает наказание в виде лишения свободы, уклоняется от воспитания детей, в иных ситуациях.

Данное понятие давно является предметом споров как в теории, так и особенно в правоприменительной практике. Суды при принятии решений по конкретным делам по-разному определяют его, что не способствовало единообразному правоприменению. Верховный Суд дал широкое толкова-

ние термина одинокой матери, считая, что к ним относятся любая женщина, которая одна фактически осуществляет родительские функции. Очевидно, с таким пониманием термина одинокой матери следует согласиться в силу, по крайней мере, двух причин. Во-первых, с общесоциальной демографической позиции. Число одиноких матерей возрастает в связи с разными обстоятельствами, прежде всего, это связано с распространением так называемого «гражданского брака». Поэтому на женщин, родивших ребенка вне юридически зарегистрированного брака возлагаются важные социальные функции. Во-вторых, с юридической точки зрения. Часть 4 статьи 261 ТК РФ, говорит о том, что одинокая мать, это женщина, **воспитывающая** ребенка одна (подчеркнуто авторами). Именно воспитывающая, а не родившая ребенка вне юридического брака, и не важно, в каких отношениях с ребенком находится отец. Отец, может, и проживает в семье, но, если он никак не участвует в воспитании ребенка, такую женщину следует признать одинокой матерью со всеми юридическими последствиями.

Интересный пример содержится и в постановлении №2. В пункте 21 описывается содержание оценочного понятия «нарушения, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия». Применительно к нарушениям уголовно-процессуального закона это сделано путем перечисления ряда конкретных статей УПК и общей фразы о том, что к такому относятся нарушения, которые лишили участников уголовного судопроизводства гарантированных законом прав на справедливое судебной разбирательство.

Оба приведенных примера показывают, что конкретизация оценочных понятий не отличается сколько-нибудь существенными особенностями. Это официальное толкование, зачастую с элементами расширительного или ограничительного характера. Возможны и ситуации, когда при конкретизации оценочного понятия суд выходит за рамки официального толкования, вносит элемент правотворчества. Существует и другой взгляд. Так, А.И. Овчинников полагает, что в случае толкования оценоч-

ных понятий, как и при любом нормативном толковании, имеет место правотворчество. Представляется, что для такого вывода нет достаточных оснований [11, с. 104].

Интересный факт, когда Пленум Верховного Суда РФ, попытавшись дать толкование таким понятиям, как «дополнительные материалы» и «проверка доказательств», в конце концов был вынужден обратиться в Государственную Думу с законодательной инициативой о внесении соответствующих изменений в УПК РФ, приводит Г.Я. Борисевич [3, с. 249].

В связи с рассматриваемыми вопросами необходимо остановиться еще на одной проблеме – так называемых правовых позициях судов. Им ныне посвящается немалое количество публикаций. Думается, что правы те авторы, которые предостерегают от интенсивного использования данного понятия, которое неизбежно ведет к неопределенности судебного решения, его рыхлости и нечеткости, подрыву основ законности. Использование понятия правовой позиции как формы (источника) права в условиях, когда само его содержание толкуется совершенно по-разному, недопустимо [4, с. 166].

На сегодняшний день за данным термином стоят явления, не имеющие строгого содержания. Это скорее термин из ряда таких, как «правовая материя», «правовая почва» и т.п. Использование его и ряда других подобных терминов способно лишь исказить природу анализируемых явлений, усложнить понимание исследуемых процессов [17, с. 114].

Выводы

Подведем некоторый итог. Акты, принимаемые Пленумом Верховного Суда РФ, содержат предписания, адресованные практически всем субъектам права. Но по своей природе и роли в правовой системе они отличаются друг от друга. Ряд положений напоминают преамбулы нормативных актов. Большая часть предписаний – итог официального нормативного толкования. Лишь некоторые содержат по существу новые правила (нормы), на создание которых судебные органы не уполномочены. Грань между первыми и вторыми достаточно раз-

мыта, установить ее не всегда просто. Но она существует. И ее следует соблюдать. А в необходимых случаях Верховному Суду надлежит использовать принадлежащее ему право официальной законодательной инициативы.

Библиографический список

1. Баранов В.М., Лазарев В.В. Конкретизация права: понятие и пределы // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики. Н. Новгород, 2008. С. 16–33.
2. Баранов В.М., Лутова Л.К. Преамбула нормативного правового акта. Н. Новгород, 2012. 404 с.
3. Борисевич Г.Я. О согласованности норм УПК, ГПК АПК РФ, регламентирующих апелляционное производство // Пермский конгресс ученых-юристов. Пермь, 2013. С. 248–250.
4. Власенко Н.А., Гринева А.В. Судебные правовые позиции (основы теории). М.: ИД «Юриспруденция», 2009. 166 с.
5. Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 898 с.
6. Гетманцева Н.Д. Роль судебной практики в конкретизации оценочных понятий трудового законодательства // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики. Н. Новгород, 2008. С. 821–828.
7. Гук П.А. Судебное нормотворчество: теория и практика. Саарбрюккен, 2012. 188 с.
8. Колесник И.В. Влияние правоприменительной технологии на современное правотворчество // Вестник Нижегородской академии МВД России. Сер.: Юридическая наука и практика. 2011. №3(16). С. 22–29.
9. Лазарев В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. №6. С.7–15.
10. О Верховном Суде Российской Федерации: Федер. Конституц. закон от 5 февр. 2014 г. №3-ФКЗ // Рос. газета. 2014. №27.
11. Овчинников А.И. Неявное правотворчество в процессе конкретизации юридических норм//Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики. Н. Новгород, 2008. С. 100–112.
12. Реутов В.П. Стадии воздействия юридической практики на развитие законодательства // Правоведение. 1970. №3. С. 115–123.
13. Реутов В.П. Типы правопонимания и природа правотворчества // Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики. М., 2010. С. 80–86.
14. Реутов В.П. Типы правопонимания и проблема источников и форм права // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2010. Вып. 2(8). С. 54–70.
15. Рос. газета. 2014. №27.
16. Уткина А.В. К вопросу о понятии «правоположение» в юридической науке// Вестник Нижегородской академии МВД России. Сер.: Юридическая наука и практика. 2011. №3. С. 327–331.
17. Шабуров А.С. Юридические понятия и терминология как средства познания права // Источники права и источники познания права: материалы круглого стола, 21–22 июня 2013 г. Екатеринбург, 2013. С. 110–114.

References

1. Baranov, V.M., Lazarev V.V. *Konkretizacija prava: ponjatje i predely* [Specification of rights: concept and limits] // *Konkretizacija zakonodatel'stva kak tehniko-juridicheskij priem normotvorcheskoj, interpretacionnoj, pravoprimenitel'noj praktiki* – The Specification of the legislation as technical and legal acceptance normative, interpretive, law enforcement practice. N. Novgorod, 2008. P. 16–33. (In Russ).

2. Baranov, V.M., Lutova L.K. *Preambula normativnogo pravovogo akta* [Preamble of the legal act]. N. Novgorod, 2012. 404 p. (In Russ).
3. Borisevich G.Y. *O soglasovannosti norm UPK, GPK APK RF, reglamentirujushhih apelljacionnoe proizvodstvo* [About the consistency of norms of the CPC, the CPC of the code governing the appeal proceedings] // *Permskij kongress uchenyh-juristov* – Perm Congress of legal scholars. Perm, 2013. PP. 248–250. (In Russ).
4. Vlasenko N.A., Grineva A.V. *Sudebnye pravovye pozicii (osnovy teorii)* [Judicial legal position (basic theory)]. M: ID "Jurisprudence", 2009. 166 p. (In Russ).
5. Vopenka N.N. *Ocherki obshhej teorii prava* [Essays on the General theory of law]. Volgograd: Publishing house of the VolGU. 2009. 898 p. (In Russ).
6. Getmanova N. *Rol' sudebnoj praktiki v konkretizacii ocenочnyh ponjatij trudovogo zakonodatel'stva* [The Role of the judicial practice in the elaboration of evaluative concepts of labour law] // *Konkretizacija zakonodatel'stva kak tehniko-juridicheskij priem normotvorcheskoj, interpretacionnoj, pravoprimeritel'noj praktiki* – The Specification of the legislation as technical and legal acceptance normative, interpretive, law enforcement practice. N. Novgorod, 2008. 828 p. (In Russ).
7. Huk P.A. *Sudebnoe normotvorchestvo: teorija i praktika* [Judicial rulemaking: theory and practice]. Saarbrücken, 2012. 188 C. (In Russ).
8. Kolesnik I.V. *Vlijanie pravoprimeritel'noj tehnologii na sovremennoe pravotvorchestvo* [The Impact of the law enforcement technology on modern law] // *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. Ser.: Yuridicheskaya nauka i praktika* – Bulletin of the Ministry of Internal Affairs Nizhny Novgorod academy of Russia. Series: Jurisprudence and practice. 2011. №3(16). PP. 29. (In Russ).
9. Lazarev V.V. *Pravopolozhenija: ponjatie, proishozhdenie i rol' v mehanizme juridicheskogo vozdejstviya* [Provisions: concept, origin, and role in the mechanism of legal influence] // *Pravovedenie – Jurisprudence*. 1976. №6. P. 7–15. (In Russ).
10. *O Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii: Feder. Konstituc. zakon ot 5 fevr. 2014 g. №3-FKZ* [About the Supreme Court of the Russian Federation: The federal Constitutional law of February 5, 2014 №3-FKZ] // *Russian Newspaper*. 2014. №27. (In Russ).
11. Ovchinnikov A.I. *Nejavnoe pravotvorchestvo v processe konkretizacii juridicheskikh norm* [Implicit legislating in the process of concretization of legal norms] // *Konkretizacija zakonodatel'stva kak tehniko-juridicheskij priem normotvorcheskoj, interpretacionnoj, pravoprimeritel'noj praktiki* – Specification of the legislation as technical and legal acceptance normative, interpretive, law enforcement practice. N. Novgorod, 2008. P. 100–112. (In Russ).
12. Reutov V.P. *Stadii vozdejstviya juridicheskoy praktiki na razvitie zakonodatel'stva* [Under exposure to legal practice in the development of the law] // *Pravovedenie – Law*. 1970. №3. 123 p. (In Russ).
13. Reutov V.P. *Tipy pravoponimaniya i priroda pravotvorchestva* [Types of legal thinking and the nature of law] // *Pravotvorchestvo v Rossijskoj Federacii: problemy teorii i praktiki* – Law-making in the Russian Federation: problems of theory and practice. M., 2010. PP. 80–86. (In Russ).
14. Reutov V.P. *Tipy pravoponimaniya i problema istochnikov i form prava* [Types of legal thinking and the problem of sources and forms of law] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Yuridicheskiye nauki*. – The Bulletin of Perm University. Series: Jurisprudence. Vol. 2(8). PP. 54–70. (In Russ).
15. *Ros. gazeta* [Russian newspaper]. 2014. №27. (In Russ).
16. Utkin A.V. *K voprosu o ponjatii «pravopolozhenie» v juridicheskoy nauke* [To question the notion of propolene" in legal science] // *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. Ser.: Yuridicheskaya nauka i praktika* – Bulletin of the Ministry of Internal Affairs Nizhny Novgorod academy of Russia. Series: Jurisprudence and practice. 2011. №3. 331 p. (In Russ).

17. *Shaburov A.S. Juridicheskie ponjatija i terminologija kak sredstva poznaniya prava* [Legal concepts and terminology as a means of knowledge of law] // *Istochniki prava i istochniki poznaniya prava: materialy kruglogo stola, 21–22 iyunya 2013 g.* – Law Sources and sources of knowledge of the law: materials of a round table 21–22 June 2013. Yekaterinburg, 2013. 114 p. (In Russ).

ABOUT THE LEGAL NATURE AND TYPES OF ORDERS CONTAINED IN THE REGULATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION SUPREME COURT PLENARY SESSION

N.I. Gontsov

Candidate of Juridical Sciences, Docent of the Labor Law and Social Provision Chair
Perm State National Research University
15, Bukirev st., Perm, 614990
E-mail: ktpiso@live.ru

V.P. Reutov

Doctor of Law, Professor, Head of the Theory and History of the State and Law Chair
Perm State National Research University
15, Bukirev st., Perm, 614990
E-mail: tgp@psu.ru

Abstract: **Introduction:** The article is devoted to the legal nature of the regulations contained in the plenary sessions of the highest courts of the Russian Federation. **Results:** In particular, the nature of the acts by the Russian Federation Supreme Court is analyzed. It is noted that there is an agreement of opinion that the Supreme Court acts formulate the models of the future legal norms and discover the drawbacks of the regulatory acts in force. However, the rules developed by the Supreme Court far from having all a similar character. With the account for the opinions of a number of famous authors (N.N. Voplenko, P.A. Guk), the authors of the article analyze the legal nature, types and the place of orders in the provisions contained in two Regulations of the Russian Federation Supreme Court Plenary Session adopted on January 28, 2014. It is stated that a number of regulations is the analogue of the preambles of the normative acts. One more group of the regulations formulated in the acts analyzed, is the regulations which are the result of the official normative interpretation. They can only contain the will of the legislator and not contain any element of novelty. But in the Supreme Court Regulations adopted on January 28, 2014, there are many provisions that go beyond the interpretation and contain new legal norms. It is difficult to acknowledge the possibility of such provision creation by the Supreme Court. The notion of the “court legal position” cannot be used as an argument for considering these provisions to be of executive force. This notion’s content is unconsolidated and unclear. Its usage will result in damaging the principle of legality. **Conclusions:** The line between the provisions that are the result of the official interpretation and the provisions that are practically the new norms, is often blurred and it is not always possible to find it. But it does exist and it should be considered.

Keywords: Regulations of the Russian Federation Supreme Court; judicial interpretation acts; norms developed by the RF Supreme Court; court legal positions; line between the interpretation and the creation of the new norms by the RF Supreme Court

Информация для цитирования:

Гонцов Н.И., Реутов В.П. О юридической природе и видах предписаний, содержащихся в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 10–22.

Gontsov N.I., Reutov V.P. O yuridicheskoy prirode i vidakh predpisaniy, sodержashchikhsya v Postanovleniyakh Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [About the legal nature and types of orders contained in the regulations of the Russian Federation supreme court plenary session] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 10–22. (In Russ).

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В.И. Тимошенко

Доктор юридических наук, профессор, академик Академии наук высшего образования Украины, профессор кафедры теории государства и права Национальная академия внутренних дел 03035, Украина, г. Киев, пл. Соломенская, 1
E-mail: tymvera@ukr.net

Аннотация: **Введение:** рассматриваются основные социально-психологические факторы противоправного поведения. Акцентируется внимание на том, что поступки человека являются результатом приобретенного индивидуального опыта и внешних факторов. Его деяния определяются структурой личности, а качество личности является результатом сложного процесса, в котором социальное проявляется через внутренние условия, биологическую природу человека.

Результаты: исследуется сущность мотива и мотивации поведения, сущность и структура правосознания как детерминанта поведения, его виды. Рассматриваются индивидуальные характеристики личности, способствующие противоправному поведению. Подчеркивается, что противоправные поступки могут быть результатом нравственной деградации личности. На поведение человека также влияет ситуация, в которую он попадает. Анализируется поведение человека в толпе. Называются индивидуально-личностные характеристики, которые потенцируют агрессивное поведение. Обращается внимание на значимость психологических детерминант противоправного поведения, которые связаны с аномалиями личности.

Выводы: Автор приходит к выводу, что противоправное поведение индивиду является результатом сложного взаимодействия множества факторов, влияние которых опосредуется конкретной ситуацией, в которой индивид находится. Необходимой составляющей профилактики противоправного поведения является формирование правосознания граждан. Государство должно способствовать тому, чтобы нравственные ценности были значимы для человека. Защитить себя от правонарушителей общество может не посредством их изоляции, а путем устранения причин, порождающих противоправное поведение.

Ключевые слова: противоправное поведение; преступление; личность; нравственность; правосознание; мотив; детерминант

Введение

Обеспечение возможностей реализации прав и свобод человека и гражданина относится к числу важнейших задач, стоящих перед государством и обществом на современном этапе его развития. Перспективы решения этой задачи определяются многими обстоятельствами, среди которых важное место занимает правомерное пове-

дение субъектов правоотношений. Сейчас действительность такова, что люди воспринимают как необходимую закономерность не правомерное поведение, а противоправное. Данная ситуация связана в первую очередь с кризисным состоянием общества, изменением приоритетов населения и упадком нравственности. Это серьезная угроза социальной безопасности. Указанное обстоятельство вызывает необходимость исследования факторов, определяющих противо-

правное поведение человека и возможности его изменения.

Основной контент

Противоправное поведение (правонарушение) – это антипод правомерного поведения, разновидность поведения асоциального, оно нарушает запрещающую или обязывающую норму права, является общественно вредным или опасным для личных (частных) и общественных интересов, охраняемых законом. Такое поведение влечет за собой нежелательные для субъекта последствия, прежде всего юридическую ответственность. Противоправное поведение свидетельствует о наличии конфликта между личностью и обществом, между индивидуальными и общественными интересами, оно подрывает демократические основы общества, сдерживает его прогрессивное развитие.

Учитывая объем статьи, к сожалению, нет возможности проанализировать все детерминирующие факторы противоправного поведения. Остановимся лишь на тех, которые считаем наиболее существенными.

Факторы, которые влияют на правовое поведение, исследовал еще выдающийся русский невропатолог, психиатр и психолог В.М. Бехтерев (1857–1927). По его мнению, причина, в силу которой именно это, а не другое лицо совершает преступление, определяется всей совокупностью условий его существования. В каждом конкретном случае необходимо глубоко исследовать обстановку и условия, в которых совершается конкретное преступление, а также определить особенности самого лица, его совершившего. Поступки человека являются результатом приобретенного индивидуально-опыта и действия внешних непосредственных факторов. Он подчеркивал влияние примера и словесного воздействия. Ведь личность человека нельзя рассматривать отдельно от лиц, которые его окружают, их влияние может быть весьма негативным. Ученый акцентировал внимание на недостатках нравственного воспитания. Неудовлетворенность привычных жизненных потребностей не обязательно приводит человека к преступлению. Он может просто смириться и привыкнуть к нищенскому существованию. А может быть и по-другому.

Утрата привычных условий жизни подталкивает человека на преступный путь решения своих проблем [4, с. 709, 711].

Действия человека в значительной степени определяются структурой личности индивида [16, с. 234]. Личность является результатом сложного процесса, в котором социальное проявляется через внутренние условия, биологическую природу человека. При этом ведущую роль играют социальные начала, в частности те социальные отношения, которые свойственны данному обществу и входят в содержание личности. Главным результативным признаком личности есть мировоззрение, одновременно с формированием которого складывается и характер человека. Характер связан с волей – сознательной саморегуляцией человеком своей деятельности и поведения. Особенности личности неразрывно связаны с нравственностью – способностью действовать и вести себя в соответствии с принципами права и нормами морали. С нравственностью связана свобода и ответственность человека, что проявляется во взаимодействии его личных и общественных интересов. Между этими интересами есть определенное диалектическое противоречие, которое может стать причиной асоциального или антисоциального поведения, проступка или преступления. Личность преступника формируется как проявление в социальных процессах врожденных и приобретенных дефектов индивида [11, с. 308].

Человек, в мотивах, ориентациях и поведении которого преобладают деструктивные компоненты, преследуемые в соответствии с уголовным законодательством, рассматривается как преступник [3, с. 632]. Понять мотивы преступного поведения нельзя без исследования прожитой человеком жизни, тех влияний, которые он испытывал и которые определили его личностные качества. Жесткой и однозначной зависимости между условиями жизни и содержанием мотивов нет, равно как и осуществлением противоправного деяния. Однако неблагоприятные условия формирования личности оказывают определяющее влияние на дальнейшую жизнь человека и его поведение. Ведь мотив воплощает в себе единство объективной социальной среды и субъек-

ективного – личностных качеств, в которых трансформировались и через которые воспроизводятся объективные обстоятельства. Мотив (от лат. *movere* – приводить в движение; франц. *motif* – побудительная причина) – это явление психологическое, которое представляет собой внутреннюю, непосредственную причину действия, выражает личное отношение человека к тому, на что направлены его действия. Мотивы выказывают наиболее важные черты и свойства, потребности и стремления человека. Мотивы – это не только то, что побуждает к определенному поведению, но и то, ради чего оно осуществляется, в чем его внутренний смысл для субъекта. Мотив создает особое личностное свойство, в котором фокусируются основные жизненные тенденции личности. При этом сами по себе мотивы не могут быть противоправными, преступными. Таким может быть только поведение, которое зависит от выбора средств реализации мотивов, от нравственной направленности личности, ее правосознания [1, с. 102, 105].

Поведение человека детерминировано его правосознанием, которое представляет собой совокупность взглядов, идей, чувств, настроений, касающихся права. Правосознание включает и само представление о праве, т.е. правопонимание, взгляды на роль права, правовых учреждений в жизни общества и государства, идеи о правах человека, его ответственности перед другими людьми, государством и обществом. Структура правосознания состоит из трех блоков элементов: идеологических, психологических и поведенческих. Идеологические элементы, или правовая идеология, – это представления, взгляды, убеждения, концепции, теории, доктрины относительно правовой действительности. Идеологические элементы являются преимущественно систематизированными знаниями о конкретных правовых явлениях, результатом их осмысления на достаточно высоком, научном уровне. Психологические элементы правосознания, или правовая психология, – это результат эмпирического мировосприятия людьми правовой действительности. В результате подражания, внушения и взаимного влияния в процессе общения происходит формирова-

ние правовой психологии индивида как важного регулятора его поведения. Правовая психология – это также оценка действующего и желаемого права, но выражается она в виде эмоций, штампов, настроений, чувств и переживаний, стремлений и установок, других психологических характеристик, определяющих поведение индивида в условиях конкретной социальной действительности. Непосредственные условия жизни человека накладывают отпечаток на его правовую психологию. Принадлежность к определенной социальной группе, социальный статус человека обуславливают его психические особенности, выражающиеся в доминировании тех или иных потребностей, интересов и целей, принятии решений, реализации своих интеллектуально-психических способностей. Волевою сторону правосознания, обусловленную основными элементами рациональной и эмоциональной сторон последней, т.е. такую, которая формируется на основе идеологических и психологических элементов, представляют мотивы правового поведения, правовые установки, которые в совокупности обеспечивают ценностную ориентацию поведения [15, с. 798, 807, 809].

В теории права различают отдельные виды правового сознания, которые разграничивают в зависимости от субъектов, являющихся их носителями, а именно: индивидуальное, групповое и общественное. Некоторые ученые выделяют правосознание народа, национальное правосознание. Правовые представления о справедливости, осознание прав и обязанностей человека, разрешений и запретов – все это сказывается на формировании мотивов и установок поведения [15, с. 809]. В случае же деформации правосознания человек становится склонным к насилию, агрессии, правонарушениям, что является реальной угрозой безопасности личности, общества и государства.

Среди социально-психологических факторов, влияющих на правосознание граждан и их правовое поведение, обычно рассматривают следующие: а) отчуждение гражданина от государства; б) особенности национальной психологии; в) конфликтный характер подавляющего большинства «про-

изводственных» отношений; г) возможные контакты гражданина с преступными и аморальными элементами; д) степень удовлетворенности своей работой; е) престиж в коллективе (обществе); ж) общественное мнение по вопросам укрепления законности, правопорядка, деятельности органов внутренних дел [12, с.45,47].

Следует отметить, что детерминация поведения не всегда означает его мотивацию. Мотивация – это внутренняя детерминация поведения и деятельности, которая, конечно же, может быть обусловлена и внешними обстоятельствами, окружающей человека средой. Но внешняя среда воздействует на человека физически, в то время как мотивация – процесс психический, преобразовывающий внешние воздействия во внутреннее побуждение [10, с. 63].

В психологии разработан ряд теорий мотивации поведения, среди которых наибольшую популярность приобрели теория потребностей, теория справедливости и теория ожиданий. Теория потребностей, например, исходит из того, что потребности являются движущей силой, которая формирует и организует в сознании человека процессы восприятия, мышления и действия, следовательно, заставляет имеющуюся неудовлетворительную ситуацию развиваться в направлении, которое обеспечивает достижение определенной цели. Человек может чувствовать потребность в безопасности, деньгах, уважении, признании и т.п. Страх перед угрозой потерять уважение или признание влияет на способность человека учитывать интересы других людей, его окружающих, соблюдать общепринятые правила поведения. При этом потребности и цели, взятые отдельно, могут быть вполне законными, криминальный оттенок им создают другие компоненты мотива, связанные, по словам Е.П. Ильина, с блоком «внутреннего фильтра». Основные криминальные нагрузки в нем имеет компонент, который непосредственно связан с нравственным контролем. Именно деформация и искривление этого компонента структуры личности приводит к противоправному поведению, а не корысть, зависть, месть, недовольство, обида и озлобленность. Противоправными являются не потребности и

желания, а антиобщественные и противоправные способы их реализации. Поскольку человек выбирает криминальные пути и средства удовлетворения потребности и достижения цели, мотив в целом, как и замысел, намерение, приобретает криминальный характер [10, с. 248].

Мотивы разделяют на три группы: частично или полностью осознанные индивидом; обычно не осознанные, но при определенных условиях могут быть такими (например, в процессе психоанализа); не осознанные, полностью вытесненные в область бессознательного. Осознанные мотивы обозначаются как желания, ценности, убеждения и интересы. Например, безопасность, успех, уважение, признание, свобода и др. Не осознанные мотивы проявляются в повседневной жизни только в косвенной форме – в ложных действиях, снах, болезненных симптомах, в поведении, которое кажется немотивированным, таким, которое сложно объяснить с точки зрения обстоятельств, например, вредные привычки (алкоголизм и т.п.). К неосознанным (скрытым) мотивам можно отнести мотивы самосохранения (проявляются, например, в потребности в безопасности, свободе, запугивании врага, личной территории) и др. [9, с. 218]. За каждым поступком или осознанным желанием можно увидеть несколько мотивов. Следовательно, поведение человека полимотивировано.

Противоправному поведению способствуют определенные индивидуальные характеристики личности. Неправомерные поступки часто обеспечивают немедленное, легко достижимое удовлетворение желаний. Лица, склонные к таким поступкам, обычно не могут себя контролировать, они неспособны избавиться от желания немедленно реализовать свои интересы. Правонарушитель, как правило, не связывает себя длительными обязательствами, обусловленными, например, профессиональной деятельностью. Противоправные деяния могут быть рискованными, они предполагают тайнственность, опасность. Лица же, лишённые способности владеть собой, любят приключения, нередко они импульсивны. Обычно лица, совершающие умышленные преступления, эгоцентричны, равнодушны и

нечувствительны к страданиям и нуждам других людей. Кроме того, результатом многих преступлений является не удовлетворение потребностей, а освобождение от мгновенного гнева. Лица, неспособные к саморегуляции, тяжело переносят разочарование, они не склонны реагировать на конфликт вербально, предпочитают решать проблемы с помощью физической силы. Именно такие люди более всего склонны к противоправному поведению [7, с. 114].

К противоправным поступкам может приводить нравственная деградация личности. Недостатки нравственного воспитания проявляются в том, что человек не имеет никаких представлений о долге, чести и достоинстве, привыкает делать только то, что ему выгодно и безопасно. Соблюдение своего слова, выполнение взятых на себя обязательств перед другим человеком для такого индивида не является обязательным. Он помнит только то, что обещали ему. Человек привыкает, что ему можно все, все другие лица являются лишь средством достижения его интересов. Препятствия, стоящие на пути, преодолеваются любыми методами, только бы они были эффективны. Ситуация становится особенно опасной, если такая деградация происходит с лицом, наделенным властными полномочиями, имеющим возможность влиять на судьбу других людей.

Моральная регуляция поведения – это сложный процесс. Действия человека в одной и той же ситуации могут одновременно регулироваться различными моральными нормами и принципами. Очень важно исследовать влияние осознаваемых ценностей на поведение человека, прежде всего представления индивида о природе человека и ценности человеческой жизни, а также представления о неприемлемости противоправного поведения. Индивиды стремятся привести свои поступки в соответствие с взглядами, которых придерживаются. При этом влияние личных нравственных ценностей человека на его поведение тем более значительно, чем более четко он осознает эти ценности. Человек будет руководствоваться нравственными ценностями только в том случае, если эти ценности значимыми для него.

На поведение человека влияет ситуация, в которую он попадает. Кризисная ситуация вынуждает делать выбор. Какую из альтернатив он выберет, зависит от многих факторов, в том числе от эмоций – динамической стороны мотива. Эмоции же в значительной мере определяются средой. Так, на поведение человека влияет его пребывание в толпе. Слово «толпа», как имя собирательное, указывает на то, что масса отдельных личностей отождествляется с одной личностью. Вместе с тем поведение толпы отличается от поведения отдельно взятого человека, толпа способна на поступки, на которые человек вне толпы решиться не может.

Основатель психологии толпы Г. Лебон рассматривал толпу как группу, которая возникает неожиданно, в силу какой-то причины. Она совершает какие-то действия и быстро рассеивается. Такими толпами есть, например, участники большого митинга, зрители спортивных соревнований на стадионах. Индивид, находясь в толпе, теряет чувство личной ответственности за собственные поступки, его действия становятся импульсивными, свободными от самокритики. Пребывая в толпе, индивид чрезвычайно поддается внушению и становится склонным к подражанию. Г. Лебон объяснял это тем, что толпа руководствуется воображаемыми образами, а ее чувства преувеличены. Иллюзии становятся движущей силой толпы, управляемой неосознанными инстинктами. Чтобы убедить толпу, необходимо обращаться к ее чувствам, а не разуму. Поведение людей в толпе почти непредсказуемо. Преступления толпы часто вызваны сильным внушением, а индивиды, находящиеся в толпе, при этом убеждены, что выполняют свой долг. Альтруистические порывы к борьбе за идею или благо других в толпе встречаются редко. Чаще толпа аккумулирует жестокость и злость, всегда порождает страх. Из простого подражания развивается массовый психоз, когда индивидуальные действия осознаются на уровне физических движений, а способность на моральную и правовую оценку совершаемого временно теряется. По наблюдению А.Ф. Зелинского, к толпе людей, собравшихся с политическими или соци-

альными требованиями, очень быстро присоединяются маргиналы, которые слоняются без дела, психически больные люди, уголовники. Эта публика выступает своеобразным детонатором взрыва и зачинщиком насильственных действий [8, с. 212]. В толпе всегда преобладает агрессия и эгоизм. Чем больше толпа, тем более агрессивно ее поведение, поскольку стремительно растет представление собравшихся о всемогуществе.

Следует учитывать, что понятие «агрессия» не равнозначно понятию «агрессивность». Так, А.А. Реан под агрессией понимает любые умышленные действия, направленные на причинение вреда другому человеку, группе людей или животному, а под агрессивностью – свойство личности, выражающееся в ее готовности к агрессии. Отличие этих понятий приводит к важным выводам. С одной стороны, за любыми агрессивными действиями субъекта стоит агрессивность личности. С другой стороны, агрессивность человека не всегда проявляется в агрессивных действиях. Проявление (или не проявление) агрессивности как личностного свойства в определенных актах поведения как агрессивных действиях всегда является результатом сложного взаимодействия трансситуативных и ситуативных факторов. В случае агрессивных действий неагрессивной личности в основе первопричины этих действий лежит фактор ситуации. В случае же агрессивных действий агрессивной личности во взаимодействии трансситуативных и ситуативных факторов первенство принадлежит личностным качествам [14, с. 190].

Индивидуально-личностные характеристики, потенцирующие агрессивное поведение, можно назвать следующие: боязнь общественного осуждения, раздражительность, подозрительность, склонность к суевериям (например, расовым, национальным), а также способность испытывать чувство стыда вместо вины. Важную роль в поддержании склонности к насилию может играть уверенность человека в том, что он является полновластным хозяином своей судьбы (а иногда и судеб других людей), а также его положительное отношение к

агрессии (как полезному или нормальному явлению) [9, с. 90].

Важны и патопсихологические детерминанты противоправного поведения, связанные с аномалиями личности. К ним относятся все расстройства психической деятельности, которые не достигают психотического уровня и не исключают вменяемости, но приводят к таким изменениям личности, которые в конечном итоге могут привести к противоправному, преступному поведению. Психические аномалии способствуют появлению таких черт характера (или порождают их), как раздражительность, агрессивность, жестокость, снижают волевые процессы, повышают внушаемость, усложняют контрольные механизмы [11, с. 312].

Агрессия не возникает в социальном вакууме. К ее возникновению приводят именно различные аспекты межличностных взаимодействий, которые определяют форму агрессии, ее направленность. Сильным детерминантом агрессии является фрустрация, т.е. блокирование развертывания целенаправленного поведения. Другим детерминантом агрессии есть провокация. Физическая провокация часто приводит к тому, что люди отвечают ударом на удар. Агрессивная реакция может возникать даже при одном только предположении, что другой человек имеет какие-то агрессивные намерения, независимо от того, выражается это в каких-то действиях или нет. Что касается вербальной провокации, то, как правило, ответом на оскорбления и другие подобные провокации, становится физическое нападение. Как следствие, инциденты, начинались с ссоры, нередко переходят в фазу прямого насилия. Люди стремятся «дать сдачи» для того, чтобы предупредить возможность повторения нападения или не выглядеть перед другими как беспомощное, проигравшее существо [6, с. 155].

Посредством психофизиологической подсистемы личности на поведении человека сказываются и биологические детерминанты. При этом биологические и психологические подсистемы личности отвечают на вопросы «как», «каким образом» совершено противоправное деяние, а не почему оно совершено. Биологические и психологиче-

ские подсистемы личности сами собой не криминогенны. Они могут криминализироваться лишь во взаимодействии с негативными условиями воспитания и активной жизнедеятельностью человека. От биологических характеристик человека зависит, что именно он способен воспринять от общества, в котором живет. Его биологические особенности имеют значение для выбора варианта поведения, они могут определить повышенную склонность к преступной (антиобщественной) реакции на конкретную обстановку, и, в случае их дальнейшего закрепления, могут определить стереотип личности и постоянную линию поведения. Вместе с тем биологические свойства могут и не проявиться на протяжении всей жизни человека, если он не окажется в конкретной жизненной ситуации, которая послужит толчком к совершению определенных деяний. «Сфера» действия биологической детерминанты противоправного поведения довольно ограничена [13, с. 53].

Таким образом, можно сделать вывод, что детерминация противоправного поведения обусловлена совокупностью факторов, каждый из которых выполняет свои определенные функции. Наряду с общими социальными, экономическими, политическими факторами, способствующими противоправному поведению, следует принимать во внимание и психологические, биологические факторы, определяющие тот или иной вариант поведения в каждом конкретном случае.

Необходимой составляющей профилактики противоправного поведения является формирование правосознания граждан. Индивидуальное правосознание формируется под влиянием общественного правосознания. Однако правосознание индивида лишь в конечном итоге определяется факторами, характерными для жизнедеятельности общества в целом, наряду с этим значение имеют особенности личного опыта, воспитания, естественные психологические качества человека, которые придают индивидуальность восприятию каждым лицом правовых взглядов, идей и требований, детерминирующих его реакцию на указанные идеи и требования. Можно утверждать, что противоправное поведение индивида явля-

ется результатом сложного взаимодействия множества факторов, действие которых опосредуется конкретными отношениями, конкретной ситуацией, в которую индивид попадает.

Государство, стремящееся достичь прогресса в преодолении противоправного поведения, должно способствовать тому, чтобы высокие нравственные ценности стали значимы для человека. Невозможность нарушения правовых принципов должна стать внутренним регулятором его поведения. Необходимо согласиться со словами В.И. Букреева, что «лечение человеческих душ и обустройство мира – взаимосвязанные проблемы» [5, с. 327].

Защитить себя от правонарушителей общество может не посредством их изоляции с помощью репрессивных институтов, а путем устранения, блокировки причин, порождающих противоправное поведение. Следует вспомнить один из фундаментальных принципов профилактики негативных социальных процессов, сформулированный еще Аристотелем: «Если нам известны причины, ведущие к гибели государственных устройств, то мы ... знаем и причины, обуславливающие их сохранение: противоположные меры приводят к противоположным действиям» [2, с.544].

Общество не знает всех причин противоправного поведения, а потому не может их устранить. Немало причин хорошо известны, но на данном этапе развития нет эффективных способов их устранения. Так, например, материальные трудности, отсутствие стабильности и перспективы, несправедливость влечет за собой не только недовольство, агрессию, апатию, но и стремление решать свои проблемы противоправными способами. Вместе с тем человек, удовлетворивший на определенном жизненном этапе все свои основные потребности, может испытывать состояние экзистенциального вакуума – опустошенности и отсутствия смысла бытия. Человек должен всегда к чему-то стремиться, иметь какую-то цель, которая заставляет его искать новые разумные потребности и законные способы их удовлетворения. Эта проблема должна решаться как посредством воспитания, так и

путем изменения условий существования человека.

Выводы

Нередко в научной литературе высказывается мнение, что криминализации общества способствует смирение и безразличие населения. Указанная тенденция в значительной степени связана с психологическим состоянием людей, является следствием объективных социальных обстоятельств. При таких условиях задача юридической науки состоит в разработке научно обоснованных мер противодействия правонарушениям. Прежде всего необходимо найти способы определения мотивов поведения человека, в том числе и скрытых. Это будет способствовать не только преодолению преступности и надлежащей реализации прав и свобод человека и гражданина, но и выведению общества из состояния смирения и безразличия.

Библиографический список

1. *Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.* Личность преступника. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 366 с.
2. *Аристотель.* Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. Т.4. С. 376–644.
3. *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 1093 с.
4. *Бехтерева В.М.* Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с ней / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: Инфра-М, 2006. С. 711–723.
5. *Букреев В.И.* Человек агрессивный. (Истоки международного терроризма). М.: Флинта: МПСИ, 2007. 336 с.
6. *Бэрн Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб.: Питер, 1997. 336 с.
7. *Готтфредсон М., Герши Т.* Загальна теорія злочину / пер. з англ. Н. Бордукової. Х.: Акта, 2000. 326 с.
8. *Зелинский А.Ф.* Криминальная психология. К.: Юринком Интер, 1999. 240 с.
9. *Змановская Е.В.* Девиантология (Психология отклоняющегося поведения) / 3-е изд., испр. и доп. М.: ИЦ «Академия», 2006. 288 с.
10. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2006. 512 с.
11. *Костицкий М.В.* Фактори, що характеризують особу злочинця // Костицкий М.В. Філософські та психологічні проблеми юриспруденції / відп. ред. Н.В.Кушакова-Костицька. Чернівці: Рута, 2009. Кн. I. С. 307-320.
12. *Левченко И.П., Облиенко С.В.* Индивидуальный социально-правовой статус личности: монография. М.: МосУ МВД РФ, Кн. мир, 2005. 81 с.
13. *Медицький І.Б.* Вплив соціальних факторів на злочинність в умовах становлення незалежної Української держави. Івано-Франківськ, 2007. 222 с.
14. *Реан А.А.* Психология личности. Социализация, поведение, общение. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.
15. *Теория государства и права : учебник / под ред. М.Н.Марченко.* М.: Зерцало, 2009. 848 с.
16. *Фром Э.* Бегство от свободы / пер. с англ.; общ. ред. П.С.Гуревича. М.: Прогресс, 1995. 256 с.

References

1. *Antonyan Yu.M., Kudryavtsev V.N., Eminov V.E.* Lichnost prestupnika [Criminal Identity]. SPb.: Yurid. tsentr Press, 2004. 366 s.
2. *Aristotel. Politika* [Policy] // *Aristotel. Sochineniya: v 4 t.* – Aristotle. Works: in 4 volumes. M.: Mysl, 1983. T.4. S. 376–644.
3. *Bachinin V.A.* Entsiklopediya filosofii i sotsiologii prava [Encyclopedia of philosophy and sociology of law]. SPb.: Yurid. tsentr Press, 2006. 1093 s.
4. *Bekhterev V.M.* Obyektivno-psikhologicheskiy metod v primenenii k izucheniyu prestupnosti [Objective and psychological method applied to the study of crime] // *Dril D.A. Prestupnost i prestupniki. Ucheniye o prestupnosti i merakh borby s neyu* – Drill D.A. Crime and criminals. The doctrine of crime and measures to combat it / sost. i predisl. V.S. Ovchinskogo. M.: Infra-M, 2006. S. 711–723.
5. *Bukreyev V.I.* Chelovek agressivnyy. (Istoki mezhdunarodnogo terrorizma) [Aggressive

- man. (The origins of international terrorism)]. M.: Flinta: MPSI, 2007. 336 s.
6. *Beron R., Richardson D. Agressiya* [Aggression]. SPb.: Piter, 1997. 336 s.
 7. *Gottfredson M., Gershi T. Zagalna teoriya zlochinu* [General theory of crime] / per. z angl. N. Bordukovoï. Kh.: Akta, 2000. 326 s.
 8. *Zelinskiy A.F. Kriminalnaya psikhologiya* [Criminal psychology]. K.: Yurinkom Inter, 1999. 240 s.
 9. *Zmanovskaya Ye.V. Deviantologiya (Psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya)* [Deviantology: (Psychology of deviant behavior)] / 3-e izd., ispr. i dop. M.: ITs «Akademiya», 2006. 288 s.
 10. *Ilin Ye.P. Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. SPb.: Piter, 2006. 512 s.
 11. *Kostitskiy M.V. Faktori, shcho kharakterizuyut osobu zlochintsiya* [Factors that characterize the identity of the criminal] // *Kostitskiy M.V. Filosofski ta psikhologichni problemi yurisprudentsii* – Philosophical and psychological problems of law / vidp. red. N.V.Kushakova-Kostitska. Chernivtsi: Ruta, 2009. Kn. I. S. 307–320.
 12. *Levchenko I.P., Obliyenko S.V. Individualnyy sotsialno-pravovoy status lichnosti: monografiya* [Individual social and legal personality status: monograph]. M.: MosU MVD RF, Kn. mir, 2005. 81 s.
 13. *Medititskiy I.B. Vplyv sotsialnykh faktoriv na zlochynnist v umovakh stanovlennya nezalezhnoyi Ukrayinskoyi derzhavy* [The influence of social factors on crime in the context of the establishment of an independent Ukrainian state.]. Ivano-Frankivsk, 2007. 222 s.
 14. *Rean A.A. Psikhologiya lichnosti. Sotsializatsiya, povedeniye, obshcheniye* [Psychology of Personality. Socialization, behavior, communication]. M.: AST; SPb.: Praym-Evroznak, 2007.
 15. *Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik* [Theory of State and Law: Textbook] / pod red. M.N.Marchenko. M.: Zertsalo, 2009. 848 s.
 16. *From E. Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom] / per. s angl.; obshch. red. P.S.Gurevicha. M.: Progress, 1995. 256 s.

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF UNLAWFUL CONDUCT

V.I. Tymoshenko

Academy of Sciences of Higher Education of Ukraine,
National Academy of Internal Affairs
1 Solomiaianska Square, Kiev, Ukraine, 03035
E-mail: tymvera@ukr.net

Abstract: Introduction: it is dealt with the basic socio-psychological factors of unlawful conduct; it is given its nature and consequences. It is focused on what the individual cannot be considered separately from those who surround him/her. Person's actions are the result of acquired individual experience and external factors. His/her actions are determined by the structure of personality, and personality is the result of a complex process in which social is manifested through internal conditions, the biological nature.

Results: it is investigated the nature of motive and motivation of behavior, the nature and structure of justice as a determinant of behavior and its types. It is given the outlines of the socio-psychological factors that were investigated in the scientific literature. It is characterized the behavior theories of motivation developed in psychology, especially the theory of needs. It is considered individual personality characteristics that contribute to unlawful conduct. It is emphasized that unlawful actions can lead to moral degradation of the individual. This situation becomes particularly dangerous when such degradation occurs to the person discharging imperious powers, having the opportunity to influence the fate of others.

Human behavior is affected by the situation, where he/she finds him/herself. It is dealt with the behavior of a person in the crowd. It is emphasized that crowd behavior is almost unpredictable. The fringes who loiter around mentally ill people and criminals join the crowd of people gathered with political or social demands. Such public advocates a kind of detonator explosion and instigator of violence.

The concept of «aggression» is not equivalent to the concept of «aggressiveness». It is introduced the individual personality characteristics that potentiate aggressive behavior. It is drawn attention to the importance of pathopsychological determinants of unlawful conduct, which are associated with abnormalities of personality. Mental anomalies complicate human control mechanisms. It is alleged that the action of biological determinants of unlawful conduct is pretty limited.

Conclusions: conclusions were drawn that the determination of unlawful conduct is stipulated by combination of factors, each of which performs its specific functions. Along with the overall social, economic, political factors that contribute to unlawful conduct, the psychological and biological factors that determine a particular type of behavior in each case should be taken into account. Unlawful conduct of the individual is the result of a complex interaction of many factors, the effect of which is mediated by specific relations, the situation, where the individual finds him/herself. Necessary component of unlawful conduct prevention is creation of citizens' legal awareness. State seeking to make progress in illegal behavior overcoming should help ensure that moral values have become significant to humans. The society can protect themselves against offenders not because of their isolation, but by eliminating the causes of unlawful conduct.

Keywords: unlawful conduct; crime; personality; morality; legal awareness; motive; determinants

Информация для цитирования:

Тимошенко В.И. Социально-психологические факторы противоправного поведения // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 23–32.

Tymoshenko V.I. *Sotsialno-psikhologicheskiye faktory protivopravnogo povedeniya* [Psychological factors of unlawful conduct] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 23–32. (In Russ).

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА»

Ф.В. Фетюков

Младший научный сотрудник научно-исследовательского сектора,
аспирант кафедры теории государства и права
Уральский государственный юридический университет
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: fetukov@inbox.ru

Аннотация: **Введение:** представления ученых и мыслителей о функциях государства обусловлены длительными процессами восприятия и осознания человеком окружающей действительности, поиска истинной сущности и назначения государства. **Цель:** в статье анализируются представления о сущности и содержании понятия «функции государства». **Методы:** методологическую основу исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает диалектический метод. В статье использованы также общенаучные методы исследования (диалектика, анализ и синтез). **Результаты:** в основе преобладающего в советской юридической литературе подхода к определению сущности и содержания анализируемого понятия лежат представления о постепенном вытеснении из наиболее общих направлений деятельности государства ее однородных видов (сторон). Альтернативный подход основывался на понимании функций государства как его социального назначения внутри и вне страны. Это позволило отличать собственно функции государства от деятельности государства по их осуществлению. В современной литературе оба подхода имеют адептов. Вместе с тем обсуждение специфики государственного воздействия на комплекс общественных отношений привело к необходимости исследования механизма этого воздействия, а затем и к пониманию функций государства как особого механизма воздействия государства на общественные отношения, который определяет главные направления и содержание его деятельности по управлению обществом. **Выводы:** при исследовании понятий теории функций государства, к которым в первую очередь относится понятие «функции государства», следует исходить из специально-юридического анализа философской категории «деятельность», а также определения объекта, субъектов и содержания государственной деятельности. Необходимо проведение системных исследований функций государства, основанных на формулировании объективных оснований, что позволит избежать субъективизма в разработке моделей функций государства.

Ключевые слова: государство; цель; задачи; функции; социальное назначение; сущность; деятельность

Введение

Современному пониманию функций государства как основных, магистральных направлений его деятельности предшествовали длительные процессы восприятия и осознания человеком окружающей действительности, поиска истинной сущности и назначения государства.

Следует отметить, что эти процессы и в настоящее время не могут оставаться незамеченными. Вопрос о функциях государства ввиду его тесной связи с сущностью, целями, задачами и назначением государства, очевидно, не потеряет актуальности до

тех пор, пока существует государство в традиционном его понимании и юриспруденция.

Тесная связь функций государства с его сущностью, целями, задачами и назначением, вероятно, обусловили появление различных представлений о функциях государства. При этом сам термин «функция государства» стал употребляться в философских трудах постепенно по мере развития представлений философов и государствоведов о сущности, целях, задачах и назначении государства.

Философские представления о цели государства

Как верно заметил Г.Ф. Шершеневич, вопрос о цели государства издавна занимал внимание как философов, так и политических писателей [27].

Аристотель рассматривал государство как высшую форму человеческого общения – политическую. В политическом общении все другие формы общения (семья, селение) достигают своей *цели* (благой жизни) и завершения [20, с. 79–80]. В «Политике» Аристотель описывает совершенное государство (счастливое и руководствующееся принципом прекрасного), при котором добродетель настолько обеспечена внешними благами, что каждый гражданин может поступать во всем согласно требованиям добродетели и жить счастливо [14, с. 203].

Платон полагал, что государство возникает, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом [22, с. 157]. То есть государство создают потребности людей, точнее – необходимость удовлетворения этих потребностей. А значит, и цель государства, судя по всему, заключается в удовлетворении растущих потребностей людей.

А.Ф. Лосев и В.Ф. Асмус в комментариях ко второй книге известного труда Платона «Государство» отмечают, что Аристотель в «Политике» критикует Платона и Сократа за их предпочтение целью образования государства считать удовлетворение насущных потребностей, а не достижение прекрасного существования. Однако, по мнению исследователей, такая критика напрасна, поскольку Платон разделяет причину возникновения государства и цель, для

которой оно создано. «Вряд ли Платон, – пишут они, отрицал “прекрасное существование” (конечно, понимаемое как *высшее благо*, а не чисто прагматически и утилитарно) в качестве цели государства» [22, с. 673].

Достижение цели «прекрасного существования» для Платона, как представляется, обусловлено реализацией главной задачи государства – обеспечение справедливости, которая, по мнению философа, состоит в том, чтобы каждое из трех выделенных им начал государства (совещательное, защитное и деловое) занималось своим делом, не нарушая границ своего влияния.

В политическом учении Цицерона ключевая роль отводилась представлениям об «общем благе», «согласовании интересов», «общем правопорядке» и т.д. [20, с. 102]. При этом Цицерон, отмечая изначальную связь государства и собственности, вслед за стоиком Палетием причину образования государства видел в необходимости охраны собственности [20, с. 96].

Дж. Локк великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства видит в *сохранении их собственности*, а осуществление государственной власти он подчинил только интересам мира, безопасности и общественного блага народа [20, с. 134, 137].

Ш.Л. Монтескье высказал мысль о существовании помимо цели, присущей всем государствам – *охрана своего существования*, своей особенной, свойственной конкретному государству цели. В качестве примера последней мыслитель приводит исключительную цель Рима – расширение пределов государства [18, с. 137].

В представлениях Т. Гоббса, цель государства заключается, прежде всего, в *обеспечении безопасности*: «Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни» [5].

Ж.Ж. Руссо первым и самым важным следствием из установленных им принци-

пов политического права видит то, «...что одна только общая воля может управлять силами государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо» [23, с. 167].

Для Г.В.Ф. Гегеля «...цель государства есть всеобщий интерес как таковой, а в нем – сохранение особенных интересов...» [6, с. 294]. Философ полагает, что прочный базис государства, равно как и базис доверия и настроенности индивидов по отношению к нему, обусловлены взаимным проникновением закона разума и закона особенной свободы, тем, «...чтобы моя особенная цель стала тождественной всеобщему, в противном случае государство повисает в воздухе» [6, с. 291].

При этом Гегель рассуждает о функциях государства наряду со сферами его деятельности. И то и другое, по мысли Гегеля, свойственно государству в качестве существенного момента. Гегель полагает, что та или иная сфера деятельности государства вовсе не независима в своих целях и способах действия. Философ подчинил ее определяющей цели целого, тому, что получило неопределенное выражение «благо государства» [6, с. 317–318].

Сам же Г.Ф. Шершеневич вопрос о цели государства рассматривает при помощи различения *цели государства как формы человеческого общения и целей существующего (конкретного) государства*. В первом случае речь идет об абсолютной цели, а во втором – об относительной [27].

Подобный подход, как было отмечено выше, продемонстрировал в XVIII веке Ш.Л. Монтескье, проводя различие между целью, присущей всем государствам, и особенной целью конкретного государства.

Очевидно, что в приведенных нами выше представлениях мыслителей (за исключением мыслей Ш.Л. Монтескье и Г.Ф. Шершеневича) речь идет о цели государства именно в абсолютном смысле. Такой смысл понимания цели государства является продолжением его *общесоциальной сущности: объединение людей, обеспечивающее их взаимовыгодное общение*.

Г.Ф. Шершеневич признает предложение Лассона заменить вопрос о целях вопросом о функциях несостоятельным:

«Можно признать, например, что право есть функция государства, но это еще не значит, что целью государства признается установление и охрана права» [27].

Представления о сущности и содержании понятия «функции государства» в советской юридической науке

Следует отметить, что советские исследователи Л.И. Каск и Л.В. Николаева с позиций философской трактовки категории функции как цели деятельности конкретного субъекта пришли к пониманию *функции государства как его цели* [2, с. 195] (подробнее об этом – ниже).

На предложение Рихарда Шмидта вместо вопроса о целях государства ставить вопрос о задачах Г.Ф. Шершеневич отреагировал неоднозначно: С одной стороны, он признает: «...когда говорят о целях государственных, то имеют в виду те задачи, какие ставит себе государство в данных исторических условиях», с другой – уточняет: «историческую задачу следует понимать в смысле вопроса, вставшего с особенной настойчивостью в данное время, потребовавшего особого напряжения государственных сил, наложившего на строй и управление государства свою печать, и придавшего государству исторический тип» [27].

Все же, поскольку в дальнейшем Шершеневич ведет речь о задачах государства, более того, сам параграф имеет название «Задачи государства», следует сделать вывод об отождествлении им понятий цели (относительной) и задач государства.

В то же время, по мнению Г.Ф. Шершеневича, практическое побуждение к отысканию абсолютной цели (как формы человеческого общения. – *Ф.Ф.*) заключалось в определении дедуктивным путем тех *задач*, которые должна преследовать государственная власть [27].

Таким образом, те задачи, которые ставит перед собой государство в конкретных исторических условиях, выступают в качестве его относительных целей. В отличие от относительных целей государства, представленных его задачами в конкретных исторических условиях и изменяющихся вслед за ними, абсолютная цель в рамках господствующих в течение определенного

времени представлений о сущности государства является непреходящей.

Г. Еллинек убежден в необходимости различать *материальные* и *формальные* функции, т. е. основные направления государственной деятельности и функции определенных групп органов. Он выделяет три материальные функции государства (т.е. три направления его деятельности): законодательство, суд, управление [9, с. 580–581].

При этом, по Еллинеку, различение пяти великих отраслей управления – дел иностранных, военных, внутренних, финансов и юстиции – означает те задачи, которые поставило себе государство, а не особые функции. Более того, немецкий ученый рассматривает отрасли управления в качестве объектов управления, а не самого управления [9, с. 576].

Представления Еллинека о функциях государства подверг критике Н.В. Черноголовкин. По его мнению, Еллинек, как и большинство буржуазных ученых, стремился отделить функции государства от содержания его деятельности и свести их только к внешним и формальным проявлениям власти [26, с. 181]. Н.В. Черноголовкин полагает, что вряд ли существует объективная необходимость в использовании термина «функции» для обозначения форм государственной деятельности, включая ее правовые формы [26, с. 183].

Вместе с тем, рассматривая в качестве первого существенного признака функций государства *непосредственное проявление в них классовой сущности*, он дает такое определение функциям социалистического государства: «... выражающие классовую сущность основные направления (и стороны) в его деятельности по решению исторических задач, стоящих перед государством на главных этапах его развития» [26, с. 6–7].

Очевидно, что М.И. Байтин в работе «Сущность и основные функции социалистического государства» исходил из той же посылки (функции государства *служат* непосредственным проявлением классовой сущности государства), что и Н.В. Черноголовкин.

Так, по мнению Байтина, функции социалистического государства – «...это направления (и стороны) его деятельности,

в которых выражаются и конкретизируются его классовая сущность, служебная роль, задачи и цели, закономерности развития по пути к социализму и коммунизму» [2, с. 190–191].

Сторонником такого понимания функций государства выступил Л.И. Загайнов, который подчеркнул, что они не только направления, но одновременно и стороны деятельности государства [10, с. 9–10]. По его мнению, функции государства не сразу проявляются как стороны (совокупности однородных видов) государственной деятельности. Л.И. Загайнов связывает «вызревание» функций государства с процессом их возникновения и деятельности государства в ходе социальной революции. «После социальной революции и прихода к власти нового класса, – полагает он, – возникает новое государство, а вместе с тем и присущие ему функции. Но пока не созданы соответствующие условия (не сложился полностью государственный механизм, недостаточно развито законодательство и т.д.), функции государства не получают должного развития. Они выступают лишь в качестве основных направлений возникающей государственной деятельности... Развитые и оформленные основные функции проявляются теперь не только как направления, но как стороны (совокупности однородных видов) государственной деятельности» [10, с. 10].

В.М. Корельский, движущийся в русле того же подхода, определил функции государства как главные, магистральные направления, стороны деятельности социалистического государства как внутри страны, так и вне ее. Они определяются классовой сущностью, социальным назначением и основными задачами, стоящими перед государством на том или ином этапе его развития [15, с. 107–108]. «Если задачи – это проблемы, то функции – это пути, направления деятельности государства по их разрешению», – отмечает государствовед [15, с. 109].

Опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма: Карла Маркса (Избранные произведения) и Фридриха Энгельса («Анти-Дюринг»), И.С. Самошенко считает более правильным *понимание функций гос-*

ударства как его социального назначения внутри и вне страны. «Функции Советского государства, – убежден он, – есть его социальное назначение внутри и вне страны. Они непосредственно определяются задачами, стоящими перед Советским государством на основных этапах развития нашего общества» [24, с. 81–91].

По мнению И.С. Самощенко, из этого понимания с необходимостью следует, что функции государства (основные и неосновные) являются проявлением и конкретизацией его сущности. Оно позволяет также видеть различие между функциями государства и осуществлением этих функций, т.е. деятельностью государства, которая может протекать в тех или иных формах, с применением тех или иных методов, может развиваться, изменяться, совершенствоваться или ухудшаться, в то время как функции, непосредственно определяемые задачами, стоящими перед государством, либо вовсе не изменяются, либо изменяются после коренных изменений в экономике и в классовой структуре общества [24, с. 81–91].

По мнению же Л.И. Загайнова, социальное назначение в своем единстве образуют задачи и цели государства, наряду с его функциями. Он критикует И.С. Самощенко, во-первых, за отождествление социального назначения и функций государства, а во-вторых, за исключение задач и целей из содержания социального назначения государства, что обедняет это важнейшее, с его точки зрения, государственно-правовое явление, наиболее полно выражающее классовую сущность государства [10, с. 11–13].

М.И. Байтин, обобщая существовавшие представления о функциях государства, положительно оценил рассмотрение функций государства в аспекте его социального назначения. Однако согласиться с таким подходом не смог, указав на то, что, несмотря на тесную взаимосвязь функций и социального назначения государства, эти понятия не совпадают [2, с. 192].

Н.В. Черноголовкин, рассматривая вопрос о соотношении классовой сущности и социального назначения государства, приходит к выводу о том, что «...социальное назначение государства... (“...его историческая миссия провести революционное

преобразование общества на новых началах, уничтожение эксплуатации человека человеком, обеспечение полного торжества социализма и коммунизма”)...в конечном счете, сводится в основном к его классовой сущности, к разрешению стоящих перед ним задач», а функции государства, в свою очередь, конкретизируют сущность государства в пределах исторически определенного социального содержания. Поэтому функции государства, как полагает Черноголовкин, нельзя лишать качества самостоятельной категории и растворять в понятии или сводить к характеристике его социального назначения [26, с. 11].

Вслед за И.С. Самощенко, вопреки наиболее распространенному в советской юридической литературе пониманию функций государства как основных (главных) направлений (сторон) деятельности государства, в которых выражается его социальное назначение и классовая сущность, Л.И. Каск отмечает, что при таком понимании функций государства фактически происходит отождествление их с деятельностью государства. По его мнению, деятельность государства – очень динамичное, широкое и емкое понятие, она проявляется в единстве определенного содержания, форм, методов и средств. «Поэтому, – полагает ученый, – говорить об основных или неосновных направлениях деятельности государства вообще, безотносительно к указанным элементам или характеристикам его деятельности беспредметно» [12, с. 7].

Первостепенное значение для раскрытия классовой сущности государства, как считает Л.И. Каск, имеет выявление содержания деятельности государства. Поэтому, ученому наиболее правильной представляется позиция тех авторов, которые под функциями государства понимают именно содержание его деятельности [12, с. 8]. Такую позицию, как будет показано ниже, отстаивал А.И. Денисов.

Вместе с тем Л.И. Каск отмечает следующее: «Понятие же классового содержания хотя и указывает на важнейшую сторону содержания деятельности государства, в то же время фактически неоправданно сужает действительное социальное назначение государства» [12, с. 8]. Он делает вывод

о том, что с преодолением классовых различий в обществе исчезнут классовые функции государства, а вместе с тем потеряют классовый характер и общесоциальные функции. Это приведет к изменению структуры государства: исчезнут те органы, которые служили осуществлению классовых функций, сохранятся те, которые выполняли общесоциальные функции, в осуществлении которых также исчезнет классовый элемент. Отсюда он приходит к пониманию *функций государства как таких сторон содержания его деятельности, которые характеризуют его классовое и общесоциальное назначение* [12, с. 9].

Позднее Л.И. Каском и Л.В. Николаевой в результате специального анализа категории «цель» представлен иной подход, согласно которому «функциями государства могут быть признаны ... его конечные цели, которые остаются неизменными на всем протяжении существования государственности или, во всяком случае, на протяжении существования государства определенного исторического типа» [13, с. 105].

На наш взгляд, понимание функций государства как его конечных целей, установленных и преследуемых, как правило, на всем протяжении существования государства определенного типа, тождественно пониманию И.С. Самощенко функций государства как его социального назначения внутри и вне страны.

Попытку отождествления в теории государства и права категории «цель» с понятием «функция государства» признает несостоятельной М.И. Байтин, полагая, что такое отождествление ориентирует на рассмотрение функций государства в отрыве от функционирования государства, от составляющей сердцевину содержания функций его целенаправленной деятельности. Как отмечает М.И. Байтин со ссылкой на специальную литературу, такой подход «...зиждется на философской трактовке категории функции как цели деятельности конкретного субъекта, как системообразующего фактора такой деятельности...» [2, с. 105].

Как утверждает А.И. Денисов, термин функция применяется в теории государства для характеристики: 1) содержания много-

образной деятельности государства – безразлично, в каких формах она осуществляется; 2) правовой формы деятельности органов государства, например, законодательной (функция законодательства), исполнительной (функция управления) или судебной (функция правосудия); 3) полномочий (компетенции) отдельных органов государства. При этом сам Денисов рассматривает функции государства «...в смысле предметно-политической деятельности государства...», как то в его деятельности, «что характеризует ее предметно-политически, отражает ту или иную сторону сущности государства в каждый данный период его развития. Иначе говоря, – это содержание государственной деятельности» [7, с. 9–10; 8, с. 133].

Для В.С. Петрова функции государства есть категория, в которой выражается его (государства) содержание, непосредственно связанное с его сущностью и социальным назначением [21, с. 29].

Современные представления о сущности и содержании понятия «функции государства»

Один из современных исследователей российского государства как субъекта конституционно-правовых отношений отмечает тенденцию к трактовке функций государства с позиций теории управления. По ее мнению, такой поход весьма плодотворный ввиду изменения наших представлений о современной государственности, сущности государства, его социальном предназначении и служебной роли. «Изменения идеологической основы, на которой базировалась теория функций социалистического государства, а также необходимость перехода к новой общецивилизационной парадигме устойчивого развития требуют уточнения и изменения акцентов в определении функций государства и их классификации», – полагает Н.В. Бутусова [3, с. 46]. В качестве примера такого понимания функций государства с позиций теории управления приводится *определение функции государства как управленческого воздействия государства в определенной сфере общественных отношений, направленное, в конечном счете, на сохранение данного общества, обеспечение*

его целостности и жизнедеятельности [3, с. 47].

Сторонником смещения акцента с позиций направлений деятельности государства в сторону механизма осуществления этой деятельности, судя по всему, является Л.А. Морозова, позиция которой заключается в понимании *функций государства как особого механизма государственного воздействия на общественные процессы и отношения, определяющего главные направления и содержание его деятельности по управлению обществом*. Аргументация такого подхода основана на признании того, что осуществление конкретных функций может как стабилизировать развитие общества, оказывать созидательное влияние, так и усиливать его кризисное состояние [19, с. 106]. Такая аргументация небезосновательна. Так, Н.В. Черноголовкин отмечал, что не всякая сторона фактической деятельности государства всегда точно соответствует его функциям: в отдельных случаях она может вступить в определенное противоречие с ними, что влечет за собой снижение темпов развития, растрачивание средств и сил государства на осуществление несвойственной ему деятельности [26, с. 13].

При этом у Л.А. Морозовой все же сохраняется понимание функций государства как *главных социально-значимых направлений его деятельности на конкретно-историческом этапе развития общества* [19, с. 105].

Ю.А. Тихомиров задается вопросом: как действует механизм осуществления функций государства? По его мнению, наиболее правильный ответ заключается в раскрытии механизма управления государственными делами как способа воздействия государства на процессы, протекающие в обществе [25, с. 173].

Однако, по мнению Н.В. Бутусовой, определение функций государства ни как управленческого воздействия или механизма государственного воздействия, ни как основных направлений деятельности государства не позволяет акцентировать внимание на главном предназначении государства – служить обществу в интересах его развития и процветания. В этом предназначении

государства, как полагает Бутусова, и заключается сущность и социальное назначение подлинно демократического государства, которые выступают как однопорядковые явления [3, с. 48].

Н.В. Бутусова предлагает свое определение *функций современного демократического государства как социального назначения государства обеспечивать упорядочивающее воздействие на общественные отношения и процессы в различных сферах жизни общества в целях его процветания и развития на основе общечеловеческих ценностей и в гармонии с природой* [3, с. 49–50].

Интересный подход к определению функций государства продемонстрировали Бабаев В.К. и Бабаев С.В. Помимо основных направлений деятельности государства, исследователи включают в определение цели, методы, формы и средства осуществления этой деятельности [1, с. 7].

В специальных диссертационных исследованиях последних лет, которые посвящены функциям государства и формам их реализации, представления исследователей о функциях государства сходятся в определении последних как *объективно необходимых, основных (наиболее общих), целенаправленных (стабильных) направлений (сторон) деятельности государства, осуществляемых (1) в жизненно важной сфере общественных отношений, (2) выражающих его сущность и социальное назначение, (3) осуществляемые в специальных формах и с помощью специальных методов* [4, с. 7; 11, с. 10; 17, с. 17].

Результаты

1. Понятие «функции государства» самым тесным образом связано с понятиями «сущность государства», «цель государства», «задачи государства» и «назначение государства». Родовая связь этих понятий привела к появлению различных подходов к пониманию функций государства. При этом представления о функциях государства, вероятно, основывались на философском осмыслении сущности государства и цели его создания или, иными словами, об истинном предназначении государства. Об этом, по нашему убеждению, может свидетельствовать то, что в трудах античных

мыслителей отсутствует прямое упоминание о функциях государства. Внимание философов занимали представления о сущности государства и цели его создания (предназначении государства). Позднее на философских представлениях о функции как цели деятельности был основан подход, при котором понятия «функция государства» и «цель государства» фактически отождествлялись.

2. В советской юридической литературе в понимании функций государства преобладал подход, в основу которого положена служебная роль функций государства (они служат непосредственным проявлением его классовой сущности) и представления о постепенном вызревании из наиболее общих направлений деятельности государства ее однородных видов (сторон). Критика такого подхода сводилась к признанию фактического отождествления функций государства с самой государственной деятельностью. В качестве альтернативного подхода было предложено под функциями государства понимать его социальное назначение внутри и вне страны. Такой подход позволил отличить собственно функции государства от деятельности государства по их осуществлению, что исключено, по мнению представителей этого подхода, при понимании функций государства как основных направлений (сторон) его деятельности. Однако и такой подход был подвергнут критике, главный аргумент которой сводится к признанию понятий «социальное назначение государства» и «функции государства» сходными, но не тождественными по содержанию.

3. В современных научных исследованиях и учебной литературе по-прежнему преобладает понимание функций государства как основных направлений (сторон) деятельности государства, выражающих его сущность и социальное назначение. При этом сохраняется также и понимание функций государства как его социального назначения, заключающегося в упорядочивающем воздействии на общественные отношения в определенных сферах. Обсуждение специфики государственного воздействия на комплекс общественных отношений, как представляется, привело к необходимости

исследования механизма этого воздействия, а затем и к пониманию функций государства как особого механизма воздействия государства на общественные отношения, который определяет главные направления и содержание его деятельности по управлению обществом.

Выводы

Как представляется, при исследовании понятий теории функций государства, к которым в первую очередь относится понятие «функции государства», следует исходить из специально-юридического анализа философской категории «деятельность», а также определения объекта, субъектов и содержания государственной деятельности.

Вместе с тем только системные исследования функций государства, основанные на формулировании объективных оснований, позволят избежать субъективизма в разработке моделей функций государства.

Библиографический список

1. *Бабаев В.К., Бабаев С.В.* Функции современного Российского государства: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. правовая акад., 2001. 98 с.
2. *Байтин М.И.* Сущность и основные функции социалистического государства / Саратовский гос. ун-т. Саратов: Изд-во СГУ, 1979. 302 с.
3. *Бутусова Н.В.* Российское государство как субъект конституционно-правовых отношений: вопросы теории / науч. ред. С.А. Авакьян. Воронеж: Изд-во: ВГУ, 2005. 197 с.
4. *Бухтерева М.А.* Формы реализации функций государства: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2002. 202 с.
5. *Гоббс Т.* Левиафан. М.: Мысль, 2001. URL: http://fictionbook.ru/author/gobbs_tomas/leviafan_ili_materiya_forma_i_vlast_gosu/ (дата обращения: 03.06.2014).
6. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / ред. и сост.: Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц; пер. с нем. Б.Г. Столпнера и др. М.: Мысль, 1990. 525 с.
7. *Денисов А.И.* Советское государство: Возникновение, развитие, сущность и функции. М: Изд-во МГУ, 1967. 425 с.
8. *Денисов А.И.* Сущность и формы государства. М: Изд-во МГУ, 1960. 64 с.

9. Елленек Г. Общее учение о государстве / вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. И.Ю. Козлихина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 750 с.
10. Загайнов Л.И. Экономические функции советского государства. М.: Юрид. лит., 1968. 263 с.
11. Калентьева Т.А. Правовые формы реализации экономической функции государства в условиях перехода к рыночным отношениям: дис. ... канд. юрид. наук: Самара, 2000. 235 с.
12. Каск Л.И. Функции и структура государства / отв. ред. Д.А. Керимов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. 64 с.
13. Каск Л.И., Николаева Л.В. О некоторых вопросах понятия функций государства // Вестник Ленинградского университета. Сер.: Экономика, философия, право. 1974. Вып. 2.
14. Кечекьян С.В. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 222 с.
15. Корельский В.М. Общая теория социалистического государства: учебн. пособие (цикл лекций) / ред. А.Ф. Черданцев. Свердловск: Изд-во СЮИ, 1970. 198 с.
16. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / пер. с англ. и лат. Т. 3. / ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин, М.: Мысль, 1988. 668 с.
17. Марченко Ю.В. Правовые формы осуществления государственных функций: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 174 с.
18. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.
19. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 464 с.
20. Нерсисянц В.С. История политических и правовых учений: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2014. 704 с.
21. Петров В.С. Сущность, содержание и формы государства. Л.: Наука, 1971. 163 с.
22. Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. 752 с.
23. Руссо Ж.Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. 710 с.
24. Самощенко И.С. О правовых формах осуществления функций Советского государства // Советское государство и право. 1956. №3. С. 81–91.
25. Тихомиров Ю.А. Государство: монография. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 320 с.
26. Черноголовкин Н.В. Теория функций социалистического государства. М.: Юрид. лит., 1970. 216 с.
27. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Изд. бр. Башмаковых, 1910. Т. 1, 2. URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=243> (дата обращения: 03.06.2014).

References

1. Babayev V.K., Babayev S.V. *Funktsii sovremennogo Rossiyskogo gosudarstva: ucheb. posobiye* [Functions of the modern Russian state: Tutorial]. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegor. pravovaya akad., 2001. 98 s. (In Russ).
2. Baytin M.I. *Sushchnost i osnovnyye funktsii sotsialisticheskogo gosudarstva* [Essence and the basic functions of the socialist state] / Saratovskiy gos. un-t. Saratov: Izd-vo SGU, 1979. 302 s. (In Russ).
3. Butusova N.V. *Rossiyskoye gosudarstvo kak subyekt konstitutsionno-pravovykh otnosheniy: voprosy teorii* [Russian state as a subject of constitutional and legal relations: Theory] / nauch. red. S.A. Avakyan. Voronezh: Izd-vo: VGU, 2005. 197 s. (In Russ).
4. Bukhtereva M.A. *Formy realizatsii funktsiy gosudarstva* [Forms of implementation of state functions]: dis. ... kand. jurid. nauk: M., 2002. 202 s. (In Russ).
5. Gobbs T. *Leviafan* [Leviathan]. M.: Mysl, 2001. URL: http://fictionbook.ru/author/gobbs_tomas/leviafan_ili_materiya_forma_i_vlast_gosu/ (data obrashcheniya: 03.06.2014). (In Russ).
6. Gegel G.V.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law] / red. i sost.: D.A. Kerimov, V.S. Nersesyants; per. s nem. B.G. Stolpnera i dr. M.: Mysl, 1990. 525 s. (In Russ).
7. Denisov A.I. *Sovetskoye gosudarstvo: Vozniknoveniye, razvitiye, sushchnost i funktsii* [The Soviet state: origin, development, na-

- ture and function]. M: Izd-vo MGU, 1967. 425 s. (In Russ).
8. Denisov A.I. *Sushchnost i formy gosudarstva* [The nature and form of the state]. M: Izd-vo MGU, 1960. 64 s. (In Russ).
 9. Ellenek G. *Obshcheye ucheniye o gosudarstve* [General theory of the state] / vstup. st. d-ra jurid. nauk, prof. I.Yu. Kozlikhina. SPb.: Yurid. tsentr Press, 2004. 750 s. (In Russ).
 10. Zagaynov L.I. *Ekonomicheskiye funktsii sovetskogo gosudarstva* [Economic functions of the Soviet state]. M: Yurid. lit., 1968. 263 s. (In Russ).
 11. Kalentyeva T.A. *Pravovyye formy realizatsii ekonomicheskoy funktsii gosudarstva v usloviyakh perekhoda k rynochnym otnosheniyam* [Legal forms of implementation of the economic functions of the state in the transition to a market economy]: dis. ... kand. jurid. nauk: Samara, 2000. 235 s. (In Russ).
 12. Kask L.I. *Funktsii i struktura gosudarstva* [Function and structure of the State] / otv. red. D.A. Kerimov. L.: Izd-vo LGU, 1969. 64 s. (In Russ).
 13. Kask L.I., Nikolayeva L.V. *O nekotorykh voprosakh ponyatiya funktsiy gosudarstva* [On some issues the notion of state functions] // *Vestnik Leningradskogo universiteta. Ser.: Ekonomika, filosofiya, pravo* – Vestnik of Leningrad University. Series: Economics, philosophy, law. 1974. Vyp. 2. (In Russ).
 14. Kechekyan S.V. *Ucheniye Aristotelya o gosudarstve i prave* [Aristotle's doctrine of State and Law]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1947. 222 s. (In Russ).
 15. Korelskiy V.M. *Obshchaya teoriya sotsialisticheskogo gosudarstva: uchebn. posobiye (tsikl lektsiy)* [The general theory of the socialist state. Textbook (lectures)] / red. A.F. Cherdantsev. Sverdlovsk: Izd-vo SYuI, 1970. 198 s. (In Russ).
 16. Lokk Dzh. *Sochineniya* [Works]: v 3 t. / per. s ang. i lat. T. 3. / red. i sost., avt. primech. A.L. Subbotin, M.: Mysl, 1988. 668 s. (In Russ).
 17. Marchenko Yu.V. *Pravovyye formy osushchestvleniya gosudarstvennykh funktsiy* [Legal forms of the state functions]: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2008. 174 s. (In Russ).
 18. Monteskye Sh.L. *O dukhe zakonov* [The Spirit of Laws]. M.: Mysl, 1999. 672 s.
 19. Morozova L.A. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law: tutorial]. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: NITs INFRA-M, 2014. 464 s. (In Russ).
 20. Nersesyants V.S. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: uchebnik dlya vuzov* [History of political and legal doctrines: Textbook for Universities]. M.: INFRA-M, 2014. 704 s. (In Russ).
 21. Petrov V.S. *Sushchnost, soderzhaniye i formy gosudarstva* [Essence, the content and form of the state]. L.: Nauka, 1971. 163 s. (In Russ).
 22. Platon. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 volumes] T. 3. Ch. 1 / pod obshch. red. A.F. Loseva i V.F. Asmusa. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; Izd-vo Olega Abyshko, 2007. 752 s. (In Russ).
 23. Russo Zh. Zh. *Traktaty* [Treatises]. M.: Nauka, 1969. 710 s. (In Russ).
 24. Samoshchenko I.S. *O pravovykh formakh osushchestvleniya funktsiy Sovetskogo gosudarstva* [About the legal forms of the functions of the Soviet state] // *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. 1956. №3. S. 81–91. (In Russ).
 25. Tikhomirov Yu.A. *Gosudarstvo: monografiya* [The State: monograph]. M.: Norma: NITs INFRA-M, 2013. 320 s. (In Russ).
 26. Chernogolovkin N.V. *Teoriya funktsiy sotsialisticheskogo gosudarstva* [Theory of functions of the socialist state]. M.: Yurid. lit., 1970. 216 s. (In Russ).
 27. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava* [Common Theory of Law]. M.: Izd. br. Bashmakovykh, 1910. T. 1, 2. URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=243> (data obrashcheniya: 03.06.2014). (In Russ).

EVOLUTION OF IDEAS ABOUT THE SUBSTANCE AND CONTAIN OF THE CONCEPT OF «STATE FUNCTIONS»

F.V. Fetyukov

Ural State Law University
21, Komsomolskaya st., Yekaterinburg, 620137
e-mail: fetukov@inbox.ru

Abstract: **Introduction:** representation of scientists and thinkers of the functions of the state are due to lengthy processes of perception and awareness of the human reality, search for the true spirit and purpose of the state. **Purpose:** the article analyzes the conception of the substance and content of the concept of «functions of the state». **Methods:** methodological basis of the research is a set of methods of scientific knowledge, of which the leading place is occupied by the dialectical method. The article also used scientific methods of research (dialectic, analysis and synthesis). **Results:** the basis of prevailing in Soviet legal literature approach in determining the nature and content of the analyzed concepts are representations of the gradual aging of the most common activities of the state of its homogeneous species (sides). Alternative approach was based on viewing state functions as state's social purpose within the country and beyond its borders. It allowed to distinguish the state functions themselves from activities of the state for their implementation. Both approaches have proponents in contemporary literature. *However, the public discussion about the specifics of state regulation led to an understanding state functions as specific mechanism of state regulation on public relations defining the main directions and content of its activity of governing a society.* **Conclusions:** in the study of the concepts of the theory of functions of the state, which primarily applies the concept of «state functions» should be based on a specially-legal analysis of the philosophical category of «activity» as well as the definition of the object, the subjects and content of state activity. Necessary to carry out functions of the state system of research, based on the formulation of an objective justification that would avoid subjectivity in modeling functions of the state.

Keywords: state; purpose; tasks of the state; capacity; social purpose; substance; activity

Информация для цитирования:

Фетюков Ф.В. Эволюция представлений о сущности и содержании понятия «функции государства» // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 33–43.

Fetyukov F.V. Jevoljucija predstavlenij o sushhnosti i sodержanii ponjatija «funkcii gosudarstva» [Evolution of ideas about the substance and contain of the concept of «state functions»] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 33–43. (In Russ).

II. КОНСТИТУЦИОННОЕ, МУНИЦИПАЛЬНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УДК 342.5

ПРИНЯТИЕ ЗАКОНА «ОБ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТАХ» КАК ПЕРВЫЙ ЭТАП НА ПУТИ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

А.И. Василенко

Аспирант кафедры конституционного и финансового права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: Alexey22213@mail.ru

Аннотация: **Введение:** законодательство «об иностранных агентах» и лоббистское законодательство связаны по целям, политической природе регулируемых отношений, статусам субъектов, а также по механизмам раскрытия информации об их деятельности. **Цель:** 1) установить общую политико-правовую природу лоббистской деятельности и политической деятельности «иностранных агентов», как видов правового воздействия на государство; 2) проанализировать начало первого этапа становления российского лоббистского законодательства и сформировать рекомендации по его дальнейшему развитию. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает диалектический метод. В статье использованы общенаучные (диалектика, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация) и частно-научные методы исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический).

Результаты: установлено, что законодательство о регулировании политической деятельности «иностранных агентов» появилось в целях защиты суверенитета, конституционного строя и национальных интересов от внешних воздействий посредством придания такой деятельности открытости и возможности применения мер общественного и государственного контроля. Позднее сформированный механизм обеспечения открытости был распространен на контроль за внутренними воздействиями на государство со стороны различных социальных групп и индивидов (лоббизм). Проведен анализ понятия политической деятельности. Сопоставлены обязанности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента по российскому законодательству, и обязанности лоббистов по зарубежному законодательству. Отмечено сходство лоббистской деятельности и политической деятельности «иностранных агентов» как видов политической деятельности. Установлено и сходство правовых механизмов обеспечения открытости этих видов деятельности.

Выводы: автором отмечается, что и лоббисты по зарубежному лоббистскому законодательству, и российские НКО, выполняющие функции иностранного агента, имеют общий состав (систему) обязанностей, возлагаемых на них законом. Сформированный законами механизм раскрытия информации о деятельности, предполагающий регистрацию в соответствующих реестрах лоббистов и

«иностранных агентов», имеет общие черты. Делается вывод о том, что российское законодательство о политической деятельности иностранных агентов развивается по американской модели и является началом первого этапа формирования полноценного лоббистского законодательства в России.

Ключевые слова: иностранный агент; иностранное влияние; некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента; агент иностранного принципала; лоббизм; лоббирование; правовое регулирование лоббизма; политическая деятельность; лоббистская деятельность; раскрытие информации о лоббистской деятельности; открытость власти; суверенитет

Общая характеристика российского закона «Об иностранных агентах»

В связи с принятием Федерального закона от 20 июля 2012 г. №121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» [9] (далее – Закон №121-ФЗ) в конце 2012 года в российской правовой действительности появилось новое понятие – «некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента». Данный федеральный закон, прозванный общественностью законом «об иностранных агентах», представляет собой совокупность поправок, вносимых в другие действующие законодательные акты – в Федеральный закон от 19 мая 1995 года №82-ФЗ «Об общественных объединениях», в Федеральный закон от 12 января 1996 года №7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Кроме того, вносятся изменения в Кодекс об административных правонарушениях, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и в федеральный закон, регулирующий деятельность по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма. Закон №121-ФЗ нацелен на обеспечение российского общества должными элементами контроля за деятельностью некоммерческих организаций (НКО), «финансируемых из иностранных источников и преследующих при этом политические цели, в том числе, в интересах своих финансовых доноров» [13]. Между тем положения закона были негативно расценены частью общественности. Закон воспринимается как излишнее вмешательство государства в деятельность гражданского общества путем введения дополнительных

обязанностей и мер государственного контроля. Словосочетание «иностранный агент», как правило, понимается буквально, как шпион. Быть включенным в реестр расценивается как навешивание на НКО негативного ярлыка, наносящего удар репутации и делающего организацию неким враждебным элементом. Отчасти по этой причине НКО не особо активно стали исполнять закон: по состоянию на 1 августа 2014 г. в реестр включены лишь 11 «иностранных агентов» [3]. При этом, спустя четыре месяца после принятия закона, официальными лицами назывались внушительные объемы иностранного финансирования российских НКО общей суммой почти в миллиард долларов, а всего было установлено 654 потенциальных «иностранных агента» [1]. Повсеместные уклонения от регистрации и, следовательно, низкую эффективность закона можно объяснить общим негативным восприятием статуса «иностранный агент», недостатками уведомительного порядка регистрации и противоречивостью формулировок закона, особенно в части содержания понятия «политическая деятельность». Уполномоченным законом органом является Министерство юстиции России, которое наделяется рядом полномочий в сферах нормативно-правового регулирования и правоприменения в отношении некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Одним из полномочий Минюста является установление порядка ведения реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Реализуя указанное полномочие, Минюст России издал приказ «О Порядке ведения реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» [12]. Поправки в закон, принятые в июне 2014 года, дополнили механизм регистрации возможностью «ав-

томатической» регистрации (естественно, с возможностью обжалования в судебном порядке) в реестре некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, самым уполномоченным органом путем включения информации в реестр. В связи с поправками 2014 года уполномоченный орган должен выявлять некоммерческую организацию, осуществляющую деятельность в качестве некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента. Таковую организацию Минюст должен включать в реестр. Основанием для включения также является поступление информации от государственных органов, органов местного самоуправления, граждан или организаций об осуществлении некоммерческой организацией соответствующей деятельности.

Основные понятия Закона №121-ФЗ

Главный смысл Закона №121-ФЗ сводится к тому, что российская некоммерческая организации приобретает особый правовой статус некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента. Для этого необходимо наличие двух условий. Согласно п. 6 ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [11] под некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, понимается российская некоммерческая организация, которая:

- 1) получает денежные средства и иное имущество от иностранных источников;
- 2) участвует, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации.

Указанная норма раскрывает и перечень таких иностранных источников: иностранные государства, их государственные органы, международные и иностранные организации, иностранные граждане, лица без гражданства либо уполномоченные ими лица (назовем их субъекты-нерезиденты) и/или российские юридические лица, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (субъекты-резиденты РФ). Исключение – открытые акционерные общества с государственным участием и их дочерние общества. Соблюсти первое условие для организации не со-

ставляет труда, поскольку слово «получает» может трактоваться достаточно свободно. Для такого «получения», например, достаточно лишь внести пожертвование любым иностранным гражданином на счет организации (а действенных механизмов отказа от пожертвования пока нет), что будет подтверждаться данными аудита и бухгалтерии. Больше вопросов на практике вызывает второе условие, а именно неопределенность содержания понятия «политическая деятельность». Законом №7-ФЗ в п. 6 ст. 2 установлено, что некоммерческая организация (за исключением политической партии) признается участвующей в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, если независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах (т.е. фактически), она участвует (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций **в целях воздействия на** принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях. Только одновременное выполнение вышеназванных условий позволяют придать российской некоммерческой организации соответствующий статус: во-первых, эта организация должна как непосредственно (от субъектов-нерезидентов), так и опосредованно (через субъектов-резидентов РФ) финансироваться из иностранных источников; во-вторых – эта организация должна участвовать в политической деятельности на территории Российской Федерации. Подробнее понятие политической деятельности будет рассматриваться далее.

На практике возникла ситуация, когда иностранное финансирование НКО очевидно и вытекает из договорных отношений организации с иностранными субъектами, но доказать именно политический характер действий организации (так называемых «политических акций») и их направленность (цель) стало практически невозможно, так как требуется проанализировать результат такой целенаправленной деятельности, которые не всегда очевиден. Законодатель не позволяет однозначно понять содержа-

ние понятия «политической акции», что позволило начать применять закон в отношении широкого количества субъектов и охватить широкий спектр их действий. Любое публичное мероприятие понимается, как акция. К акциям можно отнести распространение материалов, проведение конкурсов, концертов, спортивных мероприятий. «Акцией можно считать проведение практически любого мероприятия, если нет возможности однозначно определить иную правовую природу такого мероприятия» [4]. На практике организации в судебном порядке вынуждены были доказывать, что не предпринимали в своей деятельности политических акций в указанных законом целях. Для правоприменителя возникла необходимость доказательства обратного. Например, в ходе судебного процесса по признанию общественной организации «Пермский региональный правозащитный центр» (далее – ПРПЦ) нарушителем законодательства об НКО в качестве доказательства того, что ПРПЦ занимается политической деятельностью, был указан факт издания книги и статьи. Государственные обвинители, ссылаясь на экспертное заключение, считали, что выпуск издания является «политической акцией», поскольку материалы издания нацелены на изменение государственной политики и формирование общественного мнения. К политической деятельности надзорный орган отнес и «публичное обсуждение участниками ПРПЦ общественно-политических отношений и характера деятельности органов госвласти» [15]. В экспертном заключении отмечается, что «в издаваемых ПРПЦ материалах присутствуют высказывания политической направленности, а их распространение может оказывать воздействие на корректировку государственной политики» [15]. Несмотря на наличие доказательств финансирования деятельности ПРПЦ из иностранных источников (более 7 млн руб.) и осуществления организацией политических акций, суд не признал необходимости ПРПЦ регистрироваться в реестре «иностранных агентов», так как цель осуществления политической деятельности ПРПЦ не была доказана, не было проанализировано воздействие на принятие государственными органами решений. Стало быть, формально

организация не занимается политической деятельностью по смыслу Закона №121-ФЗ. Производство по делу об административном правонарушении было прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения, предусмотренного ст. 19.34 КоАП РФ из-за недостаточности доказательств, подтверждающих участие организации в политической деятельности. Отмечается, что вынося решение, мировой судья исходил из дословного применения закона, а прокуратурой не проведено анализа результатов деятельности и не указаны критерии отнесения деятельности организации к политической [14]. На наш взгляд, трудности на практике вызваны формулировкой «в целях воздействия на...» в определении политической деятельности, так как цель предполагает достижение определенного результата, а деятельность необходимо считать политической не по результату, а по фактической направленности процесса. Также и наоборот: цели может и не быть, а фактически в результате деятельности НКО, например, принимается выгодное иностранному субъекту решение.

Связь с американским законом 1938 года

Несмотря на проблемы в реализации, полагаем, что регулирование посредством придания открытости политической деятельности является необходимым в действующих общественно-политических условиях неконтролируемого иностранного влияния на российское государство и общество. Практически в аналогичной ситуации находились США в 30-х гг. XX века. Исследователи отмечают, что одним из способов нивелировать распространение влияние иностранной пропаганды, активность иностранной разведки и развитие научно-промышленного шпионажа стало принятие «закона об иностранных агентах» – первого в истории специального акта о лоббизме, хотя и «посвященного лишь одному из его сегментов – лоббизму нерезидентов» [6].

Очевидно, что Закон №121-ФЗ является попыткой рецепции действующего в США с 1938 года «Закона о регистрации иностранных агентов» («Foreign Agents Registration Act» – далее FARA). Данный закон требует от лиц, занимающихся политической деятельностью в качестве агентов

иностранных принципалов, периодически раскрывать информацию об их взаимоотношениях с иностранным принципалом, а также сведения о финансовых поступлениях и выплатах в поддержку такой деятельности. Раскрытие необходимой информации способствует оценке правительством и американским народом иностранного влияния на политику. Сегодня, в соответствии с законом FARA, ответственность за применение и исполнение возложена на Регистрационное подразделение контрразведки Отдела Национальной безопасности Министерства юстиции США. Законом 1938 года было положено начало оформления лоббизма в конституционно-правовой институт и появления лоббистского законодательства, первый этап становления которого, по мнению С.С. Костяева, закончился как раз принятием FARA как акта, регулирующего отдельный сегмент сложных лоббистских отношений. При этом FARA нацелен на раскрытие информации о деятельности не только некоммерческих организаций, но и любых коммерческих организаций, любых общественных объединений, а также физических лиц. В 1966 году в FARA были внесены поправки, сместившие акцент с пропагандистской на политическую и экономическую деятельность, а в 1946 году был принят закон о регистрации лоббистов-резидентов – «The Lobbying Registration Act of 1946».

Хотелось бы отметить, что, в соответствии с FARA, субъекты регулируемых отношений именуется «иностранном принципалом» и «агентом иностранного принципала», указывая на то, что отношения между сторонами являются видом агентирования и регулируются в частно-правовом порядке, куда FARA не вмешивается. Российский Закон №121-ФЗ также использует термин «агент», который, по смыслу действующего законодательства, а именно ст. 1005 Гражданского кодекса РФ [2], употребляется для обозначения лица, обязующегося за вознаграждение «совершать по поручению другой стороны (принципала) юридические и иные действия от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала». При этом Закон №121-ФЗ не называет НКО напрямую иностранным агентом, а лишь указывает на вы-

полнение организацией ряда функций иностранного агента. Это позволяет сделать вывод, что отношения между участниками отношений являются особым видом агентирования, также строятся на частноправовых началах и регулируются исключительно гражданским законодательством. А «политическая акция» может выражаться в совершаемых агентом в интересах принципала «юридических и иных действий», которые определяются соглашением сторон и которые имеют своей целью воздействие «на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях».

Учитывая формулировки FARA, считаем, что и в российском законе следует использовать словосочетание «агент иностранного принципала», что позволяет отказаться от негативно воспринимаемой формулировки «иностраннный агент» и подчеркивает природу сложившихся отношений между сторонами. Акцент в этом случае делается на иностранном статусе принципала, а не агента, который остается «российским».

Как уже было отмечено, в американском праве статус агента иностранного принципала шире. Под агентом иностранного принципала в ст. 611 FARA понимается *любое лицо*, которое действует как агент, занимается политической деятельностью и др. При этом предусмотрены и исключения. Статус агента иностранного принципала не распространяется на СМИ или пресс-службы, которые не находятся в собственности, под надзором или контролем, финансированием любого иностранного принципала. Не распространяется действие закона на дипломатических и консульских работников, официальных должностных лиц иностранных правительств, а также лиц, занимающихся индивидуальной и неполитической деятельностью, сбором средств. Исключается религиозная, образовательная или научная деятельность, а также деятельность в области оборонной промышленности, признанной стратегически важной для США. Закон не распространяется и на практикующих юристов и лоббистов, зарегистри-

стрированных в соответствии с лоббистским законодательством.

Закон №121-ФЗ также установил исключения. Во-первых, деятельность политических партий не признается законом политической деятельностью некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Во-вторых, к политической деятельности не относится деятельность НКО в отдельных областях деятельности, исчерпывающий перечень которых определен п. 6 ч. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях». Это так называемая «общественно-полезная» деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, социальной поддержки и защиты граждан, благотворительной деятельности и др. СМИ под действие закона не попадают, но, с учетом внесенного в 2014 г. в Государственную думу РФ законопроекта [4], предлагается распространить статус «иностранный агент» на СМИ, получающие поддержку из иностранных источников в объемах более 25 процентов от дохода организации. Такие СМИ предлагается включать в специальный реестр иностранных агентов. Считаем это недопустимым, так как в случае со СМИ в такой реестр должен становиться учредитель (субъект права, лицо, получающее поддержку от иностранных источников), а не само СМИ, под которым на основании ст. 2 Закона «О СМИ» понимается форма периодического распространения массовой информации. А «форма» никак не может выступать заинтересованной стороной, которой всегда фактически выступает учредитель СМИ (собственник). Собственник СМИ распоряжается имуществом, оплачивает работу редакции и перед ним редакция несет ответственность. Считаем, что вместо размножения реестров различных видов «иностранных агентов» необходимо создание единого реестра на основании нового федерального закона, который бы понятием «агента иностранного принципала» объединил всех субъектов (и коммерческие, и не коммерческие организации, общественные объединения) и создал общий механизм раскрытия информации об их деятельности.

Что касается использования Законом №121-ФЗ формулировки «формирования

общественного мнения» в понятии политической деятельности, то, полагаем, следует использовать более удобную для доказывания формулировку «воздействия на любую часть общественности», где под общественностью следует понимать любых лиц и их объединения. Такая формулировка используется в FARA при определении политической деятельности и успешно показала себя на практике. Следует, что политическую деятельность агента иностранного принципала нужно определить как *деятельность по воздействию на государственные органы Российской Федерации, их должностных лиц, а также на любую часть общественности по вопросам формирования, принятия или изменения внутренней или внешней политики Российской Федерации, либо по вопросам выражения политических или общественных интересов иностранного принципала.*

Указание на специальный субъект (агент иностранного принципала) позволит понимать под такой политической деятельностью только деятельность в интересах иностранного принципала, а наличие или отсутствие заинтересованности подтверждается показателями иностранного финансирования указанной деятельности, подтвержденными данными бухгалтерской отчетности. В таком случае требуется законодательное определение «агента иностранного принципала» и самого перечня субъектов, входящих в понятие иностранного принципала (а не иностранного источника, как в действующем законе). Все это требует в перспективе принятия нового Федерального закона «Об иностранных агентах», а вслед за ним и федерального закона о лоббистской деятельности как особого вида политической деятельности и профессиональной экономической деятельности российских граждан и общественных объединений. Такой закон в дополнение к раскрытию информации о деятельности «иностранных агентов» должен способствовать обеспечению открытости взаимоотношений российских граждан и организаций с органами власти и их должностными лицами по вопросам формирования, принятия или изменения внутренней или внешней политики Российской Федерации в интересах частных

субъектов, не являющихся иностранными принципалами.

Лоббистская деятельность и политическая деятельность

Сегодня очевидна заинтересованность власти в придании лоббистским отношениям свойства открытости для возможности применения мер государственного и общественного контроля. Национальный план по противодействию коррупции на 2014–2015 гг. [13] предусматривает внесение Правительством РФ предложений по созданию нормативной правовой основы лоббизма, который впервые в российском праве получил легальное определение. Так, под лоббизмом понимается деятельность граждан и организаций *по продвижению интересов* социальной группы или индивида в государственных или муниципальных органах в целях принятия наиболее благоприятного для данной социальной группы или индивида решения. В контексте настоящей статьи следует отметить, что появление легального определения лоббизма – важный шаг на пути становления отечественного лоббистского законодательства и правового регулирования лоббистской деятельности. Если лоббизм направлен на профессиональное продвижение частных интересов граждан и организаций в органах власти, то политическая деятельность агентов иностранного принципала направлена на продвижение интересов исключительно иностранных субъектов, в перечень которых входят и публичные образования – иностранные правительства, международные организации. Регулирование лоббистской деятельности обеспечивает открытость в реализации частных интересов, а регулирование деятельности агентов иностранных принципалов – открытость в реализации частных публичных интересов иностранных принципалов.

По нашему мнению, политическая деятельность агентов иностранных принципалов и лоббистская деятельность – наиболее связанные виды деятельности, правовое регулирование которых является взаимодополняющим, имея общие основания и задачи (обеспечение открытости и формирование механизмов государственного и общественного контроля), а также общие право-

вые механизмы реализации (создание механизма раскрытия информации о деятельности).

Единство лоббизма и деятельности «иностранцев» выражается в общей истории развития этих политических институтов и моделей их правового регулирования.

Во-первых, в США, на родине профессионального лоббизма, законом об иностранных агентах 1938 года впервые был урегулирован отдельный сегмент лоббизма – лоббирование внешнеполитических интересов.

Во-вторых, большинство исследователей лоббизма называют закон FARA фактически первым специальным актом о лоббизме, и именно в этой роли он вошел во всемирную историю развития этого общественно-политического института, став завершением первого этапа становления лоббистского законодательства.

В-третьих, законом был создан механизм раскрытия информации о деятельности огромного сектора американского гражданского общества, именно на его основе сформирован современный механизм раскрытия информации о лоббистской деятельности.

В-четвертых, оба вида деятельности имеют общие конституционные основания – это право обращений к правительству, право участвовать в управлении делами государства, право создавать объединения и др.

Уже было отмечено, что главным элементом современного лоббистского законодательства является механизм раскрытия информации о лоббистской деятельности. Соответственно, в возможном российском лоббистском законодательстве вопросу регистрации лоббистов и раскрытию информации относительно их деятельности будет отдаваться огромное значение.

Процедура регистрации вместе с процедурой раскрытия являются связанными между собой стадиями единого механизма раскрытия информации о лоббистской деятельности. Механизм раскрытия информации предполагает совокупность действий участников лоббистских отношений в соответствии с особым правовым режимом лоббистской деятельности. Механизм правового

го регулирования лоббистской деятельности включает в себя регламентированные законом права и обязанности субъектов лоббистских отношений, не только связанные с раскрытием информации, а также включающие и сами правовые принципы (методы) лоббистской деятельности. Соответствие таким принципам позволяет придать деятельности по продвижению интересов качество легальности – главное качество лоббизма, как правового воздействия на государство. Конституционно-правовое регулирование задает эти общие принципы лоббистской деятельности, являющиеся выражением ряда конституционных прав граждан.

Права и обязанности субъектов лоббистского законодательства (на примере США, Канады) можно разделить на три группы:

- 1) регистрационные (например, право получать информацию из реестра, обязанность зарегистрироваться в реестре)
- 2) текущие (право на лоббистские контакты с должностными лицами, обязанность соблюдать требования закона)
- 3) отчетно-контрольные (право обжаловать решения, обязанность отчитываться, выполнять требования контролирующих органов).

В данных примерах отражены только права и обязанности лоббистов, другие субъекты лоббистских отношений (органы государственной власти и местного самоуправления) также имеют соответствующие права и обязанности. Субъекты, в чьих интересах действуют лоббисты (Клиенты, работодатели), имеют права и обязанности, регламентируемые гражданским (взаимоотношения лоббиста-консультанта с клиентом) и трудовым правом (взаимоотношения лоббиста-сотрудника с работодателем, в интересах которого действует лоббист). Таким образом, конституционно-правовое регулирование ограничивается лишь публично-правовой частью лоббистских отношений – взаимоотношения лоббистов и органов власти, должностных лиц этих органов. Для частно-правовой части лоббистских отношений конституционное право определяет лишь основы, пределы регулирования, общие принципы лоббистской деятельности

(соблюдение закона, профессионализм и др.).

Теперь для сравнения с лоббистским законодательством более детально проанализируем обязанности, которые возлагаются Законом №121-ФЗ на НКО, выполняющие функции иностранного агента. Данные обязанности (всего их 6) также можно сгруппировать на три группы:

- 1) регистрационные;
- 2) текущие;
- 3) отчетно-контрольные.

Теперь рассмотрим более подробно.

К **«регистрационным»** обязанностям следует отнести:

- 1) обязанность зарегистрироваться в реестре.

К **«текущим»** относятся следующие обязанности:

- 2) при издании или распространении материалов организации требуется указание на то, что эти материалы изданы и (или) распространены некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента;
- 3) вести отдельный учет доходов или расходов, полученных или произведенных в рамках поступлений от иностранных источников;
- 4) проходить обязательный аудит годовой бухгалтерской отчетности.

«Отчетно-контрольные» обязанности включают:

- 5) представлять в уполномоченный орган документы, содержащие:
 - а) отчет о своей деятельности – один раз в полгода;
 - б) документы о целях расходования денежных средств и использования иного имущества, в том числе полученных от иностранных источников, – ежеквартально;
 - в) аудиторское заключение – ежегодно;
 - б) раз в полгода публиковать отчет о своей деятельности – т.е. делать его доступным для общественности;

Очевидно, что характер обязанностей лоббистов и характер обязанностей НКО, выполняющих функции иностранных агентов, обладает сходной структурой, различающейся лишь в выражении конкретных

прав и обязанностей. Объясняется это сходство общностью регулируемых отношений, выраженной в общей политической природе общественных отношений, в однородности (но не тождестве) субъектов отношений и общности механизмов правового регулирования взаимоотношений субъектов. Конституционным содержанием и тех, и других отношений выступают общие конституционные права (прежде всего, право на обращение к правительству, право участвовать в управлении делами государства и др.).

Анализируя понятие политической деятельности, вновь становится очевидна ее связь с лоббистской деятельностью, потому что и лоббистская деятельность по законодательству зарубежных стран, и политическая деятельность «иностранных агентов» являются легальными процессами по влиянию на принятие решений органами власти или отдельными должностными лицами органов власти. В обоих видах деятельности могут выражаться интересы иностранных субъектов, однако лоббистская деятельность предполагает продвижение только частных интересов, тогда как «иностранные агенты» могут продвигать и публичные иностранные интересы (например, иностранного правительства). Возникает вопрос, как быть лоббисту, если к нему в качестве клиента обращается лицо, на которое по закону об иностранных агентах распространяется статус иностранного принципала (например, иностранная правозащитная организация)? В каком реестре регистрироваться? Ответ кроется в возникающих отношениях между субъектами. Фактически, лицо может являться лоббистом по статусу, быть зарегистрированным в реестре лоббистов и заниматься лоббистской деятельностью в интересах такого иностранного принципала. Но в данном случае лоббист формально будет одновременно являться субъектом и лоббистских отношений, и участником соответствующих отношений в качестве агента иностранного принципала. Соответственно, возникает необходимость регистрироваться в реестре агентов иностранного принципала (в США, например, для лоббистов сделано исключение, регистрация не требуется, так как информация об их деятельности и так подлежит раскрытию). Полагаю, что, если

лицо уже является зарегистрированным лоббистом, следует для осведомленности общественности предусмотреть возможность автоматического внесения в реестр агентов иностранного принципала. Например, как только в отчете лоббиста указан иностранный принципал в качестве клиента, сведения об их взаимоотношениях автоматически отправляются в реестр агентов иностранного принципала. Это удобно и лоббисту, и контролирующему органу.

Если же клиентом лоббиста, например, становится сам агент иностранного принципала (уже зарегистрирован в реестре), то для лоббиста дополнительная регистрация не требуется, так как он будет продвигать интересы частного лица, о чем будет запись в реестре лоббистов. Лоббист будет участником только лоббистских отношений. В любом случае, информация о частных взаимоотношениях всех субъектов подлежит раскрытию: между иностранным принципалом и российским гражданином или организацией – по закону об иностранных агентах, а между гражданином или организацией и лоббистом – по закону о лоббистской деятельности.

Связь лоббистской деятельности и политической деятельности агентов иностранного принципала заключается и в фактическом содержании этих видов деятельности. Так, по мнению С. Лопатникова, к политической деятельности следует отнести формирование политического волеизъявления людей – это пропаганда общественных идей, подготовка политических кадров, организация манифестаций, публикации в СМИ и другие методы распространения информации, имеющие целью создание позитивного или негативного образа политических деятелей, государственных органов власти, политических или иных социально значимых событий, и т.п. [9]. Фактически все эти действия являются ничем иным, как обычной деятельностью лоббистов в рамках грамотно построенной лоббистской компании. И если законодатель делает часть политической деятельности прозрачной и контролируемой, то формируется практика и условия для контроля и за лоббистской деятельностью. Законодательной практикой на примере США сформирована модель,

согласно которой законодательство о лоббизме развивается следующим образом: сначала, осознав угрозу неконтролируемого иностранного лоббизма, была взята под контроль политическая деятельность в интересах иностранных субъектов, а уже потом, когда эти нормы «прижились», доказали эффективность и вписались в действующие общественно-политические отношения, в 1946 г. под контроль была взята и деятельность национальных лоббистов – был принят Federal Regulation of Lobbying Act.

Принятие закона о регистрации «иностранцев-агентов» и появление в России первого легального понятия лоббизма – важные шаги на пути правового регулирования политической деятельности индивидов и социальных групп, которая включает в себя и лоббистскую деятельность. Таким образом, категория «политическая деятельность» включает в себя следующие составляющие, которые должны быть урегулированы правом: политическая деятельность политических партий, политическая деятельность «иностранцев-агентов», лоббистская деятельность. Отличие лоббистской деятельности от прочих видов политической деятельности состоит, прежде всего, в профессиональном (возмездном) характере деятельности лоббистов по взаимодействию с носителями властных полномочий по продвижению интересов субъектов, не являющихся иностранными принципалами. Кроме того, от политической деятельности политических партий лоббистская деятельность отличается отношением к власти и политической борьбе. Борьба за власть не цель лоббистов, они не участвуют в выборах в качестве кандидатов, статусы лоббиста и кандидата не совместимы. Общим же и для лоббистской деятельности, и для политической деятельности «иностранцев-агентов» является механизм правового регулирования, включая механизм раскрытия информации о таких видах деятельности. Цель раскрытия информации также одинакова – обеспечить прозрачность процессов политического влияния на систему принятия решений для последующей реализации мер государственного и общественного контроля.

Учитывая сложность и объективный характер существования политической деятельности в гражданском обществе, ни лоббистскую деятельность, ни политическую деятельность нельзя тотально контролировать, либо вовсе взять и запретить. Будучи формально запрещенной, она станет носить теневой характер, чем будет представлять огромную опасность для экономики, национальной безопасности и государственного суверенитета.

Выводы

1. Общность политической природы отношений. Отношения, возникающие при осуществлении «иностранцем-агентом» политической деятельности и существующие лоббистские отношения имеют общую природу: носят легальный характер, имеют сходный (но не тождественный) субъектный состав, сходную систему прав и обязанностей. Суть данных отношений заключается в воздействии на государство и общество путем продвижения интересов определенных субъектов.

2. Приоритеты в регулировании. Исторически сложилось, что в первую очередь была урегулирована политическая деятельность «иностранцев-агентов». Это объясняется необходимостью защиты от неконтролируемого иностранного (внешнего) влияния собственного суверенитета и интересов национальной безопасности. Сложившаяся практика позволила распространить эффективность созданных механизмов контроля за продвижением интересов и на внутренние воздействия, сделав впоследствии лоббизм легальной политической деятельностью. Видится, что главный смысл введения терминов «политическая деятельность» и «иностранец-агент» в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» – попытка государства взять под контроль и сделать открытым политическое влияние, прежде всего иностранное, которое может угрожать конституционному строю и национальным интересам России. Поэтому цели современных российских поправок в Закон о НКО и американского закона 1938 г. одинаковы – не допустить бесконтрольного иностранного влияния на внутреннюю и внешнюю политику государства.

3. Конституционно-правовые пределы регулирования. Конституционно-правовое регулирование политической деятельности «иностранных агентов» ограничивается закреплением основ статуса субъектов, механизма их регистрации, порядка взаимоотношений с органами власти, а более подробно статус регулируется другими отраслями права. Аналогичный подход следует использовать и при построении системы правового регулирования лоббистской деятельности. Федеральный закон о лоббистской деятельности должен давать понятийный аппарат нового конституционно-правового института, определять механизм регистрации лоббистов и порядок раскрытия информации о лоббистской деятельности, порядок взаимодействия лоббистов и органов власти и их должностных лиц. А частноправовые отношения между лоббистами и их нанимателями (клиентами) должны регулироваться другими отраслями права. Закон №121-ФЗ создает первую отечественную модель, по которой следует строить лоббистское законодательство. Это исключительно модель взаимоотношения общества и государства, но не навязываемая модель взаимоотношений частных субъектов. Как должны себя вести лоббисты и НКО в своих взаимоотношениях с другими частными субъектами, не входит в предмет детального регулирования конституционным правом как публичной отрасли права.

4. Частноправовые пределы регулирования. И лоббисты, и НКО, выполняющие функции иностранных агентов, действуют в интересах своих «нанимателей». Отношения между такими «нанимателями» (иностранными принципалами, клиентами лоббистов, собственниками и руководителями компаний, на которые они работают) являются гражданско-правовыми, и регулируются гражданским правом. В случае с НКО, выполняющими функции иностранных агентов, отношения фактически регулируются особым агентским договором, сторонами которого выступают агент и иностранный принципал. Поэтому считаем, что такие НКО правильнее было бы называть «НКО, выполняющие функции агента иностранного принципала», тем самым подчеркнуть агентскую природу отношений

между сторонами и иностранный статус именно принципала.

5. Сходство механизмов правового регулирования. Как показывает анализ зарубежных актов по регулированию лоббистской деятельности, существующие законы, по которым регистрация лоббистов обязательна, предполагают единую систему обязанностей, которая может быть представлена в виде трех элементов: регистрации, текущей деятельности, отчетности. Европейские законы (ФРГ, уровень Европейского союза) о регулировании лоббистской деятельности используют ту же систему, но регистрация не носит обязательного характера. Прибавив к системе обязанностей права, а также средства государственного и общественного контроля, мы получим механизм правового регулирования лоббистской деятельности. Аналогично и механизм правового регулирования деятельности НКО, выполняющих функции иностранного агента, имеет вид системы «регистрация-деятельность-отчетность-контроль».

6. Связь и единство закона об «иностранных агентах» и перспективного закона о регулировании лоббистской деятельности. Полагаем, что следует принять специальный закон «Об иностранных агентах», распространяющий статус агента иностранного принципала на граждан и общественные объединения, а также учитывающий возможность осуществления ими лоббистской деятельности. Это должен быть четко структурированный нормативный акт, нормы которого должны коррелироваться с нормами перспективного федерального закона о регулировании лоббистской деятельности, определяющего основы конституционно-правового статуса лоббистов и лоббистской деятельности в РФ. При этом оба закона должны обеспечить баланс между частными и публичными интересами в деятельности субъектов, создавая удобный механизм раскрытия информации о деятельности. Максимально положительный эффект от законов будет достигнут только при балансе интересов в условиях правового государства.

7. Вмешательство государства в деятельность гражданского общества. В связи с появлением Закона №121-ФЗ допол-

нительное вмешательство государства в деятельность гражданского общества имеет место быть, это свойственно для любого государственного регулирования и будет свойственно для перспективного закона о лоббизме, что соответствует ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [7]. Анализируя положения Закона №121-ФЗ, такое вмешательство в действующих общественно-политических условиях видится разумным и является минимальным, о чем свидетельствует анализ возникающих обязанностей для НКО, выполняющих функции иностранного агента. Законодатель не запрещает деятельность общественных организаций, осуществляющих влияние на политику государства за счет ресурсов из иностранных источников, лишь создает механизм раскрытия информации о такой деятельности, а вместе с тем и возможность применения мер государственного и общественного контроля. Открытость политической деятельности является гарантией обеспечения независимости и защиты народного суверенитета как от внутреннего, так и от внешнего влияния. Создание механизма открытости лоббистской деятельности будет способствовать противодействию коррупции и приданию прозрачности действующей системе принятия решений, что положительно скажется на возможности народа осуществлять свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Учитывая происходящие в глобальном мире процессы практически неограниченного влияния иностранных правительств и организаций, международных организаций, транснациональных корпораций и финансовых групп, правовое регулирование политической деятельности этих субъектов путем придания такой деятельности открытости, видится условием сохранения национального суверенитета, защиты основ конституционного строя, обеспечения безопасности государства и общества.

Библиографический список

1. *В преддверии рабочего визита в Германию Владимир Путин дал интервью немецкой телерадиокомпании ARD.* URL: <http://президент.рф/новости/17808> (дата обращения: 20.07.2014).
2. *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 янв. 1996 г. №14-ФЗ (ред. от 21.07.2014): офиц. интернет-портал правовой информации.* URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.07.2014).
3. *Информационный портал Министерства юстиции РФ – Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента.* URL: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx> (дата обращения: 20.07.2014).
4. *Кашин А.А.* Статус иностранного агента // Бух. учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2012. №21. С. 17–22.
5. *Конституция Российской Федерации: принята на всенар. голосовании 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2014. №31, ст. 4398.
6. *Костяев С.С.* Первый период формирования лоббистского законодательства США: 1913–1938 гг. URL: <http://philology.gorodok.net/kostyaev01.html> (дата обращения: 20.07.2014).
7. *Лопатников С.* Суверенитет и иностранные деньги. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/12/01/nko/> (дата обращения: 20.07.2014).
8. *О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» в части введения статуса средства массовой информации – иностранного агента: законопроект №535071-6.* URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=535071-6&02> (дата обращения: 20.07.2014).
9. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федер. закон от 20.07.2012 №121-ФЗ (ред. от 04.06.2014): офиц. интернет-портал правовой информации.* URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.06.2014).
10. *О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы: указ Президента Рос. Федерации от 11 апр.*

- 2014 г. №226 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 14 апр. 2014. №15, ст. 1729.
11. *О некоммерческих организациях*: Федер. закон от 12 янв. 1996 г. №7-ФЗ (ред. от 21.07.2014): офиц. интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.07.2014).
 12. *О Порядке* ведения реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: приказ Минюста России от 30 нояб. 2012 г. №223. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2659?theme=minjust> (дата обращения: 20.07.2014).
 13. *Пояснительная записка к проекту* Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=102766-6&02> (дата обращения: 20.07.2014).
 14. *Решение* Ленинского районного суда г. Перми от 23 авг. 2013 г. №12-1337/2013.
 15. *Стругов М.* Агентурное задание. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2316723> (дата обращения: 20.07.2014).
 16. Foreign Agents Registration Act (22 U.S.C. §611 et seq.). URL: <http://www.fara.gov/> (дата обращения: 20.07.2014).
 3. *Informatsionnyy portal Ministerstva yustitsii RF – Svedeniya reyestra NKO, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta* [Information portal of the Ministry of Justice of the Russian Federation – Data of the register of the NPO which are carrying out functions of the foreign agent]. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx> (дата обращения: 20.07.2014). (In Russ).
 4. *Kashin A.A. Status inostrannogo agenta* [Status of the Foreign Agent] // *Bukh. uchët v byudzhethnykh i nekommercheskikh organizatsiyakh* – Accounting in the budgetary and non-profit organizations. 2012. №21. S. 17–22. (In Russ).
 5. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]: prinyata na vsenar. golosovanii 12 dek. 1993 g. // *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federatsii* – Russian Federation Code. 2014. №31, st. 4398. (In Russ).
 6. *Kostyayev S.S. Pervyy period formirovaniya lobbistskogo zakonodatelstva SShA: 1913–1938 gg.* [The First Period of the Formation of Lobbying Legislation in United States: 1913–1938]. URL: <http://philology.gorodok.net/kostyaev01.html> (дата обращения: 20.07.2014). (In Russ).
 7. *Lopatnikov S. Suverenitet i inostrannyye dengi* [Sovereignty and Foreign Money]. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/12/01/nko/> (дата обращения: 20.07.2014). (In Russ).
 8. *O vnesenii izmeneniy v Zakon Rossiyskoy Federatsii "O sredstvakh massovoy informatsii" v chasti vvedeniya statusa sredstva massovoy informatsii – inostrannogo agenta: zakonoproekt №535071-6* [About modification of the Law of the Russian Federation "About mass media" regarding introduction of the status of mass media – the foreign agent: bill №535071-6]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=535071-6&02> (дата обращения: 20.07.2014). (In Russ).
 9. *O vnesenii izmeneniy v otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti regulirovaniya deyatel'nosti nekommercheskikh organizatsiy, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta: Feder.*

References

1. *V preddverii rabochego vizita v Germaniyu Vladimir Putin dal intervyyu nemetskoj tele-radiokompanii ARD* [On the Eve of His Visit to Germany, Vladimir Putin Gave an Interview to the German Broadcasting Company ARD]. URL: <http://prezident.rf/novosti/17808> (дата обращения: 20.07.2014). (In Russ).
2. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast vtoraya ot 26 yanv. 1996 g. №14-FZ* [Civil code of the Russian Federation. Part second of 26 January. 1996 №14-FZ] (red. ot 21.07.2014): ofits. internet-portal pravovoy informatsii. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.07.2014). (In Russ).

- zakon ot 20.07.2012 №121-FZ* [About modification of separate acts of the Russian Federation regarding regulation of activity of the non-profit organizations which are carrying out functions of the foreign agent: Feder. law of 20.07.2012 №121-FZ bill №535071-6.] (red. ot 04.06.2014): ofits. internet-portal pravovoy informatsii. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 04.06.2014). (In Russ).
10. *O Natsionalnom plane protivodeystviya korruptsii na 2014–2015 gody: ukaz Prezidenta Ros. Federatsii ot 11 apr. 2014 g. №226* [About the National plan of counteraction of corruption for 2014–2015: decree of the President Ros. Federations from 11 Apr. 2014 №226] // *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federatsii* – Russian Federation Code. 14 apr. 2014. №15, st. 1729. (In Russ).
 11. *O nekommercheskikh organizatsiyakh: Feder zakon ot 12 yanv. 1996 g. №7-FZ* [About non-profit organizations: Feder the law of 12 January. 1996 №7-FZ] (red. ot 21.07.2014): ofits. internet-portal pravovoy informatsii URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 22.07.2014). (In Russ).
 12. *O Poryadke vedeniya reyestra nekommercheskikh organizatsiy, vpolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta: prikaz Minyusta Rossii ot 30 noyab. 2012 g. №223* [About the Order of maintaining the register of the non-profit organizations which are carrying out functions of the foreign agent: the order of the Ministry of Justice of the Russian Federation from 30 нояб. 2012 №223.]. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2659?theme=minjust> (data obrashcheniya: 20.07.2014). (In Russ).
 13. *Poyasnitelnaya zapiska k projektu Federalnogo zakona "O vnesenii izmeneniy v otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti regulirovaniya deyatelnosti nekommercheskikh organizatsiy, vpolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta"* [The explanatory note to the draft of the Federal law "About modification of separate acts of the Russian Federation regarding regulation of activity of the non-profit organizations which are carrying out functions of the foreign agent"]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=102766-6&02> (data obrashcheniya: 20.07.2014). (In Russ).
 14. *Resheniye Leninskogo rayonnogo suda g. Permi ot 23 avg. 2013 g. №12-1337/2013* [The decision of Lenin district court of Perm from 23 Aug. 2013 №12-1337/2013]. (In Russ).
 15. *Strugov M. Agenturnoye zadaniye* [Agential Assignment]. URL: <http://www.kommer sant.ru/doc/2316723> (data obrashcheniya: 20.07.2014). (In Russ).
 16. *Foreign Agents Registration Act* (22 U.S.C. §611 et seq.). URL: <http://www.fara.gov/> (data obrashcheniya: 20.07.2014). (In Eng).

ADOPTING OF THE «FOREIGN AGENTS ACT» AS A FIRST STAGE TOWARDS LEGAL REGULATION OF LOBBYING IN RUSSIA

A.I. Vasilenko

Perm State National Research University
15, Bukirev st., Perm, 614990
E-mail: Alexey22213@mail.ru

Abstract: Introduction: Russian «foreign agents act» adopted in 2013 and foreign lobbying legislation have the same purposes and political nature, status of the subjects and same disclosure mechanisms.

Purposes: 1) to establish the same political and legal nature of the lobbying activity and political activities of "foreign agents" as a legal influence on the government. 2) To analyze the beginning of the first stage of formation of the Russian lobbying legislation and to make recommendations for its further reformation.

Results: legal regulation of the political activity of "foreign agents" appeared in order to protect the sovereignty, constitutional order and national interests against external influences. Later the mechanism of ensuring openness of this activity covered the control of internal influences (lobbying). Author realized the analysis of term "political activity".

Conclusions: author sticks to the point that the lobbyists according to foreign lobbying legislation and Russian NGOs performing the functions of foreign agents have the same structure (system) of the responsibilities assigned to them by law. The disclosure of information about political activities in the special register of lobbyists and register of foreign agents has common features. The Russian foreign agents legislation is the first stage in the formation of a full-fledged lobbying legislation in Russia according to American model. The current legal concept of political activity should be reviewed, accounted the experience of American law schools and Russian legal practice. Author considers that it is necessary to adopt in perspective special «foreign agents act» and special federal lobbying regulation act closely associated with it.

Keywords: foreign agent; the foreign influence; noncommercial organization performing the functions of a foreign agent; the agent of the foreign principal; lobbying; lobbying activity; legal regulation of lobbying; political activity; disclosure of lobbying activities; openness of government; sovereignty

Информация для цитирования:

Василенко А.И. Принятие закона «Об иностранных агентах» как первый этап на пути к правовому регулированию лоббистской деятельности в России // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 44–58.

Vasilenko A.I. *Prinyatiye zakona «ob inostrannykh agentakh» kak pervyy etap na puti k pravovomu regulirovaniyu lobbistskoy deyatel'nosti v Rossii.* [Adopting of the "Foreign Agents Act" as a First Stage Towards Legal Regulation of Lobbying Activity in Russia] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 44–58. (In Russ).

ЕДИНОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ВЫПЛАТА ДЛЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЛУЖАЩИМ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

О.А. Иванова

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Пермский институт ФСИН России
614012, г. Пермь, ул. Карпинского, 125
E-mail: oksanaturk@rambler.ru

А.С. Телегин

Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и финансового права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: kifp@bk.ru

Аннотация: **Введение:** в статье рассматриваются правовые основы социальных гарантий, предусмотренных для государственных служащих в части обеспечения жильем, анализируется судебная практика по этому вопросу.

Цель: выявлены разные подходы законодателя к процедуре получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения служащими различных видов службы: государственной гражданской и правоохранительной.

Методы: методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает диалектический метод. В статье использованы общенаучные (диалектика, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический).

Результаты: отмечается, что регламентация предоставления единовременных социальных выплат для приобретения жилья должна быть закреплена на уровне закона, а не на подзаконном уровне, как происходит в отношении государственных гражданских служащих. Для правоохранительных служащих эти вопросы могут быть решены в одном законе.

Выводы: обращается внимание на необходимость единообразного определения стажа, необходимого для получения выплат для всех видов службы, установив 10 летний срок оставления государственных гражданских служащих на учете как нуждающихся в улучшении жилищных условий. В целях соблюдения антикоррупционных требований к деятельности комиссий, необходимо в нормативных актах единообразно определить категорию «член семьи» служащего, указав для государственных гражданских служащих такой же перечень членов семьи, как и для правоохранительных служащих. При определении «намеренности» ухудшения жилищных условий необходимо учитывать мнение независимых экспертов.

Ключевые слова: социальные гарантии; государственные служащие; субсидия на приобретение жилого помещения; стаж государственной службы; член семьи; ухудшение жилищных условий

Введение

Важнейшим условием успешного и эффективного функционирования государства является высокопрофессиональная деятельность государственных служащих, обладающих необходимыми деловыми, моральными качествами, позволяющими добросовестно, с полной отдачей и осознанием государственного долга реализовывать публично-властные полномочия. Успешное формирование кадрового аппарата государственных органов, в свою очередь, возможно только на основе продуманной политики, включающей элементы материальной заинтересованности, строжайшей дисциплины, а также социальной защиты государственных служащих [10].

Среди гарантий, предусмотренных для государственных служащих, важное значение имеет право на единовременную субсидию на приобретение жилого помещения, которое, в соответствии с п. 4. ст. 53 Федерального закона от 27 июля 2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [19], служащий может реализовать один раз за весь период службы.

Аналогичная выплата предусмотрена федеральными законами от 19 июля 2011 г. №247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вплоть до номеров статей, которые в большинстве своем совпадают [15], и от 30 декабря 2012 г. №283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. Положения последнего закона распространяются на сотрудников уголовно-исполнительной системы, государственной противопожарной службы, таможенных органов и службы по контролю за незаконным оборотом наркотических средств. Однако порядок реализации названного права разными категориями служащих имеет некоторые особенности. Поэтому представляется интересным изу-

чение практики применения законодательства о предоставлении субсидии на приобретение или строительство жилья.

Подходы законодателя к порядку предоставления единовременной субсидии на приобретение жилого помещения государственным служащим различных видов службы

Порядок и условия предоставления единовременной субсидии федеральным государственным гражданским служащим устанавливаются Правилами, утвержденными постановлением Правительства РФ от 27 января 2009 г. №63 «О предоставлении федеральным государственным гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения» [13].

Перенос механизма реализации рассматриваемого права на подзаконный уровень позволил лучше учесть как изменения государственной жилищной политики, так и опыт реализации Жилищного кодекса. Но, с другой стороны, подзаконный уровень не всегда позволяет удачно регламентировать процессуальные особенности реализации права служащего и может даже ограничивать его права [4].

Так, подпункт «д» пункта 19 Правил предусматривает, что гражданский служащий снимается с учета для получения единовременной выплаты в случае увольнения с гражданской службы. То есть служащий может всю жизнь работать, но так и не дожидаться выплаты.

Причем для других видов службы предусмотрены более лояльные требования. Например, право на единовременную социальную выплату сохраняется за гражданами Российской Федерации, уволенными со службы в органах внутренних дел с правом на пенсию и принятыми в период прохождения службы на учет в качестве имеющих право на получение единовременной социальной выплаты.

И смириться гражданским служащим с таким положением очень сложно. В связи с этим бывшая гражданская служащая обратилась в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением о признании недействующими указанных выше положений Правил. Однако суд, отказывая Ч.,

указал, что нормативного правового акта, имеющего большую юридическую силу, который бы предусматривал более высокий уровень дополнительных государственных гарантий в части предоставления единовременной субсидии на приобретение жилого помещения и которому могли бы противоречить оспариваемые нормативные положения, не имеется.

Суд посчитал, что довод Ч. о незаконности ограничения прав гражданских служащих в части установления права гражданского служащего на обеспечение жилым помещением только во время прохождения им гражданской службы несостоятелен в связи с тем, что федеральный законодатель не предоставил абсолютного права на получение единовременной субсидии на приобретение жилого помещения в том числе и после увольнения с гражданской службы [7]. Ссылки же на нормативные акты, регламентирующие права военнослужащих в этой сфере, признаны необоснованными.

То есть права служащих различных видов службы далеко не одинаковы, что не совсем справедливо, как нам кажется. Такого же мнения придерживаются и другие авторы [8].

С другой стороны, для гражданских служащих для подачи заявления о выплате им единовременной субсидии достаточно иметь стаж гражданской службы не менее 1 года (п. 1 Правил выплат), а сотрудникам ОВД и иных правоохранительных органов необходимо иметь стаж службы 10 лет. Подобную разницу в сроках службы объяснить сложно.

Становится очевидным, что по таким основаниям приобретения жилищных прав, как сроки службы, гражданские служащие поставлены в более благоприятные условия.

Следует отметить, что не урегулирован вопрос о возврате уже предоставленных денежных средств при досрочном увольнении с государственной гражданской службы. Этот вопрос не возникал бы, если бы стаж службы был достаточным. И если бы выплата зависела только от стажа или заслуг служащего.

Можно согласиться с тем, что непозволительно, чтобы в едином федеральном законодательстве для гражданских служащих существенно иначе, чем для иных служащих, определялись сроки службы права на получение государственных средств, устанавливались основания нуждаемости, определялся состав семьи, рассчитывались размеры выплат, определялись возможности по их использованию и прочие значимые условия. Подобные ничем не объяснимые крайности в диверсификации правового регулирования жилищного обеспечения служащих правоохранительных органов и гражданских государственных служащих недопустимы [17].

Однако, поступая на государственную службу, гражданин надеется, что все гарантии ему будут предоставлены.

Анализ судебной практики по вопросам предоставления единовременной субсидии на приобретение жилого помещения государственным служащим

Нормативные акты оставляют широкую свободу усмотрения при принятии решений в вопросах обеспечения жильем руководителей. Именно они решают, кто достоин получить выплату. Независимые эксперты не привлекаются. И информация эта не открыта для общественного контроля. Если использовать положения Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. №96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [14], то такая широта дискреционных полномочий является коррупциогенным фактором.

Это один из доводов в пользу того, что выплата должна зависеть от профессиональных успехов, а не от состава семьи, например. Судебная практика подтверждает это.

Споры возникают при решении вопроса о снятии с учета в связи с толкованием такой категории, как *член семьи*. Причем как на гражданской, так и на пра-

воохранительной службе. Законодательство совершенно по-разному трактует этот вопрос, что не совсем понятно.

Так, исключение государственной гражданской служащей К. из очереди на получение субсидии на приобретение жилого помещения было произведено лишь на том основании, что она зарегистрирована по месту жительства в жилом помещении, принадлежащем на праве собственности супругу ее сестры. К. справедливо указала, что она и ее несовершеннолетний сын не являются членами семьи мужа сестры и проживают у него временно, в связи с отсутствием собственного жилья до улучшения жилищных условий, ведут раздельное хозяйство.

Удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что снятие заявителя с учета для получения единовременной субсидии на приобретение жилого помещения было осуществлено при отсутствии доказательств о том, что К. была вселена и проживает в доме, принадлежащем иному лицу, в качестве члена семьи собственника жилого помещения.

Согласно п. 11 постановления Пленума Верховный Суд РФ от 2 июля 2009 г. №14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», кроме супруга собственника помещения, его детей и родителей, членами семьи собственника жилого помещения могут быть признаны другие родственники независимо от степени родства (например, бабушки, дедушки, братья, сестры, дяди, тети, племянники, племянницы и другие) и нетрудоспособные иждивенцы как самого собственника, так и членов его семьи, а в исключительных случаях иные граждане (например, лицо, проживающее совместно с собственником без регистрации брака), если они вселены собственником жилого помещения в качестве членов своей семьи [1].

Для признания перечисленных лиц членами семьи собственника жилого помещения требуется не только установление юридического факта вселения их собственником в жилое помещение, но и вы-

яснение содержания волеизъявления собственника на их вселение, а именно: вселялось ли им лицо для проживания в жилом помещении как член его семьи или жилое помещение предоставлялось для проживания по иным основаниям (например, в безвозмездное пользование, по договору найма). Содержание волеизъявления собственника в случае спора определяется судом на основании объяснений сторон, третьих лиц, показаний свидетелей, письменных документов (например, договора о вселении в жилое помещение) и других доказательств (статья 55 ГПК РФ) [8].

Другой пример судебной практики: сотруднику ОВД было отказано в постановке на учет в связи с тем, что мать истца является членом семьи сотрудника и принадлежащая ей на праве собственности жилая площадь должна учитываться при определении нуждаемости истца в улучшении жилищных условий [12].

Судом же был сделан вывод о том, что положения ст. 1 Федерального закона от 19 июля 2011 г. №247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» являются специальной нормой по отношению со ст. 31 ЖК РФ и следует применять тот порядок определения членов семьи, который содержится в данном Федеральном законе, т.е. здесь мать не является членом семьи.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона членами семьи сотрудника считаются:

1) супруга (супруг), состоящие (состоявшие) в зарегистрированном браке с сотрудником;

2) несовершеннолетние дети, дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных учреждениях по очной форме обучения;

3) лица, находящиеся (находившиеся) на полном содержании сотрудника (гражданина Российской Федерации, уволенного со службы в органах внутренних дел) или получающие (получавшие) от него помощь, которая является (являлась)

для них постоянным и основным источником средств к существованию, а также иные лица, признанные иждивенцами в порядке, установленном законодательством Российской Федерации

Можно сделать вывод, что в категорию «член семьи» гражданского служащего попадает большее количество лиц, а для правоохранительного служащего этот перечень очень узок. Причем служащему в разных случаях может быть выгоден тот или иной вариант. Например, в рассмотренных судебных решениях служащим выгодно было сузить перечень членов семьи, так как при общем расчете они не получали бы право на постановку на учет. Доли указанных лиц были слишком велики. Ситуация изменилась бы, если бы эти родственники проживали на меньшей площади или вообще не имели жилья.

С одной стороны, требования закона о государственной гражданской службе более логичны. Все-таки многие служащие живут с родителями, ведут общее хозяйство. Однако возникают проблемы с толкованием категории «член семьи», это очень субъективная категория, и нарушений не избежать. В этом случае лучше установить общую норму о составе членов семьи как в законе о социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

Другая проблема возникает при рассмотрении вопроса о значении регистрации служащего по месту жительства. Достаточно распространенная ситуация, когда федеральный государственный гражданский служащий претендует на получение субсидии, не является собственником жилья, но зарегистрирован по месту жительства родителя – собственника квартиры, в которой на долю каждого проживающего (в том числе на него) приходится более 15 кв. метров жилой площади. Однако фактически служащий проживает не в этой квартире, а в арендованной комнате.

По мнению некоторых авторов, то, что государственный служащий фактически не проживает в квартире по адресу регистрации, не свидетельствует о том, что он перестал быть членом семьи соб-

ственника квартиры, в которой он зарегистрирован, поскольку данное обстоятельство затрагивает его жилищные права на квартиру по месту регистрации. В этом случае он признается членом семьи собственника жилого помещения, общая площадь которого на 1 члена семьи составляет более 15 кв. метров, что не соответствует условиям Правил предоставления федеральным государственным гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения. Следовательно, в данном случае служащему может быть отказано в постановке на учет для предоставления субсидии [6]. Такой подход вряд ли можно признать бесспорным.

На основании п. 17 Правил, отказ в постановке гражданского служащего на учет для получения единовременной выплаты допускается в случаях, если представленные документы и сведения, полученные по результатам проведенной комиссией проверки, не подтверждают наличие условий, необходимых для постановки гражданского служащего на учет для получения единовременной выплаты.

По нашему мнению, регистрация служащего по месту жительства по заявлению собственника жилого помещения или ее отсутствие не является определяющим обстоятельством для решения вопроса о признании его членом семьи собственника жилого помещения, так как согласно статье 3 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. №5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» регистрация или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации [8].

Такие вопросы, как: перестал ли служащий быть членом семьи собственника квартиры, утратил ли в связи с этим право пользования жилым помещением по месту своей регистрации, – могут быть оценены только судом при рассмотрении

исковых требований заинтересованных лиц. Само по себе раздельное проживание граждан, являвшихся членами одной семьи, без исследования всех обстоятельств дела не влечет автоматически прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения.

Иногда нарушения допускаются комиссией по рассмотрению вопросов предоставления гражданским служащим единовременных выплат. Так, в одном деле принято решение о выделении семье единовременной выплаты с учетом площади квартиры, принадлежащей матери истца. Основанием для этого явилась постоянная регистрация членов семьи служащего в квартире последней. Но указанная квартира не является их собственностью. Указанная квартира предоставлена собственником временно по договору найма за плату, мать членом семьи истца не является, вместе они не проживают, общего хозяйства не ведут. Материалы дела свидетельствуют о том, что указанный договор был заключен еще при вселении в квартиру (хотя обстоятельства могут измениться и состав членов семьи может изменяться, и вполне возможно заключить договор на других основаниях). Суд поддержал служащего [9].

Возникает странная ситуация: сначала комиссия по собственному усмотрению оценивает все обстоятельства, а затем, в случае отрицательного решения, служащему необходимо будет обратиться в суд. Законодательство само провоцирует возможность споров.

Интересен также вопрос: имеет ли государственный гражданский служащий право на получение единовременной субсидии на приобретение жилья в случае, если для постановки на учет в федеральном государственном органе для получения указанной субсидии он вместе с семьей переехал в коммунальную квартиру, ухудшив при этом свои жилищные условия?

Из п. 12 Правил следует, что к действиям, повлекшим ухудшение жилищных условий, совершаемым гражданским служащим для приобретения права состо-

ять на учете для получения единовременной выплаты, относятся:

- а) обмен жилыми помещениями;
- б) невыполнение условий договора о пользовании жилым помещением, повлекшее выселение в судебном порядке;
- в) вселение в жилое помещение иных лиц (за исключением вселения супруга (супруги), несовершеннолетних детей и временных жильцов);
- г) выделение доли собственниками жилых помещений;
- д) отчуждение жилого помещения или частей жилого помещения, имеющих-ся в собственности гражданского служащего и совместно с ним проживающих членов его семьи.

Смена гражданским служащим места жительства п. 12 Правил не предусмотрена. Хотя логично, что служащий будет стремиться найти основание для выплаты.

Вместе с тем, согласно п. 14 Правил, проверку сведений, содержащихся в документах, представленных гражданским служащим в соответствии с п. 6 Правил, осуществляет комиссия по рассмотрению вопросов предоставления гражданским служащим единовременных выплат по месту прохождения гражданской службы.

В литературе отмечается, что в случае, если комиссия по рассмотрению вопросов предоставления гражданским служащим единовременных выплат установит, что переезд государственного гражданского служащего вместе с семьей в коммунальную квартиру повлек ухудшение жилищных условий и эти действия намеренно были совершены для постановки на учет в федеральном государственном органе для получения субсидии на приобретение жилья, ему может быть отказано в постановке на указанный учет. В этом случае гражданский служащий может быть принят на учет для получения единовременной выплаты не ранее чем через 5 лет с даты совершения действий, приведших к ухудшению жилищных условий [6].

Возникает опять же вопрос о большой свободе усмотрения комиссии. Каковы критерии намеренности ухудшения

условий, как оценить субъективную сторону этих действий? На наш взгляд, такие положения не согласуются с антикоррупционными требованиями к правовым актам.

Эти примеры показывают несовершенство законодательства. Необходим единый подход. Ведь переезжают, как правило, не собственники жилья, зачастую со своими семьями. То есть проблема с жильем у них однозначно не решена. Вот людям и приходится искать обходные пути, чтобы все-таки решить жилищную проблему и не совсем приятно им оказываться в роли потенциальных нарушителей. Поэтому необходимо привлекать независимых экспертов.

Такая свобода усмотрения комиссий влечет обращения в суд, что и происходит. Этого можно было бы избежать.

В судебной практике встречаются случаи, когда жилищные комиссии квалифицируют выезд гражданина в другое постоянное место жительства в связи со сменой места службы как действия, повлекшие ухудшение жилищных условий семьи, хотя переезд вызван объективными причинами. И суды поддерживают служащих [11].

Очередь в случае перемещения служащего сохраняется, и это уже положительно.

Возникает вопрос, а если переезд связан с иными уважительными причинами, например к больному родственнику, то такие действия тоже будут восприняты негативно?

Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2011 г. №1223 «О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации», утвердившее Правила предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, содержит такие же положения по поводу ухудшения жилищных условий [16].

Сотрудник полиции был снят с учета в связи с тем, что комиссия посчитала продажу им доли в праве собственности совершением намеренных действий, повлекших ухудшение жилищных условий. Сотрудник указывал, что им не совершались умышленные действия, имеющие целью и фактически приведшие к ухудшению жилищных условий его семьи, в результате которых они могли быть признаны нуждающимися в жилом помещении, поскольку при сохранении доли в праве собственности на жилой дом семья все равно оставалась бы нуждающейся в жилом помещении. И суд поддержал требования сотрудника о восстановлении его на учете [18].

Таким образом, формулировка «отчуждение жилого помещения или частей жилого помещения» не совсем корректная, так как само по себе отчуждение может не решать жилищной проблемы впоследствии, поскольку необходимо учитывать в первую очередь стоимость данного жилого помещения, возможность на эту сумму приобрести жилье в том районе, где работает сотрудник. Часто можно встретить ситуацию, когда служащий имеет долю в жилом помещении или жилое помещение в одном месте, а работает в другом, где цены на жилье многократно выше. И как же ему быть? Продав свою долю, он и на учет может не встать, и субсидию не получить и жить ему негде.

Может, следует дополнить эту формулировку словами «если такое отчуждение дает основания для постановки на учет в качестве нуждающегося в улучшении жилищных условий». Хотя и это не выход из ситуации.

Получается, это действия, ухудшающие жилищные условия. Однако почему в расчет не берется, что не только площадь характеризует качество жилищных условий, необходимо учитывать и близость к месту службы, и категорию района (а цены могут отличаться существенно), экологическую обстановку?

Иногда комиссии возлагают обязанности, не предусмотренные законодательством. Так, заявитель должен предоставить документы о наличии у него и (или)

членов его семьи в собственности жилых помещений, кроме жилого помещения, в котором они зарегистрированы, а не документы об их отсутствии, как требовала комиссия [11].

Служащие идут на ухищрения, чтобы жилая площадь родственников не учитывалась при постановке на учет. Так, в результате проверки, проведенной Комиссией ФТС России, было установлено, что Л.Н., ее муж и дочь вселены в качестве членов семьи З. – собственника жилого помещения, а при решении вопроса о постановке на учет для получения единовременной выплаты была представлена карточка с места жительства Л.Н., в которой отсутствовали какие-либо сведения о наличии родственных отношений с собственником жилого помещения З., что указывало на то, что Л.Н., ее муж и дочь не вселены в качестве членов семьи собственника помещения. А этот факт является принципиальным. Может такого бы и не происходило, если бы условия постановки на учет были иными [2].

Имущество за границей тоже иметь очень невыгодно государственному служащему. Комиссией правомерно было отказано заявителю в постановке на учет для предоставления единовременной субсидии на приобретение жилого помещения, поскольку за пределами Российской Федерации на территории Украины на праве собственности ему принадлежит жилое помещение – квартира [3].

Опять же возникает вопрос, а какую квартиру можно купить в России, продав жилье на Украине?

Выводы

Нами рассмотрены только некоторые аспекты законодательства в сфере обеспечения жильем служащих. К сожалению, не просматривается единый подход к критериям обеспечения жильем служащих различных видов службы, что затрудняет понимание данных норм, их применение и не позволяет сформироваться единой судебной практике. Развитие норм приведет к появлению новой правоприменительной практики, и проблемы, которые заявят о себе, будут пред-

ставлять несомненный интерес для юристов правоохранительной сферы.

По нашему мнению, не совсем справедливо, что один служащий имеет право на жилье, а другой (которому, например, родители оставили ему жилье) не имеет. А как же учитывать его профессионализм, вклад в развитие государства?

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Регламентация вопросов предоставления единовременных социальных выплат для приобретения жилья должна быть закреплена на уровне закона, а не на подзаконном уровне, как происходит в отношении государственных гражданских служащих. Для служащих правоохранительных органов эти вопросы могут быть решены в одном законе.

Следует единообразно определить стаж сотрудников всех видов службы, необходимый для получения выплат, установив 10-летний срок. Государственных гражданских служащих не снимать с учета при увольнении. В этом случае при увольнении служащего по собственному желанию или по так называемым «отрицательным мотивам» снимается проблема взыскания выплат.

С точки зрения соблюдения антикоррупционных требований к деятельности комиссий необходимо в нормативных актах единообразно определить категорию «член семьи» служащего, указав для государственных гражданских служащих такой же перечень членов семьи, как и для правоохранительных служащих. При определении «намеренности» ухудшения жилищных условий необходимо учитывать мнение независимых экспертов. Также учитывать комплекс факторов при смене места жительства: близость к месту службы, цены в конкретном районе, экологическую обстановку.

Библиографический список

1. *Бюллетень* Верховного Суда Российской Федерации. 2009. №9.
2. *В удовлетворении* жалобы об отмене постановления таможенного органа в части снятия с учета для приобретения субсидии на приобретение жилья отка-

- зано, поскольку сведения, указанные в заявлении и представленных документах, послуживших основанием для постановки гражданского служащего на учет для получения единовременной выплаты, не соответствуют выявленным сведениям [Электронный ресурс]: апелляц. определение Моск. гор. суда от 8 апр. 2013 г. по делу №11-11064. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». В удовлетворении заявления об обязанности устранить препятствие к осуществлению прав, обязанности пересмотреть решение об отказе в постановке на учет для получения субсидии на приобретение жилого помещения и обязанности принять заявление и прилагаемые к нему документы отказано правомерно, поскольку у заявителя права на предоставление единовременной субсидии на приобретение жилого помещения не имеется [Электронный ресурс]: апелляц. определение Моск. гор. суда от 4 мая 2012 г. по делу №11-1704. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Воробьев Е.Г.* О правилах жилищного обеспечения военнослужащих и гражданских государственных служащих: насколько допустимы крайности в диверсификации правового регулирования [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 4. *Воробьев Е.Г., Печенев И.В.* О равенстве в жилищных правах федеральных государственных служащих: сказка-быль на юридическую тему [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 5. *Долгополов П.С.* Имеет ли государственный гражданский служащий право на получение единовременной субсидии на приобретение жилья в случае, если для постановки на учет в федеральном государственном органе для получения указанной субсидии он вместе с семьей переехал в коммунальную квартиру, ухудшив при этом свои жилищные условия? [Электронный ресурс]: ответ на вопрос от 18 янв. 2012 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 6. *Заявление о признании незаконным приказа об отказе в постановке на учет для получения единовременной субсидии на приобретение жилого помещения* удовлетворено правомерно, так как не доказано совершение истцом и членами его семьи умышленных действий с целью ухудшения своих жилищных условий, непредставление истцом документов об отсутствии у него и членов его семьи в собственности жилых помещений не является основанием для отказа в постановке на учет для получения субсидии [Электронный ресурс]: апелляц. определение Киров. обл. суда от 3 мая 2012 г. по делу №33-1163. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 7. *Заявление о признании незаконным решения о снятии служащего с учета на получение единовременной субсидии на приобретение жилого помещения* удовлетворено правомерно [Электронный ресурс]: апелляц. определение Верхов. суда Кабардино-Балкар. Республики от 6 июня 2012 г. по делу №33-605/2012. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 8. *Иск о признании права на получение субсидии и возложении обязанности предоставить единовременную выплату на приобретение жилого помещения* удовлетворен в части правомерно, поскольку истец является гражданским служащим, он и члены его семьи не являются нанимателями жилого помещения по договору социального найма, членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, собственниками жилого помещения либо членами семьи собственника жилого помещения [Электронный ресурс]: апелляц. определение Верхов. суда Чуваш. Республики

- от 18 дек. 2013 г. по делу №33-4386-13. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
9. *Матвеев С.П.* Современные тенденции модернизации социальной защиты государственных служащих в рамках административной реформы [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
 10. *Об оставлении без изменения решения Верховного Суда от 30 июля 2012 г. №АКПИ12-936*, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании недействующими пунктов 3, 19 Правил предоставления федеральным государственным гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения [Электронный ресурс]: определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 окт. 2012 г. №АПЛ12-602. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
 11. *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2004. №31, ст. 3215.
 12. *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2009. № 6, ст. 739.
 13. *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2010. №10, ст. 1084.
 14. *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2011. №30, ч. 1, ст. 4595.
 15. *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2012. №3, ст. 430.
 16. *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2012. №53, ч. 1, ст. 7608.
 17. Сотрудник, имеющий стаж службы в органах внутренних дел не менее 10 лет, проживающий с семьей в общности и не имеющий собственного жилья, не обеспеченный жилой площадью в соответствии с нормой на одного члена семьи, имеет право на единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения один раз за весь период службы в органах внутренних дел. [Электронный ресурс]: определение Перм. краевого суда от 27 марта 2013 г. по делу №33-2930. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
 18. *Требование о признании незаконным решения об отказе в постановке истца на учет для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилья* удовлетворено [Электронный ресурс]: определение Перм. краевого суда от 5 авг. 2013 г. по делу №33-7091. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. *Byulleten Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2009. №9. (In Russ).
2. *V udovletvorenii zhaloby ob otmene postanovleniya tamozhennogo organa v chasti snyatiya s ucheta dlya priobreteniya subsidii na priobreteniyе zhilyа otказano, poskolku svedeniya, ukazannyye v zayavlenii i predstavlennykh dokumentakh, posluzhivshikh osnovaniyem dlya postanovki grazhdanskogo sluzhashchego na uchеt dlya polucheniya yedinovremennoy vyplaty, ne sootvetstvuyut vyyavlenным svedeniyam* [Satisfaction of the complaint about cancellation of the resolution of customs authority regarding removal from the account for acquisition of a subsidy for acquisition of housing it is refused as the data specified in the statement and submitted documents, formed the basis for statement of the civil servant on the account for receiving a lump sum, don't correspond to the revealed data] [Elektronnyy resurs]: *apellyats. opredeleniye Mosk. gor. suda ot 8 apr. 2013 g. po delu №11-11064* – appeal definition of the Moscow city court of April 8, 2013 in the matter of №11-11064. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsultant Plyus». *V udovletvorenii zayavleniya ob obyazanii ustranit prepyatstviye k osushchestvleniyu prav, obyazanii peresmotret resheniye*

- ob otkaze v postanovke na uchet dlya polucheniya subsidii na priobretenie zhilogo pomeshcheniya i obyazanii prinyat zayavleniye i prilagayemye k nemu dokumenty otkazano pravomerno, poskolku u zayavitelya prava na predostavleniye yedinovremennoy subsidii na priobretenie zhilogo pomeshcheniya ne imeyetsya* [In allowance of the application about a duty to eliminate an obstacle to implementation of the rights, a duty to revise the decision on refusal in registration for receiving a subsidy for acquisition of premises and a duty to adopt the statement and documents attached to it it is refused legally as isn't available for the applicant of the right for granting a single subsidy for acquisition of premises] [Elektronnyy resurs]: *apellyats. opredeleniye Mosk. gor. suda ot 4 maya 2012 g. po delu №11-1704* – appeal definition of the Moscow city court of May 4, 2012 in the matter of №11-1704. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsultant Plyus». (In Russ).
3. Vorobyev Ye.G. *O pravilakh zhilishchnogo obespecheniya voyennosluzhashchikh i grazhdanskikh gosudarstvennykh sluzhashchikh: naskolko dopustimy kraynosti v diversifikatsii pravovogo regulirovaniya* [About the Rules of the Provision of Living Quarters for Servicemen and Civil Officer: Permissible Extremes in the Diversification of Legal Regulation] [Elektronnyy resurs]: Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsultant Plyus». (In Russ).
 4. Vorobyev Ye.G., Pechenev I.V. *O ravenstve v zhilishchnykh pravakh federalnykh gosudarstvennykh sluzhashchikh: skazka-byl na yuridicheskuyu temu* [About the Equality in Housing Rights of Federal State Officers: Fairy Tale – True Story on Juridical Subject Law in Armed Forces] [Elektronnyy resurs]: Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsultant Plyus». (In Russ).
 5. Dolgoplov P.S. *Imeyet li gosudarstvennyy grazhdanskiy sluzhashchiy pravo na polucheniye yedinovremennoy subsidii na priobretenie zhilya v sluchaye, yesli dlya postanovki na uchet v federalnom gosudarstvennom organe dlya polucheniya ukazannoy subsidii on vmeste s semyey pereyekhal v kommunalnuyu kvartiru, ukhudshiv pri etom svoi zhilishchnyye usloviya?* [Whether the public civil servant has the right to a single subsidy for acquisition of housing in case for registration in federal government body for receiving the specified subsidy he together with a family moved to a communal flat, having worsened thus the living conditions?] [Elektronnyy resurs]: *Otvet na vopros ot 18 yanv. 2012 g.* – The answer to a question of January 18, 2012. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsultant Plyus». (In Russ).
 6. *Zayavleniye o priznanii nezakonnym prikaza ob otkaze v postanovke na uchet dlya polucheniya yedinovremennoy subsidii na priobretenie zhilogo pomeshcheniya udovletvoreno pravomerno, tak kak ne dokazano soversheniye isttsom i chlenami yego semi umyshlennykh deystviy s tselyu ukhudsheniya svoikh zhilishchnykh usloviy, nepredstavleniye isttsom dokumentov ob otsutstvii u nego i chlenov yego semi v sobstvennosti zhilykh pomeshcheniy ne yavlyayetsya osnovaniyem dlya otkaza v postanovke na uchet dlya polucheniya subsidii* [The statement for recognition illegal the order on refusal in registration for receiving a single subsidy for acquisition of premises is satisfied legally as commission by the claimant and members of his family of deliberate actions for the purpose of deterioration of the living conditions isn't proved, non-presentation by the claimant of documents on absence at it and members of his family in property of premises isn't the basis for refusal in registration for receiving a subsidy] [Elektronnyy resurs]: *apellyatsionnoye opredeleniye Kirovskogo oblastnogo suda ot 3 maya 2012 g. po delu №33-1163* – appeal definition of the Kirov regional court of May 3, 2012 in the matter of №33-1163. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsultant Plyus». (In Russ).

7. *Zayavleniye o priznanii nezakonnym resheniya o snyatii sluzhashchego s ucheta na polucheniye yedinovremennoy subsidii na priobreteniiye zhilogo pomescheniya udovletvoreno pravomerno* [The statement for recognition illegal decisions on removal of the employee from the account on receiving a single subsidy for acquisition of premises is satisfied legally] [Elektronnyy resurs]: *apellyatsionnoye opredeleniye Verkhovnogo suda Kabardino-Balkarskoy Respubliki ot 6 iyunya 2012 g. po delu №33-605/2012* – appeal definition of the Supreme Court of Kabardino-Balkar Republic of June 6, 2012 in the matter of №33-605/2012. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus». (In Russ).
8. *Isk o priznanii prava na polucheniye subsidii i vozlozhenii obyazannosti predostavit yedinovremennuyu vyplatu na priobreteniiye zhilogo pomescheniya udovletvoren v chasti pravomerno, poskolku istets yavlyayetsya grazhdanskim sluzhashchim, on i chleny yego semi ne yavlyayutsya nanimatelyami zhilogo pomescheniya po dogovoru sotsialnogo nayma, chlenami semi nanimatelya zhilogo pomescheniya po dogovoru sotsialnogo nayma, sobstvennikami zhilogo pomescheniya libo chlenami semi sobstvennika zhilogo pomescheniya* [The claim about recognition of the right to a subsidy and assignment of a duty to provide a lump sum on acquisition of premises it is satisfied in part legally as the claimant is the civil servant, it and members of his family aren't employers of premises under the contract of social hiring, members of the family of the employer of premises under the contract of social hiring, owners of premises or members of the family of the owner inhabited] [Elektronnyy resurs]: *apellyats. opredeleniye Verkhovno suda Chuvash. Respubliki ot 18 dekabrya 2013 g. po delu №33-4386-13* – appeal definition of the Supreme Court of the Chuvash Republic of December 18, 2013 in the matter of №33-4386-13. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus». (In Russ).
9. *Matveyev S.P. Sovremennyye tendentsii modernizatsii sotsialnoy zashchity gosudarstvennykh sluzhashchikh v ramkakh administrativnoy reformy* [Modern Tendencies of the Modernization of Social Deence of State Officers in the Context of Administrative Reform] [Elektronnyy resurs]: Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus». (In Russ).
10. *Ob ostavlenii bez izmeneniya resheniya Verkhovnogo Suda ot 30 iyulya 2012 g. № AKPI12-936, kotorym bylo otkazano v udovletvorenii zayavleniya o priznanii nedeystvuyushchimi punktov 3, 19 Pravil predostavleniya federalnym gosudarstvennym grazhdanskim sluzhashchim yedinovremennoy subsidii na priobreteniiye zhilogo pomescheniya* [Elektronnyy resurs]: *opredeleniye Verkhov. Suda Ros. Federatsii ot 23 oktyabrya 2012 g. №APL12-602*. – About leaving without change of the decision of the Supreme Court of July 30, 2012 №AKPI12-936 by which it was refused satisfaction of the statement for recognition invalid points 3, 19 of Rules of granting to federal civil civil servants of a single subsidy for premises acquisition. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus». (In Russ).
11. *Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* – Russian Federation Code. 2004. №31, st. 3215. (In Russ).
12. *Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* – Russian Federation Code. 2009. №6, st. 739. (In Russ).
13. *Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* – Russian Federation Code. 2010. №10, st. 1084.
14. *Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* – Russian Federation Code. 2011. №30, ch. 1, st. 4595. (In Russ).
15. *Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* – Russian Federation Code. 2012. №3, st. 430. (In Russ).

16. *Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* – Russian Federation Code. 2012. №53, ch. 1, st. 7608. (In Russ).
17. *Sotrudnik, imeyushchiy stazh sluzhby v organakh vnutrennikh del ne meneye 10 let, prozhivayushchiy s semyey v obshchezhitii i ne imeyushchiy sobstvennogo zhilya, ne obespechennyi zhiloy ploshchadyu v sootvetstvii s normoy na odnogo chlena semi, imeyet pravo na yedinovremennuyu sotsialnuyu vyplatu dlya priobreteniya ili stroitelstva zhilogo pomeshcheniya odin raz za ves period sluzhby v organakh vnutrennikh del* [The employee having the experience of service in law-enforcement bodies not less than 10 years living with a family in the hostel and not having own housing, which isn't provided with living space according to norm on one family member has the right for lump social sum for acquisition or construction of premises once for the entire period of service in law-enforcement bodies] [Elektronnyy resurs]: *opredeleniye Perm. krayevogo suda ot 27.03.2013 po delu №33-2930* – definition of the Perm regional court of March 27, 2013 in the matter of №33-2930. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsultant Plyus». (In Russ).
18. *Trebovaniye o priznanii nezakonnym resheniya ob otkaze v postanovke isttsa na uchet dlya polucheniya yedinovremennoy sotsialnoy vyplaty dlya priobreteniya ili stroitelstva zhilya udovletvoreno* [The requirement about recognition illegal decisions on refusal directed by the claimant on the account for receiving lump social sum for acquisition or construction of housing is satisfied] [Elektronnyy resurs]: *opredeleniye Perm. krayevogo suda ot 5 avg. 2013. po delu №33-7091* – definition of the Perm regional court of August 5, 2013 in the matter of №33-7091. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsultant Plyus». (In Russ).

LUMP-SUM SOCIAL PAYMENT FOR THE ACQUISITION OF LIVING QUARTERS BY STATE OFFICER: THE ANALYSIS OF THE PRACTICE OF THE USE OF LEGISLATION

O.A. Ivanova

Perm Institute of the Federal Penal Servis
125, Karpiskiy st., Perm, 614012
e-mail: oksanaturk@rambler.ru

A.S. Telegin

Perm State National Research University
15, Bukirev st., Perm, 614990
E-mail: kifp@bk.ru

Abstract: Introduction: The article deals with the legal base which determine the right of public officers to have accommodation. The authors view the problems of the provision of living accommodation. Judicial practice is analyzed in the article.

Purpose: Different ways of legislator to the procedure of getting lump-sum social payment for the acquisition of living quarters by public officers of different services for getting and building living accommodation are defined in the research. The category of public officer includes officer of state civil and law – enforcement services.

Methods: a methodological basis of this study is a set of methods of scientific knowledge, among which the leading ranks of the dialectical method. Used in the article General scientific (dialectics, analysis and synthesis, abstraction and specification) and

private-scientific methods of research (formal and legal comparative legal, technical and legal). In the course of scientific research special attention was paid to comparative, system research methods and techniques of legal, public, economic modeling.

Results: The regulation of issues of lump-sum social payment provision for the acquisition of living quarters must be fixed with law but not by – law which is used in respect of civil officers.

Such issues concerning law – enforcement officer of can be solved in one law.

Conclusions: It is necessary to determine the length of service uniformly required for getting payments for all kinds be 10 years.

Civil officer must not be stricken off the register at discharge. The category “family member” of view of the observance of anticorruption requirements to the activity of commissions. There should be the same list of family members for civil officer and for law – enforcement officers. The opinion of independent experts must be taken into consideration of the determination of premeditation of living conditions deterioration.

Keywords: social guarantees; state officers; subsidy for the acquisition of living quarters; length of government service; family member; the worsening of housing conditions

Информация для цитирования:

Иванова О.А., Телегин А.С. Единовременная социальная выплата для приобретения жилого помещения государственным служащим: анализ практики применения законодательства // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 59–72.

Ivanova O.A., Telegin A.S. Yedinovremennaya sotsialnaya vyplata dlya priobreteniya zhilogo pomeshcheniya gosudarstvennym sluzhashchim: analiz praktiki primeneniya zakonodatelstva [Lump-sum social payment for the acquisition of living quarters by state officer: the analysis of the practice of the use of legislation] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 59–72. (In Russ).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТАМОЖЕННОГО ПРАВА КАК ПРИКЛАДНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

И.Ю. Загоруйко

Доктор экономических наук, доцент кафедры административного и конституционного права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: 89082750080@mail.ru

Е.В. Колесень

Кандидат экономических наук, зам. начальника юридического отдела
ОАО «Пермская научно-производственная приборостроительная Компания»
614990, г. Пермь, ул. 25-го Октября, 106
E-mail: kolessen@yandex.ru

Аннотация: **Введение:** в статье рассматриваются актуальные вопросы таможенного права как науки. **Цель:** автор выявляет и обосновывает актуальные проблемы и направления исследований в области таможенного права, отражающие прикладной характер науки и тесную связь с экономикой. **Методы:** методологическую основу исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает диалектический метод. В статье использованы общенаучные (диалектика, анализ и синтез) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты: в статье автор предлагает три актуальных направления исследования таможенного права.

Во-первых, двойственная природа современного таможенного права России. В статье отмечена тесная связь с административным правом по многим параметрам. При этом усиливается тенденция по сближению таможенного права России с международным публичным правом. Автором аргументируется указанная позиция – произошло изменение источников таможенного права. В основе правового регулирования лежат нормативные правовые акты, принятые на основании международных договоров, решения наднациональных таможенных органов.

Во-вторых, исследование взаимосвязи таможенного права с внешнеэкономической политикой государства. Выявлено, что таможенное право выступает важнейшим инструментом при реализации государственных программ. Установлено, что критерием эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности является достижение высоких результатов в сфере внешней торговли и внешнеэкономической политики. В этом проявляется прикладной характер таможенного права как науки.

В-третьих, в качестве самостоятельного направления научного исследования в статье выделена система управления рисками в таможенном праве.

Выводы: установлено, что система управления рисками фактически представляет собой внутренний механизм совершенствования и постоянного развития, имеющий свои цели задачи и методы. Субъектом управления рисками выступают таможенные органы. При этом в качестве объекта исследования вы-

ступает информационная база о таможенных операциях, участниках правоотношений и статистика по правонарушениям. Результатом системы управления рисками являются инициативы и предложения в области изменения законодательства.

Ключевые слова: таможенное право; внешнеэкономическая деятельность государства; управление рисками; таможенный союз; международное публичное право; уполномоченный экономический оператор

Введение

Интенсивное развитие внешнеэкономической деятельности в России, глобализация, расширение мировых рынков, повсеместное внедрение информационных технологий, стирание межгосударственных границ при перемещении труда, капитала, товаров оказывают сильное воздействие на правовую систему государства. Таможенное право выступает правовым фундаментом для развития внешней торговли и обеспечения национальных интересов России и вместе с тем призвано защитить национальную экономику от негативных и кризисных явлений в мировой экономике.

1. Влияние различных отраслей права на таможенное право

Таможенное право можно рассматривать в трех ракурсах: как науку, отрасль права, учебную дисциплину.

При характеристике таможенного права как науки авторы используют различные подходы к определению предмета.

Для выявления и исследования актуальных вопросов таможенного права необходимо определить, каково соотношение между отраслью права и наукой. Понимание таможенного права как науки шире, чем по-

нимание его как отрасли права. К правовым аспектам, характеризующим любую отрасль права, добавляются экономические вопросы и взаимосвязи, отражающие прикладной характер науки для обеспечения внешнеэкономической деятельности. Элементы, формирующие таможенное право как науку представлены на рис. 1.

В рамках исследования таможенного права в данной статье предлагается определить, какие актуальные вопросы возникают в настоящее время в науке и каковы предпосылки их возникновения.

Анализ нормативной правовой базы и специализированной литературы показал, что в качестве предмета исследований можно выделить несколько направлений.

Во-первых, влияние на таможенное право административного и международного публичного права, усиление этого влияния во времени.

Во-вторых, взаимосвязь таможенного права с результатами внешнеэкономической деятельности государства, формирование правовой основы для эффективного развития экономики.

В-третьих, система управления рисками в таможенном праве как объект научного исследования.

Рис. 1. Элементы таможенного права как науки

Особенностью таможенного права, представляющей интерес для юридической науки, является двойственная природа, под влиянием которой развивается таможенное право.

Двойственность проявляется в том, что таможенное право имеет много общего с административным правом и одновременно с этим усиливается его взаимосвязь с международным публичным правом.

Таможенное право имеет много общих черт с административным правом, их объединяют императивный метод правового регулирования, публично-правовой характер взаимоотношений между субъектами, юридическая ответственность, существующей в области таможенного регулирования [3, с. 48].

Таким образом, четко определен орган, осуществляющий административный надзор в области таможенного права.

Сильная связь с административным правом наблюдается в сфере юридической ответственности в таможенных правоотношениях [6, с. 5]. В Кодексе административных правонарушений РФ предусмотрена глава 16 «Административные правонарушения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил)» [4]. Указанная глава устанавливает ответственность в отношении широкого спектра правонарушений в сфере таможенного дела и таможенного регулирования. Например, статьями главы 16 КоАП РФ предусмотрена ответственность за:

— незаконное перемещение через та-

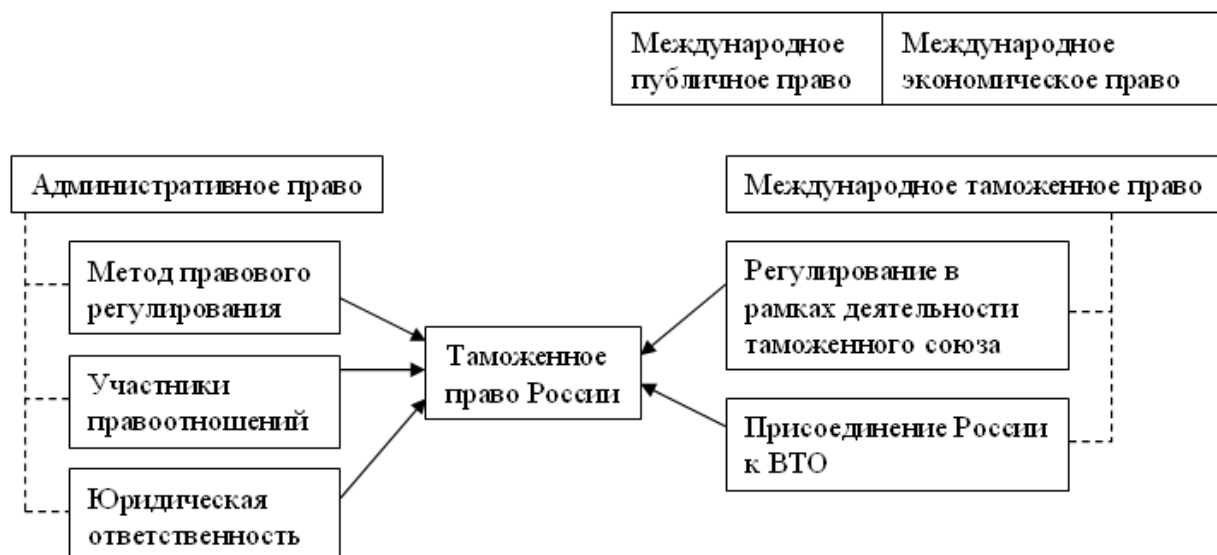

Рис. 2 Взаимосвязь таможенного права с административным и международным публичным правом

Регулирование таможенного права в РФ осуществляет Федеральная таможенная служба. В законодательстве определены функции указанного органа исполнительной власти:

- выработка государственной политики и нормативно-правовому регулированию;
- контроль и надзор в области таможенного дела;
- выявление, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, отнесенных к компетенции таможенных органов, а также иных связанных с ними преступлений и правонарушений;
- другие функции.

моженную границу Таможенного союза товаров и (или) транспортных средств международной перевозки;

- недекларирование либо недостоверное декларирование товаров;
- несоблюдение запретов и (или) ограничений на ввоз товаров на таможенную территорию... и (или) вывоз товаров с таможенной территории Таможенного союза или из Российской Федерации;
- нарушение режима зоны таможенного контроля.

Также в таможенном праве предусмотрена ответственность за правонарушения, характерные и для других отраслей права [1]: представление недействительных документов; несоблюдение сроков подачи

таможенной декларации или представления документов и сведений; непредставление в таможенный орган отчетности; нарушение сроков уплаты таможенных платежей.

Таким образом, имеется достаточное количество признаков для установления взаимосвязи между таможенным правом и административным правом.

Как уже было сказано выше, сформировалась и усиливается тенденция по сближению таможенного права России с международным публичным правом.

Стоит отметить, что таможенное право РФ в некоторых вопросах полностью перешло под регулирование международными правовыми актами [5, с. 125].

В целях подтверждения указанной позиции можно привести следующие аргументы.

В основе правового регулирования лежат нормативные правовые акты, принятые на основании международных договоров.

Одним из основных правовых актов является «Таможенный кодекс Таможенного союза», который принят на основании Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. №17 [13].

По отдельным вопросам в сфере таможенного права принимаются дополнительные межправительственные соглашения. В частности соглашение между правительством РФ, правительством Республики Беларусь и правительством Республики Казахстан от 18 июня 2010 г. «О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском» [9].

Также правовое регулирование осуществляется с помощью решений наднациональных таможенных органов, таких как комиссия Таможенного союза ЕврАзЭС. Комиссия таможенного союза представляет собой единый постоянно действующий регулирующий орган Таможенного союза.

Таким образом, международное публичное право в настоящее время по многим вопросам определяет вектор развития тамо-

женного права, при этом у последнего сохраняется весь набор функций, присущих административному праву.

2. Взаимосвязь внешнеэкономической политика государства с таможенным правом.

Направления исследований в области таможенного права во многом зависят от внешнеэкономической политики, проводимой государством. Распоряжением правительства РФ от 18 марта 2013 г. №378-р утверждена государственная программа Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» [12].

В указанном документе определены ожидаемые результаты от реализации программы, в т.ч. конкретные количественные показатели:

- увеличение в 1,5 раза стоимостного объема экспорта товаров, в том числе экспорта неэнергетических товаров – в 1,6 раза;

- 10-процентный ежегодный прирост экспортных поставок по группам: машины, оборудование и транспортные средства;

- увеличение в 2 раза числа организаций-экспортеров (не менее чем 1 организация-экспортер на каждые 100 зарегистрированных организаций);

- увеличение в 1,8–1,9 раза стоимостных объемов взаимной торговли стран – участниц Таможенного союза неэнергетическими товарами.

К числу качественно новых характеристик внешнеэкономической деятельности России, которые должны появиться после реализации программы относятся следующие параметра:

- формирование динамичного и эффективного регионального интеграционного объединения с участием России – Евразийского экономического союза;

- формирование системы регулирования ВЭД, сбалансированной в разрезе наднациональных и национальных компетенций;

- создание современной высокотехнологичной и эффективной системы таможенного администрирования.

Достижение поставленных целей осуществляется путем внесения соответствующих

щих изменений в существующую нормативную правовую базу.

Одной из задач таможенного права как науки является определение того, какие именно настройки правовой системы необходимы для реализации тех или иных экономических целей. При этом корректировка правовой базы может осуществляться как с помощью параметров, содержащихся в существующих нормативных актах, так и разработка принципиально новых механизмов и способов регулирования внешнеэкономической деятельности.

В рамках углубления интеграции и формирования Евразийского экономического союза выделены различные проблемы, некоторые из них указывают на пробелы, устранимые только совершенствованием правового регулирования. К указанным проблемам относятся:

- низкий и на ряде направлений снижающийся уровень взаимного торгово-экономического сотрудничества стран-участниц, несбалансированный и слабо диверсифицированный характер взаимной торговли;

- отсутствие достаточного и эффективного правового регулирования и отлаженной системы взаимодействия национальных и наднациональных органов, развитых институтов и механизмов содействия интеграции.

- неполный набор институтов и механизмов поддержки развития ВЭД в Российской Федерации и связанные с этим ограничения объема и ассортимента государственных услуг для участников ВЭД;

- усложненный доступ участников ВЭД к получению отдельных видов государственных услуг в сфере поддержки развития ВЭД;

- различная ведомственная принадлежность функций в сфере поддержки развития ВЭД.

Таким образом, в рамках выполнения таможенным правом одной из важнейших функций – обеспечения внешнеэкономической деятельности обозначен круг проблем, решение которых позволит дальше развиваться экономике государства.

3. Система управления рисками в таможенном праве

В процессе государственного регулирования различных сфер общественной жизни применяются различные методы. Одним из современных методов регулирования поведения участников экономической деятельности является использование систем управления рисками. Указанная область исследования выходит за рамки таможенного права и представляет интерес для многих сфер правового регулирования. Широкое распространение управление рисками получило в финансовой сфере.

В частности, Банком России установлены требования к системе управления рисками, которые кредитные организации обязаны соблюдать [7]. Указанная система предъявляет требования к внутренним процедурам банка, а также деятельности руководителей служб внутреннего контроля и внутреннего аудита.

Система управления рисками применяется в сфере перевода платежей. В соответствии со статьей 28 Федерального закона от 27 июня 2011 г. №161-ФЗ, «под системой управления рисками в платежной системе понимается комплекс мероприятий и способов снижения вероятности возникновения неблагоприятных последствий для бесперебойности функционирования платежной системы с учетом размера причиняемого ущерба» [8].

Управление рисками затронуто также в сфере операций с ценными бумагами. В частности, Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. №414-ФЗ предусматривает обязанность Центрального депозитария организовать управление рисками, связанными с осуществлением его деятельности [11]. Для реализации указанных целей разрабатываются соответствующие внутренние документы и назначаются ответственные лица.

Невыполнение требований федерального законодательства в сфере управления рисками является основанием для привлечения к административной ответственности. Система управления рисками может использоваться для научных исследований в нескольких случаях (рис. 3).

Рис. 3 Система управления рисками как объект исследования

Главным отличием системы управления рисками в таможенном праве от других отраслей права и сфер экономической деятельности является субъект, осуществляющий процесс. В таможенном праве эту функцию выполняют таможенные органы.

В соответствии с действующим законодательством под управлением рисками понимается систематическая работа по разработке и практической реализации мер по предотвращению и минимизации рисков, оценке эффективности их применения, а также контролю за совершением таможенных операций, предусматривающая непрерывное обновление, анализ и пересмотр имеющейся у таможенных органов информации.

Основным методом в системе управления является анализ риска, который представляет собой систематическое использование имеющейся у таможенных органов информации для определения обстоятельств и условий возникновения рисков, их идентификации и оценки вероятных последствий несоблюдения таможенного законодательства таможенного союза. Все риски можно разделить на два типа: выявленный и потенциальный.

В качестве целей применения системы управления рисками в таможенном кодексе предусмотрены:

- 1) обеспечение мер по защите национальной безопасности, жизни и здоровья человека, охране окружающей среды;
- 2) внимание к областям повышенного риска, более эффективное использование имеющихся в распоряжении ресурсов;
- 3) выявление, прогнозирование и предотвращение нарушений таможенного законодательства таможенного союза;

4) ускорение проведения таможенных операций при перемещении товаров через таможенную границу.

В целях более эффективного управления рисками в таможенном праве существует специальный статус, который может получить юридическое лицо – статус уполномоченного экономического оператора. Лица, получившие такой статус, вправе пользоваться специальными упрощениями, предусмотренными таможенным кодексом таможенного союза. Присвоение статуса производится таможенным органом с выдачей соответствующего свидетельства [2]. Форма и порядок выдачи свидетельства о включении в реестр уполномоченных экономических операторов, приостановления действия и отзыва этого свидетельства определяются законодательством государств – членов таможенного союза.

В качестве основных упрощений, которые могут быть применены специальные упрощения можно отнести следующее:

- 1) временное хранение товаров в помещениях, на открытых площадках и иных территориях уполномоченного экономического оператора;
- 2) выпуск товаров до подачи Таможенной декларации в соответствии со статьей 197 Таможенного кодекса таможенного союза;
- 3) проведение таможенных операций, связанных с выпуском товаров, в помещениях, на открытых площадках и иных территориях уполномоченного экономического оператора.

Стоит отметить, что важным элементом системы управления рисками является информационная база, которая формируется таможенными органами. Фактически указанная информация является объектом ис-

следования для таможенного права как науки. Первичные результаты анализа данных показывают текущее состояние проблем и уровня рисков. Для изменения ситуации принимаются необходимые нормативные правовые акты. Последующий анализ позволяет оценить эффективность воздействия принимаемых мер на результаты внешнеэкономической деятельности. Общая схема представлена на рис. 4.

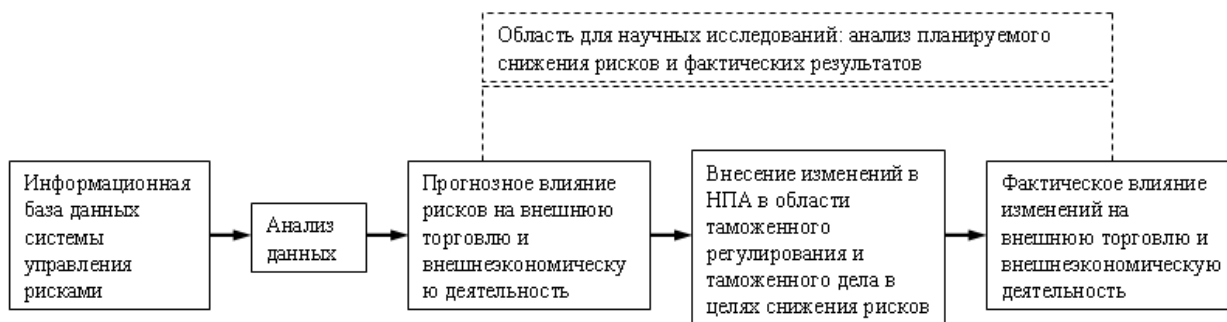

Рис. 4 Процесс использования данных, полученных в результате работы системы управления рисками

Выводы

Таким образом, в статье рассмотрены актуальные направления для исследований в таможенном праве.

Оценен характер влияния на таможенное право административного и международного публичного права.

Определена взаимосвязь между целями и задачами государственной внешнеэкономической политики и таможенным правом как основой правового регулирования. Установлено, что критерием эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности является достижение высоких результатов в сфере внешней торговли и внешнеэкономической политики. В этом проявляется прикладной характер таможенного права как науки.

Применение системы управления рисками в таможенном праве в качестве объекта научного исследования: установлено, что управление рисками применяется в различных сферах экономики и на законодательном уровне регламентировано в банковской сфере, в области обращения ценных бумаг, в платежных системах.

Библиографический список

1. Анохина О.Г. Комментарий к Таможенному кодексу Таможенного союза. М.: Проспект, 2011. 448 с.

2. Дурнов К. УЭО больше, чем таможенный брокер // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2012. №5. С. 54–55.
3. Казанина Т.В. Таможенное законодательство таможенного союза: система, особенности и направления совершенствования // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2012. №2. С. 44–52

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 30 дек. 2001 г. №195-ФЗ // Рос. газета. 2001. 31 дек.
5. Международное таможенное право: учебник для магистров / Н.Э. Буваева; под общ. ред. А.В. Зубача. М.: Юрайт, 2013. 376 с.
6. Некрасов Д. Законодательство Таможенного союза – 2013 // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2013. №2. С. 3–12.
7. О банках и банковской деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 2 дек. 1990 г. №395-1 // Рос. газета. 1996. 10 февраля.
8. О национальной платежной системе: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июня 2011 г. №161-ФЗ // Рос. газета. 2011. 30 июня.
9. О свободных складах и таможенной процедуре свободного склада: Соглашение между Правительством РФ, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 18 июня 2010 г. // Бюл. междунар. договоров. 2012. №7.
10. О Федеральной таможенной службе: постановление Правительства Рос. Федерации от 16 сент. 2013 г. №809 // Собр.

законодательства Рос. Федерации. 2013. №38.

11. *О центральном депозитарии*: Федер. закон Рос. Федерации от 7 дек. 2011 г. №414-ФЗ // Рос. газета. 2011. 9 дек.
 12. *Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности»*: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 18 марта 2013 г. №378-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. №12, ст. 1378.
 13. *Таможенный кодекс Таможенного союза*: приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза: Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 нояб. 2009 г. №17 // Собр. законодательства Рос. Федерации 2010. №50, ст. 6615
- References**
1. *Anokhina O.G. Kommentariy k Tamozhennomu kodeksu Tamozhennogo soyuza*. [Commentary on the Customs Code of the Customs Union]. Moscow: Prospekt, 2011. 448 p. (In Russ).
 2. *Durnov K. UEO bolshe, chem tamozhenny broker* [AEO More Than a Customs Broker] // *Tamozhennoye regulirovaniye. Tamozhenny control* – Customs regulation. Customs control. 2012. №5. 54–55 pp. (In Russ).
 3. *Kazanina T.V. Tamozhennoye zakonodatelstvo tamozhennogo soyuza: sistema, osobennosti i napravleniya sovershenstvovaniya* [Customs Legislation of the Customs Union: System, Features and Directions of Improvement] // *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo im. V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii* – Scientific notes of the branch of the Russian customs academy, St. Petersburg of V.B. Bobkov. 2012. №2. 44–52 pp. (In Russ).
 4. *Kodeks RF ob administrativnykh pravonarusheniyakh: Feder. zakon RF ot 30 dekabrya 2001 g. №195-FZ* [The Russian Federation Code of Administrative Offences: The federal law of the Russian Federation of December 30, 2001 №195-FZ] // *Ros. gazeta* – Russian newspaper. 2001. 31 dek. (In Russ).
 5. *Mezhdunarodnoye tamozhennoye pravo: uchebnik dlya magistrrov* [International Customs Law: textbook for masters] / N.E. Buvayeva; pod obshch. red. A.V. Zubacha. Moscow: Yurayt, 2013. 376 p. (In Russ).
 6. *Nekrasov D. Zakonodatelstvo Tamozhennogo soyuza – 2013* [Legislation of the Customs Union – 2013] // *Tamozhennoye regulirovaniye. Tamozhenny control* – Customs regulation. Customs control. 2013. №2. 3–12 pp. (In Russ).
 7. *O bankakh i bankovskoy deyatel'nosti: Feder. zakon RF ot 02 dekabrya 1990 g. №395-1* [On Banks and Banking Activity: The federal law of the Russian Federation of December 2, 1990 №395-1] // *Ros. gazeta* – Russian newspaper. 1996. 10 fevralya. (In Russ).
 8. *O natsionalnoy platezhnoy sisteme: Feder. zakon RF ot 27 iyunya 2011 g. №161-FZ* [On the National Payment System: The federal law of the Russian Federation of June 27, 2011 №161-FZ] // *Ros. gazeta* – Russian newspaper. 2011. 30 iyunya. (In Russ).
 9. *O svobodnykh skladakh i tamozhennoy protsedure svobodnogo sklada: Soglasheniye mezhdru Pravitel'stvom RF, Pravitel'stvom Respubliki Belarus i Pravitel'stvom Respubliki Kazakhstan ot 18 iyunya 2010 g.* [On Free Warehouses and Customs Procedure of Free Warehouse: The agreement between the Government of the Russian Federation, the Government of Republic of Belarus and the Government of the Republic of Kazakhstan of June 18, 2010] // *Byul. mezhdunar. dogovorov* – Bulletin of international treaties. 2012. №7. (In Russ).
 10. *O Federalnoy tamozhennoy sluzhbe: postanovleniye Pravitel'stva RF ot 16 sentyabrya 2013 g. №809* [On the Federal Customs Service: the resolution of the government of the Russian Federation of September 16, 2013 №809] // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* – Russian Federation Code. 2013. 23 sentyabrya. №38. (In Russ).
 11. *O tsentral'nom depozitarii: Feder. zakon RF ot 07 dekabrya 2011 g. №414-FZ* [On the Central Depository: The federal law of the

- Russian Federation of December 7, 2011 №414-FZ] // *Ros. gazeta* – Russian newspaper. 2011. 9 dek. (In Russ).
12. *Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy RF "Razvitiye vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti": Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 18 marta 2013 g. № 378-r* [On Approval of the State Program of the Russian Federation "Development of Foreign Trade Activities": the order of the Government of the Russian Federation of March 18, 2013 №378-r] // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* – Russian Federation Code. 2013. №12. (In Russ).
13. *Tamozhennyi kodeks Tamozhennogo soiuza: prilozhenie k Dogovoru o Tamozhennom kodekse Tamozhennogo soiuza: Reshenie Mezhdgosudarstvennogo Soveta EvrAzES na urovne glav gosudarstv ot 27 noyab. 2009 g. №17* [Customs Code of the Customs Union: Annex to the Agreement on the Customs Code of the Customs Union: The decision of Interstate Council of EurAsEC at the level of heads of states of November 27, 2009 №17] // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* – Russian Federation Code. 2010. №50. (In Russ).

TOPICAL ISSUES OF THE CUSTOMS LAW AS APPLIED YURIDICAL SCIENCE

I.Yu. Zagoruiko

Perm State National Research University
15, Bukirev st., Perm, 614990
E-mail: 89082750080@mail.ru

E.V. Kolesen

Public Joint Stock Company «Perm Scientific Industrial Instrument-Making Company»
614990, Perm, st.25-go Oktiabria 106
E-mail: kolesen@yandex.ru

Abstract: **Introduction:** The article deals with the topical issues of the customs law as a science. **Purpose:** the author identifies and explains the actual problems and directions of research in the customs law, reflecting the applied nature of science and the close links with the economy. **Methods:** the methodological basis of the study is a set of methods of scientific knowledge, including the leading ranks of the dialectical method. Also general scientific (dialectics, analysis and synthesis) and private-scientific methods of research (formal law, comparative law) are used.

Results: According to the article, there are three topical areas of the research in the customs law.

The first is the dual nature of the modern customs law of Russia. The author notes the close connection with an administrative law. At the same time, it is reported that the tendency of approximation of the customs law of Russia with the public international law is growing since the sources of the customs law have been changed. The legal regulation rests on the normative legal acts, adopted on the basis of the international treaties, decisions of supranational customs authorities.

The second is the study of the relationship of the customs law with foreign economic policy of the state. It is revealed that customs law is the main tool for implementation of state programs. It is established, that the efficiency criterion of the norm-setting and enforcement activities is the achievement of high results in the field of foreign trade and foreign economic policy. This is a practical nature of the customs law as a science.

Thirdly, as an independent direction of research in the article highlights the risk management system in the customs law.

Conclusions: it is established that the risk management system is practically an internal mechanism improvement and sustainable development with its own objectives and methods. The subject of risk management are the customs authorities, while the object of research is an information base of customs operations, participants of legal relations and statistics on offences. The result of the risk management system are the initiatives and proposals in the field of legislative changes.

Keywords: customs law; foreign economic activity of the state; risk management; customs Union; public international law; authorized economic operator

Информация для цитирования:

Загоруйко И.Ю., Колесень Е.В. Актуальные вопросы таможенного права как прикладной юридической науки // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 73–82.

Zagoruyko I.Yu., Kolesen Ye.V. Aktualnyye voprosy tamozhennogo prava kak prikladnoy yuridicheskoy nauki [Topical issues of the customs law as applied juridical science] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 73–82. (In Russ).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ПООЩРЕНИЕМ И ЗАЩИТОЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Л.Н. Дешко

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права
Донецкий национальный университет
83044, Украина, Донецк, просп. Ватутина, 1а
e-mail: DeshkoL@yandex.ru

Аннотация: **Введение:** в статье исследуются правовые отношения, возникающие в процессе обеспечения гарантий прав человека и основных свобод. Рассматриваются дискуссионные в юридической литературе вопросы системы критериев классификации организационно-правовых гарантий прав человека и основных свобод и осуществленной на их основе классификации, а также элементов системы этих гарантий. **Цель:** выявить место национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека, созданных в соответствии с Парижскими принципами, в системе организационно-правовых гарантий прав человека и основных свобод. **Методы:** методологической основой проведенного исследования стали общие методы научного познания, а так же методы, применяемые в юридической науке: анализа и синтеза, формально-логический, сравнительно-правовой, статистический и др. **Результаты:** выявлено, что созданные в соответствии с Парижскими принципами национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека, не имеют юридических средств, позволяющих им самостоятельно осуществлять защиту субъективных юридических прав человека и основных свобод: рассмотреть жалобу лица по сути и закончить такое рассмотрение принятием обязательного для выполнения решения о применении эффективного средства/средств защиты. Данные учреждения осуществляют деятельность, в которой не решается правовой спор. Эта деятельность является не юрисдикционной правоприменительной деятельностью по предупреждению или пресечению нарушений права человека и/или основной свободы. **Выводы:** национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека, созданные в соответствии с Парижскими принципами, содействуют реализации прав человека и основных свобод путем положительного влияния на формирование общесоциальных гарантий этих прав и свобод и охрану таких прав и свобод путем принятия юридических мер для предупреждения и профилактики их нарушения. Усовершенствована существующая в специальной литературе классификация организационно-правовых гарантий прав человека и основных свобод. Определено место созданных в соответствии с Парижскими принципами национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека, в системе этих гарантий: национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека относятся к группе органы-гаранты специальной компетенции, созданные специально для обеспечения гарантий прав человека и основных свобод.

Ключевые слова: система организационно-правовых гарантий; Парижские принципы; национальные учреждения; занимающиеся поощрением и защитой прав человека

Введение

Права человека в XXI веке стали общепризнанной нормой человеческой жизни

для всего цивилизованного мира, их признание высшей ценностью является базовым международным и конституционно-правовым принципом [9, с. 223]. В реальную же ценность они превращаются только

тогда, когда надежно гарантированы [1, с. 9; 8, с. 223].

Согласно ряду Резолюций ООН страны-участницы этой организации взяли на себя обязанность создать внутригосударственные гарантии обеспечения прав человека и основных свобод, основанные на общепризнанных международно-правовых гарантиях, закрепленных в соответствующих международно-правовых нормах. На протяжении последней четверти XX в. международное сообщество нашло компромисс в дискуссионном вопросе полномочий и функций национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека, разработав Принципы, касающиеся их статуса (Парижские принципы 1991 г.) [11; 12].

5 июля 2012 г. Совет по правам человека ООН в резолюции «Национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека», принятой без голосования на 32-й сессии [6], признал важную роль, которую национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека, играют в Совете по правам человека, включая его механизм универсального периодического обзора – как на этапе подготовки, так и в последующей деятельности – и специальные процедуры, а также в договорных органах по правам человека в соответствии с резолюциями ООН. Приветствуя такое историческое расширение возможностей таких национальных учреждений вносить вклад в работу Совета по правам человека, он призвал их воспользоваться этими возможностями.

Генеральная Ассамблея ООН в Резолюции, принятой 18 декабря 2013 г. [7] призвала государства-члены создавать эффективные, независимые и плюралистические национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой всех прав человека и основных свобод для всех, а там, где они уже существуют, укреплять их, как это предусмотрено в Венской декларации и Программе действий, а сами такие учреждения, при условии, что они соответствуют Парижским принципам, продолжат участвовать в обсуждениях во всех соответствующих механизмах и процессах Организации Объединенных Наций и вносить вклад в эти обсуждения согласно своим со-

ответствующим мандатам, включая рассмотрение повестки дня в области развития на период после 2015 года. Более того, Генеральная Ассамблея ООН просит Генерального секретаря в его следующем докладе Генеральной Ассамблее сосредоточить внимание на текущем участии национальных правозащитных учреждений, соответствующих Парижским принципам, в работе Ассамблеи и в соответствующих процессах в целях изучения вопроса о целесообразности предоставления соответствующим Парижским принципам национальным правозащитным учреждениям возможности независимо участвовать в работе соответствующих механизмов и в процессах Организации Объединенных Наций согласно своим соответствующим мандатам.

Вместе с тем не все типы национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека, существующие в различных странах, созданы в соответствии с Парижскими принципами, а следовательно – имеют выше указанные полномочия и функции. Так, из более 100 созданных в мире национальных Учреждений только 65 полностью соответствуют Парижским принципам [14, с. 117]. Есть и страны, в которых различные типы национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека, не были созданы. Это приводит к неэффективности конституционно-правовых гарантий прав человека и основных свобод в стране, следствием чего является увеличение фактов нарушений этих прав и свобод [16, с. 334; 17, с. 65].

В юридической литературе отмечается, что приведение правогарантирующих функций государства в соответствие с конституционными и международными стандартами в области прав человека обуславливает необходимость совершенствования теории гарантий прав человека и основных свобод, а также связанной с ними нормотворческой, правоприменительной и иной практики. Вместе с тем анализ научных исследований свидетельствует о том, что в последней четверти XX столетия темой научных дискуссий в юридической литературе стал вопрос видов, полномочий и функций национальных учреждений, занимающихся содействием и защитой прав человека (ра-

боты А. Вурфа, Л. Зайденштикера, Р. Карвера, Л. Райфа, В. Чуксиной и др.). Вопросы конституционно-правового статуса отдельных типов таких учреждений (омбудсмена, комиссий по правам человека) до расширения их полномочий в соответствии с упомянутыми выше Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН и Совета по правам человека ООН был обстоятельно изучен и в отечественной, и в зарубежной юридической литературе. Вопрос же места национальных учреждений, занимающихся содействием и защитой прав человека, созданных или которые предстоит создать в соответствии с Парижскими принципами, в системе гарантий прав человека и основных свобод ни до расширения их полномочий выше указанными резолюциями, ни после не был предметом научных исследований в юридической литературе.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что актуальным является уточнение существующей сегодня концепции организационно-правовых гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Цель этой статьи – выявить место национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека, созданных в соответствии с Парижскими принципами, в системе организационно-правовых гарантий прав человека и основных свобод.

Основное содержание

В специальной литературе в зависимости от полномочий и функций выделяют такие типы учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека: комиссии по правам человека, уполномоченные/омбудсмены по правам человека (постомбудсмен институты), антидискриминационные омбудсмены/комиссии, институты/центры по правам человека, консультативные комиссии по правам человека, комплексные институты по правам человека. При этом специализированные правозащитные институты с узкой сферой компетенции (комиссии/омбудсмены по правам детей, женщин и т.д.) не соответствуют Парижским принципам и не считаются националь-

ным учреждением, занимающимся поощрением и защитой прав человека, – отмечает В.Чуксин [14, с. 17].

Согласно Парижским принципам, национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека, осуществляет следующие общие функции:

– представляет правительству, парламенту и любому другому компетентному органу на консультативной основе, по просьбе заинтересованных органов или в порядке осуществления своего права рассматривать любой вопрос без обращения в более высокую инстанцию, мнения, рекомендации, предложения и доклады по вопросам, касающимся поощрения и защиты прав человека; национальное учреждение может принять решение о предании их гласности; эти заключения, рекомендации, предложения и доклады;

– поощряет и обеспечивает согласование национального законодательства, правил и практики с международными документами по правам человека, участником которых является данное государство, и их эффективное осуществление;

– содействует ратификации вышеупомянутых документов или присоединению к ним и обеспечивает их осуществление;

– участвует в подготовке докладов, которые государства должны представлять органам и комитетам Организации Объединенных Наций, а также региональным учреждениям во исполнение своих договорных обязательств и, в случае необходимости, выражать свое мнение по этому вопросу, должным образом соблюдая их независимость;

– сотрудничать с Организацией Объединенных Наций и любыми другими организациями системы Организации Объединенных Наций, региональными учреждениями и национальными учреждениями других стран, компетентными в вопросах поощрения и защиты прав человека;

– содействовать разработке учебных и исследовательских программ по правам человека и принимать участие в их осуществлении в школах, университетах и в профессиональных кругах;

– предавать гласности положение в области прав человека и усилия по борьбе против всех форм дискриминации, особенно расовой дискриминации, посредством повышения осведомленности общественности, в частности путем информирования и просветительской деятельности, а также посредством использования всех печатных органов.

Комиссии, обладающие квазисудебными полномочиями, осуществляют не только общие, а и дополнительные функции. Согласно Парижским принципам это национальное учреждение может быть уполномочено заслушивать и рассматривать жалобы и заявления, касающиеся положения отдельных лиц. Материалы могут передаваться ему отдельными лицами, их представителями, третьими сторонами, неправительственными организациями, ассоциациями профсоюзов или любыми другими представительными организациями. В этом случае без ущерба для вышеизложенных принципов, касающихся других полномочий комиссий, возложенные на них функции могут основываться на следующих принципах:

– достижение полюбовного урегулирования путем примирения или, в установленных законом пределах, путем вынесения обязательных решений, или, в случае необходимости, на основе конфиденциальности;

– уведомление стороны, представившей заявление, о ее правах, в частности об имеющихся в ее распоряжении средствах правовой защиты, и содействие получению доступа к ним;

– заслушивание любых жалоб или заявлений или направление их любому другому компетентному органу в пределах, установленных законом;

– представление рекомендаций компетентным органам, в частности, путем предложения поправок или изменений к законам, правилам и административной практике, особенно если они являются причиной трудностей, с которыми столкнулись лица, представившие заявления, в целях отстаивания их прав.

Ученые-конституционалисты утверждают, что Конституции различных стран

достаточно четко определяют систему органов и лиц, которые должны защищать права и свободы человека и гражданина [5, с. 54]. Исследуя конституционно-правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина, Т. Заворотченко обосновала авторскую концепцию организационно-правовых гарантий этих прав и свобод, которая была взята за основу учеными-конституционалистами при проведении исследования правовых отношений, возникающих в процессе обеспечения гарантий прав человека и основных свобод. По мнению ученой, их систему составляют: механизм государства, органы местного самоуправления, должностные лица, политические партии и общественные организации, средства массовой информации и международные правозащитные организации, а так же их деятельность в сфере правотворчества и правоприменения, направленная на создание благоприятных условий для реального использования гражданами своих прав и свобод [4, с. 10].

Т. Заворотченко классифицирует их на две группы. Первая – это органы-гаранты общей компетенции, функциями которых, вместе с другими функциями, является обеспечение гарантий прав и свобод человека и гражданина. Вторая группа – органы-гаранты специальной компетенции, созданные специально для обеспечения гарантий прав и свобод человека и гражданина: омбудсмен, суды общей юрисдикции, Уполномоченный по делам соблюдения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Национальное бюро по делам соблюдения этой Конвенции и др. В процессе своей повседневной деятельности в сфере правотворчества, правоприменения, осуществления мер процедурного, режимного, контрольного и иного характера эти органы должны создавать условия, при которых граждане имели бы возможность реализовать в жизни закрепленные в законодательстве права, свободы и обязанности [4, с. 10]. В результате проведенного анализа таких типов национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека, как омбудсмен и комиссии по правам человека В. Чуксина подчеркивает, что

«...деятельность комиссий направлена в первую очередь на охрану и предупреждение нарушений прав человека, а институт уполномоченного преимущественно ориентирован на защиту и восстановление нарушенных прав» [15, с. 8].

С вышеизложенными точками зрения ученых-конституционалистов можно согласиться частично. Аргументами в подтверждение нашего несогласия могут послужить следующие.

Во-первых, круг субъектов-носителей прав и свобод бесосновательно сужен исключительно до граждан [2, с. 88–89]. Носителями же этих прав и свобод являются физические и юридические лица [3, с. 368].

Во-вторых, деятельность органов-гарантов прав человека и основных свобод специальной компетенции направлена на обеспечение прав человека и основных свобод. Официальная же защита этих прав и свобод является одним из составных элементов системы государственно-юридического их обеспечения. Видом правовой деятельности, направленной на осуществление прав человека и основных свобод является и защита этих прав и свобод, а не только реализация. Само же понятие «обеспечение прав человека и основных свобод» по мнению П. Рабиновича состоит из следующих элементов: 1) содействие реализации прав и свобод (путем положительного влияния на формирование их общесоциальных гарантий); 2) охрана прав и свобод человека (путем принятия мер, в частности юридических, для предупреждения, профилактики нарушения прав и свобод); 3) защита прав и свобод человека (восстановление нарушенного правомерного состояния, привлечение нарушителей к юридической ответственности) [13, с. 7].

Таким образом, «защита» и «охрана» прав человека и основных являются отдельными элементами понятия «обеспечение прав человека и основных свобод», а не двумя различными явлениями.

В-третьих, деятельность омбудсмана не сводится только к ситуациям, когда субъективное юридическое право лица уже нарушено. Государственно-юридическая за-

щита субъективного юридического права лица или основной свободы предусматривает возможность применения не только такого вида государственного принуждения как восстановление уже нарушенного права, но и двух таких его видов как предупреждение и пресечение нарушения [10, с. 33].

Дополнительным аргументом сказанного выше являются решения Европейского суда по правам человека в делах «Джабари против Турции» от 11 июля 2000 г., «Кудла против Польши» от 26 октября 2000 г., «Джакометти и другие против Италии» от 8 ноября 2001 г., «Ноголика против Хорватии» от 5 сентября 2002 г., «Андрасик, Церман, Бедак, Лахманн, Коцур, Дубравицкий и Бразда против Словакии» от 22 октября 2002 г., «Мерит против Украины» от 30 марта 2004 г.

В некоторых странах омбудсмен может применять и такой вид государственного принуждения, как юридическая ответственность. Вместе с тем такая модель омбудсмана не получила широкого распространения. Согласно законодательства большинства стран мира омбудсман может применять только меры, направленные на ускорение, повышение эффективности правозащитной деятельности других органов, компетенцией которых уже является принятие обязательного решения с возможностью применения государственного принуждения [10, с. 46]. Дополнительным аргументом сказанного выше являются решения Европейского суда по правам человека в делах «Силвер и другие против Соединенного Королевства» от 25 марта 1983 г., «Чахал против Соединенного Королевства» от 15 ноября 1996 г., «Денизси и другие против Кипра» от 23 мая 2001 г.

Результаты

Таким образом, созданные в соответствии с Парижскими принципами национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека, не имеют юридических средств, позволяющих им самостоятельно осуществлять защиту субъективных юридических прав человека и основных свобод: рассмотреть жалобу лица по сути и

закончить такое рассмотрение принятием обязательного для выполнения решения о применении эффективного средства/средств защиты.

Таким образом, не стадия применения юридических гарантий прав человека, не сам факт нарушения или не нарушения субъективного юридического права человека или основной свободы является критерием отграничения деятельности национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека, от других органов-гарантов специальной компетенции, а возможность применения любого вида государственного принуждения в процессе разрешения правового спора, то есть в процессе юрисдикционной деятельности: восстановление уже нарушенного права, юридическая ответственность, предупреждение, пресечение.

Выводы

Вышепроведенный анализ позволяет сделать такие выводы:

1. Выявлено, что национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека, созданные в соответствии с Парижскими принципами, содействуют реализации прав человека и основных свобод путем положительного влияния на формирование общесоциальных гарантий этих прав и свобод и охрану таких прав и свобод путем принятия юридических мер для предупреждения и профилактики их нарушения.

2. Усовершенствована существующая в специальной литературе классификация организационно-правовых гарантий прав человека и основных свобод. Обосновано, что национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека, относятся к группе органов-гарантов специальной компетенции, созданные специально для обеспечения гарантий прав человека и основных свобод.

Библиографический список

1. *Анисимов П. В., Патищев Н. В.* Правовое регулирование защиты прав человека / под ред. Ф.М. Рудинского. Волгоград: ВА МВД России, 2003. 176 с.
2. *Дешко Л.* Конституційні основи правового статусу особи // Конституційне право України: навч. посібник / Р.Ф. Гринюк, В.Д. Волков, І.С. Щebetун та ін.; за заг. ред. Р.Ф. Гринюка. Донецьк: ДонНУ, 2014. С. 77–109.
3. *Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: учебник* / отв. ред. Л.М. Этин. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 960 с.
4. *Заворотченко Т.М.* Конституційно-правові гарантії прав і свобод людини і громадянина в Україні: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2002. 17 с.
5. *Липачева Л.М.* Реалізація конституційного права людини та громадянина на звернення за захистом своїх прав і свобод до Європейського суду з прав людини: дис. ... канд. юрид. наук. Дніпропетровськ, 2002. 190 с.
6. Национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека: Резолюция Совета по правам человека ООН от 5 июля 2012 г. URL: http://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/RES/20/14 (дата обращения: 09.09.2014).
7. Национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/449/73/PDF/N1344973.pdf?OpenElement> (дата обращения: 09.09.2014).
8. *Павленко Е.М.* Современные проблемы реформирования универсальных механизмов защиты прав человека // Права человека: теория, история, практика: сб. науч. тр., посвященный 65-летию Всеобщей декларации прав человека / под общ. ред. Е.М. Павленко. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 223–228.
9. *Павленко Е.М.* Юридическая наука и образование в области прав человека в современной России // Юрид. наука и образование в условиях глобализации: состояние и перспективы развития: материалы междунар. науч.-практ. конференции, посвященной 30-летию эконо-

- мико-правового факультета Донецкого национального университета (24–25 октября 2013 г.) / Донец. нац. ун-т; под общ. ред. д.ю.н. проф. А.Г. Бобковой. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2013. С. 18–22.
10. *Пашиук Т.І.* Право людини на ефективний державний захист її прав та свобод: дисс... канд. юрид. наук. Львів, 2006. 175 с.
 11. *Принципы*, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижские принципы): Резолюция Комиссии по правам человека ООН №192/54 от 3 марта 1992 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (дата обращения: 09.09.2014).
 12. Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижские принципы): Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи ООН от 23 декабря 1993 г. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_3_15 (дата обращения 09.09.2014).
 13. *Рабінович П.М.* Права людини і громадянина у Конституції України (до інтерпретації вихідних конституційних положень). Харків, 1997. 63 с.
 14. *Чуксина В.* Проблема типологии национальных институтов поощрению и защите прав человека // Известия ИГЭА. 2012. №6(86). С. 116–121.
 15. *Чуксина В.В.* Институт комиссий по правам человека в Российской Федерации: в свете мирового опыта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. 19 с.
 16. *Deshko L.* Domestic remedies that have to be exhausted in Ukraine when everyone applying to international judicial institutions or to the relevant bodies of international organizations // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. №1(22). С. 332–336.
 17. *Deshko L.* Structural elements of international legal mechanisms for ensuring the everyone's right to seek rights protection in international judicial institutions or in the relevant bodies of international organizations // *Legea Si Viata*. 2013. P.64–67.

References

1. *Anisimov P.V., Papichev N.V.* *Pravovoe regulirovanie zashiti prav cheloveka* [Legal Regulation of the Human Rights Protection] / Pod. red. F.M. Rydinskogo. Volgograd: VA MVD Rossii, 2003. 176 p. (In Russ).
2. *Deshko L.* *Konstitutsiyni osnovi pravovogo statusu osobi* [The Constitutional Basis of the Legal Status of a Person] // *Konstitutsiynе pravo Ukraїni: navch. posibnik – Constitutional Law of Ukraine* / R.F. Grinyk, V.D. Volkov, I.S. Shchebetyn i dr.; pod obsh.red. R.F. Grinuka. Donetsk: DonNU, 2014. PP. 77–109. (In Ukr).
3. *Evropejskoe pravo. Pravo Evropejskogo Souza i pravovoe obespechenie zaschiti prav cheloveka: ychebnik* [European Law. European Union Law and the Legal Protection of Human Rights] / otv. red L.M. Etin. 3-e izd., peresmotr. i dop. Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. 960 p. (In Russ).
4. *Zavorotchenko T.M.* *Konstitutsionno-pravovie garantii prav i svobod cheloveka i gragdanina v Ukraine* [The Constitutional-Legal Guaranties of Rights and Freedoms of a Person and a Citizen in Ukraine]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.. Kiev, 2002. 17 p. (In Ukr).
5. *Lipacheva L.M.* *Realizacia konstitutsionnogo prava cheloveka i gragdanina na obrasenie za zashitoj svoix prav i svobod v Evropejskij syd po pravam cheloveka* [Realization of the Constitutional Right of the Person and the Citizen in respect of the Reference to the European Court of Human Rights for Protection of their Rights and Freedoms]: dis. ... kand. jurid. nauk. Dnepropetrovsk, 2002. 190 p. (In Ukr).
6. *Nationalnie ychregdenija, zanimayushiesia pooshreniem i zashitoj prav cheloveka: Rezolyucia Soveta po pravam cheloveka OON ot 5 iyula 2012 g.* [National institutions which are engaged in encouragement and protection of the rights of the person: The resolution of Council on the rights of the person of the UN of July 5, 2012] // URL: http://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/RES/20/14 (data obraschenia: 09.09.2014). (In Russ).

7. *Nationalnie ychregdenija, zanimayushiesia pooshreniem i zashitoj prav cheloveka: Rezolyucia Generalnoj Assamblei OON ot 18 dekabra 2013 g.* [National institutions which are engaged in promotion and protection of human rights: The United Nations General Assembly resolution of December 18, 2013]. URL: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/449/73/PDF/N1344_973.pdf?OpenElement (data obraschenia: 09.09.2014). (In Russ).
8. Pavlenko Ye.M. *Sovremennyye problemy reformirovaniya universalnykh mekhanizmov zashchity prav cheloveka* [Modern Problems of Reforming the Universal Human Rights Protection Mechanisms] // *Prava cheloveka: teoriya, istoriya, praktika: sb. nauch. tr., posvyashchenny 65-letiyu Vseobshchey deklaratsii prav cheloveka* – Human Rights: Theory, History and Practice. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 65th Anniversary of the Universal Declaration of Human Rights / pod obshch. red. Ye.M. Pavlenko. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOY VPO RANXiGS, 2014. PP. 223–228. (In Russ).
9. Pavlenko Ye.M. *Uridicheskaja nayka i obrazovanie v oblasti prav cheloveka v sovremnoy Rossii* [Legal Science and Education in the Field of Human Rights in Modern Russia] // *Urid. nayka i obrazovanie v ysloviyax globalizatsii: sostojanie i perspektivi razvitia: materialy megdynar. nauch.-prakt. konferencii, posvaschennoj 30-letiu ekonomiko-pravovogo fakulteta Donetskogo nacionalnogo universiteta (24–25 oktobra 2013 g.)* – Legal Science and Education in the Context of Globalization: State and Prospects of Development: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference Dedicated to the 30th Anniversary of Economics and Law Faculty, Donetsk National University (24–25 October 2013) / Donets. Nat. Un-t; pod. obshch. red. d.u.n. prof. A.G. Bobkovo. Donetsk: Izd-vo DonNU, 2013. PP. 18–22. (In Russ).
10. Pashyk T.I. *Pravo lyudini na effektivnij dergavnij zakhist jiji prav i svobod* [Right for Effective State Protection of Human Rights and Freedoms]: diss... kand. jurid. nauk. Lviv, 2006. 175 p. (In Ukr).
11. *Prinsipi, kasayushiesia statysa nationalnix ychregdenij, zanimayushixsia pooshreniem i zashitoj prav cheloveka (Parigskie principy): Rezolucia Komissii po pravam cheloveka OON № 192/54 ot 3 marta 1992 g.* [The principles concerning the status of national institutions, engaged in promotion and protection of human rights (The Parisian principles): The resolution of the Commission on Human Rights of the UN No. 192/54 of March 3, 1992]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (data obraschenia: 09.09.2014). (In Russ).
12. *Prinsipi, kasayushiesia statysa nationalnix ychregdenij, zanimayushixsia pooshreniem i zashitoj prav cheloveka (Parigskie principy): Prilozhenie k rezolyucii 48/134 Generalnoj Assamblei OON ot 23 dekabra 1993 g.* [The principles concerning the status of national institutions, engaged in promotion and protection of human rights (The Parisian principles): The annex to the resolution 48/134 of General Assembly of the UN of December 23, 1993]. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_315 (data obraschenia: 09.09.2014). (In Russ).
13. Rabinovich P.M. *Prava lyudini i gromadianina y Konstitutsiji Ukraini (do intarpritasii vixidnix konstitutsijnix pologen)* [Human Rights and Citizens Rights in the Constitution of Ukraine (the Base of the Interpretation of Constitutional Provisions)]. Kharkov, 1997. 63 p. (In Ukr).
14. Chyksina V. *Problema tipologii nationalnix institutov po pooshreniu i zaschite prav cheloveka* [The Problem of the Typology of National Institutions for the Promotion and Protection of Human Rights] // *Izvestia IGEA – Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. 2012. №6(86). PP. 116–121. (In Russ).
15. Chyksina V. *Instytut komissij po pravam cheloveka v Rossijskoj Federatsiji: v svete mirovogo opita* [Institute of Human Rights Commissions in Russian Federation (National and International Experience)]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Irkytsk, 2005. 19 p. (In Russ).

16. *Deshko L.* Domestic remedies that have to be exhausted in Ukraine when everyone applying to international judicial institutions or to the relevant bodies of international organizations // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical sciences. 2014. №1(22). PP. 332–336. (In Eng).
17. *Deshko L.* Structural elements of international legal mechanisms for ensuring the everyone's right to seek rights protection in international judicial institutions or in the relevant bodies of international organizations // *Legea Si Viata*. 2013. PP.64-67. (In Eng).

**NATIONAL INSTITUTIONS FOR THE PROMOTION AND PROTECTION
OF HUMAN RIGHTS IN THE SYSTEM OF THE ORGANIZATIONAL
AND LEGAL GUARANTEES OF RIGHTS AND FREEDOMS
OF A PERSON AND A CITIZEN**

L.N. Deshko

Donetsk National University
1a, av. Vatutina, Donetsk, Ukraine, 83050
E-mail: DeshkoL@yandex.ru

Abstract: Introduction: the article examines the legal relations arising in the process of guaranteeing Human Rights and Fundamental Freedoms. **Purpose:** to define the place of National Institutions for the Promotion and Protection of Human Rights, accredited under the Paris Principles in the system of the organizational-legal guarantees of rights and freedoms of a person. **Methods:** used in the article General scientific (dialectics, analysis and synthesis) and private-scientific methods of research. **Results:** it was revealed that National Institutions for the Promotion and Protection of Human Rights, accredited under the Paris Principles have no independent legal tools / remedies for human rights and freedoms protection: they can't decide the case on its merits, they can not make binding decisions on the use of effective tools / protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. One of their main features is non-jurisdictional activity for the promotion and suppression of violations of Human Right and / or Fundamental Freedom. **Conclusions:** the article defines the place of National Institutions for the Promotion and Protection of Human Rights, accredited under the Paris Principles in the system of the organizational-legal guarantees of rights and freedoms of a person. The basic criteria of classification of guaranties of rights and freedoms of a person and a citizen were improved. New criteria of classification of the organizational-legal guarantees of rights and freedoms of a person were proposed.

Keywords: system of the organizational-legal guarantees; Paris Principles;
National Institutions for the Promotion and Protection of Human Rights

Информация для цитирования:

Дешко Л.Н. Национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека, в системе организационно-правовых гарантий прав и свобод человека и гражданина // *Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки*. 2014. Вып. 3(25). С. 83–91.

Deshko L.N. *Natsionalnyye uchrezhdeniya, zanimayushchiyesya pooshchreniyem i zashchitoy prav cheloveka, v sisteme organizatsionno-pravovykh garantiy prav i svobod cheloveka i grazhdanina* [National Institutions for the Promotion and Protection of Human Rights in the System of the Organizational and Legal Guarantees of Rights and Freedoms of a Person and a Citizen] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 83–91. (In Russ).

III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 347: 341

СТАБИЛЬНОСТЬ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ОБЩЕПРИЗНАННЫЙ ПРИНЦИП МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ПРИНЦИП ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.В. Васильев

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, доцент
Тверской государственный университет
170001, г. Тверь, ул. Желябова, 1
E-mail: pdvv@mail.ru

Аннотация: **Введение:** в статье рассматриваются актуальные аспекты обеспечения на уровне международно-правовых принципов и принципов гражданского права РФ стабильности частноправового регулирования общественных отношений. **Обсуждения:** актуализация этой проблемы связана с происходящими процессами экономической глобализации, усиливающегося экономического взаимодействия между экономиками различных государств, функционированием мирового рынка капитала и интернационализацией производственного сектора экономики. Предлагается совершенствовать систему общепризнанных международно-правовых принципов путем признания одним из них принципа стабильности правового регулирования. Его действие и применение должно быть направлено на обеспечение защиты прав и интересов инвесторов и собственников на уровне международного права, содействовать гармоничному развитию мировой экономики и обеспечивать недопустимость злоупотребления государственной властью при регулировании экономических процессов. В современных международных отношениях принцип стабильности правового регулирования в основном реализуется путем его закрепления в межправительственных (межгосударственных) соглашениях либо во внутреннем законодательстве ряда государств, применительно к обеспечению гарантий иностранным инвесторам. **Выводы:** на основе анализа зарубежной научной литературы делается вывод о том, что реализация принципа стабильности как общепризнанного международно-правового принципа может быть обеспечена путем его закрепления в различных актах ООН и Всемирной торговой организации.

Результаты: обосновывается предложение о необходимости закрепления принципа стабильности гражданско-правового регулирования в гражданском законодательстве Российской Федерации, где на сегодняшний день стабилизационная оговорка применяется в отношении защиты иностранных инвесторов. Закрепление более широкого применения принципа стабильности гражданско-правового регулирования в ГК РФ будет способствовать прогрессивному развитию национальной экономики.

Ключевые слова: глобализация; стабильность; международные отношения; инвестиции; права инвесторов; собственность

Введение

Происходящие процессы мировой экономической глобализации доказывают,

что на уровне международного частного права должны быть выработаны действенные механизмы защиты субъектов частно-правовых отношений. Одним из первых шагов на этом пути является разработка науч-

но обоснованных предложений по совершенствованию системы общепризнанных норм международного права, которые имели бы своей основной целью создание благоприятного инвестиционного климата на международном уровне: защиту капитала (инвестиций) и собственности. В связи с этим, одним из таких общепризнанных международно-правовых принципов должен быть являться принцип обеспечения стабильности правового регулирования.

Основной контент

Сегодня на уровне правового регулирования международного бизнеса и международных инвестиций принцип стабильности реализуется путем закрепления стабилизационных оговорок в различных видах международных договоров или на уровне национального законодательства. Содержание таких оговорок фиксируется путем замораживания положений законодательства, а также посредством обеспечения экономически равновесного положения инвесторов и государства, либо принятия, так называемых гибридных положений [11, с. 121–157].

Фиксация «замораживающих» положений осуществляется на уровне договоров с уполномоченными публично-правовыми образованиями (как правило, с правительствами соответствующих государств) или путем их законодательного закрепления. При такой ситуации изменение национального законодательства не распространяется на правовое регулирование деятельности инвесторов, за исключением случаев, когда желание их применения исходит непосредственно от инвестора [10, с. 75].

Обеспечение экономически равновесного положения означает создание такого механизма, реализация которого позволяет государству изменять условия законодательного регулирования той или иной сферы общественных отношений (в том числе правового режимов инвестиций, собственности и др.), но с условием возмещения затрат, связанных с соблюдением новых норм законодательства [11, с. 128]. Например, международным соглашением по вопросам инвестирования в строительство газопровода между Бенином, Ганой, Нигерией и республикой Того было зафиксировано прави-

ло экономического равновесия в соответствии с которым, если изменения в законодательстве или судебной практике, а также ратификация международных соглашений каким-либо государством, участвующим в подписании договора, привели к существенному негативному влиянию на субъекты хозяйственной деятельности, реализующие проект, то государство, допустившее такое изменение (изменения), должно обеспечить быструю, адекватную и эффективную компенсацию [12, с. 158–179].

Принятие «гибридных положений» означает возможность сочетания замораживания и экономического равновесия как средств обеспечения стабильности в экономической деятельности.

Положения (нормы) о стабилизации главным образом действуют в рамках межправительственных (межгосударственных) соглашений либо в рамках соглашений инвестора с публично-правовыми образованиями (государством, штатами, субъектами федерации и др.), то есть их принятие зависит от суверенной воли каждого государства. Более того, стабилизационные нормы не носят универсального характера и направлены на создание условий реализации конкретных проектов и контрактов.

Стабилизационные положения, содержащиеся в межгосударственных соглашениях, являются экономически выгодными для иностранных инвесторов и воспринимаются как деятельность правительств различных государств, направленная на привлечение иностранных инвестиций путем создания благоприятных условий для бизнеса. Однако применительно к стимулированию внутреннего (внутригосударственного) инвестирования стабилизационная оговорка является мало распространенной, и этот пробел следует восполнить.

Принцип стабильности частнопроводного регулирования должен явиться основой для планомерного развития экономической интеграции экономик различных суверенных государств и служить базовой гарантией, как для частных лиц (граждан), так и субъектов предпринимательской деятельности, содействующей обеспечению их интересов независимо от возможного существенного изменения правового регулиро-

вания той или иной сферы общественных отношений. Во многом признание принципа стабильности правового регулирования в качестве общепризнанного международно-правового принципа способно снять напряженность в международных отношениях, в том числе при изменении политического режима или руководства государства, то есть создать условия международной безопасности и сотрудничеству на основе уважения, как государственного суверенитета, так и интересов инвесторов. Одним из примеров является ситуация с экономическими потерями некоторых российских компаний (РЖД, Газпром, Татнефть и др.), с которыми после свержения в 2011 году режима М. Кадаффи новым правительством Ливии были расторгнуты договоры на сумму более чем 4 млрд дол. [4; 5; 9].

Приведенный пример свидетельствует о конвергенции частноправового и публично-правового содержания принципа стабильности правового регулирования. В этом аспекте конвергенция является следствием общей целевой направленности международного публичного и международного частного права – обеспечение гарантий безопасности в мировом правопорядке и защита прав инвесторов и собственников.

Однако признание принципа стабильности на международно-правовом уровне явилось бы только полумерой, поскольку имело бы в виду главным образом иностранных инвесторов. Данный принцип должен получить свое развитие при совершенствовании системы принципов гражданского права Российской Федерации и закреплён в ГК РФ. По своей юридической природе принцип стабильности гражданско-правового регулирования призван пронизывать всю совокупность структурных элементов, составляющих систему гражданского права, являясь необходимой предпосылкой развития эффективной экономической модели, основанной на предсказуемости развития законодательства. Сложно представить ситуацию, когда правовая доктрина и следующая за ней правотворческая мысль создавали бы все новые и новые нормы, которые ввергали бы правоприменителя в правовой хаос. Именно стабильность гражданско-правового регулирования, выражен-

ная в невозможности ухудшения гражданско-правового положения субъекта гражданского права, служит реальной гарантией создания эффективного фундаментального устройства российской экономики. Принцип стабильности гражданско-правового регулирования не нашел законодательного закрепления в ГК РФ и это является существенным недостатком. Не получил этот принцип и научной разработки в цивилистической литературе.

Косвенно содержание данного принципа отражено в Федеральном законе от 21 июля 2005 г. №115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [6]. Пункт 1 ст. 20 данного закона закрепляет, что, если в течение срока действия концессионного соглашения законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления устанавливаются нормы, ухудшающие положение концессионера таким образом, что он в значительной степени лишается того, на что был вправе рассчитывать при заключении концессионного соглашения, стороны концессионного соглашения изменяют условия этого соглашения в целях обеспечения имущественных интересов концессионера, существовавших на день подписания концессионного соглашения. Аналогичная позиция предусмотрена законодателем в ст. 9 Федерального закона от 9 июля 1999 г. №160-ФЗ (в ред. от 26.06.2007 г.) «Об иностранных инвестициях» [7], которая носит название «Гарантия от неблагоприятного изменения для иностранного инвестора и коммерческой организации с иностранными инвестициями законодательства Российской Федерации».

В отечественном законодательстве стабилизационная оговорка получила правовое закрепление в ст. 9 Основ законодательства об иностранных инвестициях в СССР, принятых Верховным Советом СССР 5 июля 1991 года [2]. Она закрепляла десятилетний срок применения законодательства, которое действовало на момент осуществления инвестиций. Однако стабилизационная оговорка не распространялась на изменения законодательства, касающиеся обеспечения обороны, национальной без-

опасности и общественного порядка, налогообложения, кредитов и финансов, охраны окружающей среды, нравственности и здоровья населения, а также антимонопольного законодательства.

В Законе РСФСР от 26 июня 1991 года №1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» [2] прямая ссылка на стабилизирующую оговорку отсутствовала. Однако из содержания ч. 1 ст. 14 Закона следовало, что государство гарантирует стабильность прав субъектов инвестиционной деятельности. При этом стабильность заключалась в том, что в случаях принятия законодательных актов, положения которых ограничивают права субъектов инвестиционной деятельности, соответствующие положения этих актов не могут вводиться в действие ранее, чем через год с момента их опубликования.

В последующем указ Президента РФ от 27 сентября 1993 г. №1466 «О совершенствовании работы с иностранными инвестициями» [12] установил, что вновь издаваемые нормативные акты, регулирующие условия функционирования на территории Российской Федерации иностранных и совместных предприятий, не действуют в течение 3 лет в отношении предприятий, существующих на момент вступления в силу этих актов. Данное положение не распространяется на нормативные акты, обеспечивающие более льготные условия функционирования на территории Российской Федерации иностранных и совместных предприятий.

Специфический подход к стабилизирующей оговорке содержится в ст. 10 Соглашении стран СНГ от 24 декабря 1993 г. «О сотрудничестве в области инвестиционной деятельности» [1], в которой указывается, что если изменения законодательства повлекли за собой ухудшение условий деятельности ранее созданных предприятий на территории данного государства, то в течение последующих 5 лет применяются нормы, действовавшие на момент регистрации этого предприятия. Таким образом, данное Соглашение предусматривает стабилизирующую оговорку только в отношении национальных предприятий с иностранными инвестициями, но не самих инвесторов, и

только в течение 5 лет. Кроме того, Соглашение защищает от любых изменений законодательства, ухудшающих положение компаний с иностранными инвестициями.

Президиум Высшего Арбитражного Суда в информационном письме от 18 января 2001 г. №58 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов» [3] указал, что к иностранному инвестору применяется принцип защиты от ужесточения национального законодательства, регулирующего режим инвестиций в течение конкретного периода.

Стабильность правового регулирования является залогом эффективной деятельности экономически активных субъектов гражданского права. Приведенные примеры свидетельствуют о законодательном закреплении принципа стабильности гражданско-правового регулирования. Однако в погоне за иностранным инвестором и иностранными инвестициями цивилистической науке и законодательству следовало бы уделить внимание более широкому законодательному закреплению принципа стабильности гражданско-правового регулирования для всех субъектов гражданского права Российской Федерации. Защищая в особом порядке права иностранного инвестора, законодатель ставит его в привилегированное положение, что является угрозой нивелирования принципа юридического равенства субъектов гражданского права, превращая его не более чем в декларацию, не имеющую под собой реального содержания.

Выводы

Таким образом, признание принципа стабильности частнопровового регулирования в качестве общепризнанного международно-правового принципа имело бы позитивные последствия для формирования базовой фундаментальной основы экономического развития в современном глобальном миропорядке, а также способствовало бы косвенному ограничению недружественного пересмотра или прекращения различных инвестиционных контрактов в результате изменения политического режима либо политического руководства государств.

Закрепление такого принципа в гражданском законодательстве Российской Фе-

дерации должно являться продолжением создания базовой основы для формирования эффективной экономической политики, основанной на создании благоприятного климата для активного участия граждан и юридических лиц в экономически активной деятельности, обеспечивая прогрессивное развитие российской экономики.

Библиографический список

1. *Бюллетень международных договоров*. 1995. №4.
2. *Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР*. 1991. №48, ст. 1102.
3. *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ*. 2001. №3.
4. *Ливийская революция влетит России в копеечку*. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2011-02-28/> (дата обращения: 01.07.2014).
5. *Российские нефтяные компании не смогут возобновить работу в Ливии*. URL: <http://www.simplexnn.ru/?id=8719> (дата обращения 01.07.2014).
6. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2005. №30, ч. II, ст. 3126.
7. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1999. №28, ст. 3493.
8. *Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации*. 1993. №40, ст. 3740.
9. *Экономика*: Подсчитываются потери российских компаний в Ливии. URL: <http://www.v-equities.ru/.aspx?id=1034> (дата обращения: 01.07.2014).
10. Dolzer R., Schreuer C. *Principles of International Investment Law*. New York: Oxford University Press. 2008.
11. *Maniruzzaman AFM*. The Pursuit of Stability in International Energy Investment Contracts: A Critical Appraisal of the Emerging Trends, in JWELB. 2008. Vol. 1, №2.
12. *Lorenzo C*. Reconciling regulatory stability and evolution of environmental standards in investment contracts: Towards a rethink of stabilization clauses, *The Journal of World Energy Law & Business*. 2008. №1(2).

References

1. *Byulleten mezhdunarodnykh dogovorov* [Bulletin of international treaties]. 1995. №4. (In Rus).
2. *Vedomosti syezda narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Congress of people's deputies and Supreme Soviet of the USSR]. 1991. № 48, st. 1102. (In Rus).
3. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF* [The Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]. 2001. №3. (In Rus).
4. *Liviyskaya revolyutsiya vletit Rossii v kopeyechku* [The Libyan revolution will cost Russia a lot of money]. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2011-02-28/> (data obrashcheniya: 01.07.2014). (In Rus).
5. *Rossiyskiye neftyanyye kompanii ne smogut vozobnovit rabotu v Livii* [Russian oil companies will not be able to resume operations in Libya]. URL: <http://www.simplexnn.ru/?id=8719> (data obrashcheniya 01.07.2014). (In Rus).
6. *Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of laws of the Russian Federation]. 2005. №30, ch. II, st. 3126. (In Rus).
7. *Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of laws of the Russian Federation]. 1999. № 28, st. 3493. (In Rus).
8. *Sobraniye aktov Prezidenta i Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii* [The collection of acts of the President and the Government of the Russian Federation]. 1993. №40, st. 3740. (In Rus).
9. *Ekonomika: Podschityvayutsya poteri rossiyskikh kompaniy v Livii* [Economy: Calculated losses of Russian companies in Libya]. URL: <http://www.v-equities.ru/.aspx?id=1034> (data obrashcheniya: 01.07.2014). (In Rus).
10. Dolzer R., Schreuer C. *Principles of International Investment Law*. New York: Oxford University Press. 2008. (In Eng).
11. *Maniruzzaman AFM*. The Pursuit of Stability in International Energy Investment Contracts: A Critical Appraisal of the Emerging Trends, in JWELB. 2008. Vol. 1, №. 2. (In Eng).

12. *Lorenzo C.* Reconciling regulatory stability and evolution of environmental standards in investment contracts: Towards a rethink of stabilization clauses, *The Journal of World Energy Law & Business*. 2008. №1 (2). (In Eng).

THE STABILITY OF PRIVATE LAW REGULATION AS A GENERALLY ACCEPTED PRINCIPLE OF INTERNATIONAL LAW AND THE PRINCIPLE OF CIVIL LAW RUSSIAN FEDERATION

V.V. Vasilyev

Tver state University
1, Zhelyabova street, Tver, 170001
E-mail: pdvv@mail.ru

Abstract: **Introduction:** This paper discusses the current level aspects of international legal principles and common law principles Russian Federation stability regulation of private-public relations. **Discussion:** update of the problems associated with the ongoing processes of economic globalization, the growing economic interaction between the economies of various countries, the functioning of the global capital markets and the internationalization of the production sector. It is proposed to improve the system of universally recognized principles of international law by recognizing one of them the principle of stability of legal regulation. Its effect and application should be directed to protect the rights and interests of investors and owners at the level of international law, to promote the harmonious Development Board of the global economy and ensure the inadmissibility of abuse of state power in the regulation of economic processes. In modern international relations the principle of stability of legal regulation is mainly realized by consolidating it in intergovernmental (interstate) agreements, or in the domestic legislation of a number of states, with regard to providing guarantees to foreign investors. **Conclusions:** based on the analysis of foreign scientific literature concludes that the implementation of the principle of stability as the universally recognized international legal principle can be achieved by consolidating it in various acts of the United Nations and the World Trade Organization.

Results: Substantiates the need for the proposal to include the principle of stability of civil regulation in the civil legislation of the Russian Federation, where today stabilization clause applies to the protection of foreign investors. Securing the wider application of the principle of stability of civil regulation in the civil legislation of the Russian Federation will promote the progressive development of the national economy.

Keywords: globalization; security; international relations; investment; investors' rights; property

Информация для цитирования:

Васильев В.В. Стабильность частноправового регулирования как общепризнанный принцип международного права и принцип гражданского права Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 92–97.

Vasilyev V.V. *Stabilnost chastnopravovogo regulirovaniya kak obshchepriznannyy printsip mezhdunarodnogo prava i printsip grazhdanskogo prava Rossiyskoy Federatsii* [The stability of private law regulation as a generally accepted principle of international law and the principle of civil law Russian Federation] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 92–97. (In Russ).

РАЗУМНОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И НАЧАЛА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Ю.В. Виниченко

Кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права и процесса
Байкальский государственный университет экономики и права
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: juvinichenko@mail.ru

Аннотация: **Введение:** через призму вопроса о принципах гражданского права и учения о гражданском обороте в статье рассматриваются категории «разумность» и «справедливость». **Цель:** на основе положений российского и зарубежного гражданского законодательства, цивилистической доктрины и практики исследовать вопрос о значимости рассматриваемых категорий, их содержании и соотношении с принципом добросовестности. **Методы:** в статье использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, ключевое значение среди которых для получения итоговых выводов имели: формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. **Результаты:** обосновывается тезис, что разумность и справедливость являются самостоятельными принципами гражданского права, имеющими свое содержание и сферу действия. Автор ратует за их закрепление в ст. 1 ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства» наряду с принципом добросовестности, аргументируя это, в частности, тем, что отсутствие соответствующих общих законодательных положений обуславливает необходимость всякий раз доказывать наличие данных принципов, что затрудняет их широкое применение на практике. Выявлено, что правила о разумности и справедливости имеются не только в российской, но и в других правовых системах, исходя из чего сделан вывод о допустимости их характеристики как общепризнанных норм гражданского права. Особо указывается на необходимость понимания разумности и справедливости не только как принципов (гносеологических начал) гражданского права, но и как его онтологических начал. С точки зрения проблемы построения учения о гражданском обороте отмечается, что рассматриваемые категории являются одними из основных начал функционирования системы гражданского оборота. **Выводы:** разумность и справедливость являются признанными началами гражданско-правового регулирования, однако их дальнейшее исследование не должно ограничиваться вопросом о принципах (началах) гражданского права и должно предприниматься с более широких методологических позиций – в частности, в контексте учения о таком значимом цивилистическом явлении, как гражданский оборот.

Ключевые слова: разумность; справедливость; принципы гражданского права; начала права; общепризнанные нормы гражданского права; гражданский оборот

Введение

С вступлением в действие Федерального закона от 31 декабря 2012 г. №302-ФЗ [38] легальное признание в качестве прин-

ципа гражданского права, а точнее, основного начала гражданского законодательства получила категория добросовестности. В частности, ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [24] (далее – ГК РФ) теперь гласит, что при установлении, осу-

ществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3) и что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4). Строго говоря, приведенные нормы не столько провозглашают собственно *принцип* добросовестности, сколько устанавливают *обязанность* добросовестного поведения субъектов. Однако, поскольку данные нормы помещены в статье «Основные начала гражданского законодательства», следует признать, что тем самым законодатель причислил добросовестность именно к началам гражданского законодательства, на уровне доктрины и практики зачастую отождествляемым с категорией «принципы гражданского права»; так, и в Пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ [53] неоднократно отмечается, что в ст. 1 ГК РФ закрепляется *принцип* добросовестности (см. пояснения правил ст. 1, п. 1 ст. 10, п. 5 ст. 166 ГК РФ).

Что касается разумности и справедливости, то им в сфере гражданско-правового регулирования российский законодатель отводит преимущественно скромное место «требований», которые подлежат учету при определении размера компенсации морального вреда (абз. 1 п. 2 ст. 1101 ГК РФ) и компенсации за нарушение исключительного права (абз. 2 п. 3 ст. 1252 ГК РФ), при квалификации действий субъектов в качестве недобросовестной конкуренции (подп. 9 ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции» [43]), а также исходя из которых, в случае применения права по аналогии, определяются права и обязанности сторон (участников) гражданских правоотношений (п. 2 ст. 6 ГК РФ).

Не отрицая безусловной важности и значимости принципа добросовестности, тем не менее полагаем, что подобной характеристики в полной мере заслуживают и разумность, и справедливость, отсутствие указаний на которые в ст. 1 ГК РФ представляется неоправданным. Более того, считаем необходимым поставить вопрос о значимости указанных категорий не только как начал гражданского права, но и как основа-

ний построения учения о гражданском обороте. Обоснованию данных тезисов и посвящена настоящая работа.

I. Разумность и справедливость как начала гражданского права

1. Анализируя позицию российского законодателя, закрепившего в ст. 1 ГК РФ только нормы о добросовестности, в отсутствие прямых пояснений (в частности, в Пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ), о тех или иных законодательных мотивах можно лишь предполагать. Так, можно предположить, что законодатель исходил из необходимости разделения всех принципов гражданского права на «основные» и «неосновные», закрепив в ст. 1 ГК РФ только первую из указанных групп. Однако, развивая данный тезис, придется признать, что ни разумность, ни справедливость основными, т.е. наиболее важными, главными (именно такое значение имеет термин «основной» в русском языке [48, с. 463]), базовыми, значимыми с позиций гражданско-правового регулирования в целом принципами не признаются.

Вместе с тем та же разумность уже традиционно подлежит учету при определении пределов *осуществления* гражданских прав (ст. 10 ГК РФ), при *исполнении* гражданских обязанностей (п. 3 ст. 53, п. 2 ст. 314, п. 2 ст. 375 и др. ГК РФ), при решении вопроса о *возникновении* (в частности, гл. 50 ГК РФ) и *прекращении* гражданских прав (п. 2 ст. 72, п. 2 ст. 76, п. 2 ст. 428, п. 1 ст. 451 ГК РФ), их *защите* (ст. 397, п. 1 ст. 399, п. 1 ст. 404, ст. 1101, п. 3 ст. 1252 ГК РФ), а также при *применении* (российского) гражданского законодательства (п. 2 ст. 6, п. 3 ст. 1191 ГК РФ). Судя по уже вступившим в законную силу и только планируемым изменениям гражданского законодательства России, сужение сферы применения категории «разумность» не планируется. Напротив, в ГК РФ имеется целый ряд новых положений, в которые заложен критерий разумности: вступившие в действие 1 сентября 2013 г. нормы о сделках (п. 2 ст. 157.1, п. 1 ст. 178, п. 3 ст. 183 ГК РФ в редакции ФЗ от 7 мая 2013 г. №100-ФЗ [39]); 1 июля 2014 г. – положения о залоге (абз. 2 п. 4 ст. 345, абз. 3 п. 1 ст. 358.3 ГК

РФ в редакции ФЗ от 21 декабря 2013 г. №367-ФЗ [41]); 1 сентября 2014 г. – нормы о юридических лицах (п. 1, 3, 5 ст. 53.1, п. 4 ст. 62, абз. 1 п. 2 ст. 65.2 ГК РФ в редакции ФЗ от 5 мая 2014 г. №99-ФЗ [37]). Указание на «разумность» и производные от нее термины содержится также в тексте потенциальных новелл кодекса (в редакции проекта ФЗ №47538-6 [40]): об обязательствах (п. 3 ст. 367, п. 2 ст. 376, п. 5 ст. 393, п. 2 ст. 393.1, абз. 2 ст. 415); о договорах (п. 2 ст. 446.1); при правовой регламентации вещных отношений, в частности при установлении так называемых соседских прав как ограничений права собственности на земельный участок в пользу соседей (п. 2 ст. 293, п. 2 ст. 294).

Изложенное позволяет утверждать, что разумность пронизывает и обуславливает действие практически всех гражданско-правовых институтов, исходя из чего ее также, как и добросовестность, можно считать не просто принципом гражданского права, но, по терминологии ГК РФ, основным началом гражданского законодательства.

Бесспорной видится и необходимость признания ключевым принципом гражданского права и основным началом гражданского законодательства также справедливости, которая в отсутствие норм прямого действия, согласно п. 2 ст. 6 ГК РФ, выступает одним из самых предельных оснований оценки действий субъектов (и иных юридически значимых явлений) и несмотря на скудное текстуальное оформление в законодательстве, на уровне судебной практики является признанным принципом гражданско-правового регулирования. Так, справедливость прямо названа «принципом» в определении Верховного Суда РФ от 29 июля 2008 г. №21-В08-6 [49]. В п. 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) от 30 июля 2013 г. №62 [44] указано, что «размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из *принципа справедливости* (здесь и далее по тексту курсив наш. – Ю.В.) и соразмерности ответственности». В п. 3 постановления Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. №22 [45] разъясняется, что «размер присуждаемой суммы определяется судом

на основе *принципов справедливости*, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК РФ)». В п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) от 21 апреля 2003 г. №6-П [50] указано, что «в силу статей 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации и исходя из *общеправового принципа справедливости*, защита права собственности и иных вещных прав, а также прав и обязанностей сторон в договоре должна осуществляться на основе соразмерности и пропорциональности, с тем чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота – собственников, сторон в договоре, третьих лиц».

Скорее всего именно в силу своей общеправовой значимости принцип справедливости и не получил закрепления в ст. 1 ГК РФ «Основные начала *гражданского* законодательства». С другой стороны, общеправовой характер данного принципа не стал препятствием к его фиксации, например, в Уголовном кодексе РФ [58], в котором принципу справедливости посвящена отдельная статья (ст. 6). Кроме того, не вполне ясна логика российского законодателя, избегающего использования термина «принцип» в отношении справедливости на уровне общих положений в ГК РФ, однако называющего справедливость в числе принципов одного из видов гражданских правоотношений – закупки товаров, работ, услуг [42, подп. 2 п. 1 ст. 3].

В свете сказанного следует заметить, что термин «принцип» используется в ГК РФ лишь в отношении гуманности (ст. 137), гуманности и морали (подп. 4 п. 4 ст. 1349, п. 2 ст. 1419, подп. 5 п. 4 ст. 1473, подп. 2 п. 3 ст. 1483), добросовестности и разумности (п. 3 ст. 602, абз. 2 ст. 662), а также в выражениях: «нравственные принципы общества» (п. 3 ст. 1064), «принципы открытости процедуры и учета мнения заинтересованных лиц, включая правообладателей» (подп. 6 п. 1 ст. 1244), «принципы решения задач» (п. 5 ст. 1259). При этом уже по нумерации соответствующих статей Кодекса нетрудно заметить, что данные «принципы»

закреплены не среди общих норм, касающихся поведения участников любых гражданских правоотношений, а при установлении отдельных прав и обязанностей субъектов.

В подобных случаях определенные принципы, по существу, лишь упоминаются, в силу чего они вряд ли имеют общее регулятивное значение и могут быть использованы для восполнения возможных пробелов в праве. В отличие от этого положения о равенстве участников отношений, неприкосновенности собственности, свободе договора и др., хотя и не обозначенные как принципы гражданского права, но закрепленные в ст. 1 ГК РФ, на практике трактуются именно как принципы права (см., например, постановления: ФАС Северо-Западного округа от 19 апреля 2007 г. №А21-5382/2006, от 3 декабря 2009 г. по делу №А05-5012/2009; ФАС Западно-Сибирского округа от 22 мая 2008 г. №Ф04-3131/2008(5309-А45-13) по делу №А45-11671/2007-33/330; Восьмого арбитражного апелляционного суда от 27 декабря 2010 г. по делу №А46-2831/2009; Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 апреля 2010 г. по делу №А14-9431/2009/313/35) и служат реальным масштабом оценки поведения субъектов даже в тех случаях, когда в нормах права отсутствует отсылка к ним.

Отсюда следует, что *необходимым условием реализации регулятивной функции того или иного юридического принципа является не просто его упоминание в законодательстве, а такое его легальное оформление, при котором он сформулирован в качестве нормы общего характера*. Без придания определенным правилам характера общих положений они будут применяться лишь в прямо указанных законом случаях и, следовательно, с позиций правового регулирования являться не основными идеями, характеризующими содержание права и определяющими его функционирование (то есть принципами права), а законодательными требованиями, суть, «рядовыми» установлениями положительного права [18]. Таким образом, использование законодателем в отношении отдельных категорий термина «принцип», по-видимому, должно свиде-

тельствовать о выделении таких понятий из общего ряда, стремлении подчеркнуть их большую значимость. Вместе с тем закрепление подобных «принципов» в виде норм, устанавливающих юридические обязанности участников лишь отдельных отношений, ограничивает сферу действия этих положений, вследствие чего с точки зрения юридической техники является не самым удачным способом их нормативной фиксации.

Безусловно, *отсутствие* соответствующих *общих законодательных положений* в отношении той или иной категории *не исключает* *возможной характеристики* последней как *принципа права*, однако, на наш взгляд, это *затрудняет ее широкое применение на практике, поскольку обуславливает необходимость всякий раз доказывать наличие данного принципа*. И если относительно принципа справедливости, в силу его общеправового характера, данный вопрос, возможно, стоит не столь остро (впрочем, и здесь не стоит равнять правосознание и уровень профессионализма представителей высших судебных органов и, скажем, судов первой инстанции, особенно – судов общей юрисдикции), то апелляция при вынесении конкретных судебных решений к разумности как общему принципу гражданского права требует определенного обоснования, к которому представители правосудия не всегда готовы и способны, в том числе, по причине отсутствия по данному вопросу устоявшейся доктринальной позиции.

Именно исходя из указанных соображений мы и ратуем за закрепление в ст. 1 ГК РФ наряду с нормами о добросовестности аналогичных как по общему характеру, так и по содержанию правил о разумности и справедливости.

2. В сравнительно-правовом аспекте можно заметить, что в законодательно закрепленных нормах иностранного права категории «разумность» и «справедливость» основными началами (принципами), как правило, не называются и используются в формулировках специальных гражданско-правовых норм, устанавливающих отдельные права и обязанности субъектов. Это, в частности, правила о так называемом разумном сроке, которые содержатся, напри-

мер, в ст. L134-7, L430-7, R134-2, R621-21 и др. Торгового кодекса Франции [3] («*délai raisonnable*»), §1-205, 2-309 Единообразного торгового кодекса США [5] (далее – ЕТК) («*reasonable time*»), ст. 182, 221, 227, 230, 232, 248, 281, 310 Закона КНР о договорах [28]. Другими вариантами законодательного воплощения норм о разумности являются такие выражения, как «разумная цена» или «разумное вознаграждение» (например, ст. 4 Кн. 7 ГК Нидерландов [21, с. 339] (далее – ГКН), ст. L134-5 Торгового кодекса Франции – «*rémunération raisonnable*»), «разумный человек» («*personne raisonnable*» – ст. 1112 Французского гражданского кодекса [2]), «разумные усилия» («*efforts raisonnables*» – п. «b» абз. 1 ст. L615-5-1 Французского кодекса об интеллектуальной собственности [4]). В качестве примера норм о справедливости можно привести положения: п. 1 ст. 440 Кн. 7 ГКН, устанавливающего в качестве возможного основания расторжения договора о коммерческом агентстве «такое изменение обстоятельств, что *справедливость* требует немедленного расторжения договора или расторжения его через определенное время»; ст. 271 Закона КНР о договорах, в соответствии с которой «гласно, *справедливо*, объективно» должна проводиться работа по организации торгов для получения строительного подряда.

Скорее исключением являются в данном отношении нормы: ст. 3 Гражданского кодекса Украины [59], которой к общим основам (принципам) гражданского законодательства отнесена вся «триада» – добросовестность, разумность и справедливость (при этом сначала указана «справедливость» и лишь затем – «добросовестность» и «разумность»); ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь [22], закрепляющей в числе основных начал гражданского законодательства (единый) принцип добросовестности и разумности: «добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается, поскольку не установлено иное (*принцип* добросовестности и *разумности* участников гражданских правоотношений)»; ст. 4 Общих положений гражданского права КНР [47] (далее – ОПГП КНР), помещенной в разд. 1 «Основ-

ные принципы» и устанавливающей, что «в гражданской деятельности необходимо следовать принципам добровольности, *справедливости*, эквивалентной компенсации, искреннего доверия».

Можно выделить и такие государства, в гражданском законодательстве которых анализируемые категории принципами (началами) прямо не называются, но вместе с тем содержащие их нормы имеют характер *общих* положений.

Например, в п. 4 ст. 8 Гражданского кодекса Республики Казахстан [23] (далее – ГК РК) императивно установлено, что граждане и юридические лица должны действовать при осуществлении принадлежащих им прав не только добросовестно, но также «*разумно и справедливо*, соблюдая содержащиеся в законодательстве требования, нравственные принципы общества, а предприниматели – также правила деловой этики». Об общих обязанностях «добросовестности, заботливости, *разумности* и старания» говорится в п. 3 §1-102 ЕТК; о праве *справедливости* гласят общие положения §1-103, п. 1 §1-201 данного Кодекса [27, с. 45, 47].

Большое количество общих норм о разумности и справедливости содержится в голландском законодательстве: ст. 2 Кн. 6 ГКН [21, с. 281] гласит, что кредитор и должник «обязаны придерживаться *требований разумности и справедливости* во взаимных отношениях» и что связывающее их обязательство «действительно в той мере, насколько это приемлемо в данных обстоятельствах по соображениям *разумности и справедливости*»; о требованиях разумности и справедливости прямо говорится также в нормах п. 2 ст. 8 Кн. 2 (о юридических лицах), ст. 94 (о неустойке), 248 (о юридических последствиях договоров) Кн. 6 Кодекса [21, с. 5, 296, 332]), апелляция к справедливости содержится в ст. 42 (о сделках) Кн. 3 ГКН [21, с. 189], при этом в ст. 12 Кн. 3 закона указано, что «при определении того, что требуют *разумность и справедливость*, нужно считаться с общепризнанными правовыми принципами, с правовыми убеждениями, принятыми в Нидерландах, а также с общественными и личными интере-

сами, которые затронуты в данном случае» [21, с. 180].

Общим оценочным «корректором» содержания договоров выступает справедливость в немецком праве [31], несмотря на то, что в соответствующих статьях Германского гражданского уложения [1] (далее – ГГУ) (§305–310) термин «справедливость» («*Gerechtigkeit*» [36, с. 202]) непосредственно не используется; в большей мере в указанных случаях текстуально проявляется критерий разумности: посредством использования выражений «*in zumutbarer Weise*» (подп. 2 п. 2 §305) – «разумным образом», «*angemessene Frist*» (подп. а п. 5 §308) – «разумный срок», «*unangemessen lange Zeit*» (п. 1а §308) – «необоснованно долгое время». В качестве примера терминологического законодательного оформления принципа справедливости, как представляется, можно указать, в частности, на положения п. п. 1, 3 §271а ГГУ, в формулировках которых содержится слово «*unbillig*» – «несправедливый» [36, с. 502].

В китайском гражданском законодательстве общий подотраслевой характер имеют нормы: ст. 83 (гл. 1 «Право собственности на имущество и имущественные права, связанные с правом собственности на имущество» разд. 5) ОПГП КНР, согласно которой «все соседи по недвижимому имуществу должны в духе содействия производству и улучшению жизни, взаимной помощи, *справедливости и разумности* поддерживать правильные взаимоотношения друг с другом в таких вопросах, как распределение воды, проход через соседскую территорию, пользование освещением и т.д.», а также ст. 39 Закона КНР о договорах, устанавливающей, что «при заключении договора с использованием стандартных условий сторона, предлагающая стандартные условия, обязана определять права и обязанности сторон, следуя *принципу справедливости*, а также обязана *разумным образом* попросить другую сторону обратить внимание на условия, которые исключают или ограничивают ответственность предлагающей стороны».

Учитывая изложенное, можно утверждать, что правила о разумности и справедливости являются нормами, закрепленными

в том или ином виде не только в российской, но и в других правовых системах, исходя из чего представляется возможной характеристика их как *общепризнанных правил поведения участников гражданских правоотношений (общепризнанных норм гражданского права)*.

3. В современном гражданском праве добросовестность, разумность и справедливость стали уже почти элементами устойчивого (единого) терминологического оборота: рассуждения об одной из названных категорий зачастую перемежаются с анализом двух других. Можно встретить в юридической литературе и такие, с одной стороны, явно несуразные, а с другой – весьма иллюстративные случаи, когда научная работа, озаглавленная «Принцип разумности в российском гражданском праве», в действительности (содержательно) посвящается анализу принципа добросовестности [15].

При этом единство взглядов в части трактовки как самих понятий добросовестности, разумности и справедливости, так и соответствующих принципов и их корреляции среди российских ученых отсутствует. Так, относительно соотношения рассматриваемых категорий в российской цивилистической доктрине высказывались, в частности, следующие позиции: что принцип разумности является одним из аспектов принципа добросовестности [9, с. 50; 55, с. 100]; что разумность и объективная добросовестность являются синонимичными понятиями [35, с. 7]; что добросовестность и разумность являются составляющими принципа справедливости [32, с. 141]; что добросовестность, разумность и справедливость являются общим принципом российского гражданского права [56, с. 58; 13, с. 170].

Полагаем, что и добросовестность, и разумность, и справедливость следует рассматривать в качестве *самостоятельных* принципов гражданского права, каждый из которых, выступая критерием оценки юридически значимых явлений, имеет свою «сферу действия».

Так, категория «добросовестность» относится, на наш взгляд, к самим субъектам, отражая, как верно отметил В.А. Белов, их извинительное незнание о фактах или правах других лиц, точнее, извинительную

ошибочную субъективную психическую оценку дееспособным лицом собственных противоправных действий в качестве правомерных [10]. Если исходить при этом из того, что внутренняя установка индивида действовать согласно своей совести и свободной воле является одним из значений термина «нравственность», а представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, имеющиеся на уровне общества, обозначаются термином «мораль» [8, с. 541–542, 501–502], можно сделать вывод, что добросовестность является морально-нравственным принципом. Тезис о нравственном характере добросовестности является широко признанным и в российской гражданско-правовой доктрине [10; 12, с. 11, 24–25; 14, с. 8; 52, с. 11–12; 57, с. 25].

Несколько иным является значение справедливости, с древних времен понимаемой как «компромисс, сочетание противоположных интересов, в результате которого каждый получает “свое”» [6, с. 58]. Выступая оплотом баланса интересов различных субъектов (подобное понимание справедливости сложилось и на уровне правоприменительной практики [51, п. 4 мотивировочной части; 46, п. 9, 10]), т.е. характеризуя уже не только индивидуальные качества и поведенческие установки отдельных лиц, но и систему ценностей определенной социальной группы, справедливость тяготеет к категории более общего порядка – «этика», означающей совокупность социальных норм [48, с. 913; 20, с. 7]. В отечественной цивилистике этический характер (принципа) справедливости признают, в частности, А.Г. Карапетов и А.И. Савельев [30; 31], Д.Е. Богданов [11, с. 19 и след.].

Качественно другое содержание имеет, по нашему мнению, понятие «разумность». Изначально обозначая такое естественное (природное) свойство человека, как обладание разумом, выступая в качестве принципа права, разумность трактуется шире: как целесообразность – критерий, применимый для оценки не только действий субъектов (на предмет их соответствия целями типичных гражданско-правовых моделей поведения) [16, §4 гл. II], но и иных связанных с такими действиями явлений действительности (например, вреда, расходов).

Представляется, что на этом основании можно отграничить принцип разумности от принципа добросовестности. Так, и в юридической литературе отмечается, что «особенно проявляется самостоятельность принципа разумности в случаях регулирования не действий субъектов, а условий договора, таких, как цена, срок и т. п. ... данные принципы (разумности и добросовестности. – Ю.В.) являются принципами гражданского права, которые равно действуют по всему гражданскому праву» [26, с. 69–70].

4. В понимании анализируемых принципов ключевое значение имеет вопрос о соотношении категорий «принципы» и «начала» (права), строгое разграничение которых, как уже было отмечено выше, на уровне доктрины и практики зачастую не проводится.

Так, в современной российской классической учебной литературе принципы гражданского права определяются как «**основные начала** (выделено автором. – Ю.В.), наиболее общие руководящие положения права, имеющие в силу их законодательного закрепления общеобязательный характер» [54, с. 74], как «основные начала гражданско-правового регулирования общественных отношений» [25, с. 27], и отмечается, что они «нашли свое непосредственное отражение в ст. 1 ГК» [25, с. 27].

В одном из авторитетных комментариев к ГК РФ при разъяснении положений ст. 1 говорится, что «в п. 1 статьи сформулированы *основные начала (принципы)* гражданского законодательства» [34, с. 2]. Аналогичным образом разъясняются положения ст. 2 ГК РК «*Основные начала* гражданского законодательства», в комментарии к которой отмечается, что данная статья «определяет по существу *основные принципы* гражданского законодательства, т.е. его самые главные положения, служащие фундаментом всей системы гражданского права» [33].

В п. 6 постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. №17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» указано, что «судам следует исходить из *принципа* добросовестности» и при этом сделана ссылка на п. 3 ст. 1 ГК РФ,

которая, напомним, называется «Основные начала гражданского законодательства»; ссылка на п. 4 данной статьи, закрепляющий норму о недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения, содержится в п. 3 постановления Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. №22 и при этом также используется термин «принцип».

По нашему убеждению, отождествление понятий «принципы права» и «начала права» (и, тем более, понятий «принципы права» и «начала законодательства») недопустимо. В данном вопросе мы исходим из признаваемой нами концепции начал частного права Н.П. Асланян, которая не просто указала на то, что под началами следует понимать первопричины, обусловившие содержание и существо определенного феномена (в частности, исследованного ученым российского частного права), но и выявила смысловые компоненты данной категории – гносеологический и онтологический. А именно, под *гносеологическими* (мировоззренческими, теоретико-познавательными) *началами* частного права автор понимает его «идеальные, концептуальные основания», т.е. «систему представлений, взглядов, воззрений, иными словами – *идею* частного права» [7, с. 33]. *Онтологические* (исторические, «бытийственные») *начала* того или иного феномена правовед определяет как «факторы, вызвавшие его к жизни, оказавшие существенное воздействие на обретение им бытия, обусловившие ту или иную его форму» [7, с. 203].

С отмеченных позиций *принципы* разумности и справедливости, являясь *гносеологическими началами* (гражданского) права, сводятся к системе *представлений о* разумности и справедливости.

Вместе с тем последние – это и реально существующие феномены, имеющие в отличие от гносеологических начал (идей, принципов) объективный, не зависящий от усмотрения тех или иных субъектов (законодателей, правоприменителей, самих участников правоотношений) характер. В таком, *онтологическом*, аспекте разумность означает, на наш взгляд, присущую людям познавательную способность (биолого-антропологическое свойство человека), а

справедливость, так же, как и добросовестность – персональную характеристику отдельных физических лиц, а именно их этические (справедливость) и морально-нравственные (добросовестность) личностные качества.

II. Разумность и справедливость как начала функционирования системы гражданского оборота

Основополагающее значение начала разумности и справедливости (и в гносеологическом, и в онтологическом смысле) имеют не только в сфере гражданского права, но и в *гражданском обороте*. Тезис о взаимосвязи данных начал и гражданского оборота находит подтверждение при обращении как к юридической литературе [29, с. 120], так и к руководящей судебной практике [51, п. 2 мотивировочной части; 50, п. 2 мотивировочной части], а также к законопроектным документам (в частности, к положениям Пояснительной записки к законопроекту о внесении изменений в ГК РФ – в части правил ст. ст. 1, 53.1, 53.4, 178, п. 2 ст. 179, гл. 10 ГК РФ). В то же время в понимании гражданского оборота мы не разделяем тех подходов, которые сложились в российском гражданском правоведении (их общий обзор см., например, [19]), считая необходимым рассматривать его как *явление системного порядка*.

Отдельные аргументы в пользу системного подхода как методологического основания познания гражданского оборота уже были озвучены нами ранее [17], в связи с чем в рамках настоящей работы укажем лишь, что при таком подходе гражданский оборот подлежит рассмотрению как система, то есть устойчивое целостное единство, характеризующееся наличием цели своего существования, исходя из которой определяются набор входящих в эту систему элементов, связь между ними, а также функции (способы действия) данной системы.

По мнению специалистов, показателем целостности объекта познания является наличие цели, на достижение которой направлено само существование системы. На этом основании определяющее значение в понимании гражданского оборота имеет вопрос о цели существования данной системы. Подчеркнем, что указанный вопрос

специальной разработке в цивилистической литературе не подвергался. В качестве научной гипотезы можно допустить, что основной целью системы гражданского оборота является справедливое удовлетворение разумных потребностей субъектов участников гражданского оборота. Высказанное предположение основано на характеристике гражданского оборота как социальной системы, что, с одной стороны, обусловлено, а с другой стороны, предопределяет его системное описание в контексте анализа возникающих и существующих в обществе юридически значимых отношений. Именно ради удовлетворения своих индивидуальных потребностей отдельные лица и вступают в отношения, становятся субъектами гражданского оборота. Указание при этом на справедливость и разумность призвано подчеркнуть, что функционирование (деятельность системы на пути достижения цели) гражданского оборота, как и любой другой системы, осуществляется не произвольно, а детерминировано действием определенных начал.

Исходя из указанного выше понимания категории «начала», онтологическими основаниями функционирования системы гражданского оборота являются факторы, обусловившие появление данной системы и объективно определяющие ее существование (бытие) и развитие, а ее гносеологическими началами – основополагающие идеи (принципы), влияющие на реализацию системой гражданского оборота выполняемых ею функций. Разграничение онтологических и гносеологических начал особо значимо с позиций выявления закономерностей и тенденций дальнейшего развития данной системы с целью определения возможного воздействия на нее; принципы функционирования системы гражданского оборота, как представляется, имеют субъективный характер.

В первом приближении, в числе онтологических начал гражданского оборота помимо разумности (биолого-антропологического начала), справедливости и добросовестности (персональных качеств физических лиц, непосредственно участвующих в гражданском обороте) можно выделить также экономические начала, из которых

наиболее значимыми являются: а) необходимость обмена материальными и созданными нематериальными благами, принадлежащими субъектам или фактически присвоенными ими; б) материальный уровень общественного развития. Важным принципом деятельности системы гражданского оборота наряду с духовными началами общества, то есть его общими морально-нравственными и этическими установками (представлениями о справедливости, добросовестности), и целесообразностью (принципом разумности) является правовая политика государства.

Заключение

Итак, предпринятый анализ положений российского и зарубежного гражданского законодательства, цивилистической доктрины и практики свидетельствует о том, что категории «разумность» и «справедливость» являются признанными началами гражданско-правового регулирования отношений субъектов, в ряде государств уже получившими закрепление в числе основных начал (принципов) гражданского законодательства. Полагаем, что их отражение в ст. 1 ГК РФ будет соответствовать тому значению, которое имеют данные категории в гражданском праве. Кроме того, считаем, что их дальнейшее исследование не должно ограничиваться вопросом о принципах (началах) гражданского права (законодательства), а должно предприниматься с более широких методологических позиций – в частности, с позиций учения о таком значимом цивилистическом явлении, как гражданский оборот.

Библиографический список

1. *Bürgerliches Gesetzbuch* : in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 [Электронный ресурс] // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 15.07.2014).
2. *Code civil* (Version consolidée au 6 août 2014) [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de l'accès au droit. URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20140810&cidTexte=LEGITEXT000006070721> (дата обращения: 08.08.2014).

3. *Code de commerce* (Version consolidée au 6 août 2014) [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de l'accès au droit. URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20140810&cidTexte=LEGITEXT000005634379> (дата обращения: 08.08.2014).
4. *Code de la propriété intellectuelle* (Version consolidée au 4 août 2014) [Электронный ресурс] // Légifrance, le service public de l'accès au droit. URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20140810&cidTexte=LEGITEXT000006069414> (дата обращения: 08.08.2014).
5. *Uniform Commercial Code* [Электронный ресурс] // Legal Information Institute. URL: <http://www.law.cornell.edu/ucc> (дата обращения: 10.08.2014).
6. Аракелян А.Ю. Справедливость в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 226 с.
7. Асланян Н.П. Основные начала российского частного права: монография. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2001. 270 с.
8. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 1093 с.
9. Белов В.А. Добросовестность, разумность и справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. №8. С. 49–52.
10. Белов В.А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики. М.: Волтерс Клувер, 2006. 96 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве: монография. М.: Проспект, 2013. 232 с.
12. Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 63 с.
13. Большой юридический словарь / авт.-сост. В.Н. Додонов и др.; под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1999. [VI]. 790 с.
14. Василенко Е.В. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 27 с.
15. Вердиян Г.В. Принцип разумности в российском гражданском праве // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 23 янв. 2012 г.) / под общ. ред. А.В. Рагулина, М.С. Шайхуллина; Евразийский науч.-исслед. ин-т проблем права. Уфа, 2012. С. 105–110.
16. Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 190 с.
17. Виниченко Ю.В. О необходимости системного исследования гражданского оборота // Четвертый пермский конгресс ученых-юристов: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 18–19 окт. 2013 г.) / отв. ред. О.А. Кузнецова. Пермь, 2013. С. 89–91.
18. Виниченко Ю.В. Требования в праве (общетеоретический аспект) // Известия ИГЭА (Байкальский государственный университет экономики и права): электрон. журн. 2010. №6. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=13987> (дата обращения: 20.06.2014).
19. Виниченко Ю.В., Асланян Н.П. О подходах к пониманию категории «гражданский оборот» в российской цивилистике // Materiály X mezinárodní vědecko-praktická conference «Efektivní nástroje moderních věd – 2014». Díl 11. Právní vědy. Administrativa. Praha. Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2014. С. 31–39. URL: http://www.rusnauka.com/13_EISN_2014/Pravo.htm (дата обращения: 20.06.2014).
20. Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 155 с.
21. Гражданский кодекс Нидерландов / пер. М. Ферштман; отв. ред. Ф.Й.М. Фельд-

- брюгге. Лейден: Лейденский ун-т, 2000. Кн. 2, 3, 5–7. 372 с.
22. *Гражданский кодекс Республики Беларусь* от 7 дек. 1998 г. №218-З (с изм. и доп. по состоянию на 11.07.2014). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415161#pos=35;-754 (дата обращения: 25.07.2014).
 23. *Гражданский кодекс Республики Казахстан. Общая часть: принят Верхов. Советом Республики Казахстан* 27 дек. 1994 г. (с изм. и доп. по состоянию на 10.06.2014). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 25.07.2014).
 24. *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая* [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014, с изм. от 23.06.2014) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 25. *Гражданское право: учебник; в 3 т. / В.В. Байбак, Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев [и др.]; под ред. Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2013. Т. 1. 784 с.*
 26. *Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: монография. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. 152 с.*
 27. *Единообразный торговый кодекс США / пер. с англ. Сер.: Современное зарубежное и международное частное право. М.: Междунар. центр фин.-экон. развития, 1996. 427 с.*
 28. *Закон Китайской Народной Республики о договорах от 15 марта 1999 г.: сайт Центра поддержки предпринимательства Алтайского края. URL: <http://www.altaicpp.ru/international/internat/norm/1.html> (дата обращения: 10.08.2014).*
 29. *Иванова С.А. Принцип справедливости в общих положениях гражданского кодекса России // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 23 янв. 2012 г.). Уфа, 2012. С. 119–123.*
 30. *Карпетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М.: Статут, 2012. 452 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*
 31. *Карпетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М.: Статут, 2012. 453 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*
 32. *Клочков А.А. Стандартные (общие) условия договоров в коммерческом обороте: правовое регулирование в России и зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2000. 210 с.*
 33. *Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Казахстан. Общая часть / сост. Р.А. Маметова; отв. ред. М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30120950 (дата обращения: 25.07.2014).*
 34. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О.Н. Садилов. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2003. 940 с.*
 35. *Мазур О.В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. 23 с.*
 36. *Немецко-русский юридический словарь / под ред. П.И. Гришаева и М. Бенямина. М.: АБИ Пресс, 2010. 616 с.*
 37. *О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 5 мая 2014 г. №99-ФЗ // Рос. газета. 2014. 7 мая.*
 38. *О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31 дек. 2012 г. №302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*
 39. *О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153*

- части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 7 мая 2013 г. №100-ФЗ // Рос. газета. 2013. 13 мая.
40. *О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации*: проект Федер. закона Рос. Федерации №47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
41. *О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации*: Федер. закон Рос. Федерации от 21 дек. 2013 г. №367-ФЗ // Рос. газета. 2013. 25 дек.
42. *О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц*: Федер. закон Рос. Федерации от 18 июля 2011 г. №223-ФЗ (ред. от 12.03.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
43. *О защите конкуренции*: Федер. закон Рос. Федерации от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ (ред. от 04.06.2014, с изм. от 21.07.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
44. *О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица*: постановление Пленума Высшего Арбитраж. Суда РФ от 30 июля 2013 г. №62 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. №34.
45. *О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта*: постановление Пленума Высшего Арбитраж. Суда РФ от 4 апр. 2014 г. №22 // Вестник ВАС РФ. 2014. №6.
46. *О свободе договора и ее пределах*: постановление Пленума Высшего Арбитраж. Суда РФ от 14 марта 2014 г. №16 // Вестник ВАС РФ. 2014. №5.
47. *Общие положения гражданского права Китайской Народной Республики*: приняты 12 апр. 1986 г. URL: www.labatr.bsu.ru/pages/grajd_pravo.doc (дата обращения: 10.08.2014).
48. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
49. *Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 июля 2008 г. №21-В08-6* [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
50. *По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева*: постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 21 апр. 2003 г. №6-П // Рос. газета. 2003. 26 апр.
51. *По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Тверская прядаильная фабрика»*: постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 6 июня 2000 г. №9-П // Рос. газ. 2000. 15 июня.
52. *Попова А.В.* Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского Союза: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 195 с.
53. *Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
54. *Российское гражданское право*: учебник; в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. 958 с.

55. *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. М.: Дело, 1999. 512 с.
 56. *Словарь* гражданского права / В.Н. Додонов, Е.В. Каминская, О.Г. Румянцев; под общ. ред. В.В. Залесского. М.: ИНФРА-М, 1997. 304 с.
 57. *Татарников А.В.* Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 30 с.
 58. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (ред. от 21.07.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 59. *Цивільний кодекс України* від 16.01.2003 р. № 435-IV (ред. від 24.07.2014). URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (дата обращения: 27.07.2014).
- References**
1. *Bürgerliches Gesetzbuch* : in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002. [German Civil Code] // *Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz* – Federal Ministry of Justice and Consumer Protection: Site. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/>. (data obrashcheniya: 15.07.2014). (In Germ).
 2. *Code civil* (Version consolidée au 6 août 2014). [French Civil Code] // *Légifrance, le service public de l'accès au droit* – Légifrance: Public Service of Access to the Law: Site. URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20140810&cidTexte=LEGITEXT000006070721>. (data obrashcheniya: 08.08.2014). (In Fr).
 3. *Code de commerce* (Version consolidée au 6 août 2014). [Commercial Code of France] // *Légifrance, le service public de l'accès au droit* – Légifrance: Public Service of Access to the Law: Site. URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20140810&cidTexte=LEGITEXT000005634379> (data obrashcheniya: 08.08.2014). (In Fr).
 4. *Code de la propriété intellectuelle* (Version consolidée au 4 août 2014). [Code of Intellectual Property of France] // *Légifrance, le service public de l'accès au droit* – Légifrance: Public Service of Access to the Law: Site. URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20140810&cidTexte=LEGITEXT000005634379> (data obrashcheniya: 08.08.2014). (In Fr).
 5. *Uniform Commercial Code* // Legal Information Institute. URL: <http://www.law.cornell.edu/ucc/>. (In Eng).
 6. *Arakelyan A.Yu. Spravedlivost v rossiyskom grazhdanskom prave* [Fairness in the Russian Civil Law]: dis. ... kand. jurid. nauk.. Krasnodar, 2008. 226 p. (In Russ).
 7. *Aslanyan N.P. Osnovnyye nachala rossiyskogo chastnogo prava* [Basic Beginnings of the Russian Private Law]: monografiya. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2001. 270 p. (In Russ).
 8. *Bachinin V.A. Entsiklopediya filosofii i sotsiologii prava* [Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law]. St. Petersburg: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press», 2006. 1093 p. (In Russ).
 9. *Belov V.A. Dobrosovestnost, razumnost i spravedlivost kak printsipy grazhdanskogo prava* [Good Faith, Reasonableness and Justice as the Principles of Civil Law] // *Zakonodatelstvo* – Legislation. 1998. №8. 49–52 pp. (In Russ).
 10. *Belov V.A. K voprosu o nedobrosovestnosti nalogoplatelshchika: kriticheskiy analiz pravoprimenitelnoy praktiki* [On the Question of Bad Faith of the Taxpayer: a Critical Analysis of the Enforcement Practice]. Moscow: Volters Kluver, 2006. 96 p. (In Russ).
 11. *Bogdanov D.E. Spravedlivost kak osnovnoye nachalo grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti v rossiyskom i zarubezhnom prave* [Fairness as a Basic Beginning of of Civil Liability in the Russian and Foreign Law]: monografiya. Moscow: Prospekt, 2013. 232 p. (In Russ).
 12. *Bogdanova Ye.E. Dobrosovestnost uchastnikov dogovornykh otnosheniy i problemy zashchity ikh subyektivnykh grazhdanskikh prav* [Good Faith of Participants of Contractual Relations and Problems of Protection of Their Subjective Civil Rights]: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk.. Moscow, 2010. 63 p. (In Russ).
 13. *Bolshoy yuridicheskiy slovar* [Large Law Dictionary] / avt.-sost. V.N. Dodonov i dr.;

- pod red. A.Ya. Sukhareva, V.D. Zorkina, V.E. Krutskikh.. Moscow: INFRA-M, 1999. [VI], 790 p. (In Russ).
14. *Vasilenko Ye.V. Kategorii «dobrosovestnost» i «razumnost» v grazhdanskom prave: voprosy sootnosheniya* [The Category «Good Faith» and «Reasonableness» in the Civil Law: Questions of Ratio]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2012. 27 p. (In Russ).
 15. *Verdyan G.V. Printsip razumnosti v rossiyskom grazhdanskom prave* [The Principle of Reasonableness in the Russian Civil Law] // *Aktualnyye problemy sovershenstvovaniya zakonodatelstva i pravoprimereniya: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ufa, 23 yanvarya 2012 g.)* – Actual Problems of Improving Legislation and of Enforcement: Materials II. Intern. Scientific-Practical. Conf. Ufa / pod obshch. red. A.V. Ragulina, M.S. Shaykhullina; Yevraziyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut problema prava, 2012. 105–110 pp. (In Russ).
 16. *Vinichenko Yu.V. Razumnost v grazhdanskom prave Rossii* [Reasonableness in the Civil Law of Russia]: dis. ... kand. jurid. nauk.. Irkutsk, 2003. 190 p. (In Russ).
 17. *Vinichenko Yu.V. O neobkhodimosti sistemnogo issledovaniya grazhdanskogo oborota* [About the Necessity of Systemic Study the Civil Circulation] // *Chetvertyy perm'skiy kongress uchenykh-yuristov: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Perm, Perm. gos. nats. issl. un-t, 18–19 oktyabrya 2013 g.)* – Fourth Permian Congress of the Legal Scientists: Materials Intern. Scientific-Practical. Conf. Perm / otv. red. O.A. Kuznetsova; Perm. gos. nats. issl. un-t, 2013. 89–91 pp. (In Russ).
 18. *Vinichenko Yu.V. Trebovaniya v prave (obshcheteoreticheskiy aspekt)* [Requirements in Law (General Theoretical Aspect)] // *Izvestiya IGEA (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava): elektron. zhurn.* – *Izvestiya Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law): Scientific Online Journal.* 2010. №6. URL: [http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=](http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=13987) 13987 (data obrashcheniya: 20.06.2014). (In Russ).
 19. *Vinichenko Yu.V., Aslanyan N.P. O podkhodakh k ponimaniyu kategorii «grazhdanskiy oborot» v rossiyskoy tsivilistike* [About the Approaches to the Understanding of the Category «Civil Circulation» in the Russian Civil Law] // *Materiály X mezinárodní vědecko-praktická conference «Efektivní nástroje moderních věd – 2014».* Díl 11. Právní vědy. Administrativa – Materials X. Intern. Scientific-Practical Conf. «Effective Tools of Modern Sciences – 2014». Part of the 11th Jurisprudence. Praha. Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2014. 31–39 pp. URL: http://www.rusnauka.com/13_EISN_2014/Pravo.htm (data obrashcheniya: 20.06.2014). (In Russ).
 20. *Vyazov A.L. Printsip spravedlivosti v sovremennom rossiyskom prave i pravoprimerenii (teoretiko-pravovoye issledovaniye)* [The Principle of Justice in the Modern Russian Law and in Enforcement (Theoretic-Legal Research)]: dis. ... kand. jurid. nauk.. Moscow, 2001. 155 p. (In Russ).
 21. *Grazhdanskiy kodeks Niderlandov. Knigi 2, 3, 5, 6 i 7* [The Civil Code of the Netherlands. Book 2, 3, 5, 6 and 7] / per. M. Fershtman; otv. red. F.Y.M. Feldbryugge. Leyden: Leydenskiy un-t, 2000. 372 p. (In Russ).
 22. *Grazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus ot 7 dekabrya 1998 g. № 218-Z* [Civil Code of the Republic of Belarus of December 7, 1998 №218-Z] (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 11.07.2014). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415161#pos=35;-754 (In Russ).
 23. *Grazhdanskiy kodeks Respubliki Kazakhstan (Obshchaya chast)* [The Civil Code of the Republic of Kazakhstan (General Part)]: prinyat Verkhovnym Sovetom Respubliki Kazakhstan 27 dekabrya 1994 g. (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 10.06.2014). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061 (data obrashcheniya: 25.07.2014). (In Russ).
 24. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya)* [Civil Code of the Russian Federation (Part One)]: Feder. zakon RF ot 30 noyabrya 1994 g. №51-FZ (red. ot

- 05.05.2014, s izm. ot 23.06.2014). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsultant-Plyus». (In Russ).
25. *Grazhdanskoye pravo: uchebnik* [Civil Law: Textbook]: v 3 t. T. 1 / V.V. Baybak, N.D. Yegorov, I.V. Yeliseyev [i dr.]; pod red. Yu.K. Tolstogo.. Moscow: Prospekt, 2013. 784 p. (In Russ).
 26. *Drozdova T.Yu. Dobrosovestnost v rossiyskom grazhdanskom prave* [Good Faith in the Russian Civil Law]: monografiya.. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2006. 152 p. (In Russ).
 27. *Edinoobraznyy torgovyy kodeks SShA* [Uniform Commercial Code of the United States]: per. s angl / Seriya: Sovremennoye zarubezhnoye i mezhdunarodnoye chastnoye pravo. Moscow: Mezhdunarodnyy tsentr finansovo-ekonomicheskogo razvitiya, 1996. 427 p. (In Russ).
 28. *Zakon Kitayskoy Narodnoy Respubliki o dogovorakh ot 15 marta 1999 g.* [Law of Peoples Republic of China on Contracts] // *Sayt Tsentra podderzhki predprinimatelstva Altayskogo kraya* – Site of the Center for Entrepreneurship Support of the Altai Territory. URL: <http://www.altaicpp.ru/international/internat/norm/1.html> (data obrashcheniya: 10.08.2014). (In Russ).
 29. *Ivanova S.A. Printsip spravedlivosti v obshchikh polozheniyakh grazhdanskogo kodeksa Rossii* [The Principle of Justice in the General Provisions of the Civil Code Russia] // *Aktualnyye problemy sovershenstvovaniya zakonodatelstva i pravoprimeneniya: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ufa, 23 yanvarya 2012 g.)* – Actual Problems of Improving Legislation and of Enforcement: Materials II. Intern. Scientific-Practical. Conf. Ufa, 2012. 119–123 pp. (In Russ).
 30. *Karapetov A.G., Savelyev A.I. Svoboda dogovora i yeye predely : v 2 t. T. 1: Teoreticheskiye, istoricheskiye i politiko-pravovyye osnovaniya printsipa svobody dogovora i yego ogranicheniy* [Freedom of Contract and Its Limits: in 2 t. T. 1: Theoretical, Historical, and Politic-Legal Basis of the Principle of Freedom of Contract and of Its Limitations]. Moscow: Statut, 2012. 452 p. (In Russ).
 31. *Karapetov A.G., Savelyev A.I. Svoboda dogovora i yeye predely : v 2 t. T. 2: Predely svobody opredeleniya usloviy dogovora v zarubezhnom i rossiyskom prave* [Freedom of Contract and Its Limits: in 2 t. T. 2: Limits of Freedom of Determining of Contract Terms in the Foreign and in Russian Law]. Moscow: Statut, 2012. 453 p. (In Russ).
 32. *Klochkov A.A. Standartnyye (obshchiye) usloviya dogovorov v kommercheskom oborote: pravovoye regulirovaniye v Rossii i zarubezhnykh stranakh* [Standard (General) Terms of the Contracts in Commercial Turnover: Legal Regulation in Russia and Abroad]: dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2000. 210 p. (In Russ).
 33. *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Respubliki Kazakhstan (Obshchaya chast)* [Commentary to the Civil Code of the Republic of Kazakhstan (General Part)] / sost. R.A. Mametova; otv. red.: M.K. Suleymenov, Yu.G. Basin.. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30120950 (data obrashcheniya: 25.07.2014). (In Russ).
 34. *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii chasti pervoy (postateynnyy)* [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, of the First Part (an Itemized)] / ruk. avt. kol. i otv. red. O.N. Sadikov. Moscow: KONTRAKT, INFRA-M, 2003. 940 p. (In Russ).
 35. *Mazur O.V. Trebovaniye razumnosti v sootnoshenii s trebovaniyem dobrosovestnosti v grazhdanskom prave* [The Requirement of Reasonableness in Correlation with Requirement of Good Faith in Civil Law]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. St. Petersburg, 2012. 23 p. (In Russ).
 36. *Nemetsko-russkiy yuridicheskiy slovar* [German-Russian Law Dictionary]/ pod red. P.I. Grishayeva i M. Benyamina. Moscow: ABI Press, 2010. VIII p., 616 p. (In Russ).
 37. *O vnesenii izmeneniy v glavu 4 chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i o priznanii utrativshimi silu otdelnykh polozheniy zakonodatelnykh ak-*

- rov Rossiyskoy Federatsii: Feder. zakon RF ot 5 maya 2014 g. № 99-FZ* [On Amendments to Chapter 4 of the Civil Code of the Russian Federation and the Annulment of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation: the federal law of the Russian Federation of May 5, 2014 №99-FZ] // *Ros. gazeta.* – Russian newspaper. 2014. 7 maya (InRuss).
38. *O vnesenii izmeneniy v glavy 1, 2, 3 i 4 chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii : Feder. zakon RF ot 31 dekabrya 2012 g. № 302-FZ (red. ot 04.03.2013).* [On Amendments to Chapters 1, 2, 3 and 4 of the First Part Civil Code of the Russian Federation: The federal law of the Russian Federation of December 31, 2012 №9302-FZ]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus». (In Russ).
39. *O vnesenii izmeneniy v podrazdely 4 i 5 razдела I chasti pervoy i statyu 1153 chasti tretyey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Feder. zakon RF ot 7 maya 2013 g. № 100-FZ.* [On Amendments to Subsections 4 and 5 of Section I. of the First Part and Article 1153 of the Third Part Civil Code of the Russian Federation] // *Ros. gazeta.* – Russian newspaper. 2013. 13 maya. (In Russ).
40. *O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu, vtoruyu, tretyu i chetvertuyu Gra-zhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, a takzhe v otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii : projekt Feder. zakona RF №47538-6 (red., prinyataya GD FS RF v I chtenii 27.04.2012 g.)* [On Introduction of Changes in the Part of the First, Second, Third and Fourth to the Civil Code of the Russian Federation, As Well As to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Draft Law]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus». (In Russ).
41. *O vnesenii izmeneniy v chast pervuyu Gra-zhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu otdelnykh zakonodatelnykh aktov (polozheniy zakonodatelnykh aktov) Rossiyskoy Federatsii : Feder. zakon RF ot 21 dekabrya 2013 g. № 367-FZ* [On Amendments to the First Part Civil Code of the Russian Federa-tion and the Annulment of Certain Legisla-tive Acts (Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation] // *Ros. gazeta.* – Russian newspaper. 2013. 25 dekabrya (In Russ).
42. *O zakupkakh tovarov, rabot, uslug otdelnymi vidami yuridicheskikh lits : Fed-er. zakon RF ot 18 iyulya 2011 g. № 223-FZ (red. ot 12.03.2014)* [On Procurement of Goods, Works and Services Certain Types of Legal Entities]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus». (In-Russ).
43. *O zashchite konkurentsii : Feder. zakon RF ot 26 iyulya 2006 g. № 135-FZ (red. ot 04.06.2014, s izm. ot 21.07.2014)* [On Pro-tectio of Competition]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus». (In-Russ).
44. *O nekotorykh voprosakh vozmeshcheniya ubytkov litsami, vkhodyashchimi v sostav organov yuridicheskogo litsa : post-anovleniye Plenuma Vysshego Arbitra-zhnogo Suda RF ot 30 iyulya 2013 g. №62.* [On Some Issues Compensation of Losses by Persons Members of the Bodies of Legal Entity] // *Ekonomika i zhizn (Bukhgalter-skoye prilozheniye)* – Economy and Life (Accounting application). 2013. №34 (In Russ).
45. *O nekotorykh voprosakh prisuzhdeniya vzyskatel'yu denezhnykh sredstv za neispolneniye sudebnogo akta : post-anovleniye Plenuma Vysshego Arbitra-zhnogo Suda RF ot 4 apr. 2014 g. №22.* [On Some Issues the Award to the Recov-erer Cash for Non-performance of a Judi-cial Act] // *Vestnik VAS RF.* 2014. №6 (InRuss).
46. *O svobode dogovora i yeye predelakh : postanovleniye Plenuma Vysshego Arbitra-zhnogo Suda RF ot 14 marta 2014 g. № 16.* [About Freedom of Contract and Its Lim-its] // *Vestnik VAS RF.* 2014. №5 (In Russ).
47. *Obshchiye polozheniya grazhdanskogo prava Kitayskoy Narodnoy Respubliki : prinyaty 12 aprelya 1986 g.* [General Pro-visions of Civil Law Peoples Republic of China]. URL: www.labatr.bsu.ru/pages/grajd_pravo.doc (data obrashcheniya: 10.08.2014). (In Russ).

48. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian]. Moscow: Azbukovnik, 1999. 944 p. (In Russ).
49. *Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 29 iyulya 2008 g. №21-V08-6* [Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of July 29, 2008 No. 21-B08-6]. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus». (In Russ).
50. *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punktov 1 i 2 statii 167 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan O.M. Marinichevoy, A.V. Nemirovskoy, Z.A. Sklyanovoy, R.M. Sklyanovoy i V.M. Shiryayeva: postanovleniye Konstituts. Suda Ros. Federatsii ot 21 apr. 2003 g. №6-P* [On the case of check of constitutionality of provisions of points 1 and 2 of article 167 of the Civil code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens O. M. Marinicheva, A.V. Nemirovskaya, Z.A. Sklyanova, R. M. Sklyanova and V.M. Shiryayev:] // *Ros. gazeta.* – Russian newspaper. 2003. 26 aprelya (In Russ).
51. *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya abzatsa tretyego punkta 2 statii 77 Federalnogo zakona «O nesostoyatelnosti (bankrotstve)» v svyazi s zhaloboy otkrytogo aktsionernogo obshchestva «Tverskaya pryadilnaya fabrika»: postanovleniye Konstituts. Suda Ros. Federatsii ot 6 iyunya 2000 g. №9-P* [On the case of check of constitutionality of provision of the paragraph of the third point 2 of article 77 of the Federal law "About insolvency (bankruptcy)" in connection with the complaint of Tver Spinning Mill open joint stock company: the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 6, 2000 №9-P] // *Ros. gazeta.* – Russian newspaper. 2000. 15 iyunya (In Russ).
52. *Popova A.V. Printsip dobrosovestnosti v mezhdunarodnom kommercheskom oboro-te: Zakonodatelstvo i sudebnaya praktika Rossiyskoy Federatsii i stran-chlenov Yevropeyskogo Soyuzu* [Principle of Good Faith in International Commercial Turnover: the Legislation and Judicial Practice of the Russian Federation and the Countries of the European Union]: dis. ... kand. jurid. nauk.. Moscow, 2005. 195 p. (In Russ).
53. *Poyasnitelnaya zapiska k projektu federalnogo zakona «O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu, vtoruyu, tretyu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, a takzhe v otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii»* [Explanatory Note to the Draft Federal Law «On Introduction of Changes in the Part of the First, Second, Third and Fourth to the Civil Code of the Russian Federation, as well as to Certain Legislative Acts of the Russian Federation»]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus» (In Russ).
54. *Rossiyskoye grazhdanskoye pravo : ucheb-nik : v 2 t. T. 1. Obshchaya chast. Veshchnoye pravo. Nasledstvennoye pravo. Intellektualnyye prava. Lichnyye neimushchestvennyye prava / otv. red. Ye.A. Sukhanov* [Russian Civil Law: Textbook: in 2 Volumes. T. 1. Generalities. Property Law. Inheritance Law. Intellectual rights. Moral rights]. Moscow: Statut, 2011. 958 p. (In Russ).
55. *Sklovskiy K.I. Sobstvennost v grazhdanskom prave* [Ownership in Civil Law]. Moscow: Delo, 1999. 512 p. (In Russ).
56. *Slovar grazhdanskogo prava* [Dictionary of Civil Law] / V.N. Dodonov, Ye.V. Kaminskaya, O.G. Rumyantsev; pod obshch. red. V.V. Zaleskogo. Moscow: INFRA-M, 1997. 304 p. (In Russ).
57. *Tatarnikov A.V. Printsipy razumnosti i dobrosovestnosti v grazhdanskom prave Ros-sii* [Principles of Reasonableness and Good Faith in the Civil Law of Russia]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2010. 30 p. (In Russ).
58. *Ugolovnyy kodeks RF ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 21.07.2014)* [The Criminal Code of the Russian Federation: of June 13, 1996 №63-FZ (edition of 21.07.2014)]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus» (In Russ).

59. *Tsivilniy kodeks Ukraïni vid 16.01.2003 r. № 435-IV (red. vid 24.07.2014)* [The Civil Code of Ukraine] // *Verkhovna Rada Ukraïni* – Verkhovna Rada of Ukraine:

Site. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (data obrashcheniya: 27.07.2014). (In Ukr).

REASONABLENESS AND JUSTICE AS A PRINCIPLES OF THE CIVIL LAW AND THE BEGINNING OF FUNCTIONING OF THE SYSTEM OF CIVIL CIRCULATION

Yu.V. Vinichenko

Baikal State University of Economics and Law
11, Lenina st., Irkutsk, 664003
E-mail: juvinichenko@mail.ru

Abstract: **Introduction:** through the prism of the question of the principles of civil law and the doctrine of the civil circulation in the article examines the category of «reasonableness» and «justice». **Purpose:** Based on the provisions of Russian and foreign civil law, civil doctrine and practice to explore the significance of categories under consideration, their content and correlation with the principle of good faith. **Methods:** The article is based on general scientific and private-scientific methods of research, key among them to obtain final conclusions were: formal-legal, comparative legal and systematic methods. **Results:** substantiated the thesis that the reasonableness and justice are independent principles of civil law, having their content and scope. The author advocates for their fixation in Art. 1 of the Civil Code «The basic beginning of civil law», along with the principle of good faith. Revealed that the rules about reasonableness and justice are not only in Russia but also in other legal systems, on the basis of which concluded about the admissibility of their characteristics as the universally recognized norms of civil law. Stresses the need to understand the reasonableness and justice, not only as principles (epistemological beginning) civil law, but also as its ontological beginning. From the point of view of the problem of constructing of the doctrine of civil circulation is noted that the category considered appropriate are some of the basic beginning of the functioning of system of civil circulation. **Conclusions:** reasonableness and justice are recognized as the beginning of the civil regulation, but their further study should not be limited to the question of principles (beginning) of civil law and should be undertaken with the broader methodological positions – in particular, in the context of doctrine about such significant phenomenon of civil law how is civil circulation.

Keywords: reasonableness; justice; principles of civil law; the beginning of the law; universally accepted norms of civil law; civil circulation

Информация для цитирования:

Виниченко Ю.В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 98–115.

Vinichenko Yu.V. *Razumnost i spravedlivost kak printsipy grazhdanskogo prava i nachala funktsionirovaniya sistemy grazhdanskogo oborota* [Reasonableness and justice as a principles of the civil law and the beginning of functioning of the system of civil circulation] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 98–115. (In Russ).

СЕМЕЙНЫЙ ДОГОВОР КАК ОСНОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОННОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Е.И. Гладковская

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: e-glady2011@ye.ru

Аннотация: **Введение:** статья посвящена семейным договорам как основанию прекращения общности имущества и определению момента возникновения права собственности на недвижимое имущество у супруга, в отдельную собственность которого оно передано по договору. **Цель:** применение супругами соглашения об определении долей, брачного договора и соглашения о разделе общего имущества для изменения режима общей совместной собственности на недвижимое имущество повлекло появление неоднозначно разрешаемых судами споров о порядке их исполнения, **Методы:** автором использованы общенаучный диалектический метод познания и специальные юридические методы – историко-правовой и сравнительно-правовой. **Результаты:** В исследуемых договорах желательнее отразить факт нахождения объекта недвижимости во владении супруга, приобретающего его в отдельную собственность, либо оговорить порядок передачи ему недвижимости, а также обязательства сторон по осуществлению государственной регистрации перехода права собственности на объект недвижимости. В целях беспрепятственной реализации правомочия распоряжения переданным имуществом в сделках с третьими лицами супругу-приобретателю необходимо соблюсти условия соответствующего организационного семейного договора, определяющие порядок его исполнения, и выполнить требования гражданского законодательства о приобретении права собственности на вводимые в гражданский оборот имущественные объекты в зависимости от их правового режима. **Выводы:** Брачный договор, соглашение о разделе общего имущества супругов и соглашение об определении долей в общем имуществе супругов по правовой природе являются организационными семейными договорами. Супруги вправе по своему усмотрению изменить законный режим нажитого в браке имущества на основании любого семейного договора, сущность которого заключается в прекращении режима общности имущества супругов и установлении режима общей долевой или отдельной собственности. Такой договор является самостоятельным основанием приобретения права собственности на ставшее предметом соглашения имущество, включая недвижимое. При этом право собственности на недвижимое имущество возникает у супруга, в отдельную собственность которого оно передано, с момента вступления в силу соответствующего договора.

Ключевые слова: семейный договор; брачный договор; соглашение о разделе совместного имущества супругов; момент возникновения имущественного права; государственная регистрация прав на недвижимое имущество

Введение

В дореволюционном российском законодательстве было последовательно «про-

ведено начало раздельности имуществ между супругами», поэтому при расторжении брака раздел имущества выражался в том, что каждый из супругов «получал обратно, что было им внесено в брак или в браке

приобретено», «все распоряжения одного из супругов в пользу другого и брачные договоры теряли свою силу» [11]. Режим общей совместной собственности супругов обеспечивает реализацию имущественных интересов единой семьи, поэтому фактический распад семьи сопровождается разделом общего имущества супругов – как в период брака, так и после его расторжения, как на основе соглашения супругов, так и в судебном порядке.

Обособление семейно-правовых сделок, выделяемых еще дореволюционными цивилистами по сфере их применения, сохранилось в условиях современной российской правовой системы [13].

Поскольку в семейном праве невозможно заключение сделок и появление на их основе прав и обязанностей, прямо не предусмотренных законом, в качестве легальных оснований изменения режима общей совместной собственности по соглашению сторон в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) прямо предусмотрены брачный договор (ст. 40) и соглашение о разделе общего имущества супругов (п. 2 ст. 38). Последнее ведет к прекращению общей совместной собственности, что, в свою очередь, влечет установление иных правовых режимов имущества – раздельной собственности или общей долевой. Определение доли каждого из супругов в праве собственности может быть частным случаем соглашения о разделе общего имущества – при невозможности раздела имущества в натуре; оно может быть оформлено и свидетельством о праве собственности на долю в общем имуществе, которое выдает нотариус на основании совместного письменного заявления супругов [8], поэтому к числу семейных договоров, прекращающих законный режим имущества и устанавливающих режим общей долевой собственности, должно быть отнесено и соглашение об определении долей.

Брачным договором можно изменить установленный законом режим совместной собственности и определить принадлежность супругам наличного и будущего имущества в избранном ими режиме, в том числе в случае расторжения брака, при этом – в отсутствие уведомления кредиторов о

заключении, изменении или расторжении брачного договора – супруги отвечают по своим гражданско-правовым обязательствам независимо от его содержания. Соглашение о разделе общего имущества супругов закрепляет фактически сложившееся в семье раздельное пользование нажитым имуществом; соглашение об определении долей устанавливает долю каждого из супругов на все нажитое имущество либо на отдельные имущественные объекты.

Полагаем, что все названные соглашения являются *организационными семейными договорами*, сущность которых заключается в прекращении режима общности имущества супругов и установлении режима общей долевой или раздельной собственности.

Осуществление раздела общего имущества супругов на основе упомянутых соглашений более предпочтительно, нежели в судебном порядке, однако использование семейных договоров для изменения законного режима недвижимого имущества привело к появлению судебных споров, вызванных отсутствием либо излишней лаконичностью правовых норм, регламентирующих порядок их заключения и исполнения.

Соглашению супругов о разделе общего имущества в семейном законодательстве отведен лишь п. 2 ст. 38 СК РФ, установивший саму возможность его заключения и облечения в нотариальную форму по воле сторон. Нормами Семейного кодекса о договорном режиме имущества не определена специфика заключения и исполнения брачных договоров, изменяющих законный режим совместной собственности и устанавливающих иной режим на приобретенное супругами недвижимое имущество. Соответственно, в семейном законодательстве нет упоминаний о государственной регистрации перехода вещного права на приобретенную в режиме общей совместной собственности недвижимость к одному из супругов на основе заключенного ими семейного договора и моменте возникновения у него права собственности на выделяемое ему по договору недвижимое имущество.

При субсидиарном применении гражданского законодательства имеет место неоднозначная трактовка судами оснований

и момента возникновения вещного права на недвижимое имущество, переданное в раздельную собственность супруга на основе упомянутых семейных договоров, связанная с признанием (непризнанием) семейных договоров безусловными основаниями изменения законного режима имущества в отсутствие государственной регистрации перехода оспариваемого права и признанием правоустанавливающего (правоподтверждающего) значения государственной регистрации перехода данного права. Споры возникают как между сторонами, при уклонении второго супруга от государственной регистрации перехода к истцу права собственности на основе заключенного семейного договора о разделе общего имущества, так и между супругом, не успевшим осуществить государственную регистрацию перехода к нему права собственности на недвижимое имущество по договору, и наследниками второго супруга.

**Раздел общего имущества супругов
на основании семейных договоров:
вопросы правоприменения**

Справедливо утверждение, что государственная регистрация прав на недвижимое имущество в ряде случаев не носит правоустанавливающего характера: существование права подтверждается не с момента его государственной регистрации, а до государственной регистрации и независимо от нее – в силу иных предусмотренных законом юридических фактов [4]. В частности, если режим общей совместной собственности прекращен семейным договором, право долевой либо раздельной собственности у супругов возникает, а, значит, признается и должно быть защищено на основе такого договора – с момента его введения в действие. Соответственно, регистрация полученного на основании семейного договора права на недвижимость имеет не правоустанавливающий, а лишь правоподтверждающий характер.

Так, 12.04.2004 г. супругами А. Ильиной и И. Колбасы был заключен и нотариально удостоверен брачный договор. Согласно условиям договора, квартира, принадлежащая супругам в равных долях, признана исключительно собственностью Ильиной, которая вправе ею распоряжаться по

своему усмотрению. 04.07.2010 г. И. Колбасы умер. Ильина обратилась с заявлением о государственной регистрации перехода к ней права собственности на квартиру, предоставив в числе иных правоустанавливающих документов брачный договор; регистрацию приостановили в связи с отсутствием заявления второго супруга. Вследствие неустранимости данного обстоятельства, Ильина предъявила иск о признании права собственности на квартиру на основании брачного договора. Суд иск удовлетворил, однако кассационной инстанцией было вынесено новое решение об отказе в иске, с указанием, что при жизни И. Колбасы переход права собственности на квартиру к А. Ильиной по основаниям, предусмотренным законом (ст. 218 ГК РФ), не состоялся в связи с неосуществлением государственной регистрации перехода данного права. Брачный договор, выражающий волю И. Колбасы на передачу квартиры в собственность супруги, не был признан безусловным основанием приобретения истицей права собственности на квартиру [6]. Отменяя определение кассационной инстанции, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда указала, что *брачный договор является основанием для возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей супругов* в отношении их совместной собственности. Указанный брачный договор, совершенный в надлежащей форме, не оспорен, не признан недействительным и фактически исполнен сторонами. То обстоятельство, что А. Ильина не прошла в установленном законом порядке регистрацию своего права собственности на 1/2 долю в спорном жилом помещении, не свидетельствует об отсутствии у нее права собственности на долю супруга в спорном имуществе, поскольку *названное право возникло у истицы с момента нотариального удостоверения брачного договора* [9].

При аналогичных обстоятельствах со ссылкой на ст. 42 СК РФ, наделяющую супругов правом изменить законный режим имущества, заключенные супругами брачные договоры, устанавливающие режим раздельной собственности на все имущество супругов, его отдельные виды или на имущество каждого из супругов, суды призна-

ют основаниями для возникновения у истцов вещных прав на спорные объекты недвижимости с момента вступления их в силу – и в отсутствие государственной регистрации перехода оспариваемого права [2]. При этом суды обоснованно указывают, что «правоустанавливающим документом в данном случае является нотариально удостоверенный брачный договор, а государственная регистрация носит лишь правоподтверждающий характер» [3]. Названная правовая позиция формируется также и в отношении соглашений о разделе общего имущества, поскольку суды отмечают их направленность, как и брачных договоров, на изменение законного режима имущества.

Показательно решение суда, признавшего основанием для возникновения права собственности на недвижимое имущество соглашение о разделе общего имущества, заключенное между супругами Д.В.В. и Д.В.Г., которым режим их общей совместной собственности на квартиру был изменен, квартира передана в единоличную собственность Д.В.В. (п. 2 ст. 38 СК РФ).

Суд апелляционной инстанции, напротив, исходил из того, что изменение режима совместной собственности супругов возможно *только на основании брачного договора*, подлежащего, в силу п. 2 ст. 41 СК РФ, обязательному нотариальному удостоверению. В связи с несоблюдением нотариальной формы упомянутое соглашение о разделе общего имущества супругов Д.В.В. и Д.В.Г. от 30.03.2012 г. было признано недействительной сделкой, которая, в соответствии с ч. 1 ст. 165 ГК РФ, не влечет юридических последствий.

Президиум краевого суда оставил без изменения решение суда первой инстанции, обоснованно признав, что супруги вправе по своему усмотрению изменить режим общей совместной собственности имущества, нажитого в браке, как на основании брачного договора, так и на основании любого иного соглашения, не противоречащего нормам семейного и гражданского законодательства, а вывод суда второй инстанции о том, что такое изменение возможно толь-

ко на основании брачного договора, не основан на законе [12].

Поскольку и в данном случае при жизни супруга Д.В.В. не успела произвести государственную регистрацию перехода к ней права собственности на квартиру на основе семейного договора, дочь умершего супруга требовала включить квартиру в наследственную массу в качестве общей совместной собственности ее отца, Д.В.Г., и Д.В.В. Признание судом соглашения о разделе безусловным основанием возникновения права собственности на спорную квартиру у Д.В.В. при отсутствии к моменту смерти Д.В.Г. государственной регистрации перехода к ней права собственности послужило основанием к отказу в иске дочери умершего супруга и позволило Д.В.В., как собственнице, беспрепятственно осуществить регистрацию перехода права собственности на квартиру на свое имя после смерти Д.В.Г.

Полагаем, что выработанные судами позиции отвечают требованиям семейного и гражданского законодательства по следующим основаниям.

Устанавливая, что общее имущество супругов может быть разделено между ними по их соглашению (п. 2 ст. 38 СК РФ), законодатель признал таковое основанием прекращения режима общей совместной собственности и возникновения долевой или раздельной собственности сторон. Брачный договор является законодательно признанным основанием изменения режима имущества по воле супругов (п. 1 ст. 42 СК РФ). При этом законодателем в п. 2 ст. 218 ГК РФ указаны в качестве оснований приобретения права собственности на имущество, которое имеет собственника, наряду с договорами купли-продажи, мены, дарения и иные сделки об отчуждении имущества. Рассматриваемые нами организационные семейные договоры и являются *иными сделками об отчуждении имущества*, выражающими согласованную волю сторон на признание имущественных объектов раздельным имуществом одного из супругов. Поскольку ставшее предметом исследуемых соглашений имущество ранее принадлежало

супругам либо одному из них, право собственности приобретается сторонами семейного договора производным способом; при этом, по общему правилу, раздел супружеского имущества оценивается как безвозмездная сделка [5].

Отмечая, что при производных способах правопреемства соединение двух волей не всегда одинаково, как неодинакова и степень их участия в переходе права на вещь, К.П. Победоносцев характеризует правопреемство в возмездных сделках особым от правопреемства в дарственных способах приобретения между живыми, от правопреемства в порядке наследования и на основе приобретательной давности; законы же о приданом с учетом специфики правопреемства автор относит к семейственному праву [10]. Приведенное разграничение оправдано, ибо в семейных договорах об изменении режима общей совместной собственности нет ни должника ни кредитора, стороны безвозмездно распределяют между собой совместно нажитое имущество, основанием перехода которого в долевую или раздельную собственность и является семейный договор как воплощение общей воли супругов.

При этом результат такого распределения недвижимого имущества станет очевидным для третьих лиц лишь в силу акта государственной регистрации перехода права собственности к каждому из супругов, которым *завершается оформление перехода права*; само право раздельной либо долевой собственности возникает на основе соответствующего семейного договора.

Полагаем, что утверждение А.Н. Левушкина о необходимости государственной регистрации соглашений о разделе общего имущества супругов, если в составе подлежащего разделу имущества имеются объекты недвижимости [7], не основано на действующем семейном и противоречит обновленному гражданскому законодательству. Семейный договор о прекращении общей собственности супругов на недвижимое имущество остается актом сугубо внутрисемейным, его стороны – члены или бывшие члены одной семьи, однако для беспре-

пятственного осуществления правомочия распоряжения в сделках с третьими лицами супругу-приобретателю следует выполнить требования норм гражданского законодательства, определяющих порядок приобретения права собственности на имущественные объекты, вводимые в гражданский оборот в избранном в семейном договоре режиме.

Соответственно, при приобретении права собственности на перешедшее в раздельную собственность недвижимое имущество дополнительно к семейному договору как основному юридическому факту необходимо, в силу правила п. 2 ст. 223 ГК РФ, акт государственной регистрации перехода права собственности на это имущество – поскольку семейным законодательством не установлено иное.

Полагаем, что в тех случаях, когда недвижимое имущество уже находится во владении супруга-приобретателя в качестве общесемейного, его следует признать переданным; соответственно, составления акта передачи недвижимости не требуется (п. 2 ст. 224 ГК РФ).

В случае уклонения второго супруга от государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество возможно удовлетворение требования о ее осуществлении в соответствии с условиями заключенного семейного соглашения на основании решения суда – если на момент предъявления иска супруг не успел распорядиться числящейся за ним на праве собственности недвижимостью; если распорядительная сделка уже состоялась, необходимо дополнительное требование о признании ее недействительной. Так, Л.А. обратилась в суд с иском к Л.И. о государственной регистрации перехода права собственности, указав, что квартира, приобретенная в период брака по договору купли-продажи в равных долях в супружескую собственность, по условиям заключенного 03.11.2011 г. между истицей и ответчиком брачного договора перешла в ее раздельную собственность; брачный договор исполнен, ответчик в квартире не проживает, однако от регистрации перехода к ней права собственности на

квартиру уклоняется. Суд установил, что ответчик на момент предъявления иска собственником 1/2 доли в праве собственности на спорную квартиру уже не значился, так как на основании договора дарения от 03.12.2012 г. подарил ее дочери. Поскольку исковые требования Л.А. были основаны на уклонении Л.И. от регистрации перехода принадлежавшей ему 1/2 доли в праве собственности на спорную квартиру, а заключенный Л.И. договор дарения истица не оспаривала, суд в иске отказал. Отказ в иске признан правомерным, поскольку ответчик на момент предъявления иска собственником 1/2 доли в праве собственности на спорную квартиру уже не являлся [1]. Полагая, что в данной ситуации удовлетворение предъявленного Л.А. иска невозможно без признания недействительным заключенного Л.И. договора дарения, совершая который Л.И. распорядился уже *не принадлежащим* ему имуществом.

При рассмотрении данного спора возник вопрос о порядке исполнения брачного договора. Хотя квартира находилась во владении истицы, и ответчик в ней не проживал, судебная коллегия областного суда признала, что брачный договор сторонами исполнен не был, поскольку допустимых доказательств передачи истице принадлежащей ответчику доли в праве на спорную квартиру в материалах дела нет: из текста брачного договора не следует, что спорная 1/2 доля в праве на квартиру была передана истице при подписании договора; указаний на то, что брачный договор имеет силу акта приема-передачи имущества, в тексте договора также нет; сам по себе факт проживания истицы в спорной квартире не свидетельствует о получении ею права на спорную долю в недвижимом имуществе [1].

Полагая, что в связи с отсутствием в СК РФ правил об исполнении брачного договора и соглашения о разделе имущества сторонам в соответствующем семейном договоре в зависимости от конкретных обстоятельств следует указывать, что соответствующий семейный договор имеет силу акта приема-передачи недвижимости, а также предусматривать обязанности сторон

по передаче недвижимого имущества применительно к правилам ст. 556 ГК РФ либо отражать факт нахождения объекта недвижимости во владении супруга, приобретающего его в раздельную собственность,

Выводы

Супруги вправе по своему усмотрению изменить законный режим нажитого в браке имущества, как на основании брачного договора, так и на основании соглашения о разделе имущества или любого иного *организационного семейного договора*, сущность которого заключается в прекращении режима общности имущества супругов и установлении режима общей долевой или раздельной собственности. Заключенный супругами семейный договор является самостоятельным основанием приобретения права собственности на ставшее предметом соглашения имущество, включая недвижимое.

Право собственности на недвижимое имущество возникает у супруга, в раздельную собственность которого оно передано, с момента вступления в силу соответствующего семейного договора.

В организационном семейном договоре об изменении режима недвижимости следует отразить факт нахождения объекта недвижимости во владении супруга, приобретающего его в раздельную собственность, либо придать договору силу акта приема-передачи недвижимости и предусмотреть обязательства сторон по осуществлению передачи недвижимости и государственной регистрации перехода права собственности на передаваемое недвижимое имущество.

Поскольку соответствующий организационный семейный договор о прекращении общей собственности супругов остается актом внутрисемейным и государственной регистрации не подлежит, в целях беспрепятственной реализации правомочия распоряжения переданным недвижимым имуществом в сделках с третьими лицами супругу-приобретателю следует выполнить требования гражданского законодательства, определяющие порядок приобретения права собственности на имущественные объекты,

вводимые в гражданский оборот в избранном семейным договором режиме.

Библиографический список

1. *Апелляционное* определение Кемеровского областного суда от 16.05.2013 по делу №33-4378 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Апелляционное* определение Нижегородского областного суда от 05.06.2012 по делу №33-3553; апелляционное определение Псковского областного суда от 30.04.2013 по делу №33-699/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Апелляционное* определение Псковского областного суда от 30.04.2013 по делу №33-699/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Деханов С.А., Измайлова Н.А. Государственная регистрация прав собственности на наследственное имущество, переходящее в порядке наследования // Нотариус. 2012. №5.
5. Илюшина М.Н., Чашкова С.Ю. Особенности договорных форм раздела общего имущества супругов предпринимательского назначения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. №3.
6. *Кассационное* определение Брянского областного суда от 14.04.2011 г. по делу №33-1134/11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Левушкин А.Н. Правовая природа соглашения супругов о разделе общего имущества // Юридический мир. 2011. №3.
8. Низамиева О.Н. Соглашение об определении долей в общем имуществе и соглашение о разделе общего имущества супругов: особенности правового регулирования // Нотариус. 2005. №4.
9. *Определение* Верховного Суда Российской Федерации от 08.11.2011 №83-В11-5/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Пободоносцев К.П. Курс гражданского права: в 3 т. / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. Т. 1. С. 187.
11. Пободоносцев К.П. Курс гражданского права: в 3 т. / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. Т. 2. С. 132.
12. *Постановление* Президиума Алтайского краевого суда №44-Г-18/2013 от 14.05.2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Суханов Е.А. О видах сделок в германском и в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. №2.

References

1. *Apellyatsionnoe opredelenie Kemerovskogo oblastnogo suda ot 16.05.2013 po delu №33–4378*. [Appeal decision of Kemerovo Regional Court dd. 16.05.2013 in re №33-4378] [Jelektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «KonsultantPljus». (In Russ).
2. *Apellyatsionnoe opredelenie Nizhegorodskogo oblastnogo suda ot 05.06.2012 po delu №33-3553; apellyatsionnoe opredelenie Pskovskogo oblastnogo suda ot 30.04.2013 po delu №33-699/2013*. [Appeal decision of Nizhny Novgorod Regional Court dd. 05.06.2012 in re №33-3553; appeal decision of Pskov Regional Court dd. 30.04.2013 in re №33-699/2013.] [Jelektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «KonsultantPljus». (In Russ).
3. *Apellyatsionnoe opredelenie Pskovskogo oblastnogo suda ot 30.04.2013 po delu №33-699/2013*. [Appeal decision of Pskov Regional Court dd. 30.04.2013 in re №33-699/2013.] [Jelektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «KonsultantPljus». (In Russ).
4. *Dekhanov S.A., Izmaylova N.A. Gosudarstvennaya registratsiya prav sobstvennosti na nasledstvennoe imushchestvo, perekhodnyashcheye v poryadke nasledovaniya* [State Registration of Titles in Inheritable

- Property Transferred in Virtue of Inheritance Procedure] // *Notarius* – Notarius. 2012, №5. (In Russ).
5. Ilyushina M.N., Chashkova S.JU. *Osobennosti dogovornykh form razdela obshchego imushchestva suprugov predprinimatelskogo naznachenija*. [Features of Contractual Forms of Division of Entrepreneurial Joint Property of Spouses] // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2010. №3. (In Russ).
 6. *Kassationnoe opredelenie Bryanskogo oblastnogo suda ot 14.04.2011 g. po delu №33-1134/11*. [Cassation Decision of Bryansk Regional Court dd. 14.04.2011 in re №33-1134/11.] [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «KonsultantPljus». (In Russ).
 7. Levushkin A.N. *Pravovaya priroda soglasheniya suprugov o razdele obshchego imushchestva* [Legal Character of Agreement of Spouses on Division of Joint Property] // *Yuridicheskij mir* – Legal world. 2011. №3. (In Russ).
 8. Nizamieva O.N. *Soglasenie ob opredelenii dolej v obshchem imushchestve i soglasenie o razdele obshchego imushchestva suprugov: osobennosti pravovogo regulirovaniya* [Agreement on Determination of Shares in Joint Property and Agreement on Division of Joint Property of Spouses: Features of Legal Regulation] // *Notarius* – Notary. 2005. №4. (In Russ).
 9. *Opredelenie Verkhovnogo suda Rossiyskoj Federatsii ot 08.11.2011 №83-B11-5/2013*. [Decision of Supreme Court of the Russian Federation dd. 08.11.2011 №83-B11-5/2013]. [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «KonsultantPljus». (In Russ).
 10. Pobedonostsev K.P. *Kurs grazhdanskogo prava* [Civil Law course]: v 3 t. / pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova. M.: Zertsalo, 2003. T. 1. S. 768. (In Russ).
 11. Pobedonostsev K.P. *Kurs grazhdanskogo prava* [Civil Law course]: v 3 t. / pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova. M.: Zertsalo, 2003. T. 2. C. 656. (In Russ).
 12. *Postanovlenie Prezidiuma Altajskogo kraevogo suda ot 14.05.2013 №44-Г-18/2013*. [Decree of Presidium of Altai Regional Court №44-Г-18/2013 dd. 14.05.2013] [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «KonsultantPljus». (In Russ).
 13. Sukhanov E.A. *O vidakh sdelok v germanskom i v rossijskom grazhdanskom prave* [On Types of Transactions in German and Russian Civil Law] // *Vestnik grazhdanskogo prava* – Messenger of civil law. 2006. №2. (In Russ).

FAMILY CONTRACT AS A GROUND TO CHANGE SPOUSES' PROPERTY LEGAL REGIME

E.I. Gladkovskaya

Kuban State University

149, Stavropolskay st., Krasnodar, 350040

E-mail: e-glady2011@ye.ru

Abstract: **Preface:** the article is devoted to family contracts as a ground of termination of community of property and determination of a moment of creation of real property right of a spouse, to whom it was transferred as a separate property under a relevant contract. **Purpose:** Use of agreements on determination of shares, marriage contracts and agreements on division of joint property for the purpose of changing of the common real property regime resulted in origination of disputes solved by courts in an ambiguous way in terms of the procedure of their enforcement by the spouses. **Methods:** The author used general scientific dialectic method of perception, social knowledge and special legal techniques, i.e. historical-legal and comparative legal ones. **Results:** It

is desirable to reflect in examined contracts the fact of possession of a real property object by a spouse who purchases it as a separate property or to specify the procedure of transfer of such property to him/her, as well as obligations of the parties in execution of state registration of transfer of the title in the real property object. For the purpose of unhampered exercising of the authority in law to dispose of the transferred property in transactions with third parties the purchasing spouse should observe the conditions of a relevant organizational family contract, that determine civil procedure laws on acquisition of the property right in property objects introduced into civil turnover in relation to their legal regime. **Conclusions:** Any marriage contract, agreement on division of joint property of the spouses and agreement on determination of shares in common property of spouses are organizational family contracts by their legal nature. The spouses have the right to change a legal regime of any property acquired during the marriage at their own discretion on the ground of any family contract, the essence of which consists in termination of property community regime of the spouses and validation of common ownership or separate property regime of the spouses. Such contract forms a stand-alone ground for acquisition of the title in property, including real one, that became the subject of the contract. At that the title in property created for a spouse, to whose separate property it was transferred, from the moment of attachment of a relevant contract.

Keywords: family contract; marriage contract; agreement on division of common property of spouses; the moment of origin of property right; public registration of the rights in real property

Информация для цитирования:

Гладковская Е.И. Семейный договор как основание изменения законного режима имущества супругов // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 116–124.

Gladkovskaya E.I. Semeynyy dogovor kak osnovanie izmeneniya zakonnoy rezhima imushchestva suprugov [Family Contract as a Ground to Change Spouses' Property Legal Regim] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 116–124. (In Russ).

СОЗДАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ СВОБОДНЫХ ЛИЦЕНЗИЙ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Г. Матвеев

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: la-musica@yandex.ru

Аннотация: **Введение:** так называемые свободные лицензии представляют собой новое явление в авторском праве. Они являются инструментом, который значительно упрощает механизм использования произведений в том случае, когда автор безвозмездно разрешает такое использование всем лицам. Самым известным типом свободных лицензий являются лицензии «Creative Commons». Основателем движения «Creative Commons» является американский профессор Л. Лессиг. В статье рассматриваются вопросы имплементации свободных лицензий в гражданский кодекс Российской Федерации. **Цель:** цель статьи – определение того, правильно ли и корректно ли соответствующие положения Гражданского кодекса РФ отражают идею и специфику свободных лицензий. **Методы:** в настоящем исследовании автор использует следующие методы: формально-догматический, сравнительно-правовой, системно-структурный, а также методы формальной логики. **Результаты:** в Гражданский кодекс были включены положения, которые устанавливают одновременно два механизма имплементации свободных лицензий в российское авторское право. Первый механизм – это публичное заявление правообладателя. Первоначально разработчики проекта закона планировали ограничиться только этим заявлением. Однако этот инструмент был подвергнут критике, что повлекло разработку второго механизма. Вторым механизмом – это договор открытой лицензии. В статье анализируются оба этих механизма. Договор открытой лицензии, по мнению автора, будет эффективным инструментом, так как он является удобным и гибким. В целом, положения Гражданского кодекса об открытой лицензии заслуживают положительной оценки. **Выводы:** автор настоящей статьи предполагает, что созданные в российском праве основы свободных лицензий будут эффективно работать и найдут верную оценку в судебной практике.

Ключевые слова: авторское право; исключительное право; право на неприкосновенность произведения; лицензионный договор; свободные лицензии; открытая лицензия; лицензии «Creative Commons»

Введение

Полноценное введение исключительных авторских прав в гражданский оборот невозможно вне круга обязательственных отношений. Совершение сделок по распоряжению этими правами связано с соблюдением достаточно строгих требований законодательства. В последние годы такие требования начали создавать неудобства все

большему числу лиц, которые в условиях трансграничного глобального обмена интеллектуальной собственностью желают в упрощенном порядке разрешить пользователям безвозмездно использовать свои произведения. Инструментом, который за последнюю четверть века сформировался в определенную модель договора и позволил ответить на запросы общества, стали так называемые свободные лицензии. Они появились в США благодаря деятельности

гражданского общества, а не государства. Их использование связано прежде всего с компьютерными программами и Интернетом. Однако в последнее десятилетие эта упрощенная модель лицензионного договора стала настолько популярной во всем мире, что практически во всех странах мира возник вопрос о том, легальны ли свободные лицензии? Естественно, что свободные лицензии стали научной и практической проблемой и для российского гражданского права.

В настоящее время в России проводится масштабная реформа Гражданского кодекса РФ, затронувшая практически все разделы и главы важнейшего акта частного права отечественной правовой системы. Существенные изменения претерпела и самая поздняя по дате принятия часть ГК – четвертая, которая посвящена регулированию отношений в сфере интеллектуальной собственности. Эти изменения отражены в Федеральном законе от 12 марта 2014 г. №35-ФЗ (далее – ФЗ №35) [9], большая часть положений которого вступает в силу 1 октября 2014 г.

Нельзя сказать, что регулирование отношений в сфере распоряжения исключительным авторским правом было в ч. 4 ГК РФ ошибочным, неудачным или бессистемным. По сравнению с законами в сфере интеллектуальной собственности, действовавшими до 1 января 2008 г., ч. 4 ГК представляет собой пример единообразного регулирования, которое обладает таким преимуществом, что одновременно предлагает правообладателям два принципиально различных варианта распоряжения исключительным правом. Это договор отчуждения исключительного права и лицензионный договор. Первый является примером транслятивного правопреемства, второй – конститутивного. В авторском праве Франции, например, в основном используется первый вид, хотя также встречается и второй. Право Германии, напротив, не знает отчуждения (уступки) имущественных авторских прав. Эти две ведущие страны континентального права, олицетворяющие собой пример соответственно дуалистического и монистического авторского права, не могут себе позволить ради удобства правообладателей так

просто пожертвовать своими вековыми традициями и установить в равной мере обе модели распоряжения исключительными правами. Как пишет М. Жосселен (M. Josse-lin), ни одна из этих стран никогда не будет в состоянии включить в свое законодательство правила, которые будут сильно противоречить концептуальным основам ее авторского права [14, р. 9]. Однако Россия, неоднократно менявшая законодательную модель авторских прав, пошла на такой шаг, сделав который, она стала ближе англо-американскому авторскому праву, где в равной мере применимы и полная уступка авторских прав, и лицензионная модель распоряжения этими правами.

Как представляется, и сами разработчики ч. 4 ГК РФ, и многочисленные критики этого Закона остались в целом удовлетворены закрепленными моделями распоряжения исключительными правами. По крайней мере, никаких кардинальных замечаний и предложений в отношении этих моделей при реформировании Гражданского кодекса не высказывалось. Таким образом, задача создания правовых основ для свободных лицензий должна была решаться без кардинальной реформы системы договоров по распоряжению исключительным правом.

Понятие свободных лицензий

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (далее – Концепция) [6], выявлены две основные группы вопросов, связанных с совершенствованием законодательства об интеллектуальных правах. К первой группе относятся проблемы, которые поднимались в процессе подготовки четвертой части ГК, но по тем или иным причинам их решение было отложено. Во вторую группу включаются вопросы, которые выявились в ходе применения ГК РФ. Они, как правило, связаны с недостаточной правовой определенностью отдельных положений ГК. Заявленные два направления совершенствования законодательства об интеллектуальных правах конкретизированы в том числе и в задачах, касающихся вопросов распоряжения исключительными правами. Так, в Концепции указано, что для

случаев использования объектов авторских и смежных прав в электронной форме целесообразно предусмотреть дополнительные возможности распоряжения правами, в частности разработать механизм выдачи правообладателем разрешений на свободное использование таких объектов в указанных им пределах. По мнению разработчиков Концепции, такой шаг позволит избежать необходимости заключать лицензионные договоры при использовании произведений в информационно-телекоммуникационных сетях в случаях, когда правообладатель хочет разрешить обществу свободно использовать объект в очерченных им пределах. В качестве другой задачи указано, что требует изучения вопрос о допустимости распоряжения одним из правообладателей своим правом в тех случаях, когда исключительное право принадлежит ему совместно с другим лицом (лицами), в частности о возможности передачи им своей доли в праве такому лицу (лицам). К слову сказать, законодатель не решился признавать за правообладателем возможность передачи своей доли в исключительном праве другим лицам, хотя соответствующие положения содержались в законопроекте, внесенном в Государственную Думу.

Итак, имплементация так называемых свободных лицензий в российскую правовую систему стала наиболее значимым, обсуждаемым и сложным вопросом из сферы авторского права в ходе совершенствования ч. 4 ГК РФ. Сам термин «свободная лицензия» («free license») является условным, в англоязычной юридической науке за ним нет какого-то определенного понятия. Например, при обращении к «Википедии» с запросом «free license» оказывается, что этот термин является многозначным и что вместо него читателю рекомендуется обратиться к отдельным статьям, посвященным различным аспектам свободного использования произведения третьими лицами с разрешения правообладателя. С другой стороны, российская версия «Википедии» содержит обширную статью «свободные лицензии», где под таковыми понимается особый тип лицензионного авторского договора. Можно согласиться с мнением И.А. Близнеца и К.Б. Леонтьева о том, что единого по-

нятия «свободная лицензия» не существует. «Данное словосочетание, – пишут авторы, – может рассматриваться только в качестве условного обозначения достаточно «пестрого» набора постоянно пополняемых и изменяемых комплектов типовых условий, формируемых по разным поводам и для различных правовых систем любыми заинтересованными физическими или юридическими лицами» [1, с. 61–62]. И все же понятие свободной лицензии постепенно завоевывает внимание академической науки, примером чему служит недавно защищенная кандидатская диссертация И.А. Соболя [13].

В то же время при анализе свободных лицензий специалисты чаще всего ограничиваются своими соображениями, которые касаются только одного, зато самого известного и всемирно признанного вида соглашений такого рода – лицензий «Creative commons». В качестве исключения в части указанной тенденции следует отметить интересную монографию А. И. Савельева, где он рассматривает такие виды так называемых свободных лицензий, применяемых в сфере использования компьютерных программ, как BSD (Berkley Software Distribution License), MIT (Massachusetts Institute of Technology), Apache License 2.0, GPL (General Public License), LGPL (Lesser General Public License), MPL (Mozilla Public License) [12].

Основателем некоммерческой организации «Creative Commons» и идеологическим вдохновителем движения за свободную информацию является американский профессор Лоуренс Лессиг. Говоря о лицензиях «Creative Commons», автор известной книги «Свободная культура» («Free Culture»), [15] точно подмечает: люди выступают либо за авторское право, либо против него: «Так что нас приняли за тех, кто проталкивает некую лицензию на авторское право, позволяющую свободно распространять произведения. И поначалу представители бизнеса и обществ по защите авторских прав говорили, что мы поощряем пиратство, что на самом деле было, конечно же, не так. Поэтому пришлось приложить немало усилий, чтобы хоть как-то заставить людей успокоиться и прислушаться к тому,

что мы предлагаем, и признать, что это действительно очень консервативное движение в том смысле, что это просто своего рода надстройка над авторским правом, дающая автору ту свободу, которой, как подразумевает авторское право, он обладает и которая позволяет пользоваться этой свободой легче и проще, чем обычное авторское право» [7, с. 5]. Поскольку истории организации «Creative commons», общей характеристике одноименных лицензий посвящены специальные работы [4], в настоящей статье обзор этих вопросов опускается и все внимание переключается на исследование соответствующих поправок, внесенных в ГК РФ.

Два механизма имплементации свободных лицензий в ГК РФ

Собственно, при чтении ФЗ №35 в глаза бросается то, что законодатель предусмотрел сразу два механизма имплементации так называемых свободных лицензий в российское право. Первый механизм – это публичное заявление правообладателя о предоставлении любым лицам возможности безвозмездного использования произведения или объекта смежных прав (п. 5 ст. 1233 ГК РФ, вступающий в силу с 1 января 2015 года). Второй – это появление нового типа авторского лицензионного договора, названного законодателем «открытой лицензией» (ст. 1286.1, вступающая в силу с 1 октября 2014 года). Нормы о публичном заявлении правообладателя содержались уже в законопроекте №47538–6, внесенном 3 апреля 2012 г. Президентом РФ в Государственную Думу. В. О. Калятин, один из разработчиков этих положений, пишет, что конструкция односторонней сделки была выбрана, чтобы избежать многих проблем, которые повлечет реализация конструкции лицензионного договора [5, с. 20–21]. Что касается положений об открытой лицензии, то они были разработаны и включены в законопроект, который стал ФЗ №35, только ко второму его чтению в Государственной Думе.

Такое срочное появление второго способа имплементации свободных лицензий в ГК РФ, который функционально однороден публичному заявлению, а юридически отличен от него, можно объяснить концептуальной ошибочностью, не-

удобством и тяжеловесностью указанного первого способа. В качестве примера критики публичного заявления как способа имплементации свободных лицензий можно привести мнение А.И. Савельева, который пишет, что у классических коммерческих лицензий в авторском праве и у свободных лицензий одинаковая природа. Различие здесь проводится по наличию или отсутствию определенных условий. Поэтому попытки установления принципиально отличного регулирования с помощью односторонней сделки будут носить заведомо искусственный характер с точки зрения авторского и договорного права [11]. А.И. Савельев также обращает внимание на неудобство публичного заявления для разработчиков компьютерных программ, которые являются, пожалуй, основным объектом, к которому чаще всего применяются свободные лицензии. «Вряд ли каждый потенциальный «вкладчик» перед отправкой своего вклада будет готов предварительно заглянуть на сайт официального органа исполнительной власти РФ по интеллектуальной собственности и составить там соответствующее заявление» [11].

Более положительно на рассматриваемую поправку в ст. 1233 ГК РФ отреагировал Р.А. Будник. Комментируя критику указанной новеллы, он отметил, что, принимая во внимание глубину расхождения соответствующих поправок с зарубежной практикой, надеяться на успех полноценной имплементации свободных лицензий в обозримой перспективе не приходится. И все же, по мнению автора, предлагаемое положение нужно только приветствовать, поскольку оно открывает дорогу инновационным способам монетизации результатов интеллектуальной деятельности, основанным на максимизации их популярности [3, с. 40].

В целом, новые правила п. 5 ст. 1233 ГК РФ о публичном заявлении, конечно, представляют собой определенный шаг вперед на пути совершенствования авторского права и смежных прав в информационном обществе. Но, учитывая тяжеловесность и непривлекательность этих правил для граждан, а также наличие параллельного механизма открытой лицензии, установленного в ст. 1286.1 ГК РФ, указанные нор-

мы вряд ли будут востребованы правообладателями.

Нормы об открытой лицензии (ст. 1286.1 ГК РФ), напротив, представляются привлекательными для правообладателей и пользователей. Само название «открытая лицензия» семантически является удачным, однако в ГК РФ уже существует понятие открытой лицензии, содержание которого отлично от понятия, данного в п. 1 ст. 1286.1 ГК РФ. Открытая лицензия в смысле п. 1 ст. 1286.1 ГК представляет собой такой лицензионный договор, по которому предоставляется неисключительная лицензия на произведение и который заключается в упрощенном порядке. В абз. 2 п. 1 ст. 1286.1 ГК сказано, что открытая лицензия является договором присоединения. Все ее условия должны быть доступны неопределенному кругу лиц и размещены таким образом, чтобы лицензиат ознакомился с ними перед началом использования соответствующего произведения. В открытой лицензии может содержаться указание на действия, совершение которых будет считаться акцептом ее условий. В этом случае письменная форма договора считается соблюденной. С другой стороны, в смысле ст. 1368 и 1429 ГК открытая лицензия является заявлением патентообладателя о возможности предоставления любому лицу права использования объекта патентных прав или селекционного достижения. Патентообладатель обязан заключить с лицом, изъявившим желание использовать указанные объекты, лицензионный договор на условиях, изложенных в открытой лицензии. В сущности открытая лицензия представляет собой один из вариантов приглашения делать оферты. Таким образом, сравнивая понятия открытой лицензии в авторском и патентном законодательстве, можно заключить, что в первом случае открытая лицензия – это особый тип лицензионного договора, а во втором – приглашение делать оферты. Общим знаменателем в открытых лицензиях является не их догматическая конструкция, чего следовало бы ожидать от законодателя, а единая функция этих сделок, выражающаяся в упрощении порядка заключения лицензионного договора, в том слу-

чае, когда правообладатель согласен заключить такой договор с любым лицом.

Положения ГК РФ об открытой лицензии на использование произведения

Одним из самых важных и определенно самым сложным для понимания является абз. 2 п. 2 ст. 1286.1 ГК РФ. Прежде чем цитировать указанный пункт и комментировать его, следует указать на цель его появления в законодательстве. При обсуждении проблемы адаптации российского законодательства к свободным лицензиям внимание привлек вопрос об упрощении процедуры заключения договора открытой лицензии между автором или иным правообладателем произведения и всеми третьими лицами, использующими производное произведение, созданное на основе оригинального произведения, и не являющимися правообладателями этого производного произведения. Чтобы такое использование третьими лицами производного произведения было правомерным, необходимо заключение двух договоров: с правообладателем производного произведения и с правообладателем оригинального произведения. С первым третье лицо заключает договор непосредственно, например тот же договор открытой лицензии, тогда как со вторым такой возможности в силу различных причин нет. Следовательно, разрешение правообладателя оригинального произведения на рассматриваемый способ его использования всеми третьими лицами необходимо было связать с разрешением на переработку произведения, которое получает автор производного произведения в силу открытой лицензии.

Итак, согласно абз. 2 п. 2 ст. 1286.1 ГК РФ, лицензиар может предоставить лицензиату право на использование принадлежащего ему произведения для создания нового результата интеллектуальной деятельности. В данном случае, если иное не предусмотрено открытой лицензией, считается, что лицензиар сделал предложение заключить договор об использовании принадлежащего ему произведения любым лицом, желающим использовать новый результат интеллектуальной деятельности, созданный лицензиатом на основе этого произведения, в пределах и на условиях, которые предусмотрены открытой лицензией. Акцепт та-

кого предложения считается также акцептом предложения лицензиара заключить лицензионный договор в отношении этого произведения.

Первое предложение приведенного пункта не содержит новых правил, однако в нем классический для авторского права термин «производное произведение» заменен на «результат интеллектуальной деятельности». Это первое предложение служит гипотезой нормы, которую условно можно начать со слов «если лицензиар предоставляет лицензиату право на переработку произведения, то...». Второе предложение рассматриваемого абзаца является ключевым. В нем содержится новое правило, согласно которому лицензиар одновременно с разрешением лицензиату создавать производное произведение также разрешает всем третьим лицам использовать свое произведение в переработанном варианте. Следует заметить, что эта норма является диспозитивной, что абсолютно правильно. Наконец, третье предложение, самое туманное и самое мудрое, содержит правило, которое определяет порядок использования оригинального произведения в составе уже производного произведения второго порядка, созданного третьим лицом, и т.д. Согласно этому порядку третье лицо считается заключившим договор открытой лицензии на оригинальное произведение, следовательно, к отношениям с участием этого третьего лица и всех третьих лиц по отношению к этому лицу последовательно применяются правила абз. 2 п. 2 ст. 1286 ГК РФ. Таким образом, автоматическая легализация использования оригинального произведения в производных произведениях второго, третьего и четвертого порядков может быть бесконечной. Необходимо заметить, что законодательство об авторском праве не знает понятий производных произведений второго и третьего порядков, поэтому все произведения в цепочке переработок по отношению к оригинальному являются просто производными произведениями. При использовании каждого последующего производного произведения необходимо согласие правообладателя оригинального произведения. В российском законодательстве это правило явно не установлено, однако в ст. 14 Берн-

ской конвенции по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. [2] сказано, что переделка в любую другую художественную форму кинематографических постановок, созданных на основе литературных или художественных произведений, требует разрешения авторов оригинальных произведений, вне зависимости от наличия разрешения авторов кинематографических постановок.

В п. 2 ст. 1286.1 ГК РФ внимания также заслуживает абз. 1, в силу которого предметом открытой лицензии является право использования произведения в предусмотренных договором пределах. Прежде всего это положение диссонирует с подп. 1 п. 6 ст. 1235 ГК РФ, который остался неизменным и согласно которому предметом лицензионного договора является результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, право использования которых предоставляется по договору. Таким образом, ГК РФ дополнился очередным противоречием, поскольку договоры одного типа, как оказалось, обладают разными предметами. По всей видимости, разработчики ст. 1286.1 ГК РФ опасались неопределенности, связанной с тем, что в момент предложения лицензиара заключить договор открытой лицензии с третьими лицами, которые будут использовать произведение в переработанном лицензиатом виде, этого производного произведения еще нет. Однако в этот момент определенно уже есть все права на оригинальное произведение, которые и логично было указать как предмет договора. Теоретически такая позиция обоснована, но тогда необходимо было изменить подп. 1 п. 6 ст. 1235 ГК РФ. Практически же глубина проблемы явно преувеличена, так как оснований оспаривать, например, лицензионный договор на перевод и публикацию книги на другом языке по мотивам отсутствия перевода в момент заключения договора нет.

Пункт 3 ст. 1286.1 ГК РФ содержит простые правила о некоторых условиях договора открытой лицензии. Эти правила следует поддержать, так как они учитывают специфику свободных лицензий, сферой использования которых является прежде всего Интернет.

Еще одной существенной новеллой ст. 1286.1 ГК РФ является п. 4, согласно которому лицензиар, предоставивший открытую лицензию, вправе в одностороннем порядке полностью или частично отказаться от договора, если лицензиат будет предоставлять третьим лицам права на использование принадлежащего лицензиару произведения либо на использование нового результата интеллектуальной деятельности, созданного лицензиатом на основе этого произведения, за пределами прав и (или) на иных условиях, чем те, которые предусмотрены открытой лицензией. По всей видимости, целью появления этого правила является необходимость создания нормативных основ для одного из четырех фундаментальных условий лицензий «Creative commons», обозначаемого аббревиатурой «sa» и выражением «Share Alike». Это условие, в свою очередь, было заимствовано из открытых лицензий для компьютерных программ, которые содержат требование о лицензировании производных произведений на тех же условиях, на которых были предоставлены права на первоначальное произведение. Неформально условие «Share Alike» иногда именуется термином «Copyleft».

Пункт 5 ст. 1286.1 ГК РФ примечателен тем, что он расширяет круг оснований применения мер защиты и ответственности за нарушение исключительного права. Теперь сам факт неправомерного предоставления открытой лицензии при отсутствии неправомерного использования произведения считается нарушением исключительного права. Видимо, такая строгая и явно нецивилистическая санкция в данном случае оправдана, поскольку сфера использования открытых лицензий является весьма уязвимой и хрупкой, по сравнению с классическими сделками. Понятно, что правообладателей в данном случае нужно было эффективно защитить от возможных злоупотреблений лиц, желающих дестабилизировать оборот исключительных авторских прав в Интернете и за его пределами.

Свободные лицензии и право на неприкосновенность произведения

Одной из трудных задач, которую следовало решить, имплементируя свободные

лицензии в российское право, был вопрос о столкновении неотчуждаемого и непередаваемого права на неприкосновенность произведения и права автора разрешать использование производных произведений, созданных на основе его произведения. Неотчуждаемость и непередаваемость права на неприкосновенность произведения означает то, что автор не вправе согласиться с любыми изменениями произведения вообще, а может дать свое согласие на конкретные изменения или, по крайней мере, на определенный строго очерченный круг таких изменений. Понятно, что обращение третьих лиц к автору за согласованием внесенных изменений в произведение девальвирует идею свободных лицензий, призванных свести контроль автора за использованием произведения к разовому разрешению на определенные способы его использования. Право на неприкосновенность в его классической континентальной трактовке, таким образом, служит такой гарантией автору, которой он может воспользоваться в любом случае, даже после выдачи открытой лицензии.

Однако в современном российском авторском праве официальное признание получила неправильная интерпретация содержания права на неприкосновенность произведения, благодаря которой проблема гармонизации этого права с договором открытой лицензии потеряла свою остроту. Пленумом Верховного Суда РФ и Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ было указано, что право на неприкосновенность произведения касается таких изменений произведения, которые не связаны с созданием нового произведения на основе имеющегося [10, п. 31]. Таким образом, содержание права на неприкосновенность произведения было резко и неоправданно ограничено. В одной из своих работ автор настоящей статьи уже рассматривал проблему разграничения права на неприкосновенность и права на переработку произведения. В частности, было указано, что право на неприкосновенность произведения не должно заканчиваться там, где начинается производное произведение, но это право должно быть ограничено в отношениях по переработке таким образом, что в этом случае ав-

тор может противодействовать только искажению произведения или такому посягательству на него, которое явно противоречит замыслу автора [8, с. 20]. Представляется, что такое разграничение рассматриваемых прав должно сохраниться и применительно к договору открытой лицензии. Как пишет А.И. Савельев, «вряд ли авторам операционной системы Linux понравится ее модификация, при которой ее аудиовизуальные отображения или интерфейс будут представлять собой открытое восхваление или рекламу Windows (особенно если это – делается на фоне специально артикулированных недостатков Linux)» [11]. С учетом того, что модификация является переработкой программы в приведенном примере автор операционной системы Linux вряд ли сможет защитить свое право на неприкосновенность произведения.

Что касается поправок в ст. 1266 ГК РФ, призванных адаптировать право на неприкосновенность произведения к договору открытой лицензии и публичному заявлению автора, то они являются весьма точечными и всей проблемы, описанной выше, не решают. Статья 1266 ГК РФ была дополнена п. 3, согласно которому в случаях, предусмотренных п. 5 ст. 1233 и п. 2 ст. 1286.1 настоящего Кодекса, автор может дать согласие на внесение в будущем изменений, сокращений и дополнений в свое произведение, на снабжение его при использовании иллюстрациями и пояснениями, если это вызвано необходимостью (исправление ошибок, уточнение или дополнение фактических сведений и т.п.), при условии, что этим не искажается замысел автора и не нарушается целостность восприятия произведения.

Заключение

Российским законодателем был сделан достаточно значимый шаг навстречу потребностям информационного общества, навстречу вызовам, с которыми сталкивается в настоящее время авторское право. Значение этого шага выходит за пределы России, поскольку в зарубежных странах легализация свободных лицензий происходила, как правило, с помощью судебных, а не законодательных актов. Представляется, что созданные в ГК РФ правовые основы сво-

бодных лицензий, являясь в целом правильным инструментом, будут востребованы правообладателями и пользователями, найдут верную оценку в судебной практике.

Благодарности. Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №13-03-00191. Автор благодарит РГНФ за указанную поддержку.

Библиографический список

1. *Близнец И.А., Леонтьев К.Б.* Внедрение свободных лицензий: правовая или организационная проблема? // Копирайт. 2011. №2. С. 61–69.
2. *Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г.* // Бюл. междунар. договоров. 2003 №9.
3. *Будник Р.А.* Позитивное право авторов и информационный капитал // Информац. общество. 2011. №5. С. 37–45.
4. *Использование лицензий Creative Commons в Российской Федерации: анализ. докл. / под ред. Ю.Е. Хохлова.* М.: Ин-т развития информац. общества, 2011. 94 с.
5. *Калятин В. О.* Возможны ли свободные лицензии в российском праве? // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2011. №12. С. 16–21.
6. *Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобр. Советом при Президенте Рос. Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 окт. 2009 г.* [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. *Лессиг Л.* Традиции благотворительности – не американские, они присущи всему миру // Информац. общество. 2011. №6. С. 4–11.
8. *Матвеев А.Г.* Разграничение права на неприкосновенность и права на переработку произведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2012. №11. С. 15–20.
9. *О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской*

- Федерации: Федер. закон от 12 марта 2014 г. №35-ФЗ // Рос. газета. 2014. 14 марта.
 10. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации и Пленума Высшего Арбитр. Суда Рос. Федерации от 26 марта 2009 г. №5/29 // Рос. газета. 2009. 22 апр.
 11. Савельев А.И. Комментарии на предлагаемую в проект изменений в часть 4 ГК РФ концепцию регулирования отношений, возникающих в связи со свободным использованием и распространением объектов авторских прав. URL: <http://www.schoolprivlaw.ru/files/kommentarii.pdf> (дата обращения: 01.05.2014).
 12. Савельев А.И. Лицензирование программного обеспечения в России: законодательство и практика. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 416 с.
 13. Соболев И.А. Свободные лицензии в авторском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 27 с.
 14. Josselin M. The Concept of the Contract for the Exploitation of Author's Rights: a Comparative-Law Approach // Copyright Bulletin. 1992. Vol. XXVI, №4. 6–16 pp.
 15. Lessig L. Free Culture How Big Media Uses Technology and the Law to Lock Down Culture and Control Creativity. New York: The Penguin Press, 2004. 348 p.
- ### References
1. Bliznets I.A., Leontyev K.B. Vnedreniye svobodnykh litsenziy: pravovaya ili organizatsionnaya problema? [The Introduction of Free Licenses: Legal or Organizational Problem?] // Kopyrayt – Copyright. 2011. №2. 61–69 pp. (In Russ).
 2. Bernskaya konventsia po okhrane literaturnykh i khudozhestvennykh proizvedeniy ot 9 sentyabrya 1886 g. [The Bern convention on protection literary and works of art of September 9, 1886] // Byul. mezhdunar. dogovorov – Bulletin of international treaties. 2003 №9.
 3. Budnik R.A. Pozitivnoye pravo avtorov i informatsionnyy kapital [Authors Positive Right and Information Capital] // Informats. obshchestvo – Information Society. 2011. №5. 37–45 pp. (In Russ).
 4. Ispolzovaniye litsenziy Creative Commons v Rossiyskoy Federatsii: Analit. doklad [Using Creative Commons Licenses in the Russian Federation: analytical report] / pod red. Yu.E. Khokhlova.. Moscow: In-t razvitiya informats. obshchestva, 2011. 94 p. (In Russ).
 5. Kalyatin V. O. Vozmozhny li svobodnyye litsenzii v rossiyskom prave? [Is It Possible to Free Licenses in the Russian Law?] // Patenty i litsenzii. Intellektualnyye prava – Patents and Licenses. Intellectual Rights. 2011. №12. 16–21 pp. (In Russ).
 6. Kontseptsia razvitiya grazhdanskogo zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii: odobrena Sovetom pri Prezidente RF po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatelstva 7 oktyabrya 2009 g. [Concept of development of the civil legislation of the Russian Federation: it is approved by Council at the President Ros. Federations on codification and improvement of the civil legislation on October 7, 2009] [Elektronnyy resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy "Konsultant-Plyus". (In Russ).
 7. Lessig L. Traditsii blagotvoritelnosti – ne amerikanskiye, oni prisushchi vsemu miru [Tradition of philanthropy are not American, they are inherent in the world] // Informats. obshchestvo – Information Society. 2011. №6. 4–11 pp. (In Russ).
 8. Matveyev A.G. Razgranicheniye prava na neprikosновенность i prava na pererabotku proizvedeniya [Differentiation Right to Integrity of the Work and the Right to Processing of the Work] // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoye pravo i smezhnyye prava – Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2012. №11. 15–20 pp. (In Russ).
 9. O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu, vtoruyu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii: Federalnyy zakon ot 12.03.2014 g. №35-FZ [About modification of parts of the first, second and fourth Civil code of the Russian Federation and separate acts of the Russian

- Federation: The federal law of March 12, 2014 №35-FZ] // *Ros. gazeta.* – Russian newspaper. 2014. 14 marta. (In Russ).
10. *O nekotorykh voprosakh, vznikshikh v svyazi s vvedeniyem v deystviye chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Postanovleniye Plenuma Verkhov. Suda Ros. Federatsii i Plenuma Vysshego Arbitr. Suda Ros. Federatsii ot 26 marta 2009 g. №5/29* [About some questions which have arisen in connection with introduction in action of part of the fourth Civil code of the Russian Federation: the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 26, 2009 №5/29] // *Ros. gazeta.* – Russian newspaper. 2009. 22 apr. (In Russ).
 11. *Savelyev A.I. Kommentarii na predlagayemuyu v projekt izmeneniy v chast 4 GK RF kontseptsiyu regulirovaniya otnosheniy, vznikayushchikh v svyazi so svobodnym ispolzovaniyem i rasprostraneniym obyektov avtorskikh prav.* [Comments on the Draft Proposed Amendments to Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation the Concept of Regulation of Relations arising in Connection with the Free Use and Distribution of Copyright]. URL: <http://www.schoolpriv-law.ru/files/kommentarii.pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2014). (In Russ).
 12. *Savelyev A.I. Litsenzirovaniye programmnogo obespecheniya v Rossii: zakonodatelstvo i praktika* [Software Licensing in Russia: Law and Practice]. M.: Infotropik Media, 2013. 416 p. (In Russ).
 13. *Sobol I.A. Svobodnyye litsenzii v avtorskom prave Rossii* [Free License in Russian Copyright Law]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.. Moscow, 2014. 27 p. (In Russ).
 14. *Josselin M. The Concept of the Contract for the Exploitation of Author's Rights: a Comparative-Law Approach* // Copyright Bulletin. 1992. Vol. XXVI. №4. 6–16 pp. (In Eng).
 15. *Lessig L. Free Culture How Big Media Uses Technology and the Law to Lock Down Culture and Control Creativity.* New York: The Penguin Press, 2004. 348 p. (In Eng).

CONSTRUCTION OF THE LEGAL BASIS OF SO-CALLED FREE LICENSES IN THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

A.G. Matveev

Perm State National Research University
15, Bukirev st., Perm, 614990
E-mail: la-musica@yandex.ru

Abstract: Introduction: so-called free license represents a new phenomenon in the copyright law. It is a tool that greatly simplifies the mechanism using of the work in the case when the author donated permits such use to all persons. The most famous type of free licenses are "Creative Commons" license. The implementation of free licenses to the Civil Code of the Russian Federation in this article is viewed. **Purpose:** the purpose of the article is definition of rightly and correctly to the relevant provisions of the Civil Code and reflect the idea of specificity of free licenses. **Methods:** In the present study, the author uses the following methods: formal-dogmatic, comparative law, systematic and structural, as well as the methods of formal logic. **Results:** in the Civil Code included provisions that establish two simultaneous implementation mechanism of free licenses to the Russian copyright law. The first mechanism is a public statement of the right holder. Initially, the law project developers were planning confine this mechanism. However, this tool has been criticized, which led to the development of the second mechanism. The second mechanism is the open license contract. In this article both of these mechanisms are being analyzed. In general, the provisions of the Civil Code on

the open license are commendable. **Conclusions:** the author of this article assumes that Civil Code provisions on free licenses will work effectively and will find a correct assessment in jurisprudence.

Keywords: copyright law; the exclusive right; the right to integrity of the work; license contract; free license; open license; the license "Creative Commons"

Информация для цитирования:

Матвеев А.Г. Создание правовых основ так называемых свободных лицензий в гражданском кодексе Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 125–135.

Matveev A. G. Sozdaniye pravovykh osnov tak nazyvayemykh svobodnykh litsenzy v grazhdanskom kodekse Rossiyskoy Federatsii [Construction of the legal basis of so-called free licenses in the Civil Code of the Russian Federation // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 125–135. (In Russ).

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ГРИШИНОЙ Я.С. НА ТЕМУ:
«МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ
СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ
ПОТРЕБНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ
КОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА»**

Морозов С.Ю.

*Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Ульяновский государственный университет
432700, Ульяновск, ул. Гончарова, 40/9
E-mail: fgslaw@mail.ru*

*Аннотация: **Введение:** в рецензии рассмотрены достоинства и недостатки авторской концепции Гришиной Я.С., отраженной в ее монографии. **Цель:** объективно оценить представленный на рецензию научный труд на соответствие требованиям, предъявляемым ВАК РФ к подобного рода исследованиям. **Обсуждение:** при оценке актуальности темы работы делается вывод о том, что автор обстоятельно рассматривает животрепещущие проблемы права, практики его применения, теории гражданского права и т.д. К их числу относятся проблемы правовых средств, юридических конструкций, конвергенции частного и публичного права, правосубъектности, правового режима. Достоверность результатов проведенного исследования подтверждается использованием большого количества использованных источников и широкого спектра научно-исследовательских методов, центральными из которых являются методы правового моделирования и метод системных исследований. Рецензируемая монография представляет собой комплексное исследование, развивающее теорию имущественных потребностей, разработанную Н.А. Бариновым. Отмечается научный стиль изложения. Признаются глубокими и обстоятельными авторские выкладки касательно разработанных автором механизма правового регулирования отношений по удовлетворению социально-имущественных потребностей и механизма гражданско-правовой защиты социальных предпринимателей. Как удачная оценивается попытка анализа эффективности использования публично-правовых средств в целях обеспечения качества и безопасности социальных товаров, а также ценообразования на такие товары и услуги. Отмечаются эвристические возможности разработанной автором концепции. Также отмечены отдельные недостатки. **Выводы:** констатируется, что представленный на рецензию труд является законченным монографическим исследованием, содержащим новые научные знания, совокупность которых следует признать целостной научной концепцией.*

Ключевые слова: правовые средства; социально-имущественные потребности; моделирование; юридическая конструкция; механизм гражданско-правовой защиты

Тема монографии представляется чрезвычайно актуальной. Правовая национальная политика российского государства должна быть ориентирована на решение со-

циальных проблем, которые могут быть решены с использованием инноваций социального предпринимательства. Еще более очевидна необходимость исследования темы при ознакомлении с содержанием рабо-

ты, когда автор обстоятельно рассматривает животрепещущие проблемы права, практики его применения, теории гражданского права и т.д. К их числу относятся проблемы правовых средств, юридических конструкций, конвергенции частного и публичного права, правосубъектности, правового режима. И рассмотрению каждой из проблем нашлось достойное место в рецензируемом научном труде.

Целью своего исследования Я.С. Гришина поставила формирование целостного учения о механизме взаимодействия частных и публичных правовых средств обеспечения социально-имущественных потребностей в условиях моделирования юридической конструкции социального предпринимательства и разработку научно-практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства в этой сфере (с. 7). На взгляд рецензента, автору удалось достичь поставленной цели.

Рецензируемая монография представляет собой комплексное исследование, развивающее теорию имущественных потребностей, разработанную Н.А. Бариновым, которую автор уважительно называет «бесценной». В книге получили развитие и ряд других научных теорий. Опираясь на ранее сделанное, автор формулирует достаточно много собственных оригинальных выводов, предложений и др. (кумулятивность развития науки).

Достоверность полученных результатов подтверждается теми методами научного исследования, которые использовала Я.С. Гришина. Причем их использование автор предворяет рассмотрением вопроса выбора методологии. Один из основных используемых автором методов можно охарактеризовать, как «просеивание» многочисленного научного материала прежде, чем сделать обоснованный вывод. Впечатляет количество используемых источников, которых более 600. Причем автор с уважением относится ко всем позициям ученых, в том числе к тем, с которыми она не согласна. Вступая в научную дискуссию, Я.С. Гришина аргументирует и научно обосновывает свою позицию, опираясь на проверенные факты.

Среди используемых методов центральное место занимает метод системного исследования, который пронизывает всю работу и нашел применение при исследовании системы права, системы законодательства, системы правовых средств, системы юридических конструкций, системы договоров, а также системы субъектов социально-предпринимательской деятельности.

Другим методом, который стоит особо выделить из богатой палитры используемых диссертантом способов получения нового научного знания, является метод правового моделирования. Без его использования вряд ли бы удалось раскрыть вопросы о юридических конструкциях и о моделировании системы публично-правовых средств государственного управления в сфере обеспечения социально-имущественных потребностей с учетом мирового опыта социального предпринимательства (глава 3).

Стиль изложения можно охарактеризовать как научный. Я.С. Гришиной удалось оптимально сочетать стиль «высокой науки» и простоту и сжатость изложения. Мысли сформулированы четко доступным для читателя языком. При этом автор не увлекается новомодными терминами, не всегда понятными широкой юридической общественности, а демонстрирует хороший русский язык.

Я.С. Гришина при разработке заявленной темы неоднократно обращается к зарубежному опыту и иностранным источникам, в том числе США, Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Хорватии и Германии.

Центральное место в исследовании, пожалуй, занимает вывод о том, что правовая конструкция рыночных общественных отношений по удовлетворению социально-имущественных потребностей представляет собой юридическую конструкцию, системным образом соорганизующую частноправовые и публично-правовые средства в рамках механизма правового регулирования социального предпринимательства (с. 421). Далее на протяжении всего исследования проводится довольно «тонкий» и глубокий анализ теории и практики правового регулирования в данной сфере, который приводит к обоснованным выводам.

Глубокими и обстоятельными стоит признать авторские выкладки касательно разработанных автором механизма правового регулирования отношений по удовлетворению социально-имущественных потребностей и механизма гражданско-правовой защиты социальных предпринимателей.

Заслуживает внимания предложения автора по усовершенствованию концепции удовлетворения имущественных потребностей граждан, разработанной Н.А. Бариновым, путем использования дозвоительно-разрешительного метода, основанного на взаимодействии частных и публичных правовых средств (с. 83). Ни для кого не секрет, что в гражданском праве наряду с диспозитивным методом активно используются и иные способы воздействия на имущественные и личные неимущественные отношения, «чистых» отраслей права не бывает. Предлагаемый автором подход призван обеспечить оптимальное сочетание частных и публичных правовых средств в процессе правового регулирования общественных отношений.

Последовательно рассмотрев эволюцию идеи социального предпринимательства, начиная с семидесятых годов прошлого столетия, когда в научной среде был популярен термин «социальные инновации» и до настоящего времени, Я.С. Гришина приходит к выводу о том, что под социальным предпринимательством следует понимать предпринимательскую деятельность, сочетающую экономический и социальный эффект, достигающийся применением инновационных методов и направленную на решение или смягчение различных социальных проблем общества (с. 149). Представляется, что глобальные геополитические процессы, происходящие в настоящее время в мире, в том числе вводимые против России санкции, обнажили потребность в ориентации среднего и крупного бизнеса на интересы национальной экономики и обеспечение социальных интересов соотечественников. И в этом плане сделанные исследователем выводы звучат в унисон с интересами российского государства.

Трудно возразить автору в части отсутствия целостной национальной правовой политики поддержки социального предпри-

нимательства в настоящее время (с. 250). Автор справедливо указывает на разрозненность правовых актов различных министерств и ведомств в этой сфере.

Вводится новое понятие «социально необходимые товары» как объекты рыночного товарообмена, удовлетворяющие имущественные потребности граждан и объединений в социальной сфере. Необходимость нововведения обосновывается существенными особенностями правового режима товара, обладающего статусом социально необходимого (с. 422), которые заключаются в предъявлении законодателем особых требований к безопасности и качеству товаров, к лицензированию деятельности предприятий (с. 75). Причем выявление таких особенностей позволяет автору обосновать систему социально-предпринимательских договоров. Все договоры, используемые в сфере осуществления социально-предпринимательской деятельности, Я.С. Гришина предлагает разделить на две группы: 1) гражданско-правовые договоры в сфере социального предпринимательства и 2) комплексные (межотраслевые) социально-предпринимательские договоры (с. 400). Конечно же, вопрос о систематизации договоров является не новым и в то же время крайне дискуссионным, однако сам подход автора к решению этой проблемы с учетом заявленной цели исследования заслуживает поддержки. Критерием систематизации здесь, по мнению ученого, является направленность на интеграцию социального и экономического эффекта, как вектора развития социального предпринимательства.

Большое внимание в книге уделено правосубъектным правовым средствам (правоспособности, дееспособности, деликтоспособности и сделкоспособности), которые служат реализации потенциала субъектов социального предпринимательства, необходимого для участия в процессе обеспечения социально-имущественных потребностей. Данный аспект рассматривается через призму определения правовых возможностей социальных предпринимателей (с. 316–324), коллективных предпринимательских организаций (с. 325–341), непредпринимательских организаций (с. 341–363).

Удачной является попытка анализа эффективности использования публично-правовых средств в целях обеспечения качества и безопасности социальных товаров, а также ценообразования на такие товары и услуги. Результатом рассуждений явились научно обоснованные предложения по совершенствованию закона о техническом регулировании, с большинством которых следует согласиться (с. 282–283).

Выявление сущности права на защиту явилось логичным шагом к выявлению сущности механизма гражданско-правовой защиты. Автор последовательно рассматривает соотношение категорий «охрана» и «ответственность» (с. 405–406), понятие средств, способов и форм защиты гражданских прав (с. 407–416). Активно поддерживая идею о «внедрении в гражданские правоотношения публичного регулирования», автор приходит к выводу об усилении социализации гражданско-правовой ответственности, как центрального правового средства механизма правового обеспечения социально-имущественных потребностей. Действительно существует насущная потребность в инструментах саморегулирования и выравнивания положения потребителя социальных товаров и услуг как слабой стороны, а также сглаживания острых социальных проблем.

Следует отметить эвристические возможности разработанной автором концепции. Она может явиться основой для дальнейшего развития теории правового обеспечения социально-имущественных потребностей, теории правовых средств, исследований о юридических конструкциях, учения о социальном предпринимательстве, модернизации правовой модели защиты прав потребителей.

Монография Я.С. Гришиной – первое в отечественной цивилистике и науке предпринимательского права специальное исследование механизма частных и публичных правовых средств обеспечения социально-имущественных потребностей в условиях моделирования юридической конструкции социального предпринимательства. Она имеет важное значение для развития современной гражданско-правовой науки и науки предпринимательского права

в целом. Многие положения работы имеют общетеоретическую значимость (о правовых средствах, о юридических конструкциях, о системных правовых явлениях и др.).

Думается, появление монографического исследования Я.С. Гришиной, посвященного столь основательному, глубокому осмыслению механизма частных и публичных правовых средств обеспечения социально-имущественных потребностей, стало по настоящему важным событием в юридической науке.

Изложенное свидетельствует о том, что монография Я.С. Гришиной подготовлена на должном научно-теоретическом уровне и отвечает всем требованиям, предъявляемым к такого рода работам.

Как и любое научное исследование такого солидного уровня, к тому же имеющее новаторский характер, данная монография не свободна от отдельных недостатков.

Иногда автор все же делает выводы и соглашается с мнениями отдельных ученых, не приводя аргументы в пользу сделанного выбора. Так, например, Я.С. Гришина соглашается с точкой зрения о том, что «юридическую конструкцию» целесообразно использовать для обозначения соответствующего понятия в значении «модель общественных отношений» (с. 45). Почему автор сделала такой вывод, неизвестно. Между тем существуют мнения о том, что нормативные юридические конструкции моделями не являются и о том, что объектом моделирования могут быть не только общественные отношения, но и нормы права, правовые средства, правонарушения, средства законодательной техники и т.п. Аналогичное замечание можно сделать и в отношении позиции автора по поводу понятия «правовая форма». Данное понятие очень слабо разработано в отечественной цивилистике, поэтому вряд ли достаточно простого утверждения о том, что определение, данное А.В. Белицкой необходимо взять за основу (с. 113).

Следует отметить, что это частные замечания, отражающие которые не могут испортить общего благоприятного впечатления о представленной на рецензирование работы.

Выводы

Представленный на рецензию труд является законченным монографическим исследованием, содержащим новые научные

знания, совокупность которых следует признать целостной научной концепцией, имеющей большое значение для науки гражданского права.

**REVIEW OF GRISHINA YA.S. MONOGRAPH. ON THE SUBJECT:
«MECHANISM OF INTERACTION OF PRIVATE AND PUBLIC TOOLS
OF ENSURING OF SOCIAL AND PROPERTY REQUIREMENTS
FOR CONDITIONS OF MODELLING OF THE LEGAL CONSTRUCTION
OF SOCIAL BUSINESS»**

S.Yu. Morozov

Ulyanovsk State University
40/9, Goncharov st., Ulyanovsk, 432700
e-mail: fgslaw@mail.ru

Abstract: **Introduction:** in the review merits and demerits of the author's concept of Grishina Ya.S. are considered, reflected in its monograph. **Purpose:** objectively to estimate the scientific work presented on the review of compliance to requirements imposed by VAK of the Russian Federation to researches of this sort. **Discussion:** at an assessment of relevance of a subject of work the conclusion that the author in details considers crucial issues of the right, practitioners of its application, the theory of civil law, etc. is drawn. Problems of legal means, legal designs, convergences of private and public law, right subjectivity, a legal regime belong to their number. Reliability of results of the conducted research is confirmed by use of a large number of the used sources and a wide range of research methods, from which methods of legal modeling and a method of system researches are central. The reviewed monograph represents the complex research developing the theory of property requirements, developed by N.A. Barinov. Scientific style of a statement is noted. Author's calculations concerning developed by the author of the mechanism of legal regulation of the relations on satisfaction of social and property requirements and the mechanism of civil protection of social businessmen admit deep and detailed. As successful attempt of the analysis of efficiency of use of public means for ensuring quality and safety of social goods, and also pricings on such goods and services is estimated. Heuristic opportunities of the concept developed by the author are noted. Separate shortcomings are also noted. **Conclusions:** it is noted that the work presented on the review is the finished monographic research containing new scientific knowledge which set it is necessary to recognize as the complete scientific concept.

Keywords: legal tools; social and property requirements; modeling; legal construction; mechanism of civil protection

Информация для цитирования:

Морозов С.Ю. Рецензия на монографию Гришиной Я.С. на тему: «Механизм взаимодействия частных и публичных средств обеспечения социально-имущественных потребностей в условиях моделирования юридической конструкции социального предпринимательства» // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 136–140.

Kurbatov S. O. *Reitsenziya na monografiyu Grishinoy Ya.S. na temu: «Mekhanizm vzaimodeystviya chastnykh i publichnykh sredstv obespecheniya sotsialno-imushchestvennykh potrebnostey v usloviyakh modelirovaniya yuridicheskoy konstruktssii sotsialnogo predprinimatelstva»* [Review of Grishina Ya.S. monograph. On the subject: «Mechanism of interaction of private and public tools of ensuring of social and property requirements for conditions of modelling of the legal construction of social business»] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 136–140. (In Russ).

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ЕДИНОГО НЕДВИЖИМОГО КОМПЛЕКСА

Е.Е. Ягунова

Старший преподаватель кафедры коммерческого права и основ правоведения института экономики и предпринимательства

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

603140, г. Нижний Новгород, просп. Ленина, 27

E-mail: yagunovakatya@mail.ru

Аннотация: ***Введение:** Статья посвящена исследованию единого недвижимого комплекса как системы структурно связанных между собой элементов, которые вследствие объединения единым назначением образуют единое целое, утрачивая свою обособленность и индивидуальность.*

***Цели и задачи:** Автор отмечает, что элементы единого недвижимого комплекса взаимосвязаны друг с другом посредством некоей структуры.*

***Результаты/обсуждение:** Проанализировав и сопоставив различные точки зрения ученых-цивилистов относительно определения понятия «структура», автор приходит к выводу, что выявить структуру единого недвижимого комплекса – это значит охарактеризовать способ связи отдельных элементов (недвижимых и движимых вещей) внутри целого и ответить на вопрос «как» составные части вступают во взаимодействие, образуя единую недвижимую вещь.*

Автор обращает внимание на то, что законодатель предоставляет участникам гражданского оборота два способа объединения вещей в единый недвижимый комплекс: физический и технологический. Физический способ связи предполагает неразрывное соединение элементов внутри целого и достигается двумя вариантами: 1) путем соединения зданий, сооружений и иных вещей в целях создания одной недвижимой вещи, служащей единому назначению; 2) путем размещения зданий, сооружений и иных вещей в границах одного земельного участка с целью использовать по единому назначению. Под технологическим способом связи понимается объединение в сложную совокупность движимых и недвижимых вещей единой технологической целью использования. Вместе с тем, автор обращает внимание на то, что одного «фактического», то есть физического и технологического, соединения недостаточно. Необходимо «юридическое» соединение нескольких вещей в единое целое, осуществляемое посредством государственной регистрации права собственности на совокупность указанных вещей как на одну недвижимую вещь в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество.

***Заключения/выводы:** Автор приходит к выводу, что структура единого недвижимого комплекса представляет собой специфические способы физической, технологической (функциональной) и юридической связи нескольких недвижимых и движимых вещей в целях создания качественно нового объекта гражданских прав – единой недвижимой вещи.*

Ключевые слова: единый недвижимый комплекс; недвижимая вещь; структура; совокупность недвижимых и движимых вещей; объект гражданских прав; технологическое объединение вещей; юридическое соединение вещей

Введение

Недвижимые вещи – один из актуальных и активно обсуждаемых в цивилисти-

ческой науке объектов гражданских прав. Достаточно большое количество научных публикаций последних двух десятилетий неоднократно рассматривало под разными

ракурсами проблемные вопросы, касающиеся недвижимых вещей, ожидающие своего разрешения в законодательных актах, регулирующих гражданско-правовые отношения.

Однако изменения, происходящие в сфере гражданского законодательства не только не устранили проблемные аспекты имущественного оборота недвижимого имущества, но и поставили перед наукой и практикой ряд новых вопросов, введя в статью 133.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) новую юридическую конструкцию недвижимой вещи – единый недвижимый комплекс.

Основное содержание

В соответствии с новеллой, недвижимой вещью, участвующей в обороте как единый объект, может являться единый недвижимый комплекс – совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и др.), либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь.

В приведенном определении единого недвижимого комплекса как особого объекта недвижимости подчеркиваются следующие его признаки:

- это совокупность взаимосвязанных объектов (не менее двух);
- хотя бы один из объектов, составляющих имущественный комплекс, является зданием или сооружением;
- объекты имеют общее назначение;
- объекты неразрывно связаны физически и технологически либо пространственно расположены на одном земельном участке;
- между объектами существует юридически значимая связь: вещное право на единое целое – объект недвижимости зарегистрировано в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество [3, с. 51].

В совокупности все названные признаки позволяют определить единый недвижимый комплекс как определенную систему структурно связанных между собой элементов, которые вследствие объединения единым назначением образуют единое целое и утрачивают свою обособленность и индивидуальность. Обязательным элементом такого недвижимого комплекса выступает, согласно предложенной законодателем юридической конструкции, не земельный участок, как это предлагалось учеными и разработчиками положений по совершенствованию гражданского законодательства, а здания и сооружения, дополнительными же элементами названы иные вещи, под которыми следует понимать помимо недвижимых вещей также и движимые вещи. Объединение конкретных недвижимых и движимых вещей в единый недвижимый комплекс осуществляется посредством их физического или технологического соединения, продиктованного необходимостью использовать эти вещи по общему назначению в качестве обособленной целостности. Таким образом, можно говорить о том, что элементы единого недвижимого комплекса взаимосвязаны друг с другом посредством некоей структуры.

В цивилистической науке к вопросам структуры того или иного явления ученые обращались в основном в связи с рассмотрением гражданского правоотношения, либо предмета гражданско-правового регулирования. При этом большинство из них под структурой понимали способ связи элементов, составляющих то или иное правовое явление. Так, В.Ф. Яковлев, под структурой правоотношения в теории права, понимает «строение взаимосвязанных субъективных прав и юридических обязанностей, составляющих правовую связь» [13, с. 308]. Разделяя подход В.Ф. Яковлева, Л.А. Чеговадзе определяет структуру гражданского правоотношения как «построение правовых связей участников взаимодействия на базе типовой модели поведения и закрепление ее в виде субъективных прав и правовых обязанностей» [12, с. 536]. Р.О. Халфина считает, что «наиболее плодотворным для анализа представляется определение понятия структуры как способа связи элементов, как

системы их отношений в рамках целого». Она не согласна с С.С. Алексеевым, который структуру определяет как способ связи субъективных прав и обязанностей, считая, что тем самым рассматриваются элементы только формы правоотношения, а это не дает полного представления о структуре правоотношения [11, с. 203–204]. Ю.И. Гревцов полагает, что в вопросе исследования структуры общественного правового отношения, особое внимание следует обращать на способы связи между элементами, составляющими систему [4, с. 81]. Проводя исследование понятия «сложной вещи», Н.Н. Аверченко предлагает в целях ясности словоупотребления понимать под структурой связь ее частей, т.е. их соединение, скрепление, сцепление или взаимную зависимость, обусловленность [2, с. 6].

Приведенные выше точки зрения ученых, несмотря на их несовпадение по тем или иным параметрам, объединяет то, что практически все они содержат общий вывод: структура – это способ связи элементов внутри целого.

Разделяя точку зрения Л. А. Чеговадзе о том, что «связь субъективных прав и обязанностей сама по себе функциональна и генетически несет на себе отпечаток всех общих отраслевых особенностей взаимодействий, относящихся к сфере гражданско-правового регулирования» [12, с. 416], представляется правильным заимствование методологического подхода, использованного при рассмотрении структуры гражданского правоотношения для исследования структуры и единого недвижимого комплекса. Таким образом, учитывая, что построение структуры любого правового явления должно отвечать изначально заложенным в правовой материи свойствам, структура единого недвижимого комплекса основывается на общем структурном построении гражданско-правовых явлений с наличием специфических особенностей, свойственных этому комплексному объекту. Из сказанного следует, что выявить структуру единого недвижимого комплекса – это значит охарактеризовать способ связи отдельных элементов (недвижимых и движимых вещей) внутри целого и ответить на вопрос: «как» составные части вступают во

взаимодействие, образуя единую недвижимую вещь?

Из анализа статьи 133.1 ГК РФ можно сделать вывод о том, что законодатель предоставляет участникам гражданского оборота два способа объединения вещей в единый недвижимый комплекс: физический и технологический.

Физический способ связи предполагает неразрывное соединение элементов внутри целого и достигается двумя вариантами объединения недвижимых и движимых вещей для взаимодействия по общему назначению. Первый вариант допускает соединение (неразрывную связь) зданий, сооружений и иных вещей для создания одной недвижимой вещи, служащей единому назначению. Примером таких единых недвижимых комплексов могут выступать антенные сооружения площадок ПКУ [10], линейно-кабельные сооружения [8] и др. Второй вариант физического соединения отдельных вещей (движимых и недвижимых) в единый объект гражданских правоотношений достигается за счет их размещения в границах одного земельного участка с целью использовать по единому назначению. В этом случае земельный участок становится основным связующим элементом комплекса, без которого не возможна физическая «сцепка» отдельных вещей в целое, призванное служить достижению определенной цели использования, а следовательно, невозможно и возникновение самого единого недвижимого комплекса как объекта гражданских прав. Примером таких единых недвижимых комплексов могут служить животноводческие комплексы, домовладения, усадьбы.

Физическая связь элементов совокупности позволяет сразу предположить их взаимодействие по общему назначению. Критерий физической связи основан на принципе разумности действий и добросовестности участников гражданских правоотношений (п. 3 ст. 10 ГК РФ). Физическое соединение нескольких недвижимых и движимых вещей – это трудоемкий процесс, который направлен на достижение определенной цели и свидетельствует о намерении собственника использовать единую недвижимую вещь целиком по общему назначению. Предполагается, пока не установлено

иное, что физически соединенные предметы составляют одну вещь.

Учитывая то обстоятельство, что современное производство оснащается оборудованием, которое имеет особую экономическую ценность лишь в единстве, даже при отсутствии физической связи отдельных машин, то вполне закономерным видится включение законодателем в статью 133.1 ГК РФ наряду с физической связью связи технологической. Под технологической связью понимается объединение в сложную совокупность движимых и недвижимых вещей единой технологической целью использования. Следовательно, составляющие элементы комплекса могут не только явно сочленяться, т.е. стоять на едином фундаменте, иметь общее механическое крепление и т.д., но и не иметь явного сочленения и находиться на некотором удалении друг от друга, хотя и функционировать только совместно [1, с. 11]. При этом в состав единого недвижимого комплекса, созданного в целях использовать его по единому хозяйственному назначению, может входить только то имущество, которое соответствует общей функциональной цели использования соответствующего комплекса. Поэтому, как справедливо отмечает Н.Н. Аверченко, об общем назначении элементов комплекса чаще всего свидетельствуют специальные нормативно-технические предписания (стандарты, технические условия, требования по эксплуатации, противопожарной безопасности и др.), индивидуально-технические описания (технические паспорта), иногда - прямые нормативно-правовые указания на тот или иной комплекс, хотя это скорее исключение, чем правило [1, с. 11].

Отличительной особенностью единого недвижимого комплекса созданного с помощью технологического способа связи является его «способность выполнять определенную технологическую функцию, качественно отличающуюся от функционального назначения каждой отдельной вещи, образующей данную совокупность» [5]. По сравнению с физической связью, которая наглядна и очевидна, технологическая «сцепка» элементов в целое менее формальна, завуалирована и при разрешении

споров нуждается в доказательствах. Обязанность доказывания наличия функциональной связи как критерия общего назначения лежит на лице, заинтересованном в том, чтобы совокупность недвижимых и движимых вещей была признана единым недвижимым комплексом, на который в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество будет зарегистрировано право собственности на всю совокупность в целом, как на одну недвижимую вещь.

Единый недвижимый комплекс, который представляет собой «сложную совокупность движимых и недвижимых вещей, объединенных, прежде всего, единой технологической целью использования», назван в большинстве цивилистических исследований «технологическим имущественным комплексом недвижимости» [5], а способ связи его элементов, поименованный законодателем в статье 133.1 ГК РФ технологическим, назван учеными «функциональным». Характеристика функционального способа объединения в точности соответствуют описанному выше технологическому способу связи, а потому, анализируя структуру единого недвижимого комплекса, видится возможным уравнивать между собой используемые наукой и практикой определения одного и того же способа.

Примером единых недвижимых комплексов созданных технологической связью могут выступать технологические комплексы автомобильных дорог, железнодорожный технологический комплекс, технологический комплекс воздушного и водного транспорта, технологический комплекс наземного и подземного электрического транспорта, куст скважин в газовом промысле вместе с их обвязкой, внутрипромысловыми трубопроводами и газосборными пунктами, автозаправочные станции, газопроводы, железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы.

Проанализированные выше способы физического и технологического объединения недвижимых и движимых вещей в единый объект имущественного оборота независимы друг от друга, могут существовать в отдельности и использоваться по усмотрению собственников. Однако «не все физи-

чески независимое является юридически самостоятельным» [1, с. 11]. Другими словами, совсем не обязательно, что совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, либо расположенных на одном земельном участке, является единым недвижимым комплексом. Одного «фактического», т.е. физического и технологического, соединения недостаточно. Необходимо «юридическое» соединение нескольких вещей в единое целое, осуществляемое посредством государственной регистрации права собственности на совокупность указанных вещей как на одну недвижимую вещь в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество.

Такое явление названо В.А. Лапачем правовой иммобилизацией, под которой понимается способ юридического скрепления разных видов имущества, которые в своей совокупности приобретают сверхсуммарный эффект: способность выступать в качестве хозяйственного, экономического комплекса [7, с. 384]. Речь идет о том, что в результате правомерных действий (правовых актов) по соединению движимого имущества с объектом недвижимости образуется единая вещь с фактическими свойствами и юридическим статусом недвижимости: движимая вещь приобретает статус недвижимости, соединение двух изначально самостоятельных недвижимых вещей превращает одну из них в принадлежность другой.

Результаты/обсуждение

К.П. Победоносцев указывал: «Вещи принадлежит самостоятельность, когда она не только физически, но и юридически имеет отдельное существование, т.е. может служить предметом отдельного самостоятельного права» [9, с. 97]. Проявления особой правовой связанности вещей в пределах более крупных имущественных образований – комплексов объективно неизбежны и, более того, предопределены необходимостью сохранения цельности таких комплексов при включении их в гражданский оборот в качестве единого объекта гражданских прав – единой недвижимой вещи. Поставленный на государственный учет единый недвижимый комплекс признается в соот-

ветствии с Гражданским кодексом неделимой вещью и является целостным до тех пор, пока он таким образом описан в реестре.

Применяя к единым недвижимым комплексам правила о неделимых вещах, необходимо учитывать, что они становятся вещью, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав. Следовательно, с момента объединения определенной совокупности недвижимых и движимых вещей, составляющих субстрат единого недвижимого комплекса, как самостоятельного объекта прав, общим назначением данная совокупность перестает существовать как набор некоторых элементов, а становится единым объектом, статичным и завершенным. На стадии создания единого недвижимого комплекса изменение его субстрата еще возможно, но в тот момент, когда процесс создания единого объекта уже завершен, «убавление» или «добавление» в созданный объект вещей, определяющих его существенные свойства, будет означать исчезновение одного единого недвижимого комплекса и появление нового. Однако для целей упрощения оборота правовой режим единого недвижимого комплекса должен быть предельно гибким и позволять его собственнику как устанавливать, так и изменять его по собственной инициативе. Иными словами, собственник имущества может не только объединить объекты в единый недвижимый комплекс, но и в последующем прекратить его режим, разделить на составляющие и зарегистрировать право собственности на отдельные элементы, входящие в его состав [6].

Таким образом, диспозитивность, закладываемая в основу конструкции единого недвижимого комплекса, предполагает, что участники гражданских правоотношений свободны в объединении своего имущества в единую недвижимую вещь в любое время, как только они сочтут такое объединение целесообразным. Что же касается императивности, то она прежде всего должна проявляться в установлении обязательного кадастрового учета объединяемых объектов и государственной регистрации прав на воз-

никающий в результате такого объединения комплекс, что направлено прежде всего на стабилизацию имущественного оборота.

Заключения/выводы

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что структура единого недвижимого комплекса представляет собой специфические способы физической, технологической (функциональной) и юридической связи нескольких недвижимых и движимых вещей в целях создания качественно нового объекта гражданских прав – единой недвижимой вещи.

Структура придает единым недвижимым комплексам системность, создавая упорядоченную совокупность взаимосвязанных между собой относительно независимых элементов, образующих единое целое, обладающее свойствами, отсутствующими у элементов, его образующих. Указанная особенность единого недвижимого комплекса несет в себе важное практическое значение, обусловленное тем, что, соединяя и используя совокупность недвижимых и движимых вещей по единому назначению, участники гражданского оборота создают новую хозяйственную единицу, представляющую собой определенное нераздельное благо, наделенное экономической ценностью, которая была бы значительно уменьшена либо утрачена вовсе вследствие разъединения первоначальных объектов.

Библиографический список

1. *Аверченко Н.Н.* Правовой режим сложных вещей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 23.
2. *Аверченко Н.Н.* Правовой режим сложных вещей: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 264.
3. *Болтанова Е.С.* Правовой режим имущественных комплексов энергетического сектора экономики России // Имущественные отношения в Рос. Федерации. 2013. №11. С. 50–62.
4. *Гревцов В.И.* Проблемы теории правового отношения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 82 с.
5. *Димитриев М.А.* Технологические комплексы недвижимого имущества. URL: http://portal-law.ru/articles/ingilteam/Tehnologicheskie_kompleksy_nedvizhimogo_imuwestva/ (дата обращения: 25.06.2014).

6. *Колесникова Ж.А.* В ГК РФ появилось понятие единого недвижимого комплекса. Плюсы и минусы новой конструкции. URL: http://www.advocates.su/netcat_files/userfiles/Kolesnikova.pdf (дата обращения: 21.07.2014).
7. *Лапач В.А.* Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 544 с.
8. *О связи:* Федер. закон Рос. Федерации от 7 июля 2003 г. №126-ФЗ (ред. от 23.06.2014) // Рос. газета. №135. 10 июля. 2003.
9. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут, 2002. (Классика рос. цивилистики). 800 с.
10. *Постановление* ФАС Московского округа от 25.12.2012 по делу №А40-6408/11-145-72 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 340 с.
12. *Чеговадзе Л.А.* Структура и состояние гражданского правоотношения. М.: Статут, 2004. 542 с.
13. *Яковлев В. Ф.* Экономика, право, суд. М., 2003. 596 с.

References

1. *Averchenko N.N.* *Pravovoy rezhim slozhnykh veshchey* [Legal Regime of Difficult Things]: *avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb.*, 2005. 23 p. (In Russ).
2. *Averchenko N.N.* *Pravovoy rezhim slozhnykh veshchey* [Legal Regime of Difficult Things]: *dis. ... kand. yurid. nauk. SPb.*, 2005. 264 p. (In Russ).
3. *Boltanova Ye.S.* *Pravovoy rezhim imushchestvennykh kompleksov energeticheskogo sektora ekonomiki Rossii* [Legal Regime of Property Complexes of the Energy Sector of the Russian Economy] // *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii* – Property relations in the Russian Federation. 2013. №11. С. 50–62. (In Russ).
4. *Grevtsov V.I.* *Problemy teorii pravovogo otnosheniya* [Problems of the Theory of the

- Legal Relationship]. L.: Izd-vo LGU, 1981. 82 p. (In Russ).
5. *Dimitriyev M.A. Tekhnologicheskiye komplekсы nedvizhimogo imushchestva* [Technological Complexes Property]. URL: http://portal-law.ru/articles/ingilteam/Tehnologicheskiye_komplekсы_nedvizhimogo_imushchestva/ (data obrashcheniya: 25.06.2014). (In Russ).
 6. *Kolesnikova Zh.A. V GK RF poyavilos ponyatiye yedinogo nedvizhimogo kompleksa. Plyusy i minusy novoy konstruktssii*. [In the Russian Civil Code Includes the Concept of a Single Real Estate Complex. Pros and Cons of the New Act]. URL: http://www.advocates.su/netcat_files/userfiles/Kolesnikova.pdf (data obrashcheniya: 21.07.2014). (In Russ).
 7. *Lapach V.A. Sistema obyektov grazhdanskikh prav: Teoriya i sudebnaya praktika*. [System Objects of Civil Rights: Theory and Judicial practice.] SPb.: Yurid. tsentr Press. 2002. 544 p. (In Russ).
 8. *O svyazi: Feder. zakon Ros. Federatsii ot 07 iyulya 2003 № 126-FZ* [On the Connection: Federal Law of the Russian Federation of July 07, 2003 №126-FZ] (red. ot 23.06.2014) // *Ros. gazeta.* – Russian Newspaper. №135. 10 July. 2003. (In Russ).
 9. *Pobedonostsev K.P. Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast: Votchinnyye prava*. [Course of Civil Law. The First Part: Patrimonial Rights]. M.: Statut, 2002. (Klassika ros. tsivilistiki) 800 p. (In Russ).
 10. *Postanovleniye FAS Moskovskogo okruga ot 25.12.2012 po delu №A40-6408/11-145-72* [Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District of 25.12.2012 on Case Number A40-6408 / 11 to 145-72] [Elektronnyy resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus». (In Russ).
 11. *Khalfina R.O. Obshcheye ucheniye o pravootnoshenii* [General theory of relationship]. M. Yurid. lit., 1974. 340 p. (In Russ).
 12. *Chegovadze L.A. Struktura i sostoyaniye grazhdanskogo pravootnosheniya* [Structure and the State of Civil Legal Relations] M.: Statut, 2004. 542 p. (In Russ).
 13. *Yakovlev V.F. Ekonomika, pravo, sud*. [Economics, Law, Court]. M., 2003. 596 p. (In Russ).

STRUCTURE OF THE SINGLE REAL ESTATE COMPLEX SYSTEM AS AN ISSUE FOR DEBATE

E.E. Yagunova

Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod National Research University
27, Prospekt Lenina, Nizhniy Novgorod, 603140
e-mail: yagunovakatya@mail.ru

Abstract: The article is intended to investigate the single real estate complex as a system of structurally interconnected elements which due to the integration in a single association form a whole unit, losing their separateness and individuality. The author points out that those elements of a single real estate complex are interconnected with each other through a certain structure.

After analyzing and comparing different viewpoints of jurist scientists on the definition of "structure", the author suggests that revealing the structure of a single real estate complex means to characterize (find out) a connection method as the way of association among the individual elements (immovables and movables) within the whole unit and discover "how" those components interact, forming a single immovable thing.

The author concentrates specifically on the fact that the legislator provides civil turnover participants with two ways to combine things in a single real estate complex: physical and technological ones. As for a physical connection method it assumes that elements are intimately linked within the whole unit and this is achieved with the help of two options: 1) by connecting buildings and other things in order to create one im-

movable thing serving a single purpose; 2) by placement of buildings, structures and other things within a single plot of land for the purpose of fulfilling a single common function. The technological means of connection refers to the union of a complex set of movable and immovable things linked by a single technological aim of using. However, the author strongly believes that "actual", i.e. physical and technological connection is not enough to create the single real estate complex system. The article emphasizes that there must be a "legal" connection of several things into a coherent whole unit. This type of connection is carried out by the state registration of ownership of the totality of these described things as one immovable entity in the unified state register of real estate rights.

The author concludes that the structure of a single real estate complex is a set of specific means of physical, technological (functional) and legal relationship of several immovable and movable things in order to create a brand new object of civil rights - a single immovable thing.

Keywords: a single real estate complex; immovable thing; structure; a set of immovable and movable property things; object of civil rights; technological association of things; legal connection of things

Информация для цитирования:

Ягунова Е.Е. К вопросу о структуре единого недвижимого комплекса // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 141–148.

Yagunova E.E. *K voprosu o strukture yedinogo nedvizhimogo kompleksa* [Structure of the single real estate complex system as an issue for debate] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 141–148. (In Russ).

IV. ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 341.1/8; 349.3

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

С.В. Манджиева

Аспирант кафедры трудового права и социального обеспечения
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, 1
E-mail: smandzhieva@list.ru

Аннотация: в данной статье проведен анализ исторического развития универсальных международных стандартов социального обеспечения. Исследование основных конвенций и рекомендаций Международной организации труда (МОТ) в области социального обеспечения показывает, что вектор их развития менялся в сторону постепенного увеличения сферы охвата населения и защиты минимального гарантированного уровня доходов.

Особое внимание в статье уделено проблемам международных стандартов социального обеспечения на современном этапе, влиянию глобализации. Указано, что ослабление в конце XX века роли государства в реализации социально-экономических прав имело негативные последствия, что привело к необходимости дальнейшего развития международных норм социального обеспечения. Отмечается возросшее значение международных стандартов в современное время в условиях распространения в обществе идей неолитерализма.

Ключевые слова: социальное обеспечение; международные стандарты; Международная организация труда (МОТ); социальное страхование; социальная помощь; минимальный уровень дохода

Введение

Универсальные международные стандарты социального обеспечения являются необходимыми правовыми гарантиями в реализации социально-экономических прав человека. Являясь образцами для национальных правовых систем, они ориентируют законодателя на дальнейшее совершенствование правовых норм. Направление развития международных стандартов определяется, прежде всего, условиями конкретного временного периода. В этой связи исследование международных стандартов социального обеспечения в исторической ретроспективе позволит выявить основные

тенденции их развития и определить актуальность на современном этапе.

Универсальные международные стандарты социального обеспечения до Второй мировой войны

Необходимость регулирования социального обеспечения, как на национальном, так и на международном уровнях, отмечалась еще в начале XIX века. В данный период в странах Европы наблюдалось бурное развитие промышленности и, как следствие, появление большого количества наемных работников. Согласно господствовавшей в то время классической экономической теории, государство не должно было вмешиваться в экономическую жизнь общества (принцип «laissez-faire»), поскольку это могло негативно повлиять на свободную

торговлю и конкуренцию. Однако отсутствие должного регулирования труда и социального обеспечения вызывало беспокойство как отдельных ученых-экономистов и социологов, так и целых государств, поскольку положение рабочих противоречило не только идеям гуманизма, но и могло привести к политической нестабильности. Во второй половине XIX века были проведены первые международные конференции, посвященные рабочему вопросу. Важным итогом данных встреч стало создание Международной Ассоциации по правовой защите работников (International Association for the Legal Protection of Workers), в которую вошли Франция, Австрия, Швейцария, Бельгия и др. В результате деятельности данной организации в 1906 году были приняты две конвенции, запретившие использование в промышленности женского труда в ночное время, а также применение ядовитых химических веществ на спичечном производстве.

Дальнейшее развитие универсальных международных стандартов связано с деятельностью Международной организации труда, которая была основана Версальским договором 28 июня 1919 года. Согласно Конституции МОТ, ее приоритетной задачей стало достижение социальной справедливости в целях мирового порядка. Добиться этого не представлялось возможным без установления гуманных условий труда и социального обеспечения работников. С момента создания МОТ и до начала Второй мировой войны было принято 15 конвенций и 11 рекомендаций по социальному обеспечению, которые касались прежде всего социального страхования. Ранее во многих индустриальных странах сами работники в лице профсоюзов создавали кассы взаимопомощи, больничные кассы, которые финансировались за счет их взносов, и действовали на добровольных началах. С принятием первых конвенций социальное страхование стало обязательным и охватило большинство категорий работников. Однако у государств оставались широкие полномочия по исключению определенных групп работающего населения из числа застрахованных лиц, например, если работа имела

кратковременный характер или была дополнительной. Большинство конвенций не распространялись на моряков и лиц, занятых в рыболовном хозяйстве.

Довоенные конвенции и рекомендации подразделялись в зависимости от вида страхового риска, среди которых можно выделить такие, как наступление старости или инвалидности, безработица, временная нетрудоспособность, рождение ребенка и др. В зависимости от вида страхового риска устанавливались условия предоставления пенсий и пособий, основания для приостановки и прекращения выплат. В ряде конвенций прямо указаны предельные параметры для назначения пенсий или пособий. Так, пенсионный возраст не должен был превышать шестидесяти пяти лет, период уплаты страховых взносов при получении пенсии по инвалидности ограничивался 60 месяцами или 250 неделями [6]. Интерес представляет вопрос о сумме социальных выплат. В довоенных конвенциях указываются обстоятельства, которые могут повлиять на ее величину, например продолжительность страхового стажа или предыдущая заработная плата, однако отсутствует точный размер пенсий и пособий или конкретный способ его определения. Указывается только на необходимость удовлетворения основных нужд застрахованного лица. При этом в некоторых рекомендациях размер социальной выплаты уточняется: в случае наступления полной нетрудоспособности вследствие производственной травмы предполагаемая сумма пособия составляла $\frac{2}{3}$ прежнего годового заработка застрахованного лица [12]. Что касается финансирования систем социального страхования, то, согласно международным договорам, страховые взносы должны были уплачивать как работники, так и работодатели. При этом государства могли освободить от данной обязанности работников, не достигших определенного возраста, работников с невысокой заработной платой, а также лиц, чей труд оплачивался в натуре. Стоит указать на то, что из государственного бюджета дополнительно уплачивались страховые

взносы в отношении застрахованных лиц, занятых неквалифицированным трудом.

Особое внимание довоенные международные стандарты уделяли сфере управления страховыми средствами. В частности, только некоммерческие организации, одобренные соответствующими государственными органами, могли осуществлять подобную деятельность. Кроме того, в данных целях могли создаваться государственные страховые фонды, но при обязательном отделении страховых взносов от средств государственного бюджета. В управлении страховых фондов в обязательном порядке должны были участвовать представители застрахованных лиц, тогда как вопрос о представителях работодателя и государства был отнесен к компетенции государства, ратифицировавшего конвенцию.

Таким образом, несмотря на то, что довоенные конвенции в современное время утратили силу, они, безусловно, сыграли большую роль в становлении и развитии системы универсальных международных стандартов, так как заложили фундамент социального страхования и определили основные параметры страховых выплат.

Универсальные международные стандарты социального обеспечения после Второй мировой войны

Следующая веха в развитии международных стандартов социального обеспечения связана с началом второй мировой войны. Экономический спад, высокий уровень бедности, необходимость в восстановлении экономики – все это требовало кардинального пересмотра сферы социального обеспечения на международном уровне. В Филладельфийской Декларации МОТ 1944 года фундаментальным принципом была провозглашена борьба против нужды. В целях реализации данного положения международные стандарты должны были ориентироваться на защиту всего населения, а не только наемных работников, гарантируя базовый доход и медицинскую помощь.

Большое влияние на развитие социального обеспечения в этот период оказали идеи английского экономиста Уильяма Бе-

вериджа. Автор выступал за создание всеобъемлющей системы социального обеспечения, которая бы гарантировала доход каждому человеку от «колыбели до могилы». В этих целях У. Беверидж разделил все население на группы, которые состояли из наемных работников, самозанятых лиц, домохозяек, лиц, не осуществляющих какую-либо оплачиваемую деятельность, лиц, ниже трудоспособного возраста и старше пенсионного возраста [4, с. 848]. Каждая из этих групп имела право получать соответствующие виды пенсий и пособий, которые финансировались преимущественно из средств страховых фондов. При этом размеры социальных выплат, по мнению автора, должны были соответствовать установленному минимуму. Основным недостатком существующей системы социального обеспечения У. Беверидж считал отсутствие необходимых мер по защите лиц с семейными обязанностями. Так, доходы человека, на содержании которого находилось несколько иждивенцев, не могли обеспечить основные потребности его семьи, поэтому У. Беверидж предложил широкую систему семейных пособий, выплачиваемых из средств государственной казны. Автор также допускал наличие незначительной доли населения, которая могла оказаться за пределами системы социального страхования. Для данной группы предусматривалась развитая система государственной социальной помощи, предоставляемой в случае, когда доходы лиц оказывались меньше предусмотренного минимума.

Важным этапом в развитии международных стандартов социального обеспечения стало принятие Конвенции №102 «О минимальных стандартах социального обеспечения» 1952 года, которая объединила основные виды социального обеспечения в единую систему и установила минимальные уровень обеспеченности социальными благами. Следует обратить внимание на то, что данный международный договор, устанавливая определенные величины социальных выплат, предоставил государствам широкий выбор вариантов их реализации через различные организационно-правовые фор-

мы социального обеспечения. Дальнейшее развитие международных стандартов связано с принятием конвенций, предоставляющих более высокий уровень защиты населения от социальных рисков путем увеличения размеров социальных пособий, продолжительности их выплаты.

Таким образом, универсальные международные стандарты, принятые после Второй мировой войны, оказали значительное влияние на развитие социального обеспечения, расширив сферу охвата и обеспечив население минимальными доходами соразмерными с идеей достойного уровня жизни.

Обсуждения

В современный период глобализация влияет на все сферы жизни общества, в том числе на экономику, политику, право, науку, культуру. В связи с этим вопрос о дальнейшем развитии универсальных международных стандартов приобретает особую актуальность. Развитие мировой экономики повлияло на укрепление торговых отношений между странами. Однако государства, соблюдающие международные нормы труда и социального обеспечения, оказались в более невыгодном экономическом положении по сравнению с другими в силу высоких издержек на рабочую силу. Это послужило основанием рассматривать международные стандарты в качестве факторов, препятствующих экономическому росту и подвергающих опасности свободную конкуренцию. В этой связи довольно часто ставится под сомнение значение международных норм и обосновываются предложения о целесообразности использования средств «мягкого права». Однако следует согласиться с суждением о том, что, только полагаясь на средства «мягкого права» и уменьшая обязательную силу стандартов социального обеспечения, нельзя надеяться на их широкое применения. Меры убеждения и примирительные процедуры не будут работать, пока отсутствуют соответствующие санкции [5, с. 274]. Кроме того, влияние универсальных международных стандартов на экономику нельзя назвать одно-

значно негативным. Обладая определенным уровнем дохода, соответствующим международным нормам, население сохраняет покупательскую способность, что имеет особое значение в периоды экономических кризисов. Это подтвердил последний экономический кризис 2008–2009 годов, поскольку страны с более развитыми системой социального обеспечения оказались экономически более готовыми к преодолению его последствий.

Рассматривая развитие социального обеспечения в современный период, стоит обратить внимание на то, что в 90-е годы, роль государства как главного гаранта социально-экономических прав значительно снизилась. Получила широкое распространение практика приватизации социального обеспечения. Государственные системы социального страхования передавались в «частные руки», программы с установленными выплатами заменялись программами с установленными взносами, в которых размер социальных выплат зависит преимущественно от результатов инвестирования. В области медицины расходы перекладывались на получателя услуг, несмотря на положение Конвенции №102, допускающей взносы с застрахованного лица только в том случае, если они не являются слишком обременительными для него. Неблагоприятная социально-демографическая ситуация во многих экономически развитых странах в обществе привела к необходимости ужесточить условия получения социальных выплат. Таким образом, в конце XX – начале XIX века риски в сфере социального обеспечения стали в большей степени перекладываться на самих застрахованных лиц. При этом уровень бедности по-прежнему оставался довольно высоким.

В целях борьбы против нуждаемости была разработана программа по развитию социального обеспечения, получившая официальное оформление в Рекомендации МОТ №202 «О минимальных уровнях социальной защиты» 2012 года. В данном акте предусматривается создание всеобъемлющей системы основных социальных гарантий, обеспечивающих защиту, направлен-

ную на предотвращение или сокращение масштабов бедности, незащищенности и социальной изоляции [2]. Данная цель должна реализовываться путем расширения сферы охвата населения социальным обеспечением (совершенствование по горизонтали) и увеличение размеров социальных выплат (совершенствование по вертикали).

В первом случае национальные законодатели должны ориентироваться на наиболее незащищенные группы населения и лиц с особыми потребностями, которые оказались лишенными полностью или в значительной части социальных благ. Во многом данная проблема связана с «гибкостью» самих международных стандартов. Сущность этого механизма международно-правового регулирования заключается в том, государство имеет право принять только те нормы, которые на данный момент оно может реализовать с учетом экономических возможностей. В результате определенные категории населения могут быть исключены из системы социального обеспечения. Наиболее часто из национальной системы социального страхования «выпадают» индивидуальные предприниматели, надомники, лица, занятые в сельском хозяйстве. Кроме того, в современный период в неформальном секторе экономики занято большое количество работников, за которых не уплачиваются страховые взносы, хотя в отдельных случаях даже их уплата не гарантирует социальную защиту. Так, временные, частично-занятые и другие категории работников из-за отсутствия необходимого страхового стажа либо вообще не приобретают права на страховые выплаты, либо их размер настолько мал, что фактически право на страховую пенсию не реализуется.

Согласно рекомендации №202, данные категории работающих лиц должны быть обеспечены минимальными гарантированными доходами и доступом к медицинским услугам. Следует указать, что данный подход нашел успешное практическое применение в законодательствах различных государств. В качестве примера можно привести программы Bolsa Familia в Бразилии, National Old Age Pension (NAOP) в Индии, Opor-

tunidades в Мексике. Данные программы ориентированы на поддержку доходов нуждающихся лиц преимущественно через прямые денежные трансферты, а также предусматривают меньшие размеры страховых взносов для наиболее уязвимых категорий работников.

В связи с расширением масштабов неформальной занятости в последние два десятилетия возникла необходимость дальнейшего совершенствования универсальных международных стандартов. Конвенции и рекомендации в сфере социального обеспечения, устанавливающие важнейшие стандарты, были приняты более полувека назад, что вызывает вопросы об их соответствии современной действительности. Так, большинство конвенций МОТ исходят из заработка «типичного работника», которым являлся неквалифицированный работник, занятый в промышленности. На момент принятия данных конвенций подобная характеристика была обоснована. Но насколько определение «типичного работника» актуально сегодня, остается открытым. Аналогичную критику можно высказать и в адрес понятия «стандартного получателя» социальных выплат. Насколько соответствует современным реалиям понимание под «стандартным получателем» мужчины, имеющего жену и двоих детей?

Выводы

Таким образом, в историческом развитии универсальных международных стандартов социального обеспечения можно выделить две основные тенденции: постепенное расширение сферы охвата населения социальным обеспечением; увеличение размера социальных выплат до минимального установленного уровня.

Критикам, утверждающим, что международные стандарты безнадежно устарели, можно ответить следующее. Во-первых, они не настолько «устарели», что вообще не должны применяться международным сообществом государств – членом МОТ. Возможно, они «отстали» от социально-экономической ситуации в развитых странах Европы, но для многих стран Азии, Африки и Латинской Америки они остаются ориентирами, к которым надо стремиться.

Во-вторых, они позволяют противостоять агрессивным теоретикам неолиберализма, требующим сворачивания государственной системы социального обеспечения в связи со слишком высокими затратами, и гарантируют минимальный уровень социальных прав [8, с. 131].

Библиографический список

1. *О минимальных нормах социального обеспечения* [Электронный ресурс]: Конвенция МОТ №102 от 28 июня 1952 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *О минимальных уровнях социальной защиты: рекомендация МОТ №202 от 30 мая 2012 г.* URL:http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_r202_ru.pdf (дата обращения: 03.08.2014).
3. *Относительно целей и задач Международной организации труда* [Электронный ресурс]: Декларация МОТ от 10 мая 1944 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. *Beveridge William. Social Insurance and Allied Services.* 1942. P. 847–855. URL: <http://www.scielosp.org/pdf/bwho/v78n6/v78n6a17.pdf> (дата обращения: 3.08.2014).
5. *Hepple Bob. Labour Law and Global Trade.* Hart Publishing, Oxford. 2005. P. 274.
6. *Invalidity Insurance Convention №37.* 1933. URL:http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312182:NO (дата обращения: 03.08.2014).
7. *Old-Age Insurance Convention №35.* 1933. URL:http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312180 (дата обращения: 03.08.2014).
8. *Pennings Frans. International Social Security Standards. Social Europe Series, Vol. 14.* Intersentia, 2007. P. 131.
9. *Servais Jean-Michel. International Social Security.* Wolters Kluwer, 2013. P. 134.
10. *Social security and the rule of law. Report of the Committee of Experts on the Application of the Conventions and Recommendations // General Survey Concerning social security instruments in light of the 2008 Declaration on Social Justice for a Fair Globalization.* 2011. P. 5–67.
11. *Workmen's Compensation (Accidents) Convention №17.* 1925. URL:http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312162:NO (дата обращения: 03.08.2014).
12. *Workmen's Compensation (Minimum Scale) Recommendation № 22.* 1925. URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312360:NO (дата обращения: 03.08.2014).

References

1. *O minimalnykh normakh sotsialnogo obespecheniya* [About the minimum norms of social security] [Elektronnyy resurs]: *Konventsia MOT №102 ot 28 iyunya 1952 g.* – The convention of the ILO №102 of June 28, 1952. Dostup iz sprav.-pravovoy si-stemy «KonsultantPlyus». (In Russ).
2. *O minimalnykh urovnyakh sotsialnoy zashchity: rekomendatsiya MOT №202 ot 30 maya 2012 g.* [About minimum levels of social protection: the recommendation of the ILO No. 202 of May 30, 2012] URL:http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_r202_ru.pdf (data obrashcheniya: 03.08.2014). (In Russ).
3. *Otnositelno tseley i zadach Mezhdunarodnoy organizatsii truda* [Concerning the purposes and tasks of the International Labour Organization]. [Elektron-nyy resurs]: *Deklaratsiya MOT ot 10 maya 1944 g.* – The declaration of the ILO of May 10, 1944.. Dostup iz sprav.-pravovoy si-stemy «KonsultantPlyus». (In Russ).
4. *Beveridge William. Social Insurance and Allied Services.* 1942. P. 847–855. URL: <http://www.scielosp.org/pdf/bwho/v78n6/v78n6a17.pdf> (data obrashcheniya: 3.08.2014).
5. *Hepple Bob. Labour Law and Global Trade.* Hart Publishing, Oxford. 2005. P. 274.

6. Invalidity Insurance Convention №37. 1933. URL:http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312182:NO (data obrashcheniya: 03.08.2014).
7. Old-Age Insurance Convention №35. 1933. URL:http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:P12100_INSTRUMENT_ID:312180 (data obrashcheniya: 03.08.2014). (In Eng).
8. *Pennings Frans*. International Social Security Standards. Social Europe Series, Vol. 14. Intersentia, 2007. P. 131. (In Eng).
9. *Servais Jean-Michel*. International Social Security. Wolters Kluwer, 2013. P. 134. (In Eng).
10. Social security and the rule of law. Report of the Committee of Experts on the Application of the Conventions and Recommendations // General Survey Concerning social security instruments in light of the 2008 Declaration on Social Justice for a Fair Globalization. 2011. P. 5–67. (In Eng).
11. Workmen's Compensation (Accidents) Convention №17. 1925. URL:http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312162:NO (data obrashcheniya: 03.08.2014). (In Eng).
12. Workmen's Compensation (Minimum Scale) Recommendation №22. 1925. URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312360:NO (data obrashcheniya: 03.08.2014). (In Eng).

DEVELOPMENT OF UNIVERSAL INTERNATIONAL SOCIAL SECURITY STANDARDS

S.V. Mandzhieva

Moscow State University
Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991
E-mail: smandzhieva@list.ru

Abstract: in this article historical development of the universal international social security standards is analyzed. Research of the main International Labour Organization (ILO) conventions and recommendations in the field of social security shows that there is a tendency towards extension social security coverage and protection of minimum income.

Special attention is focused on the problems of the international social security standards in modern times, the influence of globalization. It is pointed at the end of XX century the decrease of state role in realization of social and economic rights had negative results. It led to further development of the international social security norms. It is noted the increased importance of the international standards in modern times under the proliferation of the neoliberalism in the society.

Keywords: social security; international standards; International labour organization; social insurance; social assistance; social security coverage; minimum income

Информация для цитирования:

Манджиева С.В. Становление и развитие универсальных международных стандартов социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 149–155.

Mandzhieva S.V. Stanovleniye i razvitiye universalnykh mezhdunarodnykh standartov sotsialnogo obespecheniya [Development of universal international social security standards] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 149–155. (In Russ).

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЫ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ТРУДОВОГО ПРАВА РОССИИ

С.В. Шуралева

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры трудового и международного права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: shura_leva@rambler.ru

Аннотация: **Введение:** в статье рассматриваются проблемы регулирования коллизионных трудовых отношений в связи с появлением в трудовом законодательстве России трудового договора о дистанционной работе. **Цель:** исследовать возможности коллизионных норм отечественного трудового права при регулировании дистанционной работы, осложненной иностранным элементом, выявить возможные пробелы в праве, предложить способ их устранения. **Методы:** методологическую основу исследования составляют: всеобщие, общенаучные методы познания, а также специальные методы юридических наук: системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой. **Результаты:** трудовое законодательство России под влиянием глобализации развивается в направлении расширения видов нетипичных трудовых договоров. Подтверждением тому служит, в частности, глава 49.1 Трудового кодекса РФ «Особенности труда дистанционных работников». Легализация дистанционной работы еще раз подчеркивает необходимость формирования полноценной системы коллизионных привязок в трудовом законодательстве России. Ведь трудовой договор о дистанционной работе не исключает иностранный элемент. При этом возникает вопрос о применимом праве.

Следует поддержать выводы отечественных правоведов о том, что положения статьи 11 Трудового кодекса РФ в совокупности со специальными нормами, действующими в отношении работников дипломатических представительств и консульских учреждений, а также членов экипажей судов торгового мореплавания, в полной мере не позволяют урегулировать трудовые отношения с иностранным элементом. В российской юридической науке в качестве основной коллизионной привязки при регулировании коллизионных трудовых отношений предлагается закон места работы (*lex loci laboris*). Однако специфика дистанционной работы не всегда позволяет эффективно использовать данный принцип.

В свою очередь принцип автономии воли сторон (*lex voluntatis*) позволил бы сторонам трудового договора о дистанционной работе более гибко регулировать трудовые правоотношения, однако при этом не учитывается необходимость защиты работника как более слабой стороны. **Выводы:** предлагается система коллизионных привязок, учитывающая специфику дистанционной работы.

Ключевые слова: дистанционная работа; глобализация; глобальный рынок труда; трудовое право России; *lex loci laboris*; *lex voluntatis*; *lex loci contractus*

Введение

Появление в трудовом законодательстве России правил о дистанционной работе поставило перед практическими работника-

ми и научным сообществом комплекс вопросов, требующих обсуждения и решения. В статье рассматриваются некоторые проблемы правового регулирования трудовых отношений, основывающихся на трудовом договоре о дистанционной работе с иностранным элементом.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №14-03-00318

Глобализация рынков труда и дистанционная работа

Трудовое законодательство России под влиянием глобализации развивается в направлении расширения видов нетипичных трудовых договоров. Подтверждением тому служит, в частности, глава 49.1 Трудового кодекса РФ «Особенности труда дистанционных работников». Ведь право должно адекватно отражать социальную реальность. А она в современном мире во многом определяется глобализацией.

Существует множество определений глобализации. Для целей настоящей статьи можно принять за основу следующее: глобализация в самом общем смысле означает усиливающуюся интеграцию экономик и обществ во всем мире. Глобализация – это неизбежное явление в истории человечества, заключающееся в том, что мир в результате обмена товарами и продуктами, информацией, знаниями и культурными ценностями становится более взаимосвязанным. Однако за последние десятилетия темпы этой глобальной интеграции стали гораздо более высокими и впечатляющими благодаря беспрецедентным достижениям в таких сферах, как технологии, средства связи, наука, транспорт и промышленность [11].

Под глобализацией также понимаются одновременные преобразования в области экономики, политики и культуры, сдвиг парадигмы или системные изменения, которые выражаются в появлении глобальных рынков, повышении уровня иммиграция и т.д. Главной движущей силой таких изменений выступают технологии [12, р. 1].

Влияние глобализации на рынок труда прослеживается по следующим направлениям: мировая торговля и прямые иностранные инвестиции; миграция рабочей силы; информационно-коммуникационные технологии [2, с. 346].

Отечественными экономистами выделяется такая тенденция глобализации рынка труда, как его виртуализация. Под виртуальным глобальным рынком труда они понимают «систему отношений купли-продажи рабочей силы между работода-

телями и работниками в виртуальной среде. Она имеет определенную структуру, состоящую из целостной системы элементов: субъектов (индивидов и организаций), отношений и связей между ними, взаимодействующих в особенном, виртуальном, пространстве (среде). В частности, индивид (наемный работник) на рынке труда осуществляют свою деятельность не в рыночной среде, а в виртуальной реальности» [3].

Применительно к проблематике настоящей статьи представляются интересными экономические выводы о сложившейся дистанционной занятости на рынке труда, которая не имеет характерных границ; о том, что на основе компьютерных технологий меняется содержание понятия «рабочее место»; о формировании особого профессионального сегмента рынка труда – «виртуальных воротничков». Виртуализация затрагивает миграционные процессы: значительные масштабы приобретают технологии использования знаний и навыков специалистов без их физического перемещения через границу [3].

Виртуализация глобального рынка труда, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий сделали возможным появление в различных странах мира дистанционной работы как экономического, правового и в какой-то степени культурного явления. Если с экономических позиций достоинства и недостатки дистанционной работы более или менее универсальны, то юридическое оформление правил о дистанционной работе в каждом государстве имеет свою специфику. Например, даже по вопросам терминологии и дефиниции дистанционной работы законодательство Великобритании, Венгрии, Германии, Испании, Италии, Перу, США, Чили, Японии далеко не однородно [10, с. 146-147].

Дистанционная работа с иностранным элементом: некоторые проблемы правового регулирования

В соответствии со ст. 312.1 ТК РФ, основными признаками дистанционной работы являются: во-первых, выполнение трудо-

вой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, обособленного структурного подразделения, вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя; во-вторых, использование для выполнения трудовой функции и для взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет [9]. Такая трактовка не исключает иностранный элемент, который может проявиться в субъектном составе, в объекте правоотношения, в юридических фактах.

Наличие иностранного элемента в частноправовом (в т.ч. трудовом) отношении и различное содержание частного права разных государств, с которыми отношение связано, порождают коллизию права. Среди способов ее урегулирования одним из основных называют коллизионно-правовую, сущность которого заключается в выборе компетентного правопорядка для разрешения дела. В области трудовых отношений сложились следующие основные коллизионные принципы: принцип автономии воли (*lex voluntatis*), закон места работы (*lex loci laboris*), закон местонахождения работодателя, закон флага судна (*lex flagi*), личный закон работодателя (физического или юридического лица (*lex personalis* или *lex socialis*), закон страны заключения контракта о найме (*lex loci contractus*) [5, с. 16, 547–548].

В отсутствие универсальных или региональных конвенций, содержащих коллизионные предписания в сфере трудового права, обязательные для России, возникает вопрос о достаточности соответствующих коллизионных норм в отечественном законодательстве.

В ч. 5 ст. 11 Трудового кодекса РФ указано, что на территории РФ правила, установленные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, распространяются на трудовые отношения с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, органи-

заций, созданных или учрежденных иностранными гражданами, лицами без гражданства либо с их участием, международных организаций и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором РФ. Указание «если иное не предусмотрено федеральным законом», казалось бы, свидетельствует в пользу применения по аналогии раздела VI «Международное частное право» части 3 Гражданского кодекса РФ. Однако, как показывает анализ статей 1186–1194 части 3 Гражданского кодекса РФ, нормы, содержащиеся в них, применяются для регулирования лишь гражданско-правовых отношений с иностранным элементом.

Что же касается международных договоров, то в качестве примеров можно привести Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам, подписанный в Варшаве 16 сентября 1996 г., (далее – Договор с Республикой Польша) [7], а также Договор между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам, подписанный в Улан-Баторе 20 апреля 1999 г. (далее – Договор с Монголией) [8].

В ч. 1 ст. 44 Договора с Республикой Польша предусмотрено право сторон трудового договора выбрать законодательство, регулирующее их трудовые отношения, т.е. действует принцип *lex voluntatis*. Согласно ч. 2 данной статьи, если законодательство не выбрано, то возникновение, изменение, прекращение (расторжение) трудового договора и вытекающие из него претензии регулируются законодательством Договаривающейся Стороны, на территории которой выполняется, выполнялась или должна была выполняться работа (принцип *lex loci laboris*). Если работник выполняет работу на территории одной Договаривающейся Стороны на основании трудового договора с предприятием, находящимся на территории другой Договаривающейся Стороны, возникновение, изменение, прекращение (рас-

торжение) трудового договора и вытекающие из него претензии регулируются законодательством этой Договаривающейся Стороны (несмотря на некоторую двусмысленность, речь, по-видимому, все же идет о применении права Договаривающейся Стороны, на территории которой находится предприятие-работодатель). Аналогичные нормы предусмотрены и в ст. 26 Договора с Монголией.

Специальные правила предусмотрены главой 53 Трудового кодекса РФ для работников, направляемых на работу в дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации, а также в представительства федеральных органов исполнительной власти и государственных учреждений Российской Федерации за границей. В соответствии с ч. 1 ст. 416 Кодекса торгового мореплавания РФ, правовое положение членов экипажа судна и связанные с эксплуатацией судна отношения между членами экипажа судна определяются принципом *lex flagi*.

Необходимо солидаризироваться с М.В. Лушниковой в том, что положения ст. 11 ТК РФ, основанной на критериях территориальности и национального режима, и упомянутые специальные нормы в полной мере не позволяют урегулировать трудовые отношения с иностранным элементом [6].

В отечественной юридической науке существуют наработки, предлагающие варианты регулирования коллизионных трудовых отношений, актуальные и поныне. Так, например, в проекте закона о международном частном праве и международном гражданском процессе (ст. 32), разработанном в 1989–1990 гг. ВНИИСЗ (не был принят), в качестве основной коллизионной привязки предложено рассматривать *lex loci laboris* (право страны, в которой (полностью или преимущественно) осуществляется работа, если в трудовом договоре не установлено иное) [4, с. 472]. Указанный принцип в качестве основного используется и М.А. Андриановой [1, с. 13].

Вместе с тем при выполнении работы дистанционно могут возникнуть проблемы с определением места, где полностью или

преимущественно выполняется работа. Как уже было отмечено ранее, одним из признаков дистанционной работы в отечественном законодательстве является выполнение работы вне места нахождения работодателя, вне *стационарного* рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя. Таким образом, «нестационарное» рабочее место может оперативно перемещаться из домашних помещений работника, в его личный транспорт, в общественные места (кафе, библиотека, вуз, парк, пляж и т.д.) в любой точке земного шара.

Важно учесть и следующее обстоятельство. Как было отмечено выше, под воздействием компьютерных технологий трансформируется представление о рабочем месте. В соответствии с «традиционным» пониманием, рабочее место – это место, где работник должен находиться или куда ему необходимо прибыть в связи с его работой и которое прямо или косвенно находится под контролем работодателя (ст. 209 Трудового кодекса РФ). Но здесь не учитываются случаи, когда рабочее место становится всего лишь точкой доступа в виртуальное пространство, где и осуществляется собственно трудовая функция (например, администрирование системным администратором из России, временно находящимся в Тайланде, сайта шведской компании). Таким образом, использование принципа *lex loci laboris* в качестве основной коллизионной привязки для регулирования труда дистанционных работников представляется не вполне эффективным.

Относительно принципа *lex voluntatis* следует отметить, что в юридической литературе допускается его ограниченное применение в трудовых отношениях с участием иностранцев при условии соблюдения письменной формы выбора сторонами права, при наличии тесной связи выбранного сторонами закона с трудовым контрактом. При этом сторонам трудового договора должно быть позволено подчинять элементы содержания трудового договора системам разных стран [1].

Применительно к дистанционной работе использование принципа *lex voluntatis* в качестве основного, с одной стороны, могло бы способствовать гибкости правового регулирования, что, наверное, соответствует современным потребностям потенциальных дистанционных работников и их работодателей. С другой стороны, при абсолютизации «возможностей» принципа автономии воли не учитываются неравенство сторон трудового договора и необходимость защиты работника как более слабой стороны.

Представляется небезынтесным рассмотреть принцип *lex loci contractus*, который означает применение к трудовым отношениям права той страны, где заключен трудовой договор. В соответствии со ст. 312.2 Трудового кодекса РФ, место заключения трудового договора о дистанционной работе, соглашений об изменении определенных сторонами условий данного договора всегда известно: оно совпадает с местом нахождения работодателя. Если местом нахождения работодателя является РФ, то, в соответствии с ч. 5 ст. 11 Трудового кодекса РФ, к трудовым отношениям, возникающим из трудового договора о дистанционном труде, применяется российское трудовое право.

Выводы

Норма ч. 5 ст. 11 Трудового кодекса РФ в современной редакции предполагает возможность отклонения от территориального принципа, путем установления иных правил не только в международном договоре, но и в законодательстве. Это дает возможность законодателю учесть особенности нетипичных трудовых отношений, в частности, опосредованных договором о дистанционной работе.

Специфика дистанционной работы делает использование принципа *lex loci laboris* в качестве основной коллизионной привязки для регулирования труда дистанционных работников не вполне эффективным. Принцип *lex voluntatis* будет способствовать гибкости трудовых отношений, но однако его абсолютный приоритет не позволяет защи-

тить работника как более слабую сторону трудового отношения. Вместе с тем он может быть использован в качестве дополнения к принципу *lex loci contractus* или принципу местонахождения работодателя.

Таким образом, основное содержание коллизионно – правового регулирования применительно к дистанционной работе можно сформулировать, например, так: трудовой договор о дистанционной работе подчиняется праву страны, где заключен данный договор (или праву местонахождения работодателя), если указанным договором не предусмотрено иное. Выбор сторонами трудового договора о дистанционной работе иного применимого права может быть прямо выражен в трудовом договоре, как в момент его заключения, так и во время его действия. Изменение условия о выборе права, применимого к трудовому отношению, осуществляется с соблюдением письменной формы. Несоблюдение письменной формы означает отсутствие условия о выборе (или изменении выбора) сторонами применимого права. Допускается выбор применимого права к различным частям трудового договора о дистанционной работе. Выбор права, применимого к трудовому договору о дистанционной работе, не должен ухудшать положение работника по сравнению с обязательными нормами права той страны, которые применялись бы в случае отсутствия выбора.

Высказанные предложения имеют дискуссионный характер и нуждаются в обсуждении.

Библиографический список

1. Андрианова М.А. Правовое регулирование трудовых отношений с участием иностранцев в системе международного частного и трудового права России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 164 с.
2. Байджолова Р. Повышение эффективности государственного регулирования национального рынка труда в условиях глобализации // Актуальні проблеми економіки. 2012. №10. С. 344–352.
3. Безруков Д.А. Глобализация рынка труда: основные тенденции развития: авто-

- реф. дис. ...канд. экон. наук. Саратов, 2009. URL: <http://economy-lib.com/globalizatsiya-rynka-truda-osnovnyetendentsii-razvitiya> (дата обращения: 25.06.2014).
4. *Богуславский М.М.* Международное частное право: учебник. М., 2006. 606 с.
5. *Дмитриева Г.К.* Понятие международного частного права // *Междунар. частное право: учебник* / отв. ред. Г.К. Дмитриева. М., 2008. 688 с.
6. *Лушникова М.В.* Коллизийный метод регулирования трудовых отношений с иностранцами // *Законодательство и экономика*. 2008. №7.
7. *Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам* (подписан в г. Варшаве 16.09.1996) // *Бюл. междунар. договоров*. 2002. №5. С. 56–86.
8. *Договор между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам* (подписан в г. Улан-Баторе 20.04.1999) // *Бюл. междунар. договоров*. 2008. №9. С. 67–91.
9. *Трудовой кодекс Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 дек. 2001 г. №197-ФЗ (ред. от 02.04.2014, с изм. от 04.06.2014). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. *Шабанова М.А.* Особенности правового регулирования нетипичных трудовых договоров: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2008. 210 с.
11. *Глобализация*. URL: <http://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml> (дата обращения: 25.06.2012).
12. *Cazdyn E., Szeman I.* After Globalization. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2011. 237 p. URL: http://www.crculturalstudies.ca/file_download/49/C%26S.pdf (дата обращения: 25.06.2014).
1. *Andrianova M.A.* *Pravovoye regulirovaniye trudovykh otnosheniy s uchastiyem inostrantsev v sisteme mezhdunarodnogo chastnogo i trudovogo prava Rossii* [Legal Regulation of the Employment Relationships with the Participation of Foreigners in the Russian Private International Law and Labor Law]: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2002. 164 s. (In Russ).
2. *Baydzholova R.* *Povysheniye effektivnosti gosudarstvennogo regulirovaniya natsionalnogo rynka truda v usloviyakh globalizatsii* [Improving the Efficiency of National Labor Market Governing in the Context of Globalization] // *Aktualni problemi yekonomiki* – Actual Problems of the Economy. 2012. №10. С. 344–352. (In Russ).
3. *Bezrukov D.A.* *Globalizatsiya rynka truda: osnovnyye tendentsii razvitiya* [Globalization of the Labor Market: the Trends]: avtoref. dis. ...kand. ekon. nauk. Saratov, 2009. URL: <http://economy-lib.com/globalizatsiya-rynka-truda-osnovnyetendentsii-razvitiya> (data obrashcheniya: 25.06.2014). (In Russ).
4. *Boguslavskiy M.M.* *Mezhdunarodnoye chastnoye pravo: uchebnik* [Private international law: textbook]. M., 2006. 606 с. (In Russ).
5. *Dmitriyeva G.K.* *Ponyatiye mezhdunarodnogo chastnogo prava* [The Definition of Private International Law] // *Mezhdunar. chastnoye pravo: uchebnik* – Private International Law: textbook / отв. red. G.K. Dmitriyeva. M., 2008. 688 с. (In Russ).
6. *Lushnikova M.V.* *Kollizionnyy metod regulirovaniya trudovykh otnosheniy s inostrantsami* [Collision Method in Regulation of Labor Relations with Aliens] // *Zakonodatelstvo i ekonomika* – Legislation and Economy. 2008. №7. (In Russ).
7. *Dogovor mezhdu Rossiyskoy Federatsiyey i Respublikoy Polsha pravovoy pomoshchi i pravovykh otnosheniyakh po grazhdanskim i ugolovnym delam* [The contract between the Russian Federation and the Republic of Poland of legal aid and legal relations on civil and criminal cases] (podpisan v g. Varshave 16.09.1996) // *Byul. mezhdunar. dogovorov* – Bulletin of international treaties. 2002. №5. S. 56–86. (In Russ).

References

8. *Dogovor mezhdru Rossiyskoy Federatsiyei i Mongoliyei o pravovoy pomoshchi i pravovykh otnosheniyakh po grazhdanskim i ugovnym delam* [The contract between the Russian Federation and Mongolia about legal aid and legal relations on civil and criminal cases] (podpisan v g. Ulan-Batore 20.04.1999) // *Byul. mezhdunar. dogovorov* – Bulletin of international treaties. 2008. №9. S. 67–91. (In Russ).
9. *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Labor code of the Russian Federation] [Elektronnyy resurs]: Feder. zakon Ros. Federatsii ot 30 dek. 2001 g. №197-FZ (red. ot 02.04.2014, s izm. ot 04.06.2014). V dan-nom vide dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Kon-sultantPlyus». (In Russ).
10. *Shabanova M.A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya netipichnykh trudovykh dogovorov* [Peculiarities of Atypical Employment Contract Regulation]: dis. ... kand. yurid. nauk. Yaroslavl, 2008. 210 s. (In Russ).
11. *Globalizatsiya* [Globalization]. URL: <http://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml> (data obrashcheniya: 25.06.2012). (In Russ).
12. *Cazdyn E., Szeman I. After Globalization*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2011. 237 p. URL: http://www.crculturalstudies.ca/file_download/49/C%26S.pdf (data obrashcheniya: 25.06.2014). (In Eng).

THE REGULATION OF DISTANT WORK WITH A FOREIGN ELEMENT IN THE AGE OF GLOBALIZATION: FROM THE POINT OF VIEW OF THE RUSSIAN LABOR LAW

S.V. Shuraleva

Perm State National Research University
15, Bukirev st., Perm, 614990
E-mail: shura_leva@rambler.ru

Abstract: Introduction: This article deals with the problems of the regulation of conflict labor relations owing to the emergence of the distant work employment contract in the Russian labor law. The **objective:** to explore the possibilities of conflict rules of domestic labor law in the regulation of distant work with a foreign element, to identify possible gaps in the law and suggest a means to address them. **The methods:** the methodological basis of the research is constituted by: general (philosophical) methods of scientific knowledge (materialist dialectics, the principle of universal connection, the principle of development, the principle of comprehensiveness of study); scientific methods of knowledge (analysis, synthesis, induction, deduction, historical and logical methods), as well as some special methods of jurisprudence (systemic-structural approach, legalistic, comparative legal methods). **The results:** the Russian labor legislation under the influence of globalization is developing in the direction of the expansion of atypical employment contracts. The proof of this, in particular, is Chapter 49.1 of the Labor Code "The Characteristic Features of Distant Labor Workers." The legalization of distant work emphasizes the need to build a complete system of conflict factors in the Russian labor law. Indeed, an employment contract of distant work does not exclude a foreign element. This raises a question of the applicable law. We should support the conclusions of domestic lawyers that the provisions of Article 11 of the Labor Code, in conjunction with the special rules that apply to the employees of diplomatic missions and consulates, as well as the crew members of merchant ships, do not fully regulate the

employment relationships with a foreign element. The Russian legal science offers the law of a job (*lex loci laboris*) as the main collision factor in the regulation of labor relations. However, the specificity of telecommuting does not always allow an efficient use of this principle.

In its turn, the principle of party autonomy (*lex voluntatis*) would allow the parties of an employment contract of distant work to regulate labor relations more flexibly. But *lex voluntatis* excludes the need to protect the employee as the weaker party of the labor contract. **Conclusion:** collision factor system for distant work is substantiated.

Keywords: distant work; globalization; global labor market; Russian labor; law *lex loci laboris*; *lex voluntatis*; *lex loci contractus*

Информация для цитирования:

Шуралева С.В. Регулирование дистанционной работы с иностранным элементом в эпоху глобализации: взгляд с позиций трудового права России // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 156–163.

Shuraleva S.V. *Regulirovaniye distantsionnoy raboty s inostrannym elementom v epokhu globalizatsii: vzglyad s pozitsiy trudovogo prava Rossii* [The regulation of distant work with a foreign element in the age of globalization: from the point of view of the russian labor law] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 156–163. (In Russ).

V. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС, КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.32

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: МИФ ИЛИ ОСОБЫЙ ПУТЬ, ВЕДУЩИЙ К КАТАСТРОФЕ?

Е.В. Васько

Доктор психологических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23
E-mail: 1269724@gmail.com

О.И. Куракина

Аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23
E-mail: Kurakina55@yandex.ru

*Аннотация: **Введение:** в статье рассматривается такое преступное явление, как экстремизм. **Цель:** авторы проводят правовой анализ экстремизма, подразделяют данное преступное явление на виды, определяют характерные черты политического экстремизма. **Методы:** методологическую основу составляет совокупность методов научного познания. В статье использованы общенаучные (анализ и синтез, диалектика, научное сравнение) и частнонаучные методы исследования (сравнительно-правовой, статистический, формально-юридический).*

***Результаты:** Авторы определяют политический экстремизм как наиболее опасный вид экстремисткой деятельности. В статье дается определение политического экстремизма, приводятся его характерные черты. Проведен анализ такой экстремисткой организации, как «Армия воли народа», предложены меры, которые наиболее эффективно позволяют бороться с экстремизмом на территории Российской Федерации.*

Ключевые слова: экстремизм; деятельность; преступление; государство; суверенитет; безопасность; угроза; организация; борьба

Введение

Под словом «экстремизм» в литературе и законодательстве понимают деятельность, направленную на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации. Сущность экстремисткой деятельности заключается в посягательстве на конституционные основы функционирования любого государства, подрыв которых может привести к лишению прав граждан и захвату государственной власти преступными террористическими формированиями.

Несмотря на большое количество исследований, направленных на изучение экстремизма, основная их часть сводится исключительно к его формальному анализу как к преступлению без исследования его сущности, причин возникновения и признаков; а главное, исследователями игнорируются непосредственно сами преступные проявления экстремизма. По нашему мнению, данный подход является не совсем верным, так как только по результатам анализа эмпирического материала, а именно анализа деятельности экстремистских организаций, мы можем прийти к закономерным

выводам, которые позволят нам противодействовать экстремизму.

Виды экстремизма

В целях противодействия экстремистской деятельности необходимо знать не только структуру и содержание данного преступного явления, но и классификацию его преступных проявлений. При этом в настоящий период нет единого подхода и в определении видов экстремизма. Большинство авторов придерживаются классификации, в основу которой положены цель и метод совершения преступлений экстремистской направленности, выделяя три вида экстремизма: политический, религиозный и религиозно-политический [1].

Под политическим экстремизмом мы предлагаем понимать действия, направленные на разрушение политической системы, сложившейся в обществе, покушение на основы конституционного строя с целью замены ее режимом иного толка и прихода к власти насильственным, незаконным, путем.

Правовой анализ экстремистской организации «Армия Воли Народа»

Ярким примером политического экстремизма является деятельность такой экстремистской организации, как «Армия воли народа». Деятельность данной организации была признана экстремистской по решению, вынесенному Московским городским судом 19 октября 2010 года.

Идеология организации, прямо не декларируемая в документах, на которых основывалась деятельность организации, но исходя из анализа тех политических взглядов, которые они пропагандировали, а именно – бесклассовый общественный строй, общественная собственность на средства производства, социальное равенство всех членов общества, это скорее коммунистическая идеология. Также в работах лидера организации Юрия Мухина («Наука управлять людьми», «Командировка в государство Солнца») говорится о том, что идеологию организации можно охарактеризовать как делократию.

Делократия характеризуется Мухиным как современная антибюрократическая концепция управления. Дословно означает «власть дела», в отличие от бюрократии – «власти бюро» (т.е. власть начальства). Согласно данной концепции, деятельность властных структур должна в первую очередь учитывать интересы дела, а не указания вышестоящего руководства. Внедрение делократии в практику управления, «по Мухину», заключается в том, что для максимальной эффективности управления требуется его максимальная дебюрократизация. Вышесказанное означает, что каждый работник в процессе своей деятельности должен руководствоваться не локальными нормами (инструкциями, положениями) и распоряжениями руководителя, в подчинение которого находится, а тем, что в данный момент необходимо для выполнения порученного дела [2].

Целью экстремистской организации «Армия воли народа» является организация и проведение референдума, по результатам которого будут приняты поправки к Конституции РФ (статьи 138) и закон «О суде народа России над Президентом и членами Федерального Собрания Российской Федерации». Если сказать в общем, как это следует из лозунгов «Армии воли народа», то – «Сделать Президента и Федеральное Собрание ответственными перед Народом».

В соответствии с положениями закона, который планировалось принять на референдуме, каждый из граждан, обладающих избирательным правом, во время вновь проводимых выборов президента или депутатов Государственной думы, будет обязан, помимо выбора нового президента или депутата, оценить, как в предыдущий срок осуществлял свою деятельность политический деятель, занимающий ту или иную выборную должность. В зависимости от того, какой вердикт вынесут большое количество избирателей, должностные лица либо получают государственные награды Российской Федерации за успешное управление страной, либо подвергаются тюремному заключению на срок, равный сроку их пребывания у власти. Третий вариант - «без послед-

ствий», когда государственный деятель не подвергается ни наказанию, ни поощрению. В одной из редакций такого псевдозакона в виде наказания предусматривалась смертная казнь чиновника.

Каким же образом данный преступный механизм действовал на практике? В более чем половине субъектов России были созданы ячейки организации, руководство которыми осуществлялось из Москвы. Ячейки именовались «ротами», «взводами» и «батальонами», в зависимости от количества участников, так называемых «бойцов». Понятно, что структура организации была военизированной, т.е. запрещенной законом. Целью каждой ячейки в регионе была пропаганда идеи организации, сбор будущих участников референдума в необходимом количестве и последующая организация референдума, принятия поправок.

Члены «Армии Воли Народа» вели масштабную оппозиционную деятельность, которая в большей степени проводилась с целью камуфлирования истинных экстремистских целей и задач. Бойцы «Армии воли народа» активно участвовали в мероприятиях, проводимых другими оппозиционно настроенными организациями, где и распространяли агитационные материалы. Они выступали с трибун с целью распространить свою идею и привлечь новых участников, оглашали идеи по средствам сети Интернет, проводили опросы населения, чтобы узнать отношение граждан к разработанному «закону».

Первым публичным мероприятием, которое было организовано по инициативе «Армии воли народа», стал пикет у здания польского посольства в Москве в 2005 г. Целью данного мероприятия было признание фальсификацией утверждения о том, что расстрел нескольких тысяч польских офицеров в 1940 году в Катыни был осуществлен силами НКВД СССР.

Позднее организация стала проводить больше мероприятий и открыто участвовала в различных политических акциях, таких как «День гнева», «Марш за сохранение Петербурга», в митингах «Русского марша» и Первого мая, пикетах против реформы со-

циальной сферы. Лидером организации являлся оппозиционный политик и публицист Ю.И. Мухин.

Основополагающие документы данной организации – «Закон у Суда народа» и «Уговор Армии воли народа», определяющие общие положения деятельности, структуру организации, порядок обращения к соратникам и массам, принципы деятельности и т.д.

Внешние атрибуты организации – эмблема, состоящая из изображения двух противоположно направленных наклоненных вправо стрелок (красной и черной), которые символизируют обратную связь между властями и избравшим их народом, которые увенчиваются надписью: «АВН — Армия воли народа». Черная стрелка символизирует народ, красная — избираемые народом законодательные органы. Черная стрелка направлена сверху вниз, так как по доктрине данной организации, народ выше назначенных им управленцев. Представляется очевидным, что главный элемент эмблемы (стрелки) отвечает всем требованиям воспроизведения без каких-либо серьезных усилий и специальных средств.

Таким образом, проведенный анализ основных характеристик запрещенной экстремистской организации «Армия воли народа» позволяет сделать следующие выводы. Данную организацию необходимо отнести к экстремистской организации политического толка, так как ее преступные намерения направлены на подрыв государственно образующих компонентов, а именно – на подрыв основ конституционного строя и на его насильственное изменение, нарушение целостности Российской Федерации, воспрепятствование законной деятельности государственных органов, что, в соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», признается экстремистской деятельностью [3].

Организационная структура и деятельность общественного движения «Армия воли народа» является военизированной организацией, что запрещается ФЗ «Об Обороне» [4]. Сама цель организации (привле-

чение к ответственности Президента и членов Федерального собрания), а также способы, посредством которых ее бойцы собирались осуществить цель, являются незаконными и не имеют под собой никакой юридической подоплеки. Как известно, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации под угрозой наказания. Однако, под какой именно состав преступления будут подпадать преступления, совершенные Президентом и членами Федерального Собрания, в уголовном законе не указано.

Кроме того, особенностью любой, в том числе и уголовной, ответственности является то, что она всегда связана с государственным принуждением. Другими словами, государство в лице уполномоченных им органов возлагает на правонарушителя определенные лишения, а народ не является уполномоченным субъектом на осуществление данной функции. Ответственность осуществляется посредством установленных в нормах права процессуальных форм, а согласно данному, условно, «закону», какого-либо порядка привлечения к ответственности не предусмотрено. Данный «закон» не дает ответов на все поставленные нами выше вопросы, а значит, не преследует истинных целей – урегулирования общественных отношений в материальном или процессуальном смысле. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что заявленная цель «Армии воли народа» – проведение общероссийского референдума имеет лишь декларативный характер и не может быть реализована без нарушений закона, что позволяет данному объединению проводить свою экстремистскую деятельность конспиративно – под прикрытием.

Выводы

В ходе проведенного исследования было установлено, что политический экстремизм представляет особую опасность как для нашего государства, так и для мира в

целом. Мы считаем, что только комплексное противодействие экстремизму как со стороны правоохранительных органов, так и всего общества может привести к положительным результатам, предотвратив катастрофу в виде подрыва основ конституционного строя и целостности государственности, к чему так стремятся различные экстремистские организации.

Библиографический список

1. *Грачев А.С., Лабунец М.И.* Политический экстремизм. Ростов н/Д.: Проспект, 2002, 220 с.
2. *Мухин А.Ю.* Главная антироссийская подлость. М: Форум, 2010. 768 с.
3. *О противодействии экстремистской деятельности:* Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ // Рос.газ. 2002. 30 июля.
4. *Об обороне:* Федер. закон Рос. Федерации от 31 янв. 1996 г. №61-ФЗ // Рос. газета. 1996. 6 июня.

References

1. *Grachev A.S., Labunets M.I.* *Politicheskiy ekstremizm* [Political Extremism]. Rostov n/D.: Prospekt, 2002, 220 s. (In Russ).
2. *Mukhin A.Yu.* *Glavnaya antirossiyskaya podlost* [Home Antirossiyskaya Meanness]. M: Forum, 2010. 768 s. (In Russ).
3. *O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti: Feder. zakon Ros. Federatsii ot 25 iyulya 2002 g. №114-FZ* [On Counter-ing Extremist Activities: The federal law of the Russian Federation of July 25, 2002 №114-FZ] // *Ros. gaz* – Russian newspaper. 2002. 30 iyulya. (In Russ).
4. *Ob oborone: Feder. zakon Ros. Federatsii ot 31 yanv. 1996 g. №61-FZ* [On Defense: the law of the Russian Federation of January 31, 1996 №61-FZ] / *Ros. gazeta*. – Russian newspaper. 1996. 6 iyunya. (In Russ).

POLITICAL EXTREMISM: MYTH OR CUSTOM PATH LEADING TO DISASTER?

E.V. Vaske

Nizhny Novgorod State University
23, Gagarin ave, Nizhny Novgorod, 603950
e-mail: 1269724@gmail.com

O.I. Kurakina

Nizhny Novgorod State University
23, Gagarin ave, Nizhny Novgorod, 603950
e-mail: Kurakina55@yandex.ru

Abstract: **Introduction:** This article is considered a criminal phenomenon of extremism. **Purpose:** The author conducts a legal analysis of extremism, divides this criminal phenomenon on species, defines the characteristics of political extremism. **Methods:** The methodological framework is a set of methods of scientific knowledge. This article contains general science (analysis and synthesis, the dialectic, scientific comparison) and the private scientific research methods (comparative legal, statistical, legalistic). **Results:** The author defines political extremism as the most dangerous type of extremist activity. The article defines political extremism, given characteristics. The analysis of such extremist organizations as "The army will of the people", proposed measures that will allow the most efficient combat extremism in the Russian Federation

Keywords: extremism; activity; crime; government; sovereignty; security; threat; an organization fighting

Информация для цитирования:

Васкэ Е.В., Куракина О.И. Политический экстремизм: миф или особый путь, ведущий к катастрофе? // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 164–168.

Vaske Ye.V., Kurakina O.I. Politicheskiy ekstremizm: mif ili osobyy put, vedushchiy k katastrofe? [Political extremism: a myth or a special path leading to disaster?] // Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 164–168. (In Russ).

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

В.Н. Воронин

Аспирант кафедры уголовного права
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
123995, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., 9
E-mail: voronin.w.n@ya.ru

Аннотация: **Введение:** автор настоящей статьи придерживается мнения, что принципы уголовного права представляют собой систему, в которую включаются как общие уголовно-правовые принципы, так и принципы отдельных институтов уголовного права. **Цель:** при рассмотрении подсистемы принципов института назначения наказания автором выявлена необходимость разграничения сферы действия принципа индивидуализации наказания и принципа справедливости назначения наказания, само исследование направлено на поиск критериев и направлений разграничения. **Методы:** методологическую основу исследования составили диалектические методы, общенаучные: анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация, также методы социологических исследований. Важную роль сыграл системный метод.

Результаты: автором представлены направления разграничения принципов справедливости и индивидуализации при назначении наказания, а также описано содержание названных принципов и сферы их реализации. **Выводы:** принцип справедливости напрямую влияет на достижение цели восстановления социальной справедливости и заключается также в выяснении общественной реакции на назначенное наказание, применительно же к целям наказания принцип индивидуализации наказания исходит из учета критериев, относящихся к личности виновного, и влияет на достижение таких целей как перевоспитание виновного и частной превенции.

Ключевые слова: принципы уголовного права; принципы назначения наказания; справедливость; индивидуализация; цели наказания

Введение

В литературе признается необходимость разграничения принципов индивидуализации наказания и справедливости, однако оптимального решения по сей день не предложено. Превалируют позиции, согласно которым принцип индивидуализации находится в подчиненной связи с принципом справедливости. Здесь согласимся с А.С. Гореликом, который отмечает, что подчиненное значение индивидуализации по соотношению к справедливости подмечено правильно, но этим не решается про-

блема их разграничения, ибо принцип — это не средство и не цель, к тому же последнее понятие относительное, поскольку одно и то же явление может одновременно рассматриваться и как средство, и как промежуточная цель для достижения каких-либо более дальних целей [5, с. 99]. Действительно, если справедливость и индивидуализация соотносятся, например, как средство и цель, то тогда как их можно считать принципами, когда одно является средством достижения другого, носит подчиненный характер. Если придерживаться того, что индивидуализация является средством реализации принципа справедливости

при назначении наказания, то одно из описанных явления не должно являться принципом, и индивидуализация становится просто теоретической гарантией принципа справедливости, поскольку требование индивидуализации не имеет нормативного закрепления. Далее предпримем попытки доказать самостоятельность исследуемых принципов, а также разграничить их сферы реализации.

1. Современное состояние уголовно-правовой мысли по исследуемому вопросу

Первая группа взглядов о соотношении справедливости и индивидуализации построена на подчиненности индивидуализации принципу справедливости. Интересно мнение Л.Л. Кругликова, который отмечает, что «справедливости присущи два диалектически противоречивых аспекта – уравнивающий и распределяющий. Без осуществления требования равенства граждан перед законом невозможно обеспечить в сфере назначения наказания четкую линию уголовно-правовой политики. Согласно второму аспекту (распределяющему), суду надлежит учитывать все конкретные данные по делу, все индивидуальные особенности содеянного и личности виновного, обеспечить в конечном счете соразмерность избираемого наказания обстоятельствам дела» [10, с. 319]. Следовательно, если под уравнивающим компонентом мы понимаем принцип равенства, то под распределяющим, касающимся учета конкретных обстоятельств по делу, можно представить принцип индивидуализации, и в сфере назначения наказания оба этих принципа являются частью, необходимой составляющей, принципа справедливости. В связи с изложенным И.В. Жидких замечает, что «целое – часть» – отнюдь не единственно возможные связи между компонентами системы принципов назначения наказания. Имеет место также соотношение «общего и особенного». Полагаем, что такого рода связи имеются между принципом справедливости и индивидуализации наказания. По утверждению Г.И. Цепляевой, «они соотносятся между собой как общее и особенное: принцип справедливости исходит из уровня соответствия личности и совершенному ею преступлению

не только наказания, но и иных мер уголовно-правового характера. Индивидуализация же регламентирует вопросы только и исключительно назначения наказания. Она реализует (наполняет) абстрактный принцип конкретным содержанием» [6, с. 36]. Если принять позиции данных авторов, то следует: поскольку справедливость регламентирует вопросы назначения как наказания, так и иных мер уголовно-правового характера, а индивидуализация касается только назначения наказания, то принцип справедливости является «общим», а индивидуализации «особенным» по отношению к нему. Но решения проблемы в данном выводе не содержится, поскольку представленное мнение показывает скорее соотношение уголовно-правового принципа справедливости и принципа справедливости назначения наказания в системе уголовно-правовых принципов: последний действительно является специальным, по отношению к первому, общему принципу, и отражается это на сфере их действия. Проблемой же является как раз разграничение принципов индивидуализации и справедливости назначения наказания.

Существуют мнения, согласно которым уже принцип индивидуализации наказания является главенствующим по отношению к остальным, в том числе и справедливости. А.Д. Чернов пишет: «Индивидуализация наказания предполагает, с одной стороны, назначение справедливого наказания, соразмерного тяжести преступления и общественной опасности личности виновного, а с другой – применение определенных мер уголовно-правового воздействия, которые максимально способствовали бы осуществлению целей наказания. Индивидуализация наказания, как самостоятельный принцип назначения наказания, хотя и не указанный в УК, неразрывно связан с другими принципами уголовного права. Общие принципы уголовного права находят свое проявление в процессе индивидуализации наказания» [21, с. 233]. Данное мнение основано на отождествлении принципа индивидуализации наказания и процесса назначения наказания, несомненно, все общие принципы уголовного права находят свое проявление в процессе назначения наказа-

ния, однако индивидуализация наказания является, на наш взгляд, лишь принципом института назначения наказания и проявляется в качестве самостоятельного процесса лишь в последней стадии назначения наказания – при выборе конкретной меры наказания.

Наиболее близко подошли к решению заявленной проблемы разграничения справедливости и индивидуализации при назначении наказания С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев, которые еще в 80-х годах прошлого века писали: «Принципы справедливости и индивидуализации – близкие, но не вполне совпадающие категории. Индивидуализация всегда относится личности виновного, справедливость же – понятие более широкое: здесь учитываются и личные и общественные интересы» [9, с. 136]. Развивая высказанную мысль, попытаемся разграничить принципы справедливости при назначении наказания и принцип индивидуализации. Индивидуализация наказания, несомненно, относится к личности. По нашему мнению, это означает, что все основные критерии индивидуализации основаны на учете личности виновного. Нам могут возразить, отметив, что помимо личности в процессе индивидуализации учитываются иные факторы, а именно смягчающие и отягчающие обстоятельства, которые характеризуют обстановку совершенного преступления, например, вовсе не связаны с личностью преступника. Тем не менее можно проследить следующую зависимость: все иные критерии индивидуализации наказания развивались в историческом плане, основой для выделения большинства из них, послужила именно личность преступника, а именно исторически первыми явились обстоятельства, которые были связаны с личностью преступника и влияли на меру наказания. Например, Судебники 1947 и 1550 гг. в качестве критерия индивидуализации наказания предлагали использовать личность виновного. Так, ст. 62 Судебника 1550 г. гласила: «посмотря по человеку и по ране и по рассуждению» [17]. Также в числе смягчающих обстоятельств Судебники содержали совершение преступления в состоянии опьянения. В законодательстве периода становления абсолютизма состояние опь-

янения стало влиять уже на усиление наказания, а наказание определялось в некоторых статьях Артикула воинского 1715 г. «по состоянию особы». К смягчающим же обстоятельствам относились малолетний и престарелый возраст субъекта преступления, умопомешательство, состояние крайнего возбуждения и т.д. [2].

Справедливость назначения наказания определяется, в большей мере, характером и степенью общественной опасности содеянного, поскольку на основании уголовно-правового принципа справедливости происходит дифференциация ответственности, также на основании требования справедливости законодателем происходит посторонние санкций, и все эти процессы касаются именно характера и степени общественной опасности самого преступления, на данных этапах о личности виновного еще не ведется речь. Следовательно, реализация справедливости на этапе назначения наказания должна быть логичным продолжением функционирования общего уголовно-правового принципа справедливости. Достижение справедливости ординарными уголовно-правовыми средствами на этапе назначения наказания затруднительно, если изначально законодателем определены несправедливые рамки наказуемости деяния. Предпосылки для не достижения справедливости уже заложены законодателем в уголовном законе. Отметим, к примеру, что санкция ч. 2 ст. 291 УК РФ, предусматривающей ответственность за дачу взятки в значительном размере, среди иных видов наказаний содержит лишение свободы на срок до трех лет. Появившаяся в связи с принятием Федерального закона от 4 мая 2011 г. №97-ФЗ [16] ст. 291¹ УК РФ в части первой предусматривает ответственность за посредничество во взяточничестве, в том числе и в передаче взятки в значительном размере, в своей санкции содержит лишение свободы на срок до пяти лет. Таким образом, можно отметить, что действия исполнителя наказываются суровее, чем действия иных соучастников. Обратная ситуация складывается применительно к некоторым преступлениям против общественной безопасности: статья 205 УК РФ предусматривает ответственность за террористический

акт и устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, а пособничество в совершении преступления, предусмотренного статьей 205 УК РФ, в соответствии с ч. 3 ст. 205¹ наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет. Получается, что действия пособника в совершении террористического акта могут быть наказаны гораздо строже, чем действия непосредственного исполнителя, — это противоречит принципу справедливости.

Представленный выше тезис, согласно которому индивидуализация наказывания в большей степени осуществляется в соответствии с характеристиками личности виновного, а справедливость — в соответствии с характером и степенью общественной опасности содеянного, иллюстрирует также следующий пример из судебной практики: П. был признан виновным в совершении преступления. Судебная коллегия нашла приговор П. о назначении ему, по ч. 1 ст. 264 УК РФ, наказания в виде ограничения свободы на один год подлежащим отмене ввиду несправедливости приговора, в обосновании указав следующее: учитывая, что П. впервые совершил преступление небольшой тяжести, отягчающие наказание обстоятельства, предусмотренные ст. 63 УК РФ, по делу отсутствуют; санкцией ч. 1 ст. 264 УК РФ предусмотрены альтернативные лишению свободы виды наказания, суд обоснованно определил вид назначаемого П. наказания с учетом положений ст. 56 ч. 1 УК РФ. В то же время законодатель, закрепляя принцип справедливости назначенного наказания, относил его не только к размеру и виду основного, но и дополнительного наказания, в частности закрепленного в ст. 47 УК РФ. Как следует из приговора, суд вопреки положениям ч. 3 ст. 47 УК РФ лишь формально учел характер и степень общественной опасности совершенного П. преступления, когда обсуждал вопрос о дополнительном наказании. При этом фактические обстоятельства содеянного, как то — совершение наезда на пешехода, переходившего дорогу по пешеходному переходу в дневное время суток, что повлекло за собой причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, вызвало продолжительное лечение,

в описательной части приговора расценены судом как грубое нарушение П. Правил дорожного движения. Суд, принимая решение об отсутствии оснований для назначения П. дополнительного наказания в виде лишения права управления транспортным средством, мотивировал свое решение данными о личности виновного, а именно: 26-летним стажем вождения у П., наличием у него незначительных нарушений Правил дорожного движения, допущенных в 2011 г., необходимостью автомашины как для работы, так и для оказания помощи престарелым родителям, а также выплат исковых требований потерпевшей. Утверждение суда о необходимости пользования автомашиной П. по роду своей работы из имеющихся в материалах дела документов с достоверностью не вытекает, так как, согласно представленной характеристике с места работы П. (работает в ООО «С.» в должности заместителя директора) информация о том, что он работает мастером в данной организации получена только с его слов. Сведений о наличии у П. пожилых родителей, проживающих за пределами г. Костромы и нуждающихся в постоянной помощи, в материалах дела также нет. В то же время вывод суда о влиянии указанных обстоятельств на решение вопроса о неприменении дополнительного наказания к П. сделан без учета характера и степени общественной опасности совершенного П. преступления [8]. В данном случае судом реализован принцип индивидуализации наказания, учтены смягчающие и отягчающие обстоятельства, положительные характеристики личности виновного, однако только индивидуализация наказания не смогла способствовать реализации принципа справедливости, поскольку суд не в полной мере учел обстоятельства совершенного преступления: можно убедиться, что посредством лишь одной индивидуализации не всегда существует возможность добиться справедливости при назначении наказания.

2. Цели наказания как направления разграничения принципов индивидуализации и справедливости при назначении наказания

Поиск иных оптимальных критериев разграничения названных принципов при

назначении наказания заставляет задуматься, а что если искать эту грань нужно не в плоскости средств, а области конечного результата. Как справедливость наказания, так и его индивидуализация – далеко не самоцель. Просто определением справедливой и индивидуализированной меры наказания не заканчивается карательное воздействие. Наказание, о котором уже много сказано, существует не просто как «вещь в себе», законодатель предусмотрел цели наказания, среди которых выделяют восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Наказание далеко не всегда достигает своих целей, однако способствовать их достижению может именно такая мера наказания, которая назначена в соответствии с принципами индивидуализации и справедливости. Логично связать принцип справедливости при назначении наказания и цель восстановления социальной справедливости. Эта цель достигается именно посредством реализации принципа справедливости. Прав Ю.М. Ткачевский, высказываясь, правда, по поводу справедливости исполнения наказания: «Нельзя смешивать принцип справедливости исполнения наказания с одной из целей такой деятельности – с восстановлением социальной справедливости. Данные категории принципиально разноплановы. Термин "справедливость" в приведенных вариантах несет различную смысловую нагрузку. Принципы — это основные положения, идеи, лежащие в основе социальных явлений. В основу каждой отрасли права или закона положены определенные принципы. Цель же представляет собой тот результат, который определен в законе, например восстановление социальной справедливости в процессе исполнения наказания» [19].

3. Социальный компонент принципа справедливости при назначении наказания

Далее, характеризуя принцип справедливости, следует пояснить относительно того, что понимается под общественными интересами, которые учитываются при определении принципа справедливости. Не представляется возможным согласиться с З.М. Салиховым, который утверждает: «За-

конодатель указывает в ч. 2 ст. 43 УК РФ на социальный характер справедливости совсем не случайно. В процессе индивидуализации наказания суд исходит не только из интересов осужденного, но и учитывает интересы потерпевшего и общества в целом» [15, с. 88–100]. По нашему мнению, из интересов общества в целом суд исходит не в процессе индивидуализации, а в процессе реализации принципа справедливости при назначении наказания, сюда же отнесем интересы потерпевшего как диспозитивный элемент принципа справедливости. Прав в этом отношении М.Т. Тащилин: «При назначении наказания, отвечающего принципу справедливости, судьи обязаны понимать социальные нужды, учитывать социально-экономическую обстановку» [18, с. 29]. Так, огромный общественный резонанс вызвал приговор, вынесенный 17 августа 2012 года Хамовническим районным судом города Москвы по обвинению Толоконниковой Н.А., Самуцевич Е.С., АLEXИНОЙ М.В. в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст. 213 УК РФ. Согласно данному приговору суд признал обвиняемых виновными и назначил им наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года [14]. Оставляя в стороне политическую подоплеку данного дела и вопросы уголовно-правовой квалификации, отметим, что общественный отклик вызвала суровость назначенного наказания. Общество было не готово к тому, что суд назначит обвиняемым наказание в виде лишения свободы. Была ли социальная нужда в столь суровом наказании? По вопросу справедливости приговора высказывались различные политические и общественные деятели, проводились опросы общественного мнения. Левада-Центр 22 марта 2012 года обнародовал данные опроса «Как вы считаете, от 2 до 7 лет лишения свободы, которые грозят участницам этой („Pussy Riot“) группы за „концерт“ в храме Христа Спасителя, было бы адекватным или чрезмерным наказанием за эту акцию?» 46% опрошенных назвали грозящее наказание адекватным, 35% считают этот срок чрезмерным [1]. Данные Всероссийского центра изучения общественного мнения о том, как россияне оценивают «панк-молебен» группы Pussy Riot и как, по мнению респонден-

тов, следует наказывать девушек за эту акцию, таковы: 86% россиян считают, что Pussy Riot нужно наказывать. Но реальный тюремный срок призывают им дать только 10% [20].

Несомненно, несправедливое наказание получает отклик в обществе, но это касается резонансных уголовных дел, у государства же нет возможности проводить общественную экспертизу по каждому приговору, это нарушило бы многие основы правосудия, поэтому задача выяснения общественной реакции на назначаемое наказание ложится на плечи судьи и входит в его деятельность по назначению наказания, по воплощению принципа справедливости при назначении наказания. Согласимся с С.А. Галктионовым, что «несправедливое наказание воспринимается обществом гораздо болезненнее, чем несправедливая награда. Судья, вынося несправедливое наказание, подрывает веру общества в правосудие, поэтому значение принципа справедливости для уголовного права особенно велико» [4, с. 78]. Как верно отмечает Д.М. Молчанов, рассуждая о цели наказания, восстановление социальной справедливости, которую, по его мнению, можно видеть не только в том, чтобы приговор удовлетворил большинство населения, а в том, чтобы суд, назначая наказание, был убежден, что именно это наказание и именно в этом объеме соответствует жизненным интересам общества и государства [11, с. 194]. Однако автор также задается вопросом, как же достичь этого идеала? Нам представляется, что если идеальная конструкция достижима, то на данном этапе развития общества предложить критерии или механизм ее достижения невозможно, а смысл идеала в том, что к нему необходимо стремиться – это вектор нормального поступательного развития.

4. Диспозитивный компонент принципа справедливости при назначении наказания

Наконец, обратимся к диспозитивной составляющей принципа справедливости при назначении наказания. Мы связываем данный компонент с отношением потерпевшего к мере наказания, назначенной ви-

новному, а также с возможностями потерпевшего повлиять каким-либо образом на назначаемое наказание. А.Ф. Бернер по поводу справедливости писал следующее: «Преступлением оскорбляется общая воля (закон, общество, государство), но обыкновенно, кроме того, им оскорбляется и отдельная воля (лицо, пострадавшее от преступления). Как та, так и другая должны быть удовлетворены, то есть наказание должно возратить как обществу, так и пострадавшему лицу чувство и сознание господства справедливости. Если преступление оскорбило преимущественно общественную волю, то и наказание должно быть направлено на удовлетворение последней» [3, с. 560].

Интересным представляется судебное толкование, выраженное в п. 2 обзора судебной практики Челябинского областного суда за второй квартал 2013 года. Так, суд сделал вывод, что мнение потерпевшего о назначении подсудимому строгого наказания не может учитываться судом при назначении наказания, обосновывая его следующим: ссылка в приговоре на учет мнения потерпевшего о назначении подсудимому строгого наказания не согласуется с положениями ст. 6, 60, 63 УК РФ, которыми предусмотрены обстоятельства, подлежащие учету при назначении наказания судом. Так, согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Мнение потерпевшего о наказании подсудимого не отнесено законодателем к обстоятельствам, отягчающим наказание, перечень которых установлен ст. 63 УК РФ и является исчерпывающим. Вместе с тем поскольку перечень обстоятельств, смягчающих наказание подсудимого, предусмотренный ст. 61 УК РФ, не является исчерпывающим, то мнение потерпевшего о назначении подсудимому мягкого наказания может быть учтено судом при назначении последнему наказания [12]. Данный вывод судебной инстанции представляет исключительный интерес, по-

сколько он обобщает и выражает «концентрировано» позицию, которая превалирует сегодня в судебной практике. Однако Верховный Суд РФ по данному вопросу обстоятельно не высказывался. На наш взгляд, сложившаяся практика отнюдь не безупречна, что мы постараемся пояснить ниже.

В судебной практике возникает парадоксальная ситуация, и самое интересное состоит в том, что судей нельзя упрекнуть в массовых нарушениях, поскольку они действуют в соответствии с буквой закона. Действительно, ст. 6 УК РФ, которая говорит о принципе справедливости, умалчивает относительно влияния на назначенное наказание мнения потерпевшего. Часть 3 статьи 60 УК РФ, перечисляющая критерии индивидуализации наказания, о мнении потерпевшего также ничего не говорит. Следовательно, у судов нет формальных оснований, а главное, обязанности, каким-либо образом выяснять мнение потерпевшего при назначении наказания, и уж тем более согласовывать с потерпевшим меру наказания. Как же при таких условиях реализуется принцип справедливости при назначении наказания? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к анализу позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной, в том числе в постановлении от 18 марта 2014 г. №5-П, где написано следующее: «Обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделение их правом определять необходимость осуществления публичного уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности и наказания – такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов; юридическая ответственность, если она выходит за рамки восстановления нарушенных неправомерным деянием прав и законных интересов потерпевших, включая возмещение причиненного этим деянием вреда, является средством публично-правового реагирования на правонарушающее поведение, в связи с чем вид и мера ответственности лица, совершившего правонарушение, должны

определяться исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевшего» [12].

В данной связи прокомментируем, что орган конституционного правосудия отрицает распространение частноправовых, диспозитивных начал на столь традиционно публичную сферу, как уголовное право. Даже возмещение вреда, причиненного преступлением, Конституционный Суд Российской Федерации называет «средством публично-правового реагирования», исключая из данной сферы потерпевшего. Поскольку мы считаем мнение потерпевшего компонентом принципа справедливости назначения наказания, то вполне логичным было бы включить его в качестве критерия принципа справедливости в ч. 1 ст. 6 УК РФ, в таком случае мы можем полноправно говорить о мнении потерпевшего как составляющей принципа справедливости. Помимо предложенных изменений законодательства, выходом из ситуации, сложившейся в судебной практике, станет закрепление в перечнеотягчающих обстоятельств такого, которое будет касаться учета просьбы потерпевшего назначить суровое наказание виновному. Однако, чтобы такого рода просьбы не превратились в произвол и излишнюю месть со стороны потерпевших, необходимо предусмотреть дополнительные условия применения этого отягчающего обстоятельства, а именно применять его, только когда вред, причиненный преступлением, виновным не заглажен ни полностью, ни частично к моменту назначения наказания.

Результаты

Исходя из изложенного принцип справедливости института назначения наказания состоит из нескольких компонентов, первый из которых касается обязательной индивидуализации наказания, являющейся «каркасом» требования справедливости, поскольку справедливость и индивидуализация не существуют одно без другого, на что указывает и законодатель, определяя «точки соприкосновения» данных принципов при помощи однообразных, сходных критериев (ч. 3 ст. 60 УК РФ и ч. 1 ст. 6 УК РФ). Эти критерии полностью определяют правовое содержание принципа справедливости назначения наказания, следовательно, данный

компонент мы назовем правовым. Далее согласимся с высказыванием И.А. Ильина: «Справедливость не обеспечивается общими правилами; она требует еще справедливых людей. Она требует не только удовлетворительных законов, но еще живого человеческого искания и творчества. Если в стране нет живого и справедливого правосознания, то ей не помогут никакие и даже самые совершенные законы. Тут нужны не "правила", а верное настроение души — необходима воля к справедливости. А если ее нет, то самые лучшие законы, начертанные мудрецом или гением, будут только прикрывать язвы творимых несправедливостей» [7]. В связи со сказанным отметим, что при рассмотрении принципа справедливости назначения наказания необходимо выделить социальный компонент, связанный с общественной оценкой назначенной мерой наказания. И последний компонент справедливости назначения наказания предлагаем называть диспозитивным. Данный компонент связан с оценкой потерпевшим меры наказания назначенной виновному, также сюда включается комплекс правовых средств, при помощи которых потерпевший имеет возможность оказать влияние на назначаемое наказание.

Выводы

Что касается направлений разграничения принципов справедливости и индивидуализации при назначении наказания, то принцип справедливости напрямую влияет на достижение цели восстановления социальной справедливости и заключается также в выяснении общественной реакции на назначенное наказание, применительно же к целям наказания принцип индивидуализации наказания исходит из учета критериев, относящихся к личности виновного и влияет скорее на достижение таких целей, как перевоспитание виновного и частная превенция.

Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках проектной части государственного задания на выполнение НИР по проекту 1503.

Библиографический список

1. *Акции групп «FEMEN» и «PUSSY RIOT»:* сайт Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/22-03-2012/aktsii-grupp-femen-i-pussy-riot> (дата обращения: 23.04.2014).
2. *Артикул воинский* 26 апреля 1715 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения 23.04.2014).
3. *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб., 1865. 940 с.
4. *Галактионов С.А.* Принцип справедливости :Уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: Рязань, 2004. 169 с.
5. *Горелик А.С.* Наказание по совокупности преступлений и приговоров: принципы, законодательство, судебная практика. Красноярск, 1991. С. 272.
6. *Жидких И.В.* Реализация принципов уголовного права в общих началах назначения наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. 189 с.
7. *Ильин И.А.* Наши задачи – Историческая судьба и будущее России, статьи 1948-1954 годов. М.: МП «Папог», 1992. URL: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/problems/> (дата обращения: 23.04.2014 г.).
8. *Кассационное* определение Судебной коллегия по уголовным делам Костромского областного суда от 20 нояб. 2012 г. по делу №22-2065: сайт Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-kostromskoj-oblastnoj-sud-kostromskaya-oblast-s/act-107126703/> (дата обращения: 23.04.2014).
9. *Келина С.Г., Кудрявцев В.Н.* Принципы уголовного права. М., 1988. 176 с.
10. *Кругликов Л.Л.* Проблемы теории уголовного права: Изб. ст., 2000–2009 гг. / Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. 591 с.
11. *Молчанов Д.М.* Восстановление социальной справедливости как цель наказания // Уголовное право стратегия развития в XXI веке: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (30–31 января 2014 г.). М.: Проспект, 2014. 464 с.
12. *Обзор* судебной практики Челябинского областного суда за второй квартал 2013 года: утв. Президиумом Челяб. обл. суда 4 сент. 2013 г.: офиц. сайт Метал-

- лург. районного суда г. Челябинска: URL: http://metal.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2179 (дата обращения: 29.03.2014).
13. *По делу о проверке конституционности части второй статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области: постановление Конституц. Суда Российской Федерации от 18 марта 2014 г. №5-П // Рос. газета., №71, 28.03.2014.*
 14. *Приговор* Хамовнического районного суда города Москвы от 17 авг. 2012 года: сайт Хамовнич. районного суда г. Москвы URL: http://hamovnichesky.msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=117671859&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 23.04.2014).
 15. *Салихов З.М.* Индивидуализация наказания при его назначении судом по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 394 с.
 16. *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2011. №19., ст. 2714.
 17. *Судебник Царя и Великого Князя Ивана Васильевича.* URL: http://books.google.ru/books?id=9G9BAAAAIAAJ&pg=PR20&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 23.04.2014).
 18. *Тащилин М.Т.* Назначение наказания судом с участием присяжных заседателей по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002. 212 с.
 19. *Ткачевский Ю.М.* Восстановление социальной справедливости — цель уголовного наказания и Уголовно-исполнительный кодекс РФ // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 1998. №6.
 20. *Хулиганки из «russy riot»: посадить? Оштрафовать? Отпустить?: сайт ВЦИОМ* URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112690> (дата обращения: 23.04.2014).
 21. *Чернов А.Д.* Актуальные проблемы уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 339 с.

References

1. *Aktsii grupp «FEMEN» i «PUSSY RIOT»* [Shares Groups «FEMEN» and «PUSSY RIOT»]. Sayt Levada-tsentr. URL: <http://www.levada.ru/22-03-2012/aktsii-grupp-femen-i-pussy-riot> (Data obrashcheniya 23.04.2014 g.). (In Russ).
2. *Artikul voinskiy 26 aprelya 1715 g.* [Marking Military April 26, 1715]. [Elektronnyy resurs: URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (Data obrashcheniya 23.04.2014 g.). (In Russ).
3. *Berner A.F. Uchebnik ugovnogo prava. Chasti Obshchaya i Osobennaya.* [Text-book of Criminal Law. General and Special Parts]. St. Petersburg., 1865. 940 p. (In Russ).
4. *Galaktionov S.A. Printsip spravedlivosti : Ugovno-pravovoy aspekt* [The Principle of Justice: Criminal legal Aspect]: dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan. 2004. 169 p. (In Russ).
5. *Gorelik A. S. Nakazaniye po sovokupnosti prestupleniy i prigovorov: printsipy, zakonodatelstvo, sudebnaya praktika* [Punishment for Multiple Offenses and Sentences: Principles, Legislation and Judicial Practice]. Krasnoyarsk. 1991. 272 p. (In Russ).
6. *Zhidkikh I.V. Realizatsiya printsipov ugovnogo prava v obshchikh nachalakh naznacheniya nakazaniya* [Implementation of the Principles of Criminal Law in General Principles of Sentencing]: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-on-Don. 2007. 189 p. (In Russ).
7. *Ilin I.A. Nashi zadachi – Istoricheskaya sudba i budushcheye Rossii, stati 1948–1954 godov* [Our Task – Historical Destiny and the Future of Russia's 1948-1954 Articles]. Moscow.: Rarog. 1992. URL: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/problems/> (Data obrashcheniya: 23.04.2014 g.). (In Russ).
8. *Kassatsionnoye opredeleniye Sudebnoy kollegiya po ugovnym delam Kostromskogo oblastnogo suda ot 20 noyabrya 2012 goda po delu №22-2065* [Cassation definition Judicial board on criminal cases of the Kostroma regional court of November 20, 2012 in the matter of №22-2065]: Sayt Rospravosudiye URL: <https://rospravo>

- sudie.com/court-kostromskoj-oblastnoj-sud-kostromskaya-oblast-s/act-107126703/ (Data obrashcheniya 23.04.2014 g.). (In Russ).
9. Kelina S. G., Kudryavtsev V. H. *Printsipy ugolovnogo prava* [Principles of Criminal Law]. Moscow. 1988. 176 p. (In Russ).
 10. Kruglikov L.L. *Problemy teorii ugolovnogo prava: Izbrannyye stati, 2000-2009 gg.* [Problems of the Theory of Criminal Law: Featured Articles, 2000-2009]. Yaroslavl: YarGU. 2010. 591 p. (In Russ).
 11. Molchanov D.M. *Vosstanovleniye sotsialnoy spravedlivosti kak tsel nakazaniya* [Restoration of Social Justice as a Goal of Punishment] // *Ugolovnoye pravo strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (30–31 yanvarya 2014 g.)* – Criminal Law Development Strategy in the XXI Century: Proceedings of the XI International Scientific Conference (30–31 January 2014). Moscow: Prospect, 2014. 464 p. (In Russ).
 12. *Obzor Sudebnoy Praktiki Chelyabinskogo oblastnogo suda za vtoroy kvartal 2013 goda Utverzhden Prezidiumom Chelyabinskogo oblastnogo suda 04 sentyabrya 2013 goda.* [The review of jurisprudence of the Chelyabinsk regional court for the second quarter 2013: it is approved by Presidium of the Chelyabinsk regional court on September 4, 2013]: Ofitsialnyy sayt Metallurgicheskogo rayonnogo suda g. Chelyabinska: URL: http://metal.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2179 (data obrashcheniya: 29.03.2014). (In Russ).
 13. *Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti vtoroy stati 399 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Ketovskogo rayonnogo suda Kurganskoy oblasti: postanovleniye Konstituts. Suda Rossiyskoy Federatsii ot 18 marta 2014 g. №5-P* [On the case of check of constitutionality of part of the second article 399 of the Code of criminal procedure of the Russian Federation in connection with inquiry of Ketovsky district court of the Kurgan region: the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 18, 2014 №5-P] // *Ros. gazeta.* – Russian newspaper, №71, 28.03.2014. (In Russ).
 14. *Prigovor Khamovnicheskogo rayonnogo suda goroda Moskvy ot 17 avgusta 2012 goda* [A sentence of the Khamovniki district court of the city of Moscow of August 17, 2012]: sayt Khamovnicheskogo rayonnogo suda g. Moskvy URL: http://hamovnichesky.msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=117671859&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (Data obrashcheniya 23.04.2014 g.). (In Russ).
 15. Salikhov Z.M. *Individualizatsiya nakazaniya pri yego naznachenii sudom po Rossiyskomu ugolovnomu pravu* [Individualization of Punishment when he was Appointed by the Court on the Russian Criminal Law]: dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan. 2003. 394 p. (In Russ).
 16. *Sobraniye zakonodatelstva Russian Federation* [Russian Federation Code]. 2011, №19., st. 2714. (In Russ).
 17. *Sudebnik Tsarya i Velikogo Knyazya Ivana Vasilyevicha* [Sudebnik Tsar and Grand Prince Ivan Vasilyevich]. [Elektronnyy resurs: URL: http://books.google.ru/books?id=9G9BAAAAYAAJ&pg=PR20&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false. (Data obrashcheniya 23.04.2014 g.). (In Russ).
 18. Tashchilin M.T. *Naznacheniye nakazaniya sudom s uchastiyem prisyzhnykh zasedateley po ugolovnomu pravu Rossiyskoy Federatsii* [Sentencing Court Jury in the Criminal Law of the Russian Federation]: dis. ... dokt. yurid. nauk. Kazan. 2002. 212 p. (In Russ).
 19. Tkachevskiy Yu.M. *Vosstanovleniye sotsialnoy spravedlivosti – tsel ugolovnogo nakazaniya i Ugolovno-ispolnitelnyy kodeks RF* [Restoration of Social Justice – the Purpose of Criminal Punishment and Penal Code of the Russian Federation] // *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 11, Pravo* – Bulletin of Moscow State University. Series 11. Right. 1998. №6. (In Russ).
 20. *Khuliganki iz «pussy riot»: posadit? Oshtrafovati? Otpustit?* [Hooligan of «Pussy Riot»: Plant? Fined? Release?]: sayt VTsIOM URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112690> (Data obrashcheniya 23.04.2014 g.). (In Russ).

21. Chernov A.D. *Aktualnyye problemy ugolovnogo nakazaniya* [Actual Problems of Criminal Punishment]: dis. ... dokt. yurid. nauk: 12.00.08. Moscow, 2001. 339 p. (In Russ).

DISTINCTION PRINCIPLES OF JUSTICE AND INDIVIDUALIZATION IN SENTENCING AND THEIR IMPACT ON THE QUALITY OF CRIMINAL LAW

V.N. Voronin

Kutafin Moscow State Law University (MSLA)
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123995
E-mail: voronin.w.n @ ya.ru

Abstract: Introduction: The present author is of the opinion that the principles of criminal law, constitute a system, which includes both the general principles of criminal law and the principles of individual institutions of criminal law. **Purpose:** considering subsystem principles Institute sentencing author identified the need to distinguish the scope of the principle of individualization of punishment and sentencing principle of justice, self study aims to search criteria and areas of differentiation. **Methods:** The methodological basis of research was dialectical methods, general scientific analysis, synthesis, abstraction, specification, methods of sociological research. Important role played by a systematic method.

Results: The author presents the directions of differentiation and individualization of the principles of justice in sentencing, and also describes the contents of the above principles and the scope of their implementation. **Conclusions:** The principle of justice directly affects the goal of restoring social justice and is also asking the public response to the sentence imposed, the same relation to the objectives of punishment principle of individualization of punishment based on the accounting criteria relating to the identity of the perpetrator, and affects such goals as education guilty and private prevention.

Keywords: principles of criminal law; the principles of sentencing; justice; individualization; the purposes of punishment

Информация для цитирования:

Воронин В.Н. Разграничение принципов справедливости и индивидуализации при назначении наказания и их влияние на качество уголовного закона // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 169–179.

Voronin V.N. *Razgranicheniye printsipov spravedlivosti i individualizatsii pri naznachenii nakazaniya i ikh vliyaniye na kachestvo ugolovnogo zakona* [Distinction Principles of Justice and Individualization in Sentencing and Their Impact on the Quality of Criminal Law] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 169–179. (In Russ).

СТАДИЮ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ЦЕЛЕСООБРАЗНО ПОЭТАПНО ПРЕОБРАЗОВАТЬ В СТАДИЮ ПОЛИЦЕЙСКОГО ДОЗНАНИЯ

В.Н. Махов

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса
Российский университет дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
E-mail: ugovnoe_pravo@list.ru

Аннотация: **Введение:** стадия возбуждения уголовного дела поэтапно преобразовывается в полицейское дознание. Ее основная задача – установление подозреваемого; обосновывается возможность задержания до возбуждения уголовного дела. **Цель:** обосновать необходимость поэтапного преобразования стадии возбуждения уголовного дела в стадию полицейского дознания. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает диалектический метод. В статье использованы общенаучные (диалектика, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический). **Результаты:** автор приходит к выводу, что включение в УПК РФ главы 32-1 о сокращенной форме дознания, появление в ч. 1 ст. 140 УПК РФ в 2010 г. нового пункта повода для возбуждения уголовного дела (постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании) по нашему мнению свидетельствуют о том, что законодатель поэтапно (не всегда последовательно) стремится преобразовать стадию возбуждения уголовного дела в полицейское дознание, т.е. в ту начальную стадию уголовного процесса, которая на протяжении веков существует в уголовном процессе зарубежных стран, была эта стадией начальной и в уголовном процессе дореволюционной России. Ее достоинство в том, что, как отмечалось выше, там основная цель не только установление признаков преступления, но и установление лица, подозреваемого в совершении этого преступления. Без установления подозреваемого, как правило, не может быть возбуждено уголовное преследование и начато производство по уголовному делу.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; полицейское дознание; задержание подозреваемого; следователь; уголовное преследование

Введение

Стадия возбуждения уголовного дела – эксклюзивный институт в отечественном уголовном процессе; его нет в уголовном процессе зарубежных стран (исключение страны СНГ); его появление в годы советской власти было тесно связано с появлением и развитием другого эксклюзивного института – следователей, который в несколь-

ко этапов отделился от судебной власти и стал при прокуратуре, а в начале 60-х годов XX века следователи появились и в системе органов МВД.

Основной контент

Как видно из ст. 4 и ряда других статей УПК РСФСР 1923 г., возбуждение уголовного дела отождествлялось с возбуждением уголовного преследования. Но постепенно в науке и в ведомственных приказах прокуратуры, МВД термин «уголовное пре-

следование» терял смысловую нагрузку; в УПК РСФСР 1960 г. его уже не было; он был заменен термином «возбуждение уголовного дела», под которым подразумевалась (наряду с процессуальным актом об окончании проверки сообщения о преступлении) самостоятельная начальная стадия уголовного процесса.

Работая с 1958 по 1967 г. следователем прокуратуры, я считал, что наше досудебное производство, прежде всего по причине эффективной работы органов дознания по раскрытию преступлений, является весьма рациональным. В то время это соответствовало действительности. Об этом свидетельствовал высокий процент раскрываемых преступлений. Несмотря на большую нагрузку (в производстве было порой более 15 уголовных дел), как правило, все уголовные дела направлялись в суд. Исключение: прекращение уголовных дел о незначительных преступлениях, совершенных впервые лицом, признавшим вину (в основном несовершеннолетними) по нереабилитирующим основаниям, как правило, с передачей соответствующих материалов на рассмотрение в общественных организациях. Приостановление производства по уголовному делу за неустановлением лица, совершившего преступление, УПК РСФСР 1960 г. не предусматривал. Нельзя было такие дела прекращать, так как правило об истечении срока давности в этой ситуации не действовало.

Основные причины более эффективной работы в досудебном производстве были две. Первая причина – высокая квалификация следователей и оперативников, отсутствие нынешней текучести кадров.

Вторая причина (имеющая прямое отношение к теме возбуждения уголовного дела) была связана с тем, что орган дознания (в основном, работники уголовного розыска) должным образом исполняли ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР, в которой было записано: на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших. Ныне действующие нормы УПК РФ не содержат прямого указания на такую обязан-

ность органов дознания, как обнаружение лица, совершившего преступление.

Следователи в годы советской власти получали от органов дознания, как правило, уголовные дела после проведения органами дознания неотложных следственных действий, проводимых, в основном, в целях выявления подозреваемого, если он не был установлен в стадии возбуждения уголовного дела. Следователям было необходимо предъявить обвинение, допросить обвиняемого, проверить его версию о невиновности или частичном признании вины; решить вопрос о его ходатайствах, устранить противоречия в доказательствах. Конечно же, бывали ситуации (прежде всего когда совершено убийство), когда следователь, проведя осмотр места происшествия, принимал уголовное дело к своему производству. Но и в этих случаях работники уголовного розыска действовали активно и эффективно в целях раскрытия преступления. Таковы были требования к органам дознания, сложившиеся еще в дореволюционное время, а также практика – раскрывать преступления должны оперативники.

Подобный порядок и цель деятельности органов дознания (полиции) были закреплены в Уставе уголовного судопроизводства России 1864 г. (УУС). Обобщая содержание норм УУС, С.И.Викторский писал по этому поводу: «При производстве этого дознания полиция должна меньше прибегать к письменной форме...должна заботиться не только об обнаружении виновника, но и розыскании похищенного и вообще средств удовлетворения потерпевшего. При сознании виновного дознание все-таки должно запастись и другими доказательствами...Само же дознание, т.е. собирание нужных сведений, ведется посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением» [2].

Что мы имеем в настоящее время? Не доверяя органам дознания, решение вопроса о возбуждении уголовного дела, а значит, и проверку заявления, сообщения (эти проверки по-прежнему именуются следственными), ведомственные приказы и инструкции возложили на следователей и дознавателей; тем самым органы дознания устранены от рассмотрения заявлений, со-

общений. Следователи и дознаватели, лишенные полномочий осуществлять оперативно-розыскную деятельность, обречены «пахать сохой», решая вопрос о возбуждении уголовного дела и проводя первоначальные следственные действия. Они обречены раскрывать преступления, в основном совершенные в условиях очевидности. В уголовном процессе зарубежных стран не было и нет следователей, дознавателей. Работа там, на начальной стадии уголовного процесса, именуемая полицейским дознанием, проводится путем оперативно-розыскной деятельности; возможно задержание подозреваемого, по судебному решению – обыск.

Согласно ч. 1 ст. 157 УПК РФ «при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ, должен возбудить уголовное дело и произвести неотложные следственные действия». При всей очевидной полезности этой нормы она применяется крайне редко, так как, как отмечалось выше, ведомственные приказы и инструкции обязывают следователей, дознавателей самим решать вопрос о возбуждении уголовного дела. Негативные последствия отстранения органов дознания от производства неотложных следственных действий нами были уже изложены [3]. Кратко отметим лишь то, что в такой ситуации с органа дознания, осуществляющего ОРД, снимается основная ответственность за раскрытие преступления; эта ответственность возлагается на следователя, дознавателя, которые не имеют права осуществлять ОРД.

Выше отмечалось, что институт возбуждения уголовного дела тесно связан с другим институтом, также созданным в годы советской власти, – институтом следователей – представителями исполнительной власти. В уголовном процессе зарубежных стран (как и в дореволюционной России) такого института нет и не было. Там органы дознания, в основном полиция, несет ответственность за раскрытие преступления; у полиции нет органа или должностного лица, на которых она могла бы переложить ответственность за раскрытие преступления.

Функции прокурора, судебных органов, осуществляющих в том или ином виде предварительное следствие, иные. Они должны проверить, достаточно ли доказательств, изобличающих подозреваемого, чтобы назначить судебное рассмотрение дела по существу.

Чтобы нашу начальную стадию уголовного процесса поэтапно приближать к общепринятой веками начальной стадии в уголовном процессе зарубежных стран, т.е. полицейскому дознанию, предлагается, прежде всего, предоставить полиции как органу дознания право на задержание подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила без изменений оправдательный приговор в отношении следователя, который произвел задержание подозреваемого до возбуждения уголовного дела. При этом в своем определении Судебная коллегия указала, что УПК РФ не содержит норм, запрещающих задержание подозреваемого до возбуждения уголовного дела [1].

Позиция ряда юристов России, которые предлагали рассматривать задержание как повод для возбуждения уголовного дела, приобрела дополнительную поддержку с принятием УПК РФ и возрождением в уголовном судопроизводстве института уголовного преследования. Становится ясным, что право подозреваемого давать объяснения предусмотрено в УПК РФ для стадии возбуждения уголовного дела.

Убедиться в правильности позиции Верховного Суда РФ можно, ознакомившись с содержанием ч. 1 ст. 91 УПК РФ, в которой указаны следующие основания для задержания лица по подозрению в совершении преступления: 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

На практике ситуации, приведенные в ч. 1 ст. 91 УПК РФ, встречаются нередко на этапе рассмотрения (проверки) заявления, сообщения о преступлении, т.е. до возбуж-

дения уголовного дела. Орган дознания, следователь, дознаватель вынуждены идти на фальсификацию: первый вариант – выносить постановление о возбуждении уголовного дела после задержания подозреваемого; второй вариант – оформляют задержание якобы в связи с совершением административного правонарушения.

Значительно затрудняет установление подозреваемого и его розыск противоположная практика: соблюдая общепринятое толкование ряда норм УПК РФ, работники органов дознания до возбуждения уголовного дела не проводят задержания в случаях, указанных в ч. 1 ст. 91 УПК РФ, тем самым предоставляя возможность преступнику скрыться, уничтожить следы преступления или иными способами оказывать противодействие расследованию.

Выход из положения, по нашему мнению, таков: дополнить ч. 1 ст. 140 УПК РФ новым поводом для возбуждения уголовного дела – задержание подозреваемого в порядке, установленном ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Однако не стоит полагать, что этот повод будет являться во всех случаях основанием для возбуждения уголовного дела. Предварительно необходимо установить личность задержанного (но это не должно препятствовать дальнейшей процедуре задержания), четко разъяснить, в совершении какого преступления он подозревается, предупредить о праве хранить молчание, предоставлении возможности дать объяснения (именно объяснения, а не показания, так как уголовное дело еще не возбуждено) с изложением отношения к совершению преступления, по подозрению в котором он задержан.

Рассмотрение (проверка) заявления, сообщения с таким поводом для возбуждения уголовного дела, как задержание, должно проходить в обычном порядке, но, очевидно, и другое: объяснения задержанного, согласие его с содержанием уведомления о подозрении, результаты его личного обыска, ускоряют собирание достаточных данных о признаках преступления, т.е. для возбуждения уголовного дела. Но в рассматриваемой ситуации возбуждение уголовного преследования следует признавать состояв-

шимся с момента задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.

Выводы

Приведенные суждения, а также включение в УПК РФ главы 32-1 о сокращенной форме дознания, появление в ч. 1 ст. 140 УПК РФ в 2010 г. нового пункта повода для возбуждения уголовного дела (постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании), по нашему мнению, свидетельствуют о том, что законодатель поэтапно (не всегда последовательно) стремится преобразовать стадию возбуждения уголовного дела в полицейское дознание, т.е. в ту начальную стадию уголовного процесса, которая на протяжении веков существует в уголовном процессе зарубежных стран, была эта стадией начальной и в уголовном процессе до-революционной России. Ее достоинство в том, что, как отмечалось выше, там основная цель не только установление признаков преступления, но и установление лица, подозреваемого в совершении этого преступления. Без установления подозреваемого, как правило, не может быть возбуждено уголовное преследование и начато производство по уголовному делу. Уместно еще раз напомнить – в уголовном процессе зарубежных стран не было и нет института следователей-представителей исполнительной власти. Поэтому полиции как органу дознания некому передавать материалы о преступлении для его раскрытия. Собранные материалы орган дознания передает обычно через прокурора в суд. Прокурор фильтрует материалы полиции, часто возвращает их для сбора дополнительных сведений о преступлении и лице, его совершившем, в основном путем производства гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий. Задача прокурора обобщить сведения, полученные из полиции, оценив их, составляет обвинительный акт с изложением формулы обвинения. С этим актом знакомится обвиняемый и получает возможность обжаловать предъявленное обвинение в суд.

Тем самым найдет полную реализацию право обвиняемого обжаловать в суд

каждое действие, решение следователя, дознавателя, в том числе и постановление о признании лица в качестве обвиняемого.

Библиографический список

1. *Бюллетень* Верховного Суда Российской Федерации. 2004. №9.
2. *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс: учеб. пособие. М.: Юрид. бюро «Городец», 1997. 448 с.
3. *Махов В.Н.* Почему не проводятся неотложные следственные действия // *Следователь*. 2011. №2. С. 16–19.

References

1. *Bjulleten' Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2004. №9. (In Russ).
2. *Viktorskij S.I. Russkij ugolovnyj process: ucheb. posobie* [Russian criminal process: tutorial]. M.: Jurid. bjuro «Gorodec». 1997. 448 s. (In Russ).
3. *Mahov V.N. Pochemu ne provodjatsja neotlozhnye sledstvennye dejstvija* [Why not carried out urgent investigative actions] // *Sledovatel' – Investigator*. 2011. №2. S. 16–19. (In Russ).

IT IS PRACTICABLE TO GRADUALLY TRANSFORM THE PHASE OF INITIATING A CRIMINAL CASE INTO THE PHASE OF THE POLICE INQUIRY PHASE

V.N. Makhov

Doctor of Law, Docent, Professor, Professor of the Criminal Law and Procedure Chair
Russian University of Peoples' Friendship
6, Mikluho-Maklaya st., Moscow, 117198
E-mail: ugolovnoe_pravo@list.ru

Abstract: **Introduction:** the phase of initiating the criminal case is gradually transformed to the police inquiry. Its principal task is to define the suspect; the possibility of detention before initiating the criminal case is justified. **Purpose:** to justify the necessity to gradually transform the case initiation phase into the police inquiry phase. **Methods:** the methodological basis of this research is the total of different methods of the scientific research with the dialectical method as the leading one. In the article, the general scientific research methods (dialectics, analysis and synthesis, abstracting and specification) and private scientific methods (formal legal, comparative legal, technical legal) were used. **Results:** the author comes to the conclusion that introduction of Chapter 32-1 about the cut for of inquiry into the Russian Federation Criminal Procedural Code, including a new item into the Part 1 of Article 140 of the RF Criminal Procedural Code in 2010 about the cause for the criminal case initiation (regulation of the Prosecutor about sending the corresponding materials to the pretrial investigation authority for taking the decision of the criminal prosecution), in our opinion, means that the legislator gradually (but not always consistently) tries to transform the phase of the criminal case initiation into the police inquiry phase, i.e. the first phase of the criminal procedure which has been existing in the criminal law of the foreign countries for centuries, and did exist in the criminal procedure of the pre-revolutionary Russia. Its advantage is, as it was noted above, not in only defining the elements of crime but in defining the person who is a suspect in the crime. With no suspect, as a rule, the criminal case cannot be initiated and the criminal case procedures cannot be started.

Keywords: initiating the criminal case; police inquiry; detention of suspect; investigator; criminal investigation

Информация для цитирования:

Махов В.Н. Стадию возбуждения уголовного дела целесообразно поэтапно преобразовать в стадию полицейского дознания // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 180–185.

Makhov V.N. Stadiyu возбуждения уголовного дела целесообразно поэтапно преобразовать в стадию полицейского дознания [It is practicable to gradually transform the phase of initiating a criminal case into the phase of the police inquiry phase] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 180–185. (In Russ).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ЮРИДИЧЕСКУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В.В. Степанов

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и прокурорского надзора
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: criminalaw@mail.ru

Аннотация: **Введение:** в работе поднимается проблема выявления правовой природы обстоятельств, исключающих юридическую ответственность. **Цель:** анализируется место обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, в системе ее институтов; устанавливаются основные признаки обстоятельств, исключающих юридическую ответственность. **Методы:** методология исследования основывается на диалектическом методе научного познания. Автором используются общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, системный) и частно-научные методы исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой). **Результаты:** в работе уточняется юридическая природа обстоятельств, исключающих ответственность за совершенное лицом деяние, их место и значение в системе института правовой ответственности. Также определяются их отличительные признаки, выделяющие данные обстоятельства среди смежных правовых явлений, формулируется их понятие. Показаны основные направления научного анализа института обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, а также соответствующие пути совершенствования российского законодательства. **Выводы:** обстоятельства, исключающие юридическую ответственность, определяются автором как межотраслевой правовой институт, предусматривающий совокупность обстоятельств (явлений) универсального характера, при которых совершенное лицом деяние, внешне содержащее признаки состава правонарушения, признается (является) общественно полезным и правомерным, привлечение лица к любой разновидности негативной юридической ответственности исключается, а применение к нему мер защиты в праве ограничено специальными указаниями закона.

Ключевые слова: юридическая ответственность; правонарушение; исключение юридической ответственности; освобождение от юридической ответственности; правовой институт; правовая природа; отрасль права; межотраслевой институт

Введение

Действующее законодательство России содержит широкий массив нормативных предписаний, регламентирующих применение института обстоятельств, исключающих юридическую ответственность. Указанные предписания расположены в различных отраслях права (уголовном, гражданском, административном, трудовом и др.) и находятся в системе межотраслевого института юридической ответственности.

В то же время изучение обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, до настоящего времени происходило главным образом на базе науки уголовного права [3; 4; 6; 11; 23; 28; 36], средств которой недостаточно для системного исследования данного правового явления. При этом теории права до настоящего времени чаще всего ограничивали анализ института целями исследования более общего характера (как правило, юридической ответственности) либо учебными целями.

Современное состояние правового регулирования института обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, в РФ

Достаточно полное институциональное оформление обстоятельства, исключающие юридическую ответственность, получили лишь в Уголовном кодексе РФ, гл. 8 которого регламентирует применение семи таких обстоятельств: необходимой обороны, крайней необходимости, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, физического и психического принуждения, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях прямо называется только одно из указанных обстоятельств – крайняя необходимость (ст. 2.7), в Гражданском кодексе РФ – необходимая оборона (ст. 1066) и крайняя необходимость (ст. 1067). Формулируя соответствующие положения в Трудовом кодексе РФ и Налоговом кодексе РФ, законодатель посвятил им всего по одной статье, в которых перечислил обстоятельства, исключающие юридическую ответственность. Примечательно в последнем случае то, что оба нормативных правовых акта содержат институты и штрафной (дисциплинарная – гл. 30 ТК РФ; налоговая штрафная – гл. 15 и 16 НК РФ) и правовосстановительной юридической ответственности (материальная ответственность сторон трудового договора – раздел XI ТК РФ; налоговая правовосстановительная – ст. 75 НК РФ) [7, с. 35 и др.; 9, с. 41–53; 16, с. 299–300, 308–309 и др.]. При этом ст. 239 ТК РФ сформулирована применительно лишь к положениям о материальной ответственности, а в ст. 111 НК РФ называются обстоятельства, исключающие вину лица в совершении налогового правонарушения, влекущего штрафную ответственность.

Помимо перечня обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, значительно разнятся и сами правила применения указанного института, в том числе детальность законодательных формулировок, последствия применения. В этом плане наибольшей точностью обладают, как и в предыдущем случае, соответствующие по-

ложения УК РФ, содержащие, как правило, достаточно подробные предписания относительно применения каждого из таких обстоятельств. И напротив, в уже приводившейся ст. 239 ТК РФ говорится лишь о том, что материальная ответственность работника исключается в случаях возникновения ущерба вследствие непреодолимой силы, нормального хозяйственного риска, крайней необходимости или необходимой обороны либо неисполнения работодателем обязанности по обеспечению надлежащих условий для хранения имущества, вверенного работнику, – что явно недостаточно. Как представляется, также должны быть уточнены и раскрыты правила применения обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, в ГК РФ, КоАП РФ и иных нормативных правовых актах, их предусматривающих.

В статье 1067 ГК РФ предусмотрено правило о том, что вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, т.е. для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред. Учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред. Таким образом, несмотря на то что в данном случае возмещение вреда лицом, причинившим его в состоянии крайней необходимости, нельзя считать ответственностью уже в силу отсутствия в его деянии состава правонарушения и противоправного деяния как такового [1, с. 74; 14, с. 316–317; 17, с. 25; 19, с. 7], такое возмещение, тем не менее, по общему правилу ложится именно на лицо, причинившее вред. В то же время соответствующие положения института материальной ответственности сторон трудового договора подобных правил не содержат, а только исключают ответственность лица, действовавшего в условиях крайней необходимости. Статья 22 Федерального закона от

21 декабря 1994 №69-ФЗ «О пожарной безопасности» также содержит норму о том, что личный состав пожарной охраны, иные участники тушения пожара, ликвидации аварии, катастрофы, иной чрезвычайной ситуации, действовавшие в условиях крайней необходимости и (или) обоснованного риска, от возмещения причиненного ущерба освобождаются. Очевидно, что термин «освобождаются» использован в законе некорректно: в действительности речь идет об исключении ответственности указанных лиц.

Место обстоятельств, исключających юридическую ответственность, в ее системе

Содержание института обстоятельств, исключających юридическую ответственность, в том числе приведенные положения законодательства РФ, безусловно, свидетельствуют о его межотраслевой природе, а также о его включенности в систему юридической ответственности. Среди теоретиков права распространено понимание юридической ответственности не только в так называемом негативном или ретроспективном аспекте, но и в позитивном аспекте, в позитивном значении [5; 7, с. 22–32; 16, с. 9–42; 30, с. 8–10]. Позитивная юридическая ответственность, или позитивная форма реализации юридической ответственности, по мнению Д.А. Липинского, есть «способ закрепления юридических обязанностей соблюдения требований правовых норм, реализующегося в правомерном поведении субъектов юридической ответственности, одобряемом или поощряемом государством» [16, с. 42]. Хотя в задачи настоящей работы не входит окончательное разрешение вопроса об обоснованности выделения негативного и позитивного аспектов юридической ответственности [18, с. 130–134; 25, с. 635–641], вместе с тем следует отметить, что феномен обстоятельств, исключających юридическую ответственность, прежде всего является частью системы норм, регулирующих отношения по привлечению к юридической ответственности в негативном аспекте, т.е. ответственности, которая следует за совершенным лицом правонарушением. В то же время анализ обстоятельств, исключających

юридическую ответственность, представляет научный интерес и в аспекте связи данного явления и юридической ответственности в положительном смысле. Учитывая эти положения, можно решать задачи по раскрытию правовой природы обстоятельств, исключających юридическую ответственность, выработке их дефиниции и определению особенностей применения института в различных отраслях права.

Юридическая ответственность в негативном аспекте не имеет общепризнанной дефиниции. Верным представляется понимание юридической ответственности как разновидности социальной ответственности, предусмотренной санкциями норм права, специфический характер которой проявляется в том, что она связана с государственным принуждением и представляет собой юридическую обязанность правонарушителя претерпевать лишения личного и имущественного характера за упречное с точки зрения закона поведение [7, с. 35; 8, с. 215–216; 35, с. 137].

Уже при первом обращении к исследованию института обстоятельств, исключających юридическую ответственность, становится очевидна взаимосвязь между ним и общим основанием (основным условием) штрафной юридической ответственности в виде совершения правонарушения. Главное назначение исследуемого института – очертить круг деяний, являющихся не правонарушениями, а, напротив, выступающих в качестве актов правомерного поведения при наличии особых, нормативно закрепленных обстоятельств, а поэтому не влекущих юридической ответственности [21, с. 64–65; 23, с. 159–162]. Потребность в выполнении такой функции в целом обусловлена абстрактным характером норм права. Так, в конкретной ситуации деяние может внешне напоминать (подпадать под) состав правонарушения, однако в силу наличия определенных обстоятельств оказывается лишенным общественно вредного (опасного) характера, что, соответственно, исключает необходимость применения института негативной юридической ответственности.

Социальная природа обстоятельств, исключающих юридическую ответственность

Деяния, совершенные при обстоятельствах, исключающих юридическую ответственность, ряд ученых рассматривают как общественно полезные [22, с. 314; 26, с. 18–21]. Другие исследователи относят некоторые из таких деяний к нейтральным по своему характеру [3, с. 41; 33, с. 263].

Первая позиция представляется верной, ведь именно социальная полезность деяний в условиях необходимой обороны, крайней необходимости, обоснованного риска, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, и обосновывает исключение юридической ответственности как таковой, превращает деяние из противоправного в правомерное. В указанных ситуациях лицо действует в качестве управомоченного субъекта правоотношения. Такие деяния не только не должны влечь для лица, их совершившего, негативных последствий, но и могут свидетельствовать о необходимости его поощрения [12, с. 23–52; 16, с. 21–22 и др.; 31, с. 755–761], что также показывает связь деяний, совершенных при обстоятельствах, исключающих юридическую ответственность, и позитивной юридической ответственности.

Противники указанного подхода приводят в качестве аргумента наличие в числе обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, исполнения приказа или распоряжения, физического или психического принуждения, малозначительности деяния и некоторых других, которые не имеют общественно полезного характера, являются нейтральными [2, с. 97 и др.; 20, с. 128–132]. Однако это положение скорее свидетельствует лишь о необходимости совершенствования законодательства, а не об ошибочности разделяемой нами позиции. Так, деяние лица при исполнении приказа или распоряжения, а также при физическом принуждении говорит об отсутствии как минимум вины указанного лица в совершении преступления, вследствие чего в его деянии даже внешне (формально) отсутствует состав преступления. В то же время неправомерность действий лица, исполняющего обязательное для него распоряжение друго-

го лица, совершающего таким образом преступление, не говорит во всех таких случаях о невозможности привлечения первого к дисциплинарной ответственности за сопутствующее преступлению неисполнение или ненадлежащее исполнение им возложенных на него трудовых (служебных) обязанностей. Указанные обстоятельства делают целесообразным обращение к институту обстоятельств, исключающих преступность деяния, в приведенных ситуациях.

Малозначительность деяния также в значительной степени искусственно под влиянием формулировки ч. 2 ст. 14 УК РФ («не является преступлением...») и ранее действовавших источников отечественного уголовного права была зачислена в состав обстоятельств, исключающих преступность деяния (юридическую ответственность). В действительности же указанное правовое явление по ряду приведенных ниже признаков относится к числу оснований освобождения от юридической ответственности [29, с. 6–29]. Аналогичным образом оценил правовую природу малозначительности правонарушения и законодатель, формулируя нормы ст. 2.9 КоАП РФ и п. 5 ст. 28.5 Федерального закона от 27 мая 1998 г. №76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Обстоятельства, исключающие юридическую ответственность, и основания освобождения от нее

В целом в российском законодательстве понятия исключения юридической ответственности и освобождения от нее не всегда четко различаются [7, с. 245; 27, с. 50–52; 32, с. 45–49]. Иногда не проводится должного различия и в научных работах. Вместе с тем обстоятельства, исключающие юридическую ответственность, имеют признаки, не позволяющие смешивать данный правовой институт с основаниями освобождения от юридической ответственности.

1. Как уже указывалось в работе, наличие обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, позволяет признать совершенное деяние общественно полезным. В то же время деяние, от ответственности за совершение которого лицо может быть освобождено, причиняет обществу вред или создает угрозу его причинения.

2. Деяние, совершенное при обстоятельствах, исключающих юридическую ответственность, не является противоправным в силу прямого указания закона. Многие ученые, исследовавшие данный вопрос, справедливо отмечают, что такое деяние имеет внешнее сходство (соответствующий набор признаков) с определенным составом правонарушения. Однако в связи с наличием дополнительных признаков у деяния, позволяющих констатировать его правомерность, состав в действительности отсутствует как таковой [4, с. 37–50; 23, с. 95–96 и др.]. Деяние же, от ответственности за совершение которого лицо может быть освобождено, противоправно, т.е. при отсутствии в деянии лица признаков состава правонарушения вопрос о возможности освобождения такого лица от юридической ответственности не возникает [7, с. 245, 250; 32, с. 49; 34, с. 176].

3. При обстоятельствах, исключающих юридическую ответственность, должны исключаться все ее виды. В то же время освобождение от одного вида юридической ответственности не предполагает освобождения и от других ее видов.

4. Юридическим фактом, вызывающим исключение юридической ответственности, выступает само деяние, совершенное при определенных указанных в нормативном правовом акте обстоятельствах. Фактический же состав оснований освобождения от ответственности шире и содержит не только само деяние, но и иные обстоятельства (позитивное поведение до или после совершения правонарушения, истечение сроков давности привлечения к ответственности и др.).

5. В соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ в случае уголовного преследования в отношении лица, совершившего деяние при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, у данного лица возникает право на реабилитацию. При освобождении от уголовной ответственности такое право у лица отсутствует (ст. 133 и др. УПК РФ).

Обстоятельства, исключающие юридическую ответственность, и иные обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии состава правонарушения

Иногда в юридической литературе недооцениваются и различия между институтом обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, и иными обстоятельствами, при которых отсутствует состав правонарушения (невменяемость, отсутствие вины, непреодолимая сила и др.) [4, с. 66–81; 13, с. 24–26; 20, с. 172–187]. Так, С.В. Пархоменко, подробно исследуя данный вопрос в рамках уголовно-правовой доктрины, приходит к выводу о том, что и нормы гл. 8 УК РФ, и ряд других норм уголовного закона (в частности, о субъекте уголовной ответственности (ст. 20 УК РФ), норма, определяющая понятие вины (ст. 21 УК РФ), о невиновном причинении вреда (ст. 28 УК РФ) относятся к правовому институту обстоятельств, исключающих преступность деяния, поскольку соответствующие деяния хотя и причиняют вред объектам уголовно-правовой охраны, однако объявляются законодателем непроступными [23, с. 11–12, 101–114]. В то же время при дальнейшем научном анализе в рамках вопроса о классификации обстоятельств, исключающих преступность деяния, автор отмечает такие важные особенности обстоятельств, предусмотренных гл. 8 УК РФ, как: социальная полезность; управомочивающий характер правовых норм, их предусматривающих; социально-правовое назначение обстоятельств, выходящее за рамки механизма уголовно-правового регулирования [23, с. 164–168]. Представляется, что принципиальным моментом, выделяющим институт исключающих юридическую ответственность обстоятельств среди иных правовых явлений, позволяющих констатировать отсутствие состава правонарушения, является именно общественно полезный характер таких обстоятельств и правомерность деяний при их наличии. Главным же проявлением указанных свойств обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, является невозможность привлечения лица к любой разновидности юридической ответственности. Более того, по нашему мнению, и иные негативные правовые последствия (при применении мер защиты в праве), как правило, не могут следовать для лица, действовавшего правомерно в условиях обстоятельств, исключающих

юридическую ответственность. Именно этот момент часто упускается в отраслевых исследованиях, в рамках методологии которых действительно сложно увидеть разницу в результатах, например, невиновного причинения вреда (ст. 28 УК РФ) и необходимой обороны (ст. 37 УК РФ). Однако такая разница становится очевидной при анализе соответствующих гражданско-правовых предписаний: если деяние, совершенное в пределах необходимой обороны, по-прежнему не влечет для лица негативных правовых последствий (ст. 1066 ГК РФ), то невиновное причинение вреда не всегда исключает применение правозаставительных мер (см., например, ст. 1079 ГК РФ). Безусловно, не исключают применения таких мер и малозначительность деяния (ст. 14 УК РФ), и добровольный отказ от преступления (ст. 31 УК РФ), при которых также формально констатируется отсутствие состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24, п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ). С другой стороны, отсутствие в деянии лица состава гражданского правонарушения, связанное, например, с непричинением вреда (убытков) другой стороне правоотношения [15, с. 334–373; 24], не является безусловным свидетельством отсутствия в таком деянии состава административного или уголовного правонарушения.

Выводы

Обозначенный в работе подход позволяет установить сущность и социальное значение обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, и, кроме того, делает возможным продвижение в решении вопроса о правовой идентичности данного института. Изложенное также позволяет близко подойти формулированию понятия обстоятельств, исключающих юридическую ответственность. Они представляют собой межотраслевой правовой институт, предусматривающий совокупность обстоятельств (явлений) универсального характера, при которых совершенное лицом деяние, внешне содержащее признаки состава правонарушения, признается (является) общественно полезным и правомерным, привлечение лица к любой разновидности негативной юридической ответственности исключается, а применение к нему мер защи-

ты в праве ограничено специальными указаниями закона.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
2. *Багиров Ч.М.* Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 168 с.
3. *Баулин Ю.В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков: Основа, 1991. 360 с.
4. *Блинников В.А.* Система обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Н.Новгород, 2002. 403 с.
5. *Бондарев А.С.* Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. 187 с.
6. *Винокуров В.Н.* Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1999. 207 с.
7. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. М.: РАП, 2008. 324 с.
8. *Власенко Н.А.* Теория государства и права: науч.-практ. пособие для самост. подготовки студ. всех форм обучения. М.: ИЗиСП. М.; ИД «Юриспруденция», 2009. 424 с.
9. *Вопленко Н.Н.* О понятиях «вид» и «подвид» юридической ответственности // Ленингр. юрид. журнал. 2006. №2. С. 43–51.
10. *Гринберг М.С.* Проблема производственного риска в уголовном праве. М.: Госюриздат, 1963. 132 с.
11. *Дурманов Н.Д.* Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. М., 1961.
12. *Елеонский В.А.* Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. Хабаровск: ВШ МВД СССР, 1984. 180 с.
13. *Ендольцева А.* Классификация обстоятельств, позволяющих не привлекать лицо к уголовной ответственности // Уголовное право. 2003. №3. С. 24–26.

14. Кожевников С.Н. Теория права: курс лекций. Ч. 2: Нормы права, правоотношения, правосознание и правовая культура, действие права. Н. Новгород: Стимул-СТ, 2006. 323 с.
15. Кузнецова Л.В. Спорные вопросы деликтной ответственности // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: сб. ст. М.: Статут, 2010. С. 334–373.
16. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / под ред. Р.Л. Хачатурова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 385 с.
17. Малеин Н. Возмещение вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости // Советская юстиция. 1964. №20. С. 24–26.
18. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. 192 с.
19. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юрид. лит., 1970. 312 с.
20. Медведева С.В. Теоретические основания юридических фактов, исключающих правовую ответственность личности: дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2005. 208 с.
21. Михайлов В.И. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния // Государство и право. 1995. №12. С. 59–69.
22. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций; в 2 т. Т. 1: Общая часть. М.: Юрид. лит., 2004. 496 с.
23. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2004. 339 с.
24. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.04.2000 №8051/99 // Вестник ВАС РФ. 2000. №7.
25. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / под ред. М.Н. Марченко. М.: Юрист, 2002. 656 с.
26. Разгильдиев Б.Т. Общественно полезные деяния, предусмотренные УК // Законность. 1993. №12. С. 18–21.
27. Розина С.В. Институт освобождения от гражданско-правовой ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 142 с.
28. Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. 119 с.
29. Степанов В.В. Понятие и значение малозначительности правонарушения в российском законодательстве / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. 114 с.
30. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд-во СГУ, 1973. 456 с.
31. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2004. 768 с.
32. Тихоненко И.Н. Основания освобождения от юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 129 с.
33. Уголовное право России. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Казаченко, З.А. Незнамова. М.: НОРМА, 2001. 576 с.
34. Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 210 с.
35. Явич Л.С. Право и социализм. М.: Юрид. лит., 1982. 176 с.
36. Якубович М.И. Необходимая оборона и задержание преступника. М.: Знание, 1976. 80 с.

References

1. Alekseyev S.S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Right: the alphabet – the theory – philosophy: Experience of complex research]. M.: Statut, 1999. 712 s. (In Russ).
2. Bagirov Ch.M. *Maloznachitelnost deyaniya i yeye ugovovno-pravovoye znachenije* [Insignificance of act and its criminal and legal value]: dis. ... kand. yurid. nauk. Tyumen, 2005. 168 s. (In Russ).
3. Baulin Yu.V. *Obstoyatelstva, isklyuchayushchiye prestupnost deyaniya* [The circumstances excluding crime of act]. Kharkov: Osnova, 1991. 360 s. (In Russ).
4. Blinnikov V.A. *Sistema obstoyatelstv, isklyuchayushchikh prestupnost deyaniya, v ugovnom prave Rossii* [System of the circumstances excluding crime of act, in crim-

- inal law of Russia]: dis. ... d-ra jurid. nauk. N. Novgorod, 2002. 403 s. (In Russ).
5. Bondarev A.S. *Yuridicheskaya otvetstvennost i bezotvetstvennost – storony pravovoy kultury i antikultury subyektov prava* [Legal responsibility and irresponsibility – the parties of legal culture and anti-culture of legal entities]. SPb.: Yurid. tsentr Press, 2008. 187 s. (In Russ).
6. Vinokurov V.N. *Kraynyaya neobkhodimost kak obstoyatelstvo, isklyuchayushcheye prestupnost deyaniya* [Emergency as the circumstance excluding crime of act]: dis. ... kand. jurid. nauk. Ryazan, 1999. 207 s. (In Russ).
7. Vitruk N.V. *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* [General theory of legal responsibility]. M.: RAP, 2008. 324 s. (In Russ).
8. Vlasenko N.A. *Teoriya gosudarstva i prava: nauch.-prakt. posobiye dlya samost. podgotovki stud. vseh form obucheniya* [Theory of the state and right: a scientific and practical grant for independent training of students of all forms of education]. M.: IZiSP. M.; ID «Yurisprudentsiya», 2009. 424 s. (In Russ).
9. Voplenko N.N. *O ponyatiyakh «vid» i «podvid» yuridicheskoy otvetstvennosti* [About the concepts "look" and "subspecies" of legal responsibility] // *Leningr. yurid. zhurnal* – Leningrad legal magazine. 2006. №2. S. 43–51. (In Russ).
10. Grinberg M.S. *Problema proizvodstvennogo riska v ugovnom prave* [Problem of production risk in criminal law]. M.: Gosyurizdat, 1963. 132 s. (In Russ).
11. Durmanov N.D. *Obstoyatelstva, isklyuchayushchiye obshchestvennuyu opasnost i protivopravnost deyaniya* [The circumstances excluding public danger and illegality of act]. M., 1961. (In Russ).
12. Eleonskiy V.A. *Pooshchritelnyye normy ugovnogo prava i ikh znachenie v deyatel'nosti organov vnutrennikh del. Khabarovsk* [Incentive norms of criminal law and their value in activity of law-enforcement bodies]: VSh MVD SSSR, 1984. 180 s. (In Russ).
13. Endoltseva A. *Klassifikatsiya obstoyatelstv, pozvolyayushchikh ne privlekat litso k ugovnoy otvetstvennosti* [Classification of the circumstances allowing not to bring the person to trial] // *Ugolovnoye pravo – Criminal law*. 2003. №3. S. 24–26. (In Russ).
14. Kozhevnikov S.N. *Teoriya prava: kurs lektsiy. Ch. 2: Normy prava, pravootnosheniya, pravosoznaniye i pravovaya kultura, deystviye prava* [The theory is right: course of lectures. Part 2: Rules of law, legal relationship, sense of justice and legal culture, action of the right]. N. Novgorod: Stimul-ST, 2006. 323 s. (In Russ).
15. Kuznetsova L.V. *Spornyye voprosy delikt'noy otvetstvennosti* [Controversial issues of delictual responsibility] // *Mery obespecheniya i mery otvetstvennosti v grazhdanskom prave: sb. st. – Measures of providing and responsibility measure in civil law: collection of articles*. M.: Statut, 2010. S. 334–373. (In Russ).
16. Lipinskiy D.A. *Problemy yuridicheskoy otvetstvennosti* [Problems of legal responsibility] / pod red. R.L. Khachaturova. SPb.: Yurid. tsentr Press, 2003. 385 s. (In Russ).
17. Malein N. *Vozmeshcheniye vreda, prichinnogo v sostoyanii neobkhodimoy oborony i krayney neobkhodimosti* [Compensation of the harm done in a condition of necessary defense and emergency] // *Sovetskaya yustitsiya – Soviet justice*. 1964. №20. S. 24–26. (In Russ).
18. Malein N.S. *Pravonarusheniye: ponyatiye, prichiny, otvetstvennost* [Offense: concept, reasons, responsibility]. M.: Yurid. lit., 1985. 192 s. (In Russ).
19. Matveyev G.K. *Osnovaniya grazhdanskopravovoy otvetstvennosti* [Bases of civillegal liability]. M.: Yurid. lit., 1970. 312 s. (In Russ).
20. Medvedeva S.V. *Teoreticheskiye osnovaniya yuridicheskikh faktov, isklyuchayushchikh pravovuyu otvetstvennost lichnosti* [The theoretical bases of the legal facts excluding legal responsibility of the personality]: dis. ... kand. jurid. nauk. Kolomna, 2005. 208 s. (In Russ).
21. Mikhaylov V.I. *O sotsialno-yuridicheskom aspekte soderzhaniya obstoyatelstv, isklyuchayushchikh prestupnost deyaniya* [About social and legal aspect of the content of the circumstances excluding crime

- of act] // *Gosudarstvo i pravo* – State and right. 1995. №12. S. 59–69. (In Russ).
22. Naumov A.V. *Rossiyskoye ugolovnoye pravo: kurs lektsiy; v 2 t. T. 1: Obshchaya chast* [Russian criminal law: course of lectures; in 2 volumes. Volume 1: General part]. M.: Yurid. lit., 2004. 496 s. (In Russ).
 23. Parkhomenko S.V. *Deyaniya, prestupnost kotorykh isklyuchayetsya v silu sotsialnoy poleznosti i neobkhodimosti* [The acts which crime is excluded owing to social usefulness and need]: dis. ... d-ra yurid. nauk. Irkutsk, 2004. 339 s. (In Russ).
 24. *Postanovleniye Prezidiuma VAS RF ot 18.04.2000 №8051/99* [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 18.04.2000 №8051/99] // *Vestnik VAS RF* – Russian Federation YOU bulletin. 2000. №7. (In Russ).
 25. *Problemy teorii gosudarstva i prava: ucheb. posobiye* [Problems of the theory of the state and right: educational grant] / pod red. M.N. Marchenko. M.: Yurist, 2002. 656 s. (In Russ).
 26. Razgildiyev B.T. *Obshchestvenno poleznyye deyaniya, predusmotrennyye UK* [Socially useful acts provided by the Criminal code] // *Zakonnost* – Legality. 1993. №12. S. 18–21. (In Russ).
 27. Rozina S.V. *Institut osvobozhdeniya ot grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti* [Institute of release from civil responsibility]: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. 142 s. (In Russ).
 28. Slutskiy I.I. *Obstoyatelstva, isklyuchayushchiye ugolovnyuyu otvetstvennost* [The circumstances excluding criminal liability]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1956. 119 s. (In Russ).
 29. Stepanov V.V. *Ponyatiye i znachenije maloznachitelnosti pravonarusheniya v rossiyskom zakonodatelstve* [Concept and value of insignificance of an offense of the Russian legislation] / Perm. gos. un-t. Perm, 2008. 114 s. (In Russ).
 30. Tarkhov V.A. *Otvetstvennost po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Responsibility on the Soviet civil law]. Saratov: Izd-vo SGU, 1973. 456 s. (In Russ).
 31. *Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy* [Theory of the state and right: course of lectures] / pod red. N.I. Matuzova, A.V. Malko. M.: Yurist, 2004. 768 s. (In Russ).
 32. Tikhonenko I.N. *Osnovaniya osvobozhdeniya ot yuridicheskoy otvetstvennosti* [Bases of release from legal responsibility]: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1995. 129 s. (In Russ).
 33. *Ugolovnoye pravo Rossii. Obshchaya chast: uchebnik dlya vuzov* [Criminal law of Russia. General part: the textbook for higher education institutions] / otv. red. I.Ya. Kazachenko, Z.A. Neznamova. M.: NORMA, 2001. 576 s. (In Russ).
 34. Shindyapina M.D. *Stadii yuridicheskoy otvetstvennosti* [Stages of legal responsibility]: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1996. 210 s. (In Russ).
 35. Yavich L.S. *Pravo i sotsializm* [Right and socialism]. M.: Yurid. lit., 1982. 176 s. (In Russ).
 36. Yakubovich M.I. *Neobkhodimaya oborona i zaderzhaniye prestupnika* [Necessary defense and detention of the criminal]. M.: Znaniye, 1976. 80 s. (In Russ).

THE NATURE OF THE LIABILITY-EXCLUDING CIRCUMSTANCES

V.V. Stepanov

Perm State National Research University
15, Bukirev st., Perm, 614990
E-mail: criminalaw@mail.com

Abstract: **Introduction:** the work describes the issue of discovering the legal nature of the circumstances that exclude liability. **Purpose:** the place of the circumstances excluding liability is analyzed in the system of the liability institutions, the principal features of such circumstances are defined. **Methods:** the methodology of the research

is based on the dialectical method of the scientific cognition. The author uses general scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction, system analysis) and specific scientific methods of research (technical legal method and comparative legal method). **Results:** the legal nature is specified of the circumstances excluding a person's liability for the crime committed, as well as their place and meaning in the system of the liability institution. Besides, the special features are defined that distinguish these circumstances among other similar phenomena, their notion is formulated. Principal directions are shown of the scientific analysis of the circumstances that exclude liability, as well as the corresponding ways of the Russian legislation improvement. **Conclusions:** the circumstances that exclude liability are defined by the author as the inter-branch institution consisting of a set of circumstances (events) of the universal character that make the crime committed by the person and having external features of element of offense, is acknowledged (is) socially useful and legal; the person is not brought to any type of negative liability, and the application of the protective measures in law for him is limited by special directions of the law.

Keywords: liability; offense; excluding liability; relieving from liability; legal institution; legal nature; branch of law; inter-branch institution

Информация для цитирования:

Степанов В.В. Правовая природа обстоятельств, исключающих юридическую ответственность // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 186–195.

Stepanov V.V. *Pravovaya priroda obstoyatelstv, isklyuchayushchikh yuridicheskuyu otvetstvennost* [The nature of the liability-excluding circumstances] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 186–195. (In Russ).

VI. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341.217

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НОРМАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

А.И. Семешко

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры трудового и международного права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: 2939207@gmail.com

В.Г. Куранов

Заведующий курсом правоведения
Пермская государственная медицинская академия им. акад. Е.А. Вагнера Министерства здравоохранения Российской Федерации
614000, г. Пермь, ул. Петропавловская, 26
E-mail: kuranov.perm@yandex.ru

Аннотация: **Введение:** Одной из обязанностей медицинского работника является соблюдение норм врачебной этики. При этом Закон об охране здоровья не указывает, какие именно нормы необходимо соблюдать. **Цель:** Исследование механизма создания этических норм профессиональными медицинскими организациями. **Результаты:** Федеральное законодательство позволяет медицинским и фармацевтическим организациям принимать участие в создании этических норм. Обилие профессиональных медицинских ассоциаций, как на национальном, так и на международном уровнях, затрудняет определение юридической силы принимаемых ими этических кодексов. В ряде зарубежных стран врачи объединены в профессиональные организации с обязательным членством, наделенные определенными властными полномочиями. Обязательность членства в подобных ассоциациях подтверждена Европейским Судом по правам человека. Таким образом, уточнение статуса публичной профессиональной медицинской организации может позволить наделить ее рядом государственных полномочий. Анализ международного сотрудничества государств-участников ЕврАзЭС позволяет сделать вывод о стремлении государств к единообразному применению правовых норм в сфере здравоохранения. **Выводы:** Необходимо дальнейшее формирование среды для функционирования профессиональных медицинских ассоциаций в целях создания правовых норм с возможностью их реализации на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: медицинская организация; профессиональная ассоциация; международное право; нормы права; врачебная этика; Европейский Суд по правам человека; ЕврАзЭС; здравоохранение

Введение

Норма ч. 1 ст. 73 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Фе-

дерации» (далее – Закон об охране здоровья, Закон №323-ФЗ) [9] устанавливает требование к медицинским работникам осуществлять свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации, руководствуясь принципами медицинской

этики и деонтологии. Так, исходя из этого правила можно говорить о том, что морально-этические нормы выступают в качестве источника здравоохранительного права. При этом перечисление конкретных норм морали, которые необходимо соблюдать медицинским работникам, в законе отсутствует. Этот факт существенно затрудняет реализацию указанного законодательного положения, призванного регулировать процесс реализации правоотношений в области здравоохранения.

Положения, выносимые на обсуждение

Решение видится в использовании механизма создания норм профессиональными медицинскими ассоциациями с целью последующего их применения для эффективной регламентации правоотношений в сфере здравоохранения. Правовая основа возможности применения такого механизма прослеживается в следующем. В соответствии с п. 1 ст. 76 Закона №323 (в редакции от 18.12.2013 г.), профессиональные некоммерческие организации создаются медицинскими и фармацевтическими работниками в целях реализации и защиты прав медицинских работников и фармацевтических работников, развития медицинской деятельности и фармацевтической деятельности, содействия научным исследованиям, решения иных связанных с профессиональной деятельностью медицинских работников и фармацевтических работников вопросов. Указанные работники имеют право на создание на добровольной основе профессиональных некоммерческих организаций, которые могут формироваться в соответствии с критериями принадлежности к медицинским работникам или фармацевтическим работникам; принадлежности к профессии; принадлежности к одной врачебной специальности.

Медицинские профессиональные некоммерческие организации, на основании пункта 2 статьи 76 Закона об охране здоровья, могут принимать участие в разработке норм и правил в сфере охраны здоровья, в решении вопросов, связанных с нарушением этих норм и правил, порядков оказания

медицинской помощи и стандартов медицинской помощи, программ подготовки и повышения квалификации медицинских работников и фармацевтических работников; могут принимать участие в аттестации медицинских работников и фармацевтических работников для получения ими квалификационных категорий; разрабатывают и утверждают клинические рекомендации (протоколы лечения) по вопросам оказания медицинской помощи.

Думается, данная формулировка закона – «принимают участие», -весьма специфична. Она говорит о том, что профессиональные ассоциации сами не могут принимать нормы медицинской этики, стандарты качества медицинской помощи, критерии квалификации медицинских работников, соглашения по тарифам на медицинские услуги в системе ОМС и т.д. Они только «принимают участие» в их разработке. Это означает, что должен присутствовать другой субъект, который, в свою очередь, наделен регулятивными полномочиями. Профессиональные ассоциации выступают всего лишь его партнером [12]. Анализ норм Закона об охране здоровья приводит к выводу, что такими уполномоченными субъектами выступают федеральные органы государственной власти в области охраны здоровья граждан (статья 5).

Кроме того, статья 17 Федерального закона от 19 мая 1995 г. №82 ФЗ «Об общественных объединениях» [8] четко проводит линию между государством и общественными объединениями: «Вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательство общественных объединений в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом». Эта же статья дополняет, что вопросы, затрагивающие интересы общественных объединений в предусмотренных законом случаях, решаются органами государственной власти и органами местного самоуправления с участием соот-

ветствующих общественных объединений или по согласованию с ними.

В приведенном аспекте трудно согласиться с тем, что документы, определяющие правила поведения врача, принятые профессиональными медицинскими ассоциациями, имеют общеобязательное юридическое значение. В частности, Л.А. Эртель [15, с. 28] считает, что Этический кодекс российского врача, утвержденный Конференцией Ассоциации врачей России (ноябрь 1994 г.) [14] подлежит применению, «поскольку принят в рамках, предусмотренных ст. 62 Основ полномочий профессиональной медицинской ассоциации – Ассоциации врачей России». Такой же точки зрения придерживаются Ю.Д. Сергеев и А.А. Мохов [13, с. 51–52], определяя Этический кодекс российского врача как правовой обычай, поскольку был принят «с санкции законодателя», нашедшей свое отражение в статье 62 Основ об охране здоровья граждан и статье 5 Гражданского кодекса РФ [1]. Дополнительным аргументом против высказанной позиции выступает наличие достаточно большого количества общественных организаций, позиционирующих себя как профессиональные медицинские ассоциации: Ассоциация лучших врачей России, Ассоциация заслуженных врачей России, Ассоциация семейных врачей России и т.д. На данный момент созданы и успешно осуществляют деятельность Российское медицинское общество (представитель России во Всемирной медицинской ассоциации), Союз педиатров России, Российская ассоциация медицинской лабораторной диагностики, Российская ассоциация специалистов ультразвуковой диагностики в медицине, Российская ассоциация по клиническим исследованиям, Ассоциация профессиональных медицинских обществ по качеству, Общероссийское объединение медицинских работников, Национальная медицинская палата (с ее территориальными врачебными объединениями, в том числе НП «Медицинская палата Свердловской области»), а также одно из самых крупных объединений в сфере здравоохранения – Российская медицинская ассоциация. Возникает резонный

вопрос: решения каких медицинских организаций интересны с точки зрения правовой регламентации отношений в сфере здравоохранения?

Результаты

На сегодняшний день проблемой правового регулирования биомедицинских исследований занимается целый ряд международных межправительственных и неправительственных организаций, а именно: ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, Всемирная Ассоциация медицинского права, Совет Европы (в рамках Конвенции о защите прав и достоинства человека в области биомедицины [4]), Европейский Союз, ВМА, Международный совет медицинских научных обществ (CIOMS), Комитет по международному медицинскому праву (создан решением 47-й конференции Ассоциации международного права в 1956 г. по предложению Всемирной ассамблеи здравоохранения-высшего органа ВОЗ) и др. Принятые этими организациями документы играют важную роль в определении норм и правил, например, биомедицинских исследований.

Зарубежный опыт показывает, что в ряде стран врачи объединены в публичные корпорации, которые совмещают в себе элементы правового статуса как общественной, так и публичной организации. Как правило, предусматривается обязательное членство врача в такой структуре, наделенной по отношению к нему дисциплинарной властью. Необходимо отметить, что критерии, благодаря которым можно отличить общественный союз от публичной корпорации, сжато, но четко были сформулированы Европейским Судом по правам человека в решении «Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер против Бельгии» от 23 июня 1981 г. [11]. Заявителями оспаривалась установленная законом обязанность вступать в Орден врачей Бельгии, что нарушало, по их мнению, статью 11 (свобода собраний и объединений) Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ). Европейский Суд по правам человека провел грань, указав, что Орден – институт публичного права: “Будучи созданным законо-

дателем, а не частными лицами, он интегрирован в государственные структуры, и в большинстве из его органов имеются судьи, назначаемые королем. Орден преследует цель, представляющий общественный интерес, т.е. охрану здоровья людей, обеспечивая в соответствии с законодательством некоторый публичный контроль за профессиональной деятельностью врачей. В рамках данной компетенции Орден должен определить свою структуру и членство в нем.

Для осуществления задач, которые бельгийское государство поставило перед ним, он пользуется в соответствии с законом очень широкими правами, в том числе административными и дисциплинарными, и использует в связи с этим процедуры, свойственные публичной власти". Одновременно Суд отметил, что обязанность вступления в Орден не затрагивает права вступления в общественные ассоциации, которые также созданы на территории Бельгии.

Приведенное решение показывает, что возможность создания публичных корпораций, которые наделяются отдельными государственно властными полномочиями, допускается. В литературе предлагается учитывать определенные требования в таком случае:

1. Корпорации создаются в силу закона в соответствии с нормами публичного, а не частного права.
2. Корпорации интегрированы в структуру органов государственного управления.
3. Они подотчетны и подконтрольны государству.
4. Существование публичных корпораций имеет глубокие исторические корни.
5. Деятельность публичной корпорации четко регламентирована на уровне закона.
6. Установление гарантий эффективной деятельности публичной корпорации, ответственной перед государством.
7. Гарантированность защиты прав члена публичной корпорации от возможного злоупотребления полномочиями [12].

Вышеизложенное позволяет сформулировать промежуточный вывод о том, что

при уточнении статуса профессиональных медицинских ассоциаций необходимо учитывать как существующий опыт правового регулирования, так и позиции, изложенные в решениях различных судебных инстанций. В любом случае это потребует внесение кардинальных изменений и дополнений в блок норм об охране здоровья граждан.

Необходимо также отметить особо, что на уточнение статуса профессиональных медицинских ассоциаций в юридической литературе указывается неоднократно. Однако авторы скептически дополняют, что наделение подобными полномочиями профессиональные медицинские ассоциации в настоящее время не представляется возможным.

На основе анализа деятельности приведенных выше объединений можно заметить, что ими вносится серьезный вклад в развитие системы российского здравоохранения в целом. Особенно стоит отметить деятельность Российской медицинской ассоциации (далее – РМА). В частности, по ее инициативе был сформирован Общественный совет при Министерстве здравоохранения Российской Федерации, который позволяет пользоваться предоставляемым законом правом принятия участия в разработке норм медицинской этики. Также членами РМА был разработан Кодекс врачебной этики [3], который определяет главной целью профессиональной деятельности врача сохранение жизни человека, профилактику заболеваний и восстановление здоровья, а также уменьшение страданий при неизлечимых заболеваниях. В Кодексе прописаны такие проблемные вопросы отношений врача и пациента, как обращения с врачебной тайной, проведения биомедицинских испытаний и трансплантации человеческих органов.

Помимо указанного Кодекса Ассоциацией были приняты следующие акты: Концепция о правах и ответственности пациентов [6], Конвенция о правах и обязанностях врачей в Российской Федерации [5], Медико-социальная хартия Российской Федерации [7] и Декларация врачей России [2], что

говорит о ее активной и разноплановой деятельности.

Помимо Российской медицинской ассоциации в Российской Федерации осуществляют свою деятельность менее крупные объединения, например Российская Ассоциация специалистов ультразвуковой диагностики в медицине. Данная Ассоциация и подобные узкоспециализированные объединения в основном функционируют на основе устава, в котором в качестве целей указывается содействие в развитии приоритетных направлений научных исследований в соответствующей сфере, развитие сотрудничества с международными медицинскими обществами и ассоциациями, поддержка членов ассоциаций в их профессиональной деятельности. Однако, в отличие от Российской медицинской ассоциации, узкоспециализированные ассоциации для реализации уставных целей выбирают такие способы как организация съездов и конференций, анализ и обобщение научных исследований, утверждает свои филиалы и представительства, но не используют свое право на издание рекомендательных источников права, таких как декларации и конвенции.

Можно предположить, что в Российской Федерации основная инициатива по принятию рекомендательных источников права исходит лишь от крупнейшей медицинской ассоциации, которая не способна в полной мере учесть интересы врачей разной специализации. Думается, что если бы инициатива исходила от менее крупных врачебных объединений, это способствовало бы качественному улучшению здравоохранения в целом. Однако, поскольку Закон не дает общественным объединениям право принимать обязательные для исполнения документы, более мелкие врачебные ассоциации не считают целесообразным принятие собственных рекомендательных актов.

Философия всех национальных профессиональных медицинских организаций заключается в том, что медицинская помощь становится наилучшей только тогда, когда качественные медицинское образование и подготовка являются достоянием медицинских работников. В каждой стране

профессионалы отстаивают такую позицию, но все чаще делать это становится трудно – контролировать качество медицинской помощи желают такие структуры, как правительство, страховые и коммерческие компании.

Если медицинские специалисты хотят сохранить и улучшить качество оказываемой помощи, то для этого им необходимо постоянно прикладывать весьма серьезные усилия. Это возможно только в случае единства цели и средств. А достижение такого единства возможно путем объединения национальных структур в региональные медицинские ассоциации. Несомненно, объединение стратегий должно начинаться на государственном уровне, но достижение единообразия и высокого качества оказания медицинской помощи представляется невозможным без объединения в более крупные региональные ассоциации. Реализация их деятельности направлена на организацию тесного взаимодействия профессиональных организаций и национальных медицинских ассоциаций.

В Европе образованы и действуют Европейский союз медицинских специалистов (UEMS) с его секциями, а также Совет Европы, европейские профессиональные сообщества по каждой из специальностей, а также зонтичные организации национальных медицинских ассоциаций, такие как Постоянная комиссия европейских врачей (Comite Permanent of European doctors – CPME), Европейская организация врачей-стажеров (PWG), больничных врачей (АЕМН) и врачей на окладе (FEMS), Европейская ассоциация по изучению сахарного диабета, Европейская нейроэндокринологическая ассоциация, Европейская медицинская лазерная ассоциация. В основном каждая группа появлялась с целью лоббирования своих собственных интересов, но были достигнуты успехи в достижении единства их целей и принципов.

Европейский союз медицинских специалистов (далее – ЕСМС) является крупнейшей медицинской ассоциацией Европы и существует с 1958 года.

Упрощенно ЕСМС можно рассматривать как три разноплановые, но связанные друг с другом структуры. Первой является Совет, на уровне которого организуются заседания национальных медицинских ассоциаций; во вторую входят секции и комитеты по различным медицинским специальностям; третья – самая молодая организация, «дитя» Европейского союза медицинских специалистов – Европейский аккредитационный совет по непрерывному медицинскому образованию (ЕАССМЕ).

Союз осуществляет деятельность по достижению единства медицинских работников на европейском уровне, при одновременном сохранении профессиональной независимости отраслевых групп, таких, как группа специалистов в области медицины, группа врачей общей практики и т.д.

Непрерывное медицинское образование и повышение профессиональной квалификации всегда были ключевыми элементами ЕСМС, так как они значимо способствуют улучшению качества медицинской помощи и обеспечивают максимальный уровень подготовки специалистов в области медицины. Данный постулат был узаконен в 1993 г., когда была принята «Хартия ЕСМС о непрерывном медицинском образовании». С тех пор в этом направлении была проделана большая работа, приняты соответствующие позиционные документы и декларации, такие как «Базельская декларация по программе непрерывного медицинского образования» (2001), «Декларация UEMS по продвижению качественной медицинской помощи» (2004).

Региональное взаимодействие по вопросам здравоохранения осуществляется также между членами Евразийского экономического сообщества. Проведение согласованной политики в области здравоохранения, реализация совместных мероприятий, направленных на повышение эффективности систем здравоохранения, относятся к приоритетным направлениям развития государств ЕврАзЭС, обеспечивающим повышение степени их интеграции. За последнее десятилетие страны ЕврАзЭС добились существенного роста экономики, что позво-

лило им увеличить финансирование здравоохранения и создать условия для улучшения качества медицинской помощи и повышения ее доступности.

С 2005 года в ЕврАзЭС действует Совет по здравоохранению, членами которого являются министры здравоохранения государств ЕврАзЭС и их заместители [10]. На Совете регулярно рассматриваются вопросы сотрудничества в области гармонизации нормативно-правовой базы здравоохранения, подготовки кадров и научных исследований в данной области, проведения согласованной политики оказания медицинской помощи и формирования здорового образа жизни.

Совет по вопросам, отнесенным к его компетенции, осуществляет мероприятия по реализации решений органов Сообщества и международных договоров по вопросам здравоохранения; рассматривает вопросы формирования и согласования приоритетных направлений политики Сторон в области здравоохранения и вносит в установленном порядке предложения по реформированию системы здравоохранения Сторон в Интеграционный Комитет ЕврАзЭС; осуществляет анализ национальных законодательств Сторон в сфере здравоохранения и тенденций развития системы здравоохранения; принимает участие в разработке и реализации межгосударственных проектов, программ и других совместных мероприятий Сторон в области здравоохранения; ежегодно представляет Интеграционному Комитету информацию о состоянии процессов интеграции в сфере здравоохранения и отчет о работе Совета; по поручению Интеграционного Комитета взаимодействует с аналогичными органами других международных организаций; осуществляет иные функции в пределах своей компетенции.

Совет имеет право разрабатывать и принимать в пределах своей компетенции решения, направленные на реализацию решений органов ЕврАзЭС и заключенных в рамках Сообщества международных договоров в области развития здравоохранения Сторон; вносить в установленном порядке предложения по вопросам сотрудничества в

области здравоохранения, а также по проектам решений Интеграционного Комитета и Межгосударственного Совета ЕврАзЭС; давать заключения по проектам международных договоров по вопросам, входящим в его компетенцию; разрабатывать рекомендации и конкретные предложения по гармонизации национальных законодательств государств-членов Сообщества в области здравоохранения с учетом действующих международных договоров; взаимодействовать с аппаратами органов ЕврАзЭС; запрашивать и получать необходимую информацию в соответствии с национальным законодательством Сторон и решениями органов Сообщества; вносить на рассмотрение Интеграционного Комитета предложения о разработке межгосударственных целевых программ и заключении договоров, связанных с направлением своей деятельности в пределах сметы расходов Интеграционного Комитета ЕврАзЭС, предусмотренных на эти цели; создавать при Совете рабочие группы, утверждать их состав, регламенты и планы работы, осуществлять контроль за их деятельностью.

Состав Совета формируется Секретариатом Интеграционного комитета по представлению государств-членов ЕврАзЭС и утверждается Интеграционным Комитетом. Членами Совета являются министры здравоохранения государств-членов ЕврАзЭС и их заместители. Члены Совета обладают равными правами при обсуждении вопросов. Член Совета имеет право получать необходимую информацию о деятельности органов ЕврАзЭС, выполнении решений Совета, а также ставить на обсуждение любые вопросы в пределах компетенции Совета.

В работе Совета могут принимать участие должностные лица и сотрудники Секретариата Интеграционного Комитета, а также представители профильных медицинских учреждений Сторон, международных организаций, общественных неправительственных объединений и ассоциаций.

Сотрудничество в рамках ЕврАзЭС в области здравоохранения сосредоточено на реализации следующих задач: проведение

согласованной политики в области оказания медицинской помощи, лекарственного обеспечения и санитарно-эпидемиологического благополучия населения; обеспечение систем здравоохранения квалифицированными медицинскими и фармацевтическими кадрами; унификация диагностических исследований инфекционных заболеваний; разработка комплекса согласованных мер по формированию здорового образа жизни и повышению медико-гигиенических знаний населения; использование межгосударственных инновационных технологий в области здравоохранения.

Стратегическая цель данного сотрудничества – создать на евразийском пространстве систему здравоохранения, обеспечивающую оказание общедоступной и качественной медицинской помощи на основе единых требований и с учетом передовых научных достижений. Для ее реализации был принят ряд соглашений между государствами-членами ЕврАзЭС.

Так, например, Соглашение о сотрудничестве государств – членов Евразийского экономического сообщества в области подготовки и повышения квалификации медицинских и фармацевтических кадров, обмена научными и медицинскими специалистами было принято решением Межгоссовета Евразийского экономического сообщества 28 сентября 2012 года. Его реализация позволяет углубить сотрудничество между учебными заведениями сторон, содействовать проведению совместных исследований между образовательными и научными учреждениями и профильными организациями сторон. Практическое применение соглашения также будет содействовать: осуществлению обмена учебной и научной литературой, бюллетенями, нормативными правовыми актами, периодическими публикациями, компьютерными программами, фильмами и информацией в области медицинского и фармацевтического образования с целью оказания содействия взаимному пониманию процессов выработки знаний; предоставлению стипендии для получения медицинского и фармацевтического образования в учебных заведениях государств-

членов ЕврАзЭС в соответствии с их национальным законодательством; проведению совместных мероприятий, представляющих взаимный интерес.

Также Соглашение о сотрудничестве государств-членов Евразийского экономического сообщества в сфере обращения лекарственных средств (лекарственных препаратов), изделий медицинского назначения и медицинской техники (медицинских изделий) было принято 28 сентября 2012 г. Реализация Соглашения позволяет улучшить обеспечение населения безопасными и эффективными лекарственными средствами, ускорить гармонизацию и унификацию требований, предъявляемых к лекарственным средствам, изделиям медицинского назначения и медицинской техники при проведении регистрационной экспертизы, обеспечить стандартизацию и контроль качества за указанными товарами.

Соглашение о порядке допуска специалистов, имеющих право на занятие медицинской или фармацевтической деятельностью в одном из государств — членов Евразийского экономического сообщества, к аналогичной деятельности в других государствах-членах Евразийского экономического сообщества было принято 28 сентября 2012 года. Оно позволяет лицам, получившим медицинское или фармацевтическое образование и допущенным в установленном в одном из государств порядке к медицинской или фармацевтической деятельности, участвовать в аналогичной деятельности с учетом номенклатуры специальностей в других государствах-членах ЕврАзЭС. Также оно обеспечивает возможность странам Сообщества самостоятельно разрабатывать порядок выдачи документа, дающего право на занятие медицинской или фармацевтической деятельностью специалистам государств-членов ЕврАзЭС после прохождения указанной процедуры. Министерства здравоохранения каждой страны определены ответственными за реализацию данного Соглашения.

Вполне вероятно, этот документ значительно упростит взаимный допуск специалистов к медицинской и фармацевтической практике.

Выводы

Резюмируя вышесказанное, стоит подчеркнуть, что региональное сотрудничество по исследуемым вопросам является неотъемлемым элементом повышения качества медицинского обслуживания в целом, способствует единообразию применения норм в сфере здравоохранения а также позволяет учесть интересы стран в конкретных регионах.

Думается, основная задача сегодня — создание среды для профессиональных ассоциаций, в которой могли бы создаваться правовые нормы четко направленного характера с возможностью реализации их на национальном уровне в последующем, однако качество таких норм должно обеспечиваться исключительно высоким.

Библиографический список

1. *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая* от 30 нояб. 1994 г. №51-ФЗ // Рос. газета. 1994. 8 дек.
2. *Декларация врачей России*. URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/deklar.vrach> (дата обращения: 07.08.2014).
3. *Кодекс врачебной этики*. URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/kodex> (дата обращения: 07.08.2014).
4. *Конвенция о защите прав и достоинства человека в области биомедицины*. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/195.htm> (дата обращения 07.08.2014).
5. *Конвенция о правах и обязанностях врачей в Российской Федерации*. URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/konvencia> (дата обращения: 07.08.2014).
6. *Конвенция о правах и ответственности пациента*. URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/prava> (дата обращения: 07.08.2014).
7. *Медико-социальная хартия Российской Федерации*. URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/chartia-2> (дата обращения: 07.08.2014).
8. *Об общественных объединениях*: Федер. закон Рос. Федерации от 19 мая 1995 г. №82 ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. №21, ст. 1930.
9. *Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации*: Федер. закон Рос. Федерации от 21 нояб. 2011 г.

- №323-ФЗ. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. №48, ст. 6724.
10. *Положение о Совете по здравоохранению при Интеграционном Комитете Евразийского экономического сообщества*. URL: <http://www.evrases.com/about/comission/comission/view/11> (дата обращения: 07.08.2014).
 11. *Постановление Европейского суда по делу «Ле Конт, Ванн Левен и де Мейер против Бельгии» (Lemple, Van Leuven and De Meyere v. Belgium) от 23 июня 1981 г., Series A, №43, pp. 26–27, par. 62–66.*
 12. *Романовская О.В.* Профессиональные медицинские ассоциации в системе субъектов публичных правоотношений. 2009. URL: http://www.juristlib.ru/book_6584.html (дата обращения 07.08.2014).
 13. *Сергеев Ю.Д., Мохов А.А.* Основы медицинского права России: учеб. пособие / под ред. Ю.Д. Сергеева. М, 2007. 324 с.
 14. *Этический кодекс российского врача* [Электронный ресурс]: утв. 4-й конференцией Ассоциации врачей России (Москва, ноябрь, 1994 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 15. *Эртель Л.А.* О необходимости правового регулирования проблем пренатального периода (постановка проблемы) // Административное право и процесс. 2006. №3. С. 25–31.
 - tion of Human Rights and Dignity Protection in Sphere of Biomedicine]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/195.htm> (data obrashcheniya 07.08.2014). (In Russ).
 5. *Konventsiiya o pravakh i obyazannostyakh vrachey v Rossiyskoy Federatsii* [Convention of Rights and Duties of Doctors in Russian Federation]. URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/konvencia> (data obrashcheniya: 07.08.2014). (In Russ).
 6. *Konventsiiya o pravakh i otvetstvennosti patsiyenta* [Convention of Patient Rights and Responsibility]. URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/prava> (data obrashcheniya: 07.08.2014). (In Russ).
 7. *Mediko-sotsialnaya khartiya Rossiyskoy Federatsii* [Medical and Social Charter of Russian Federation]. URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/chartia-2> (data obrashcheniya: 07.08.2014). (In Russ).
 8. *Ob obshchestvennykh obyedineniyakh: Feder. zakon Ros. Federatsii ot 19 maya 1995 g. №82 FZ* [About public associations: The federal law of the Russian Federation of May 19, 1995 №82 FZ] // *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federatsii* – Russian Federation Code. 1995. №21, st. 1930. (In Russ).
 9. *Ob osnovakh okhrany zdorovya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: Feder. zakon Ros. Federatsii ot 21 noyab. 2011 g. №323-FZ* [About bases of protection of public health in the Russian Federation: The federal law of the Russian Federation of November 21, 2011 №323-FZ]. // *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federatsii* – Russian Federation Code. 2011. №48, st. 6724. (In Russ).
 10. *Polozheniye o Sovete po zdravookhraneniyu pri Integratsionnom Komitete Yevraziyskogo ekonomicheskogo soobshchestva* [The provision on Council for health care at Integration Committee of the Euroasian economic community]. URL: <http://www.evrases.com/about/comission/comission/view/11> (data obrashcheniya: 07.08.2014). (In Russ).
 11. *Postanovleniye Yevropeyskogo suda po delu «Le Kont, Vann Leven i de Meyer protiv Belgii» (Lemple, Van Leuven and De Meyere v. Belgium) ot 23 iyunya 1981 g.* [The resolution of the European court on

References

1. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast pervaya ot 30 noyab. 1994 g. №51-FZ* [Civil code of the Russian Federation. Part one: The federal law of the Russian Federation of November 30, 1994 №51-FZ] // *Ros. gazeta* – Russian newspaper. 1994. 8 dek. (In Russ).
2. *Deklaratsiya vrachey Rossii* [Declaration of doctors of Russia]. URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/deklar.vrachey> (data obrashcheniya: 07.08.2014). (In Russ).
3. *Kodeks vrachebnoy etiki* [Code of medical ethics]. URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/kodex> (data obrashcheniya: 07.08.2014). (In Russ).
4. *Konventsiiya o zashchite prav i dostoinstva cheloveka v oblasti biomeditsiny* [Conven-

- business "Le Comte, Vann Levene and de Meyer against Belgium" (Lemple, Van Leuven and De Meyere v. Belgium) of June 23, 1981.], Series A, №43, pp. 26–27, par. 62–66. (In Russ).
12. *Romanovskaya O.V. Professionalnyye meditsinskiye assotsiatsii v sisteme subyektov publichnykh pravootnosheniy* [Professional medical associations in system of subjects of public legal relationship]. 2009. URL: http://www.juristlib.ru/book_6584.html (data obrashcheniya 07.08.2014). (In Russ).
13. *Sergeyev Yu.D., Mokhov A.A. Osnovy meditsinskogo prava Rossii: ucheb. posobiye* [Bases of the medical right of Russia: studies. grant] / pod red. Yu.D. Sergeyeva. M, 2007. 324 s. (In Russ).
14. *Eticheskiy kodeks rossiyskogo vracha* [Ethical code of the Russian doctor] [Elektronnyy resurs]: utv. 4-y konferentsiyey Assotsiatsii vrachey Rossii (Moskva, noyabr, 1994 g.). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «KonsultantPlyus». (In Russ).
15. *Ertel L.A. O neobkhodimosti pravovogo regulirovaniya problem prenatalnogo perioda (postanovka problemy)* [About need of legal regulation of problems of the prenatal period (problem statement)]// *Administrativnoye pravo i protsess – Administrative law and process*. 2006. №3. S. 25–31. (In Russ).

REGULATION OF THE RELATIONSHIPS IN HEALTHCARE BY THE NORMS OF PROFESSIONAL MEDICAL ORGANIZATIONS ON THE INTERNATIONAL REGIONAL LEVEL

A.I. Semeshko

Perm State National Research University
15, Bukirev st., Perm, 614990
E-mail: 2939207@gmail.com

V.G. Kuranov

Perm Vagner State Medical Academy
26, Petropavlovskaya st., Perm, 614000
e-mail: kuranov.perm@yandex.ru

Abstract: **Introduction:** One of the medician duties is to comply with medical ethic rules. But the Healthcare Act does not show, just what norms should be observed. **Aim:** To research the mechanism of ethical norms constitution by professional medical associations. **Results:** Federal legislation allows medical and pharmaceutical organizations to take part in ethical norms constitution. The abundance of professional medical associations on national and international level renders difficult of ruling of ethical norms legal force, created by such organizations. In some of foreign states doctors are joined in professional associations having obligatory membership and clothing by some authoritative powers. Such obligatory membership in these associations is confirmed by the European Court of human rights. In such a manner, if the legal status of public professional medical organization will be more specific, it gives an option to clothing such associations by some state powers. Analyzing the international cooperation of states-members of EuroAsian Economic Community, it is possible to make conclusion about the tendency to legal healthcare rules uniform application. **Conclusion:** It is necessary to form the conditions for function of professional medical associations in the aim of legal rules constitution and its realization on the national and international level.

Keywords: medical organization; professional association; international law; legal norms; medical ethic; European Court of human rights; EuroAsian Economic Community; health care

Информация для цитирования:

Семешко А.И., Куранов В.Г. Регламентация отношений в сфере здравоохранения нормами профессиональных медицинских организаций на региональном международном уровне // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3(25). С. 196–206.

Semeshko A.I., Kuranov V.G. Reglamentatsiya otnosheniy v sfere zdravookhraneniya normami professionalnykh meditsinskikh organizatsiy na regionalnom mezhdunarodnom urovne [Regulation Of the Relationships In Healthcare By the Norms Of Professional Medical Organizations On the International Regional Level] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences. 2014. №3(25). P. 196–206. (In Russ).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

1. Правовые и организационные основы публикации научных статей

Тематика журнала. В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам юридических наук, исследования современного состояния российского, международного, зарубежного законодательства и правоприменительной практики, теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, правовых вопросов социальной работы.

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Кроме того, журнал публикует статьи на любых иностранных языках в специальном разделе. География авторов журнала охватывает как российских авторов, так и иностранных. Статьи зарубежных авторов издаются на представленном автором языке, что позволяет расширить географию читателей и усилить интеграционные процессы в мировом научном сообществе.

Порядок подачи статей. Для подачи статьи автору необходимо пройти электронную регистрацию на официальном сайте журнала: <http://www.jurvestnik.psu.ru/> и направить научную статью путем подачи он-лайн заявки.

The image shows a screenshot of the website for the journal "Вестник Пермского университета. Юридические науки". The header is dark red with the journal's logo and name in white. Below the header is a navigation bar with links: Главная, Текущий выпуск, Архив, Редакционный совет, Авторы, Этика, Требования, Контакты, Учредитель, Рецензирование, Аннотации. The main content area is divided into two columns. The left column has a yellow button labeled "РЕГИСТРАЦИЯ" and a registration form with fields for: ФИО, Имя/Логин, Контактный телефон, E-mail, Пароль, Подтверждение, Университет/организация, Адрес для отправки авторского экземпляра журнала, and Ученая степень/ученое звание. A note below the fields states: "поля, отмеченные звездочкой (*), обязательны для заполнения." Below the fields is a red button labeled "Зарегистрируйтесь". The right column has a white box labeled "ВХОД НА САЙТ" containing a login form with fields for "Логин" and "Пароль", a green "Login" button, and links for "Забыли пароль?", "Забыли логин?", "Зарегистрируйтесь", and "Подать статью on-line". Below the login box is a dark red box labeled "ПЕРМСКИЙ КОНГРЕСС УЧЕНЫХ-ЮРИСТОВ" with an image of a building. At the bottom right is a search bar labeled "Поиск по сайту" and a small image of a red pen and a black ink bottle.

Редакция принимает статьи (материалы) объемом от 10 тыс. до 40 тыс. печатных знаков с пробелами.

Плата с аспирантов, адъюнктов, соискателей и докторантов за публикацию рукописей не взимается. Аспиранты, адъюнкты, соискатели вправе представить рекомендацию научного руководителя.

Основы правового взаимодействия Издателя и Автора. Издатель (Пермский государственный национальный исследовательский университет) предлагает любому физиче-

скому лицу заключить с Издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором которой он является, на следующих условиях.

Автор безвозмездно предоставляет Издателю (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его статьи (Произведения) в том числе в составе журнала следующими способами:

- воспроизведение произведения, т.е. изготовление одного и более экземпляра произведения или любой его части в любой материальной, в том числе электронной, форме, включая воспроизведение произведения в любых базах данных;
- распространение произведения путем продажи или иного отчуждения его экземпляров в любом их количестве;
- импорт экземпляров произведения в целях распространения;
- перевод или другая переработка произведения;
- доведение произведения до всеобщего сведения, в том числе использование произведения либо любой его части в сети Интернет, иных компьютерных сетях и любых базах данных.

Предоставление Издателю указанных выше прав использования Произведения сохраняет за Автором право выдачи третьим лицам лицензий на аналогичные способы использования (простая, неисключительная лицензия).

Автор предоставляет Издателю указанные выше права на весь срок действия исключительных прав на статью.

Территория, на которой допускается использование Произведения указанными выше способами, не ограничена, т.е. включает в себя территорию всего мира.

Право использования Произведения предоставляется Издателю **безвозмездно**. Гонорар Автору не устанавливается.

Автор дает согласие на то, что Издатель имеет право предоставлять частично или полностью указанные выше права третьим лицам без дополнительного согласования с Автором и без выплаты Автору и иным лицам дополнительного вознаграждения (сублицензия).

Автор Произведения выражает согласие на внесение в Произведение сокращений и дополнений, снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями – Издателем или третьими лицами – на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров.

Автор Произведения выражает согласие на внесение Издателем или третьими лицами на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров редакторских и корректорских правок в Произведение, а так же на изменение названия Произведения без дополнительного согласования, если эти изменения не приводят к искажению смысла и не нарушается целостность восприятия Произведения.

В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных», Автор Произведения дает Издателю согласие на автоматизированную, а также без использования средств автоматизации обработку путем сбора, систематизации, накопления, хранения, уточнения, использования, передачи и удаления своих персональных данных, сообщенных Издателю при заключении лицензионного договора: фамилия, имя, отчество, паспортные данные, дата рождения, адрес места жительства, контактные данные (телефон, адрес электронной почты), а также другие персональные данные, которые Автор Произведения сообщает с целью заключения с Издателем лицензионного договора.

При использовании Произведения:

- Издатель размещает фамилию, инициалы Автора, название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала: <http://www.jurvestnik.psu.ru>;
- Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). Направление Автором статьи Издателю является согласием Автора на подобное размещение и включение;
- Автору высылается авторский экземпляр по указанному им адресу.

Если в течение двух лет с момента получения Произведения Издатель не начал использование Произведения или не предоставил право использования Произведения третьим лицам, Автор Произведения вправе расторгнуть лицензионный договор в одностороннем порядке, уведомив об этом Издателя электронным письмом по адресу: vesturn@yandex.ru не менее чем за 10 рабочих дней до даты предполагаемого расторжения лицензионного договора. В случае, если в указанный срок Автор Произведения не получит мотивированных возражений от Издателя, лицензионный договор считается расторгнутым.

Издатель будет считать себя заключившим лицензионный договор с Автором Произведения на вышеуказанных условиях с момента получения от него акцепта.

Акцептом признается согласие с условиями лицензионного договора, которое дается в электронном виде на сайте и предшествует он-лайн подаче статьи.

2. Требования к качеству контента

Соблюдение международных стандартов этики является неотъемлемой частью политики нашего журнала. К публикации принимаются только уникальные научные исследования, не опубликованные ранее. Статьи, поступающие в редакцию, проверяются на уникальность текста с помощью системы Антиплагиат (<http://www.antiplagiat.ru/index.aspx>). Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с уникальностью текста менее 75%.

Статья должна быть структурирована на разделы:

- **введение;**
- **основное содержание (автор вправе дать самостоятельное оглавление контенту и разбить тело статьи на несколько составляющих с присвоением каждому собственного наименования);**
- **результаты/обсуждение;**
- **заклучения/выводы.**

3. Требования к оформлению текста статьи

Параметры страницы. Формат листа, используемый для написания статьи, – А4. Поля – 2,5 см со всех сторон. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов – 1,25 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman Cyr, размер – 14, междустрочный интервал – полуторный. При оформлении статьи необходимо различать знаки дефис (-) и тире (–). Между цифрами ставится знак тире без отбивки (пробелов), напр.: 12–15.

Заглавие статьи набирается прописными (большими) буквами жирным шрифтом, курсивом и форматируется по центру.

Перед заглавием слева прямым шрифтом набирается УДК, под заглавием жирным шрифтом – И.О.Фамилия, светлым – ученая степень, ученое звание, должность, название вуза и его адрес (с индексом), адрес электронной почты.

4. Требования к структуре авторского резюме (аннотации)

Под указанной выше информацией помещается авторское резюме на русском языке (200–250 слов), набранный светлым курсивом.

Авторское резюме к статье является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал.

Обязательная структура авторского резюме:

- **введение;**
- **цели и задачи;**
- **методы;**
- **результаты/обсуждение;**
- **заключения/выводы.**

После текста авторского резюме следует указать **8–10** ключевых слов (словосочетаний), характеризующих проблематику статьи (набрав их светлым прямым шрифтом).

УДК 341.1/8; 349.2

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТРУДОВОЕ ПРАВО: ПОНЯТИЕ, ПРЕДМЕТ

М.В. Лушникова

Доктор юридических наук, профессор кафедры трудового и финансового права

Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова

150000 Ярославль, ул. Советская, 14

e-mail: mvlu@uniyar.ac.ru

Введение: в статье рассматриваются дискуссионные вопросы теории международного трудового права. **Цель:** автор анализирует и сопоставляет различные подходы к определению правовой природы отрасли международного трудового права (публичной, частной или частнопубличной). **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает диалектический метод. В статье использованы общенаучные (диалектика, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический). В ходе научного поиска особое внимание уделялось сравнительному, системному методам исследования, а также методам правового, государственного, экономического моделирования. **Результаты:** автор настаивает на публичной природе международного трудового права. В статье обосновывается авторское определение данной отрасли, даются характеристика структуры предмета, особенностей метода и норм международного трудового права. В структуре предмета отрасли международного трудового права выделяются две основные группы международных отношений: 1) международные отношения по принятию (установлению) международно-правовых актов о труде, содержащих международные

*стандарты трудовых прав и международные коллизионные нормы; 2) международные отношения по международному контролю за соблюдением данных международно-правовых актов, рассмотрению международно-правовых споров в сфере труда. Международные отношения как предмет международного трудового права квалифицируются как публичные отношения, где одной из сторон всегда выступает публичный субъект международного права, принимающий нормы международного права и обеспечивающий их соблюдение международно-правовыми средствами. Эти отношения складываются по поводу установления международных стандартов трудовых прав, международных коллизионных норм, и их обеспечению (охраны) международно-правовыми средствами. В статье ставится проблема нетипичных субъектов международного трудового права. Отраслевой метод правового регулирования характеризуется участием социальных партнеров (международных объединений работников и работодателей) в принятии, применении международных норм трудового права и права социального обеспечения, а равно контроле за их соблюдением. **Выводы:** международное частное трудовое право рассматривается как комплексная отрасль законодательства, объединяющая нормы международной и национальной правовых систем в целях регулирования международных трудовых отношений, осложненных иностранным элементом.*

Ключевые слова: международное трудовое право; международные стандарты трудовых прав; международный контроль; отрасль законодательства; трудовые отношения; международные отношения; понятие трудового права; предмет трудового права

На первой странице в подстрочнике необходимо указать знак © и Фамилию И.О., год:

© Лушникова М.В., 2014

5. Оформление сносков и библиографического списка

Библиографический список должен быть построен в **алфавитном порядке**.

В основном тексте указание на источник, помещенный в библиографическом списке, осуществляется следующим образом: в квадратных скобках указываются номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница источника: [5, с. 216]. Возможно также указание на том многотомного издания: [8, т. 1, с. 216].

Источники в библиографическом списке оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008.

В библиографическом списке обязательно наличие не менее половины иностранных источников, реально используемых при написании научной статьи.

Избыточное и необоснованное цитирование не допускается.

ПРИМЕРЫ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ

1. *Бурлака С.А.* Принудительные меры воспитательного воздействия и их реализация в деятельности органов внутренних дел [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 25 с. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1191676> (дата обращения: 20.01.2009).
2. *Галина Васильевна Старовойтова*, 17.05.46–20.11.1998: мемор. сайт / сост. и ред. Т. Лиханова. СПб., 2004 . URL: <http://www.starovoitova.ru/rus/main.php> (дата обращения: 22.01.2007).
3. *Герман М.Ю.* Модернизм: искусство первой половины XX века. СПб.: Азбука-классика, 2003. 480 с. (Новая история искусства).

4. *Жилищное право*: актуальные вопросы законодательства: электрон. журн. 2007. №1. URL: <http://www.gilpravo.ru> (дата обращения: 20.08.2007).
5. *О введении надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы* [Электронный ресурс]: указание М-ва соц. защиты Рос. Федерации от 14 июля 1992 г. №1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. *О противодействии терроризму*: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ // Рос. газета. 2006. 10 марта.
7. *Об индивидуальной помощи в получении образования: (О содействии образованию)*: Федер. закон Федерат. Респ. Германии от 1 апр. 2001 г. // Образовательное законодательство зарубежных стран. М., 2003. Т. 3. С. 422–464.
8. *Пахомов В.И., Петрова Г.П.* Логистика. М.: Проспект, 2006. 232 с.
9. *Плехова О.А.* Проблема понятия объекта должностных преступлений // Гуманит. и соц. науки. 2008. №2. URL: http://www.hses-online.ru/2008/02/12_00_08/13.pdf (дата обращения: 01.10.2008).
10. *Рабцевич О.И.* Реализация статей 5 и 6 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека в российском законодательстве // Право и политика. 2001. №10. С. 43–51.
11. *Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования* : сб. науч. тр. / под ред. А.Е. Марона; Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования. М.: ИОВ, 2007. 118 с.
12. *Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы*: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С.Ф. Мартыновича. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1999. 199 с.

6. Англоязычный контент статьи

После библиографического списка приводятся на английском языке название статьи, И.О. Фамилия автора, место работы и его адрес, аннотация (**150–250** слов прямым шрифтом), а также ключевые слова.

INTERNATIONAL LABOUR LAW: CONCEPT, OBJECT

Lushnikova M.V.

Department of Labor and Financial Law Yaroslavl Demidov State University

150000, Yaroslavl, st. Sovetskaya 14

E-mail: mvlu@uniyar.ac.ru

Introduction: this article discusses the controversial questions of the theory of international labor law. **Purpose:** the author analyzes and compares different approaches to the definition of the legal nature of the industry of international labor law (public, private or private-public). **Methods:** a methodological basis of this study is a set of methods of scientific knowledge, among which the leading ranks of the dialectical method. Used in the article General scientific (dialectics, analysis and synthesis, abstraction and specification) and private-scientific methods of research (formal and legal comparative legal, technical and legal). In the course of scientific research special attention was paid to comparative, system research methods and techniques of legal, public, economic modeling. **Results:** the author insists on the public nature of international labor law. In the article the author's definition of the industry, are characteristic of the structure of the object, the method of characteristics and rules of international labor law. In the structure of the subject area of international labor law are the two main groups of international relations: 1) international relations for the adoption of (setting) of the international legal instruments on work, containing international standards for labor rights and international law rules, and 2) the international relations of international verification of compliance data international legal instruments, the consideration of international legal disputes in the workplace. International relations as a subject of international labor

law are recognized as public relations, where one of the parties is always the subject of public international law that accepts the norms of international law and ensure their compliance with international legal means. These relations are formed on the setting of international standards for labor rights, international conflict of laws rules, and enforce them (security) international legal means. The article raises the issue of atypical subjects of international labor law. Method of legal regulation of the industry is characterized by participation of the social partners (international organizations of workers and employers) in accepting the application of international labor law and social security law, as well as monitoring their compliance. **Conclusions:** private international labor law is regarded as a complex industry legislation, combining international standards and national legal systems in order to regulate international labor relations, complicated by a foreign element.

Keywords: international labor law; international labor rights standards; international control; the industry of legislation; labour relations; international relations; the concept of labour law; subject of labour law

7. Транслитерация

В статье должен содержаться библиографический список на русском языке. Затем должна следовать транслитерация этого списка (т.е. перевод текста библиографического списка на латиницу) с указанием «Refereces». Для этого рекомендуется использовать специальную программу: <http://www.fotosav.ru/services/transliteration.aspx>. Кроме того, необходимо в квадратных скобках указывать название источника, переведенное на английский язык. Пример оформления библиографического списка на латинице с переводом на английский язык представлен ниже.

Для русскоязычных *статей из журналов* должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Заглавие статьи (транслитерация курсивом);
- [Перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия источника на английский язык];
- Выходные данные;
- Указание на язык статьи (In Russ).

Для *монографий* должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Название монографии (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия монографии на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Выходные данные: место издания на английском языке: Moscow, St. Petersburg и транслитерация издательства: Statut;
- Количество страниц в издании (500 p.).
- Указание на язык статьи (In Russ).

ПРИМЕРЫ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ

References

1. *Vitrjanskij V.V. Dogovory bankovskogo vklada, bankovskogo scheta i bankovskie raschety* [The Contract of Bank Deposit, Bank Accounts and Bank Calculations]. Moscow: Statut, 2006. 556 p. (In Russ).

2. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop.* / pod red. A.P. Sergeeva, Ju.K. Tolstogo [Civil law: textbook]. Moscow: PBOJuL L.V. Rozhnikov, 2001. T. 3. 632 p. (In Russ).
3. *Danilenko S. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya ob'ekta bankovskoj tajny* [Some Problems of Legal Regulation of the Object of Banking Secrecy] // *Hozjajstvo i pravo – Economy and Law*. 2007. №10. 28–33 pp. (In Russ).
4. *Mahmadhonov T. Problemy pravovogo obespechenija kommercheskoj tajny v zakonodatel'stve Respubliki Tadjikistan: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Problems of Legal Support of Commercial Secrets in the Legislation of the Republic of Tajikistan]. Dushanbe, 2008. 24 p. (In Russ).
5. *Omarova A.B. Grazhdansko-pravovye problemy instituta kommercheskoj tajny v Respublike Kazahstan: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Civil-legal Problems of the Institute of a Trade Secret in the Legislation Respubliki Kazakhstan]. Almaty, 2002. 29 p. (In Russ).
6. *Sarbash S.V. Dogovor bankovskogo scheta: problemy doktriny i sudebnoj praktiki* [The Contract of Bank Account: Problems of Doctrine and Court Practice]. Moscow: Statut, 1999. 272 p. (In Russ).
7. *O nesostoyatelnosti (bankrotstve): Feder. zakon Ros. Federatsii ot 8 yanv. 1998 g. №6-FZ* [About insolvency (bankruptcy): The federal law of the Russian Federation of 8 January. 1998 №6-FZ] // *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federatsii – Russian Federation Code*. 1998. №2, st. 222. (Utratil silu). (In Russ).
8. *Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 29 noyabr. 2004 g. №17-P* [The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 29, 2004 №17-P] // *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii – Messenger of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2005. №1. S. 28–38. (In Russ).

8. Информация для цитирования

В конце статьи указывается наименование Вашей статьи с полными выходными данными на русском и английском языках для облегчения цитирования Вашей статьи.

ПРИМЕР

Информация для цитирования:

Лушникова М.В. Международное трудовое право: понятие, предмет // Вестник Пермского университета. Сер: Юридические науки. 2013. Вып. 3(21). С. 131–138.

Lushnikova M.V. Mezhdunarodnoe trudovoe pravo: ponjatie, predmet [International Labour Law: Definition, Subject] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser: Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences*. 2013. №3(21). P. 131–138. (In Russ).

9. Порядок и сроки рассмотрения рукописей

Представленная автором рукопись направляется члену редакционной коллегии на рецензирование в соответствии с тематикой статьи. Рецензирование рукописей производится в соответствии с «Порядком рассмотрения и рецензирования рукописей научных статей, поступивших в редакцию журнала “Вестник Пермского университета. Юридические науки”».

Срок рассмотрения рукописи – 1–2 месяца.

Научные статьи, направленные авторам на доработку с помощью электронной почты, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный редактором срок через электронную почту Издательства: vesturn@yandex.ru.

Статьи публикуются в порядке общей очередности и по мере поступления от авторов.

Средний объем одного номера журнала – 25,0–30,0 усл. печ. л.

10. График выхода журнала

Журнал является ежеквартальным изданием; выходит в марте, июне, сентябре и декабре.

Выпуск	Дедлайн подачи он-лайн заявки	Вычитка контента Редакционно-издательским отделом	Формирование макета журнала	Полиграфическая печать бумажной версии журнала	Выгрузка электронной версии на сайт журнала	Выгрузка электронной версии в РИНЦ	Рассылка авторам, подписчикам, в Книжную палату и по библиотекам ведущих научных центров
Март	10 февраля	24 февраля – 10 марта	10 – 29 марта	29 марта	30 марта	1 апреля	1-7 апреля
Июнь	10 мая	24 мая – 10 июня	10 – 29 июня	29 июня	30 июня	1 июля	1-7 июля
Сентябрь	10 августа	24 августа – 10 сентября	10 – 29 сентября	29 сентября	30 сентября	1 октября	1-7 октября
Декабрь	10 ноября	24 ноября – 10 декабря	10 – 29 декабря	29 декабря	30 декабря	31 декабря	1-10 января

Вестник Пермского университета

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выпуск 3(25)

Редактор *Л.В.Хлебникова*
Корректор *М.Н. Демидова*
Компьютерная верстка *Н.Ю. Шадрина, В.В. Шадринной*
Дизайн обложки *М.А. Шпакова*

Подписано в печать __.__.2014. Формат 60x84¹/₈.
Усл. печ. л. 25,10. Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15